

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ

Выходит на русском и английском языках

Номер 3 (3) 2000

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

Син Гао. Расщепление нуклеусов местонахождения Чжоукоудянь-15	2
Сэкия Акира. История изучения палеолита Японии	13
Постнов А.В., Анойкин А.А., Кулик Н.А. Критерии отбора каменного сырья для индустрий палеолитических памятников бассейна реки Ануй (Горный Алтай)	18
Орлова Л.А., Кузьмин Я.В., Зольников И.Д. Пространственно-временные аспекты истории популяции мамонта (<i>Mammuthus primigenius</i> Blum.) и древний человек в Сибири (по радиоуглеродным данным)	31
Деревянко А.П., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Машенко Е.Н. Особенности аккумуляции костей мамонтов в районе стоянки Шестаково в Западной Сибири	42

ИСКУССТВО

Медведев В.Е. Новые сюжеты в искусстве нижнеамурского неолита и связанные с ними представления древних	56
Ларичев В.Е. Время в образах искусства скифо-сибирского звериного стиля	70

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Поздняков Д.В., Полосьмак Н.В. Всадники, натягивающие лук	75
Кубарев Г.В. Халат древних тюрок Центральной Азии по изобразительным материалам	81

ГУННЫ В СИБИРИ

Молодин В.И., Кан Ин Ук. Памятник Ярхото в контексте гуннской проблемы	89
Филиппова И.В. Китайские зеркала из памятников хунну	100
Худяков Ю.С., Кочеев В.А. Чатырская мумия	109
Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Антропология населения Горного Алтая в гунно-сарматское время	116

ЭТНОГРАФИЯ

Бауло А.В. Небесный всадник (жертвенные покрывала северных хантов)	132
---	-----

АНТРОПОЛОГИЯ

Козинцев А.Г. Об антропологических связях и происхождении причерноморских скифов	145
---	-----

ПЕРСОНАЛИИ

Богуслав Клима	153
-----------------------	-----

СООБЩЕНИЯ

Конференция “Локальные различия в каменном веке” (Санкт-Петербург, 1999)	154
40-я Региональная археолого-этнографическая студенческая конференция “Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии”	157

НОВЫЕ КНИГИ	158
--------------------	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	160
--------------------------	-----

РАСЩЕПЛЕНИЕ НУКЛЕУСОВ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ЧЖОУКОУДЯНЬ-15

Введение

Селение Чжоукоудянь находится примерно в 48 км от Пекина в зоне, переходной от равнины Хэбэй на юго-востоке к горам Тайхан на северо-западе. В Чжоукоудяне и его окрестностях открыто и исследовано 26 мест пребывания гоминид эпохи плейстоцена. Все эти местонахождения ассоциируются с одним названием — Чжоукоудянь.

Местонахождение Чжоукоудянь-15, расположенное в 70 м к юго-востоку от местонахождения Чжоукоудянь-1, стоянки т.н. пекинского человека, было открыто в 1932 г. За три полевых сезона (1935 — 1937 гг.) здесь во время раскопок обнаружили более 10 тыс. каменных изделий, а также кости, по меньшей мере, 33 видов млекопитающих. С конца 1930-х гг. стоянка Чжоукоудянь-15 считается одним из важнейших мест изучения каменного века Китая и Старого Света. Однако два неполных отчета, опубликованных в 1930-е гг. [Jia, 1936; Pei, 1939], до сих пор остаются единственными источниками, по которым можно судить о результатах проведенных тогда исследований этого местонахождения. Богатые коллекции этого археологического памятника более полувека находились в одном из хранилищ в Пекине и по разному рода причинам, в том числе политическим, долгое время оставались невостребованными научным сообществом.

Я был счастлив получить грант Института палеонтологии позвоночных животных и палеоантропологии Академии наук Китая для написания кандидатской диссертации, посвященной исследованию местонахождения Чжоукоудянь-15. Вначале я изучил широкий круг вопросов, касающихся геологии, стратиграфии, палео-

географии стоянки, хронологии, а затем занялся анализом каменных изделий [Gao, 2000]. В данной статье представлены результаты только одного аспекта исследования технологии изготовления каменных орудий местонахождения Чжоукоудянь-15 — техники расщепления ядрищ. Однако по ходу будут отмечены и некоторые другие аспекты изучения каменных индустрий. Эта дополнительная информация может оказаться полезной для читателей.

Местонахождение Чжоукоудянь-15 считают пещерной стоянкой. Однако в период заселения пещеры гоминидами ее свод, вероятно, обвалился, и в дальнейшем обитателям стоянки приходилось жить под скальным навесом. Естественнонаучные данные свидетельствуют о том, что во время пребывания в данной местности гоминид климат был умеренно теплым и способствовал развитию лесостепных ландшафтов. Сравнение биостратиграфических и геологических сведений позволило отнести стоянку к концу среднего — началу верхнего плейстоцена. В ходе хронометрического изучения с применением урановых и ЭПР-методов был установлен возраст раскопанного участка местонахождения в диапазоне 140 тыс. — 110 тыс. л.н. Предварительные раскопки, которые проводились на небольшой площади с углублением почти на 3 м в отложения, содержащие каменные изделия, показали, что стоянка обладает огромным потенциалом для важных археологических и антропологических открытий.

Формы и разновидности нуклеусов

На местонахождении Чжоукоудянь-15 собрано 5 583 каменных изделия:

	экз.	% к итогу
нуклеусы	130	2,3
отщепы	439	7,9
фрагменты отщепов	91	1,6
биполярные фрагменты	87	1,6
отбойники	7	0,1
отходы производства	4 829	86,5

Подавляющее большинство составляют отходы производства каменных орудий. Они не имеют определенной формы, фасеток ретуши и следов отделения заготовок тяжелым отбойником. Ввиду этого их нельзя отнести к какой-то определенной категории изделий. Высокая доля отходов производства обычно свидетельствует о том, что орудия делали на стоянке из не очень качественного сырья, например кварца.

На местонахождении Чжоукоудянь-15 обнаружено 130 нуклеусов. Почти все они (126 экз.) сделаны из кварцевых галек, имеют следы непосредственных ударов тяжелым отбойником. В ходе изучения технологии расщепления ядрищ и выявления различий между нуклеусами учитывались: 1) длина, ширина, толщина и вес; 2) количество ударных площадок и рабочих поверхностей; 3) типы и размеры ударных площадок; 4) характер огранения лицевой поверхности; 5) углы скалывания; 6) рельеф поверхности негативов отделения заготовок; 7) размеры ударных площадок; 8) наличие или отсутствие галечной корки; 9) петрографические определения сырья.

Взяв за основу сочетание таких показателей, как направления скалывания отщепов, количество ударных площадок и их размеры, я выделил три подкласса нуклеусов: простые, дисковидные и многогранные.

Простые нуклеусы

К подклассу простых отнесено всего 23 нуклеуса, у которых одна или две ударные площадки. Они минимально истощены – с каждого сколото в среднем по четыре отщепа. Расщепление этих ядрищ производилось неупорядоченно. На всех ядрищах, за исключением одного, сохранилась часть галечной корки. В большинстве случаев сколы производились прямо с поверхности галечной корки (без подготовки ударной площадки). Нет следов предварительной подготовки нуклеусов к их расщеплению. Простые нуклеусы в последующем не использовались либо из-за плохого качества сырья, либо потому, что ядрище по форме было неудобно для скалывания отщепов. Размеры нуклеусов этой группы весьма разнообразны: их максимальная длина 140 мм, минимальная – 34 мм; отклонение от средней длины этих изделий составляет в основном 24 мм.

Дисковидные нуклеусы

Группа включает 33 образца (рис. 1). Для таких ядрищ характерно центростремительное снятие загото-

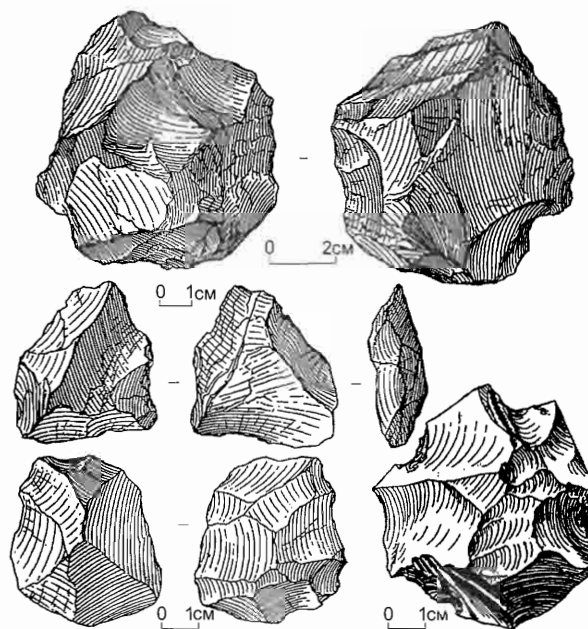

Рис. 1. Дисковидные нуклеусы.

вок. Негативы сколов, находящиеся на двух противоположающихся сторонах, при взгляде сверху делают нуклеус более или менее круглым. Сходные по морфологии изделия в европейской археологии называют *центростремительными*, или *радиальными*, нуклеусами (см., напр. [Kühn, 1995]).

Нуклеусы этой группы менее разнообразны по размерам и форме, чем простые. Дисковидные нуклеусы, как правило, относительно небольшие. В среднем их длина 58 мм, ширина 47 мм, толщина 33 мм, а угол наклона ударных площадок к поверхностям скалывания составляет 79°.

На дисковидных нуклеусах прослеживается тенденция к *попеременному (альтернативному) скалыванию*: отщеп скалывался то с одной стороны ядрища, то с другой. При этом фасетку первого скола использовали в качестве ударной площадки для второго. Скалыванию подвергались обе поверхности ядрища. Благодаря *альтернативному скалыванию* отщепов фасетки предшествующих сколов могут служить ударными площадками для новых и угол скалывания в таком случае, может оставаться относительно неизменным. Следовательно, попеременное скалывание отщепов может быть альтернативной подготовке ударной площадки. Однако ввиду того, что большинство нуклеусов этой категории было использовано почти до полного истощения, а фасетки последних сколов очень малы, трудно определить, являются ли некоторые из таких фасеток результатом подготовки ударной площадки.

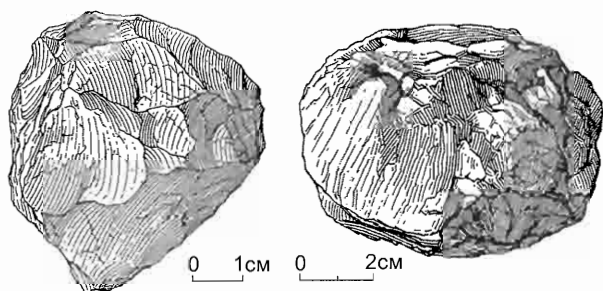

Рис. 2. Многогранные нуклеусы.

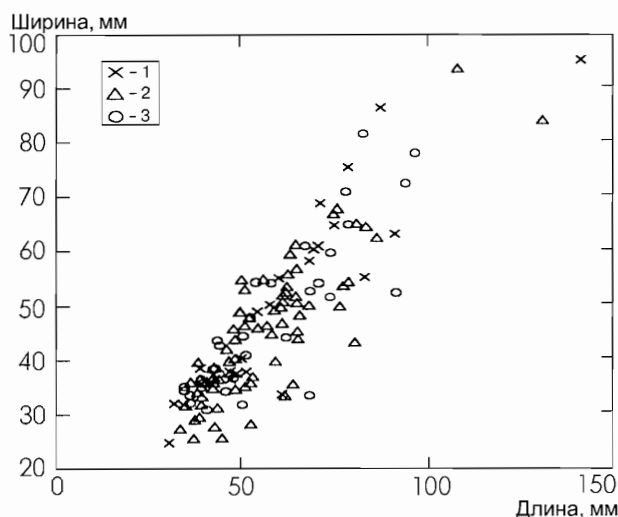

Рис. 3. График соотношения длины и ширины нуклеусов выделенных разновидностей.
1 - простые, 2 - многогранные, 3 - дисковидные

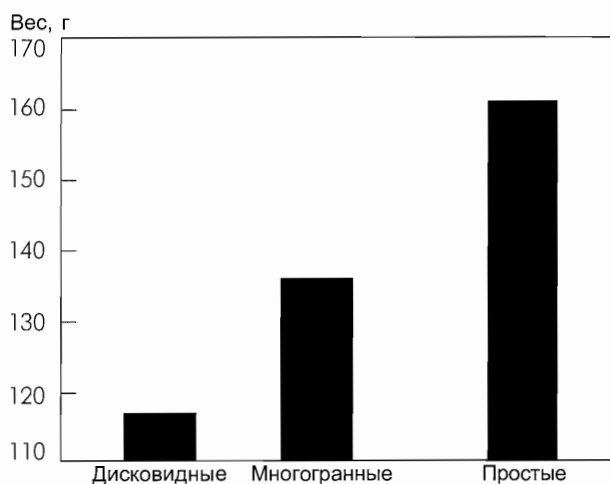

Рис. 4. Средний вес нуклеусов разных подклассов.

Параметры отщепов

Значения переменных	Длина, мм	Ширина, мм	Толщина, мм	Вес, г
Минимальное	11	12	3	1
Максимальное	160	175	45	521
Срединное	32	30	11	11
Среднее	36	34	12	21
Стандартное отклонение	16	17	5	36

Многогранные нуклеусы

Среди нуклеусов многогранные составляют около 57% (74 экз.) (рис. 2). У них несколько ударных площадок. Скалывание отщепов с таких ядрищ велось по многим направлениям. Сходные изделия иногда называют *шаровидными нуклеусами (globular cores)*. Размеры нуклеусов этого подкласса отличаются большим разнообразием. Их максимальная длина 128 мм, минимальная – 34 мм. В основном это нуклеусы, достигающие в диаметре 53 мм. Угол наклона ударных площадок к поверхностям скалывания равен в среднем 82°.

Различия нуклеусов разных подклассов

На местонахождении Чжоукоудянь-15, как отмечалось, обнаружены нуклеусы трех подклассов. В культурном слое нуклеусы всех этих разновидностей встречаются в сочетании друг с другом, а их размеры нередко совпадают (рис. 3). В целом же, между группами нуклеусов выделенных подклассов имеется больше различий, нежели общих черт. Так, дисковидные нуклеусы в среднем легче простых и многогранных (рис. 4), они более плоские и тонкие, в сравнении с образцами двух других подклассов. Судя по размеру и весу, ядрища подобного рода использовали до полного истощения.

На многогранных ядрищах галечная корка занимает меньшую поверхность, чем на простых, что связано с тактикой расщепления: отщепы скалывали по всей поверхности гальки.

Отщепы

На местонахождении Чжоукоудянь-15 собрано всего 439 целых отщепов и более 90 фрагментов изделий этого класса (рис. 5 – 7). Среди них имеется 393 образца из кварца. В ходе изучения технологии производства отщепов учитывались: 1) состояние каждого образца; 2) размеры (длина, ширина, толщина) скола; 3) соотношение оси скалывания и оси симметрии заготовки; 4) вес; 5) тип ударной площадки; 6) морфология ударной площадки; 7) угол ударной площадки и поверхности скалывания; 8) размеры ударной площадки; 9) характер поверхности в точке нанесения удара отбойником; 10) характер ударного бугорка; 11) характер поверхности, деформированной в ходе удара; 12) процент галечной корки на лицевой поверхности; 13) количество негативов на спинке изделия; 14) характер огранения спинки отщепа; 15) контур изделия; 16) сырье.

Размеры отщепов

Размеры сколов свидетельствуют о том, что обитавшие на стоянке гоминиды при необходимости и наличии сырья могли производить крупные отщепы (см. таблицу).

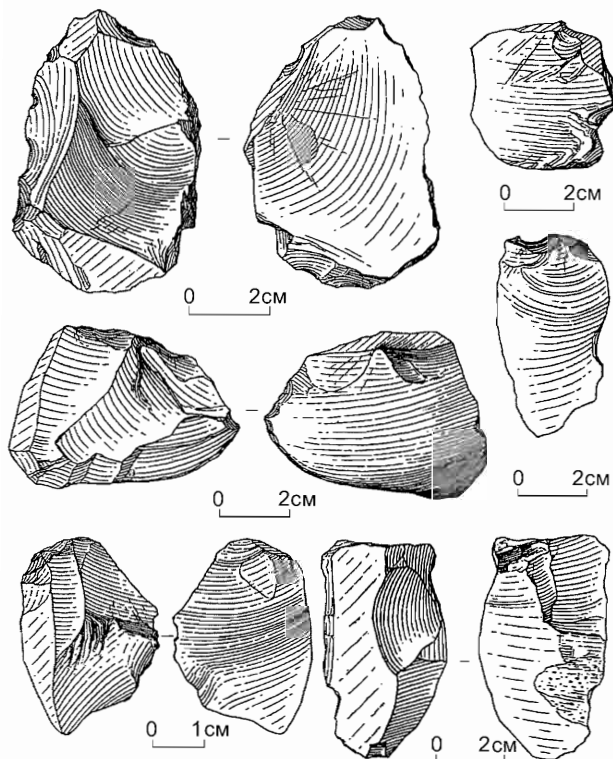

Рис. 5. Отщепы.

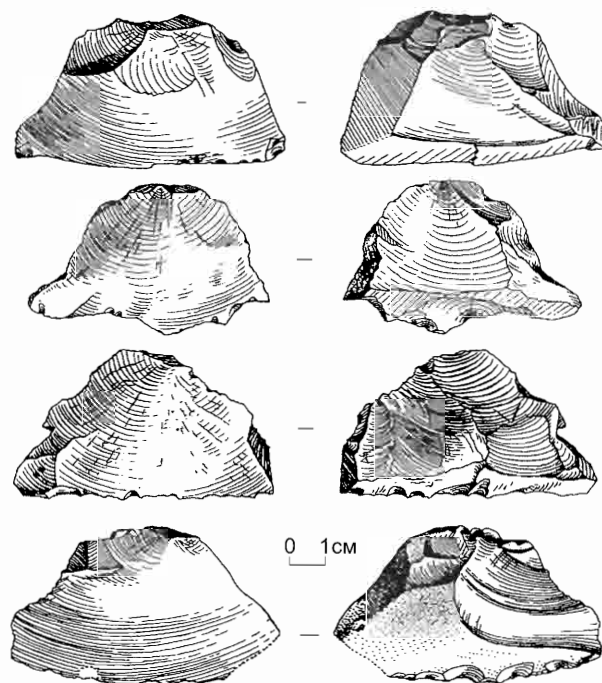

Рис. 6. Отщепы.

Отщепы, как правило, не имеют особенностей. Продолговатые встречаются в этой коллекции очень редко. Семь образцов можно отнести к пластинам – в длину они вдвое больше, чем в ширину, более или менее правильной формы, имеют параллельные продольные стороны. Но в классе отщепов таких образцов очень мало, к тому же они морфологически не выделяются.

Морфология

Очень трудно точно описать морфологию простых отщепов. Изделия подобного рода с местонахождения Чжоукоудянь-15 отнесены к четырем морфологическим группам.

Параллельные отщепы – две боковые стороны отщепов почти параллельны друг другу. Образцы, отнесенные к этой категории, более или менее прямоугольные или квадратные. Их всего лишь 5,6% от всех изделий рассматриваемого класса.

Конвергентные отщепы – две боковые стороны отщепов сходятся на отдаленном от центра (дистальном) конце, что делает изделие более или менее треугольным. К этой категории относятся 10,4% всех отщепов.

Дивергентные отщепы – изделия с расходящимися краями. Образцы этой группы в диаметре обычно имеют форму круга, полукруга или овала. Доля таких отщепов составляет 7,3%.

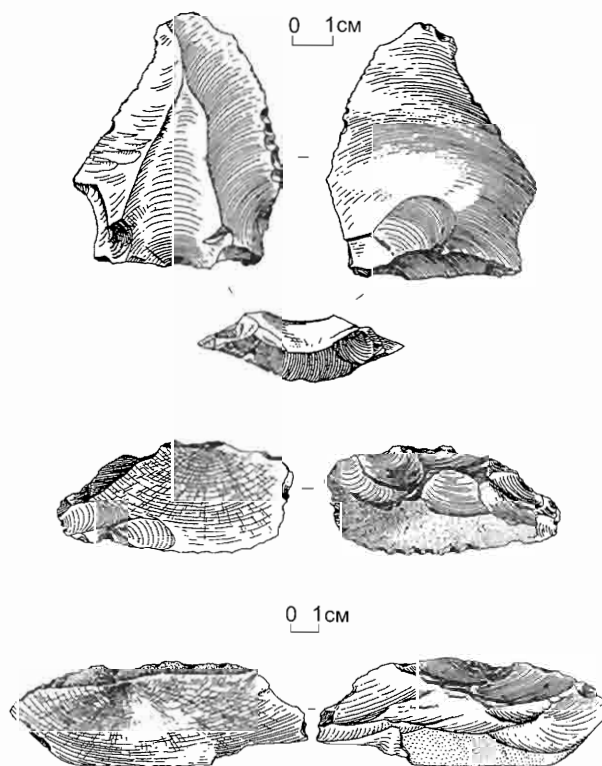

Рис. 7. Отщепы.

Неправильные отщепы – самая многочисленная (76,7%) морфологическая группа в комплексе отщепов Чжоукоудяня-15. Такие изделия невозможно отнести ни к одной из трех других упомянутых выше морфологических категорий. Их также нельзя описать в каких-либо значимых математических терминах.

Ударные площадки

На отщепах местонахождения Чжоукоудяня-15 выявлены следы семи типов ударных площадок.

Корковые ударные площадки – полностью покрыты галечной коркой. Они представлены на 12,6% всех отщепов.

Ударные площадки на месте соединения плоскостей ядрища – как правило, плоские, относят к категории корковых. Сила удара была направлена на одну из стыкующихся плоскостей. Подавляющее большинство отщепов сколото с кварцевых ядрищ, они часто сохраняют остатки мест соединения плоскостей. Использование этих мест в качестве ударных площадок может указывать на особую стадию скалывания отщепов, которая существовала наряду с другими. Площадки такого типа прослеживаются лишь на 4,3% отщепов.

Простые ударные площадки – имеют обычно вогнутую или ровную поверхность, образованную фасеткой единственного скола. Следы простой ударной площадки сохранились на большинстве (63,8%) отщепов Чжоукоудяня-15.

Двугранные ударные площадки – оформлены двумя пересекающимися фасетками. Такие площадки представлены на 6,9% отщепов.

Покрытые сколами (scarred) ударные площадки – их также относят к *фасетированным (faceted)* или *ретушированным (retouched)*, поскольку на них имеется большое количество фасеток (негативов сколов). При описании подобных ударных площадок было предложено заменять термин *faceted* на *scarred* (*покрытый сколами*) [Li, 1984]. Дело в том, что термин *faceted* (*фасетированный*) часто связывают со специальной подготовкой ударной площадки перед началом расщепления ядрищ. Между тем некоторые материалы, в том числе и отщепы с местонахождения Чжоукоудяня-15, не позволяют сделать вывод о том, что ударные площадки нуклеусов, с которых эти отщепы были сколоты, сохраняют явные следы предварительной обработки. Всего на 9,2% отщепов с местонахождения прослеживаются ударные площадки *scarred* (*покрытые сколами*).

Линейные (linear – узкие и длинные) ударные площадки – представлены лишь на 2,5% отщепов. У таких изделий поверхности спинки и брюшка (dorsal and ventral surfaces) сходятся на ближайшем к центру конце и образуют острый угол.

Ударные площадки типа пунктиформ (punctiform) – весьма маленькие, сходные с линейными, но с очень

ограниченной протяженностью боковых сторон. Такие ударные площадки прослеживаются лишь на 0,7% отщепов.

У большинства отщепов сохранившиеся участки ударной площадки небольшие, по сравнению с размерами самих изделий этой категории. Там, где была такая возможность, замерялись углы ударных площадок. Они в среднем для всех отщепов составляют 108°, у большинства же – относительно небольшие. Отщепы со следами двугранных ударных площадок имеют наименьший угол скалывания (в среднем 99°). Средние углы для других типов ударных площадок очень близки (105 – 109°).

Характерные признаки центральной поверхности

На брюшке отщепов можно проследить следующие технологические признаки: точка удара, ударный бугорок и наличие/отсутствие сколов, приведших к повреждению места удара.

На отщепах местонахождения Чжоукоудяня-15 точки удара плохо сохранились. Около 41% этих изделий вообще не имеет каких-либо следов удара.

На многих отщепах также трудно заметить ударные бугорки. Они совсем не видны у более чем 77% подобных изделий. Лишь 3,2% имеют вытянутые ударные бугорки. У нескольких отщепов на месте ударного бугорка поверхность даже вогнутая.

Сколы, приведшие к повреждению места удара, есть только на 2,5% отщепов. На остальных они не замечены. Отсутствие точек удара, а также сколов, приведших к повреждению места удара, и выпуклых ударных бугорков на вентрале подавляющего большинства отщепов некоторые специалисты связывают с легкими ударами молотком или толстой палкой (см., напр. [Crabtree, 1973]). Однако наличие или отсутствие характерных признаков на брюшной поверхности отщепов зависит главным образом от пригодности каменного сырья к расщеплению. Так, на местонахождении отщепы, сколотые с нуклеусов из разных типов сырья (кварца и не кварца), различаются между собой: около 55% отщепов из кварца не несут следов удара, лишь на менее чем 5% видны глубокие следы таковых; более 85% тех же изделий из кварца не имеют ударных бугорков, лишь менее чем на 2% они есть, притом довольно выпуклые. Отщепы, сколотые с ядрищ вулканического происхождения, песчаника и кремня, показывают несколько иную картину: менее 4% этих изделий не несут следов точек удара, но на более чем 10% они есть и довольно глубокие; 54% тех же отщепов не имеют ударных бугорков, около 8% сохраняют выпуклые ударные бугорки. Последнее указывает на то, что эти технические признаки не всегда связаны с техникой расщепления камня.

Характерные признаки дорсальной поверхности

Одна из особенностей отщепов местонахождения Чжоукоудянь-15 – отсутствие галечной корки на дорсальной поверхности. Такие образцы составляют 76%. Только у 3% этих изделий спинка сплошь покрыта галечной коркой. Большая часть отщепов имеет от двух до четырех негативов сколов на спинке. Образцы были сколоты, как правило, с ядрищ крупнозернистого кварцита, поэтому трудно понять, в каком направлении и в какой последовательности велось скалывание.

Повреждение краев

Среди неретушированных целых отщепов 69 образцов, или 16%, имеют повреждение краев, которое произошло после расщепления нуклеусов. Сколы, приведшие к повреждению, чаще всего (68%) присутствуют на одном или двух краях отщепов. Они обычно небольшие и редкие. Некоторые из них можно было бы интерпретировать как следы использования изделий. Однако часто такие следы невозможно отличить от тех, что появляются в результате естественного разрушения краев, особенно, когда такие фасетки возникают на отщепах из кварца.

Кроме того, на местонахождении Чжоукоудянь-15 найдено более 90 фрагментов, что составляет лишь 1,3% от всего комплекса каменных находок. Мало-численности фрагментов отщепов в коллекции можно дать три объяснения. Во-первых, многие из таких фрагментов были трансформированы в орудия и не учитывались при подсчетах. Во-вторых, из-за того, что жильный кварц не очень подходит для использования в работе, фрагменты, которые получались в процессе скалывания, оказались без четких признаков настоящих отщепов и потому были включены в группу отходов производства. В-третьих, отложения на стоянке были плотно сцементированы, раскопки велись без просеивания находок, и некоторые фрагменты просто не попали в коллекцию каменных изделий.

Фрагменты биполярного скалывания

Нуклеусы и отщепы, полученные с помощью техники биполярного скалывания (или расщепления ядрища с использованием отбойника и наковальни), являются по отчетливым следам на месте ударов и поверхности скалывания. Это прежде всего клиновидные или остроугольные ударные площадки, небольшие полукруглые зоны раздробленных мест ударов на одном или двух концах, редко два ударных бугорка на противоположных концах брющка, концентрическая волнистость на брющке и т.д. [Kühn, 1995; Pei, Zhang, 1985].

Одна из главных черт биполярного скалывания – длительное использование нуклеуса, вплоть до того, что его морфология становится неузнаваемой [Pei,

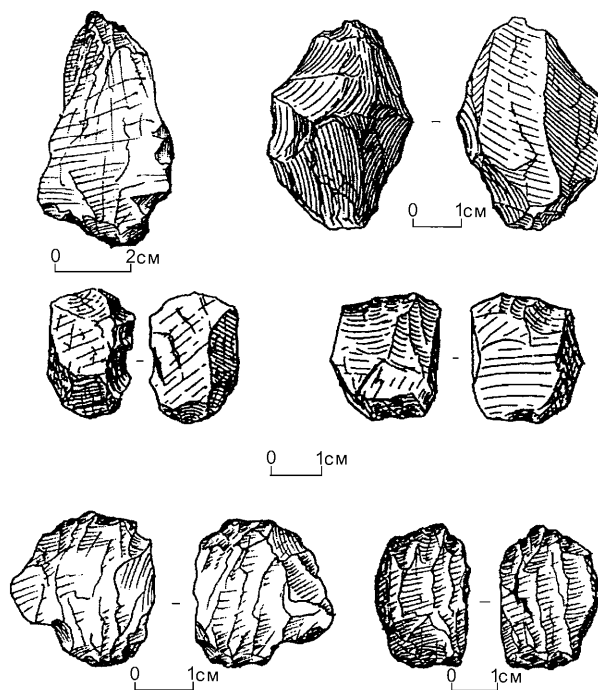

Рис. 8. Биполярные фрагменты.

Zhang, 1985, p. 220]. Поэтому биполярные нуклеусы не встречаются в большом количестве – их трудно отличить от сколотых с них отщепов.

В комплексе каменных изделий местонахождения Чжоукоудянь-15 биполярные фрагменты представлены 87 образцами (рис. 8), что составляет 1,3% всего комплекса находок, или 11,6% изделий, относящихся к категории нуклеусов/отщепов. Только на 35 таких фрагментах на одном конце прослеживаются клиновидные ударные площадки или поврежденные места ударов. На остальных 52 находках следы повреждения мест ударов прослежены на обоих концах. Большинство биполярных фрагментов имеют среднюю длину 34 мм, ширину 22 мм, толщину 14 мм и средний вес 13 г. В целом, фрагменты со следами ударов на двух концах длиннее тех, у которых место удара на одном конце. И это легко объяснимо: двуконечные фрагменты – результат действия ударной волны, распространявшейся по всей длине нуклеуса, одноконечные – результат ударной волны, преодолевшей часть длины нуклеуса.

Отбойники

На стоянке были найдены семь отбойников: пять из вулканических пород и два из песчаника (рис. 9). Все они на одном или обоих концах имеют фасетки сколов на местах ударов. Два образца – со следами выбоин в центре, указывающими на то, что изделия могли

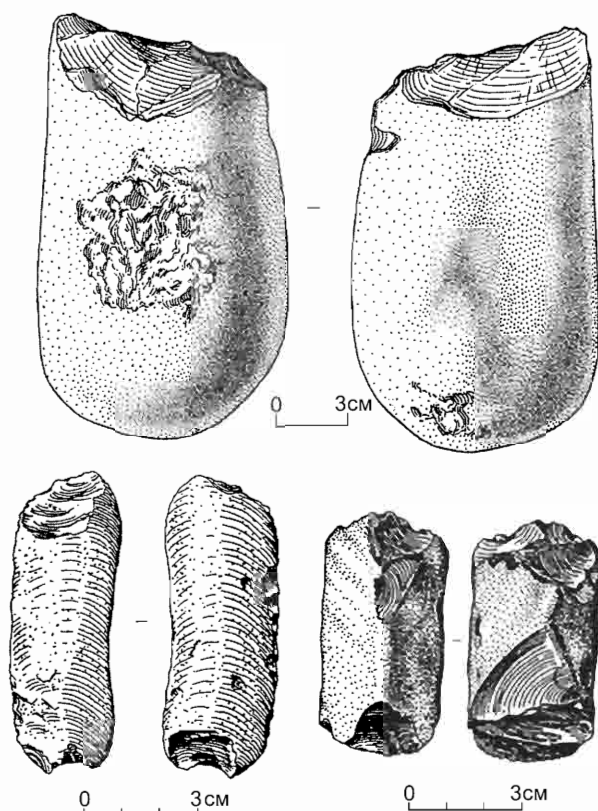

Рис. 9. Отбойники.

использовать в качестве биполярных отбойников.

По сравнению с нуклеусами и отщепами, количество отбойников на местонахождении Чжоукоудянь-15 невелико. Следует помнить, что у них не всегда выражены морфологические и функциональные особенности. Функцию отбойников могли выполнять и некоторые нуклеусы. Однако отбойники, нуклеусы, отщепы и отходы производства – свидетельства того, что на стоянке изготавливались каменные орудия.

Дискуссия

Разновидности технологии расщепления нуклеусов

На местонахождении Чжоукоудянь-15 представлены, по крайней мере, две основные технологии расщепления нуклеусов – с помощью непосредственного удара по ядрищу тяжелым отбойником и биполярного скалывания. Третий метод расщепления ударом ядрища по наковальне (block-on-block) мог также использоваться здесь, о чем свидетельствуют несколько крупных отщепов с развернутыми углами ударных площадок и широкими и толстыми ударными площадками. Крупные и широкие отщепы с углами скалывания, обычно превышающими 120° , а также с большими и толстыми концами в Китае традиционно считались продуктами использования метода block-

on-block [Pei et al., 1958]. Однако, как показывают исследования последних лет, эти признаки не означают, что подобные отщепы получали только таким методом скалывания; те же признаки могут иметь отщепы, сколотые путем непосредственных ударов по ядрищу тяжелым отбойником. В действительности, почти невозможно отличить друг от друга отщепы, сколотые этими двумя методами [Aigner, 1978; Liu, 1988].

Два способа расщепления нуклеусов при непосредственном или прямом ударе по ним отбойником

Три морфологически различные группы нуклеусов – простые, дисковидные и многогранные, были выделены в коллекции, состоящей из 130 нуклеусов. Большая часть нуклеусов, особенно дисковидных и многогранных, представлена небольшими образцами с развернутыми углами ударных площадок, уже непригодными для дальнейшего скалывания с них отщепов. Средняя длина самых больших негативов сколов на местах ударов у нуклеусов 26 мм. Если принять во внимание, что средняя длина отщепов, сколотых с нуклеусов с местонахождения Чжоукоудянь-15, равна 36 мм, то становится ясно, что с большинства остаточных нуклеусов могли быть сколоты только очень маленькие отщепы, те, что намного короче образцов средней длины.

Судя по формам нуклеусов, можно сделать вывод о двух способах расщепления каменных ядрищ при непосредственном ударе по ним отбойником – *многонаправленном (multi-directional flaking)* и *попеременном (alternative flaking)* скалывании. В первом случае отщепы снимались с галек отовсюду, где находились подходящие ударные площадки и углы. Результатом такого многонаправленного скалывания стали многогранные и некоторые простые нуклеусы, особенно те, которые имеют две несвязанные друг с другом ударные площадки. Возможно, такие простые нуклеусы оставляли в начальной стадии многонаправленного скалывания. Второй способ расщепления ядрищ представлен плоскими дисковидными нуклеусами, с которых отщепы снимали поочередно с двух поверхностей. Негативы прежних сколов на одной поверхности служили ударными площадками для получения нового отщепа на противоположной поверхности скалывания. Можно было повсюду находить подходящие ударные площадки и углы и продлевать процесс производства отщепов, даже без предварительной подготовки ударных площадок. Попеременное (альтернативное) скалывание, таким образом, более систематичное и продуманное.

Теоретически, попеременное скалывание должно быть более эффективным, чем многонаправленное, однако различия в размерах между представляющими

их группами нуклеусов незначительны. Дискovidные лишь немного меньше и более плоские, чем нуклеусы других форм; и дискovidные, и многогранные образцы истощены до предела их использования. Это можно объяснить тем, что оба способа расщепления ядрищ использовались выборочно, в зависимости от первоначальной формы и размера камня. Иными словами, попеременное скалывание было предпочтительным при использовании плоских галек, многонаправленное скалывание велось с многогранных галек.

В коллекции отщепов с местонахождения Чжоукоудянь-15 насчитывается 439 образцов, различающихся между собой по размеру, форме, типу ударной площадки и особенностям их вентральной и дорсальной поверхностей. Дифференциация этих отщепов по технике их производства (многонаправленное или же попеременное скалывание) – дело нелегкое. Возможно, отщепы с параллельными негативами сколов на спинке – результат альтернативного (попеременного) скалывания, при котором волна достигала лишь центра дискovidных нуклеусов. Однако такие же отщепы можно было получать при использовании многогранных галек, у которых негатив предшествующего снятия являлся площадкой для нанесения последующего скола. Главным препятствием в определении способа производства отдельных отщепов является то, что использованный здесь в качестве сырья кварц не позволяет четко различать характерные признаки техники расщепления ядрищ.

Отщепы с местонахождения в основном сколоты с галек, предварительно не подготовленных к процессу расщепления: следы целенаправленной подготовки ударной площадки невозможно распознать ни на нуклеусе, ни на отщепе. Однако на спинке некоторых отщепов имеются маленькие негативы сколов, параллельных оси скалывания этих отщепов (см. рис. 6, 7), что может указывать на предварительное оформление или подготовку некоторых ядрищ к процессу расщепления.

Продукт леваллуазской технологии

Тонкий кремневый отщеп правильной формы с продолговатыми лицевыми фасетками ретуши по одному краю – единственное в своем роде изделие, ставшее виртуальной маркой стоянки Чжоукоудянь-15. Наличие на поверхности спинки трех негативов сколов, которые сходятся на отдаленном от центра конце (последний из них имеет треугольную форму и перекрывает два других, появившихся в результате предшествующих сколов), делает эту находку отличной от остальных. Кремневый отщеп более или менее треугольной формы обладает основными морфологическими признаками леваллуазского остроко-
нечника.

Сходство этого отщепе с леваллуазским остроко-
нечником вызвало дискуссии о распространении западной леваллуазской технологии на восток, о связи западных и восточных культурных традиций и об источнике нового технологического развития на поздних стадиях палеолита в Китае [Kozłowski, 1971; Gai, 1991; Otte, 1995; Lin, 1996; Gao, Olsen, 1997]. Леваллуазская технология – особая техника производства отщепов и орудий, бытовавшая в нижнем и среднем палеолите Африки и Западной Евразии [Bar-Yosef, Dibble, 1995]. С момента признания такого способа расщепления камня (а это произошло более 100 лет назад) значение термина “леваллуа” менялось несколько раз [Ranov, 1995], и в своих научных интересах исследователи попеременно отдавали предпочтение то типологии и морфологии небольшого количества классических конечных продуктов этой технологии (например, леваллуазским нуклеусам, отщепам, остроко-
нечникам), то технологическому экспериментальному анализу процесса расщепления и вариативности конечных продуктов [Van Peer, 1992; Bar-Yosef, Dibble, 1995; Boëda, 1995]. Классическое определение этой технологии учитывает тесную морфологическую связь между определенным нуклеусом и особым отщепом, сколотым с него: нуклеус тщательно подготовлен для получения особого рода отщепов (заготовок) [Van Peer, 1992]. Со временем, некоторые исследователи начали относиться к леваллуа как к способу продолжительного расщепления нуклеусов (или производства отщепов) (см., напр. [Dibble, 1989]). Исследователи осознали, что любую идеальную леваллуазскую технологию нелегко узнать по конечным продуктам [Copeland, 1981]. Экспериментальное копирование и совмещение показывает, что некоторые формы отщепов/заготовок, которые можно отнести к продукции леваллуазской техники расщепления, в действительности были получены нелеваллуазским методом; вместе с тем некоторые “типологически нелеваллуазские” образцы изделий были на самом деле результатом леваллуазской техники скалывания [Boëda, 1995]. При знакомстве с любой археологической коллекцией, содержащей некие “продукты леваллуазской техники расщепления ядрищ”, исследователь исходит из трех посылов: 1) весь материал в этой коллекции был произведен по схемам леваллуазской технологии; 2) в материале этой коллекции нет результатов леваллуазского скалывания, но кое-что является леваллуазским по своей типологии и морфологии; 3) материал связан с более чем одной технологией производства – леваллуазской и нелеваллуазской [Ibid].

Изделие, определяемое леваллуазским остроко-
нечником, по форме напоминает перевернутую букву “Y”. Е. Боëда [Ibid] изучил технологию производства таких изделий. По его наблюдениям, подобные

образцы могут быть результатом использования разных способов расщепления камня, таких как скалывание отщепов с пирамидальных нуклеусов, дисковидных нуклеусов и др. Высказывание о том, что “леваллуазские остроконечники” могут происходить от дисковидных нуклеусов, особенно уместно применять по отношению к продуктам “леваллуазской технологии” стоянки Чжоукоудянь-15.

Е. Боёда [Ibid, p. 61 – 67] приводит детальные сравнения “дискоидальной и объемной леваллуазской технологий”. В объемной леваллуазской технологии поверхности ядрища связаны между собой: с одной скалывается нужной формы заготовка, в то время как другая служит ударной площадкой. Обе эти плоскости не могут использоваться попеременно то в качестве поверхности скалывания, то как ударная площадка. Обе поверхности дисковидного нуклеуса не имеют подобной связи: одна из них представляет собой ударную площадку, другая – поверхность скалывания, и наоборот. В обеих технологиях поверхности скалывания поддерживались в состоянии, которое позволяло до некоторой степени предопределять получение требуемых отщепов. В дискоидальной технологии изгиб сколотой заготовки зависит от угла пересечения поверхностей ударной площадки и фронта скалывания.

Ясно, что между двумя упомянутыми техниками скалывания заготовок орудий есть технологическое и морфологическое сходство. А потому вслед за признанием такого сходства, невольно возникает предположение, что обе технологии использовались для производства сходных изделий. И так называемый леваллуазский остроконечник – яркий тому пример. Вероятно, “леваллуазский остроконечник” с местонахождения Чжоукоудянь-15 представляет собой результат дискоидальной технологии или альтернативного (попеременного) скалывания, а не истинно луваллуазский продукт. В коллекции нет других данных, подтверждающих версию об использовании леваллуазской технологии на этой стоянке. Та же ситуация складывается и на некоторых палеолитических местонахождениях Японии, где “леваллуазские остроконечники” встречаются в сочетании с дисковидными нуклеусами, а истинно леваллуазские нуклеусы не обнаружены [Sato et al., 1995]. Таким образом, согласно предположению, все найденные на стоянке каменные изделия – продукты нелеваллуазской технологии, и только один из 439 отщепов является типологически или морфологически леваллуазским.

Биполярное расщепление ядрищ

Техника *биполярного скалывания (bipolar flaking)* использовалась для получения заготовок орудий в тех случаях, когда имели дело с ядрищами малых разме-

ров или с таким неподатливым сырьем, как кварц. Роль биполярной технологии в характеристике палеолитических культурных традиций является одним из наиболее важных предметов спора в исследовании палеолита Китая. Каменные изделия, которые изготовлены из заготовок, сколотых биполярным способом, впервые были найдены на местонахождении Чжоукоудянь-1 в начале 1930-х гг. Позднее фрагменты биполярного расщепления ядрищ были обнаружены на многих других средне- и верхнеплейстоценовых стоянках Китая, особенно в его северных провинциях [Palaeoanthropology..., 1985; Zhang, 1987]. Недавно один биполярный нуклеус извлекли из нижнеплейстоценовой формации в бассейне Нихэвань и сочли его древнейшим свидетельством использования биполярной технологии в Китае и Восточной Азии [Feng, Hou, 1998]. Пока Чжоукоудянь-1 остается стоянкой, на которой способ биполярного расщепления ядрищ использовали значительно интенсивнее, чем еще где-либо в Китае. На местонахождении Чжоукоудянь-1 собрано всего 5 666 нуклеусов, отщепов и отбойников. Среди них 4 171 экз. (74% изделий, поддающихся классификации) представляют собой остатки биполярного расщепления камня [Pei, Zhang, 1985].

Местонахождения, дающие информацию о биполярной технологии в Северном Китае, обладают некоторыми, важными особенностями: 1) на большей части стоянок метод биполярного скалывания отщепов при производстве заготовок орудий играл второстепенную роль. В коллекциях находок фрагменты продуктов биполярного расщепления ядрищ составляют лишь небольшую часть по сравнению с изделиями, изготовленными путем непосредственного удара по ядрищу отбойником. Местонахождение Чжоукоудянь-1 является достойным внимания исключением; 2) подавляющее большинство (если не все) биполярных фрагментов сделаны из испещренного жилками кварца, материала, трудного для расщепления непосредственным ударом отбойником; 3) биполярные фрагменты, как правило, малы. В Чжоукоудяне-1, большая часть их имеет длину от 30 до 50 мм и пригодна только для изготовления небольших орудий; 4) преобладающая часть отщепов так и не стала орудиями. Следы ретуши на них отсутствуют. В Чжоукоудяне-1 собрано всего 3 890 неретушированных биполярных отщепов и 768 таких же образцов с ретушью. Последнее позволяет говорить о том, что лишь каждый шестой из таких отщепов использовался в качестве заготовки для орудия. Остальные, что вполне очевидно, не были усовершенствованы. И, наоборот, в группе отщепов, сколотых непосредственным ударом отбойника, – 1 231 целый отщеп, без следов ретуширования, и 588 ретушированных орудий на таких отщепах. Иначе говоря, каждый третий отщеп, сколотый непосредственным ударом по

ядрищу тяжелым отбойником, превращался в ретушированное орудие. Отсюда следует вывод: сколы-заготовки, полученные в результате непосредственного удара, в 2 раза чаще использовались для производства заготовок орудий, чем сколы от биполярного удара.

На местонахождении Чжоукоудянь-15 было собрано 87 биполярных фрагментов, составляющих только 11,6% категории нуклеусов/отщепов. Принимая во внимание многочисленность (4 829) мелких отщепов (некоторые из них могли быть результатом биполярного скалывания) на стоянке и плохое качество основного сырья для производства заготовок орудий, можно предположить, что реальная доля продуктов биполярного скалывания могла быть более значительной. Но даже если это так, то малое количество биполярных фрагментов на Чжоукоудянь-15 по сравнению с Чжоукоудянь-1 кажется весьма примечательным фактом. Возможно, это объясняется тем, что гоминиды, жившие на местонахождении Чжоукоудянь-15, в производстве отщепов из испещренного жилками кварца добились большего, чем их предшественники, мастерства и стали менее зависимыми от расточительного биполярного метода расщепления ядрищ.

Заключение

Гоминиды со стоянки Чжоукоудянь-15 в процессе скалывания отщепов, которые служили заготовками для изготовления каменных орудий, умело использовали технику непосредственного прямого удара по ядрищу отбойником. В расщеплении такого малоприспособленного для обработки сырья, как кварц, они достигли большего совершенства, чем пекинский человек, который обитал на местонахождении Чжоукоудянь-1 по крайней мере на 100 тыс. лет раньше и должен был полагаться на неэффективный биполярный метод расщепления галек кварцита, чтобы производить заготовки для орудий.

В общем, индустрия местонахождения Чжоукоудянь-15 представляет дальнейшее развитие простой технологической традиции нуклеуса/отщепа, сложившейся в Северном Китае и на большей части Восточной Азии в раннем плейстоцене. На стоянке могла производиться даже подготовка простого нуклеуса (в процессе его расщепления), хотя в очень редких случаях. Однако данное исследование не может подтвердить использование на той же стоянке леваллуазской технологии.

Благодарности

Мне хотелось бы поблагодарить Фонд Веннер-Грена, Фонд Лики, Национальный научный фонд, Фонд университета Аризоны и Фонд Института палеонтологии позвоночных живот-

ных и палеоантропологии Академии наук Китая за их материальную поддержку моего диссертационного исследования, а также Джона В. Олсена за рецензирование этой статьи и А. Кривошапкина за помощь в подготовке ее к печати.

Список литературы

Aigner J.S. Important archaeological remains from North China // *Early Palaeolithic in South and East Asia* / Ed. F. Ikawa-Smith. – The Hague: Mouton Publishers, 1978. – P. 163 – 233.

Bar-Yosef O., Dibble H.L. Preface // *The Definition and Interpretation of Levallois Technology* / Eds. H.L. Dibble, O. Bar-Yosef. – Wisconsin: Prehistory Press, 1995. – P. IX – XIII. – (Monographs in World Archaeology; N 23).

Boëda É. Levallois: a volumetric construction, methods, a technique // *The Definition and Interpretation of Levallois Technology* / Eds. H.L. Dibble, O. Bar-Yosef. – Madison: Prehistory Press, 1995. – P. 41 – 68. – (Monographs in World Archaeology; N 23).

Copeland L. Levallois or non-Levallois? Reflections on some technological features of Hummal Leve IA (El-Kowm, Syria) // *Comison V, X Congresso, Union Internacional de Ciencias Prehistoricas*. – 1981. – P. 1 – 25.

Crabtree D. Comments on lithic technology and experimental archaeology // *Lithic Technology: Making and Using Stone Tools* / Ed. E. Swanson. – The Hague: Mouton Publishers, 1973. – P. 105 – 114.

Dibble H. The implications of stone tool types for the presence of language during the Lower and Middle Paleolithic // *The Human Revolution: Behavioural and Biological Perspectives on the Origins of Modern Humans* / Eds. P. Mellars, C. Stringer. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1989. – P. 415 – 433.

Feng X., Hou Y. Huojiadi-a new Paleolithic site discovered in the Nihewan Basin // *Acta Anthropologica Sinica*. – 1998. – Vol. 17(4). – P. 310 – 316.

Gai P. Microblade tradition around the northern Pacific rim: a Chinese perspective // *Contributions to the XIII INQUA, Institute of Vertebrate Paleontology and Paleoanthropology, Academia Sinica* / Ed. J.Y. Hou. – Beijing: Science Press, 1991. – P. 21 – 31.

Gao X. Explanations of Typological Variability in Paleolithic Remains from Zhoukoudian Locality 15, China: Ph.D. Dissertation. – University of Arizona, 2000.

Gao X., Olsen J.W. Similarity and variability within the Lower Paleolithic: East Asia, western Europe and Africa compared // *Evidence for Evolution – Essays in Honor of Prof. Chungchien Young on the Hundredth Anniversary of His Birth* / Eds. Y.S. Tong et al. – Beijing: China Ocean Press, 1997. – P. 63 – 76.

Jia L. Preliminary report on the excavation of Choukoutien Locality 15 // *Shijie Ribao*. – 1936. – 19 January, 2 February.

Kozłowski J.K. The problem of the so-called Ordos Culture in the light of the Palaeolithic finds from northern China and southern Mongolia // *Folia Quaternaria*. – 1971. – Vol. 36. – P. 63 – 99.

Kuhn S.L. Mousterian Lithic Technology: An Ecological Perspective. – Princeton: Princeton University Press, 1995.

Li Y. On the classification of flake platforms // *Acta Anthropologica Sinica*. – 1984. – Vol. 3. – P. 253 – 258.

Lin S.L. A comparison on technological modes between Chinese and western Paleolithic cultures // *Acta Anthropologica Sinica*. – 1996. – Vol. 15(1). – P. 1 – 20.

Liu Y. A restudy on the Dingcun artifacts // *Acta Anthropologica Sinica*. – 1988. – Vol. 7(4). – P. 306 – 313.

Otte M. The nature of Levallois // *The Definition and Interpretation of Levallois Technology* / Eds. H.L. Dibble, O. Bar-Yosef. – Wisconsin: Prehistory Press, 1995. – P. 117 – 124. – (Monographs in World Archaeology; N 23).

Pei W. A preliminary study on a new Paleolithic locality known as Locality 15 at Zhoukoutien // *Bulletin of the Geological Society of China*. – 1939. – Vol. 19(2). – P. 147 – 187.

Pei W., Wu R., Jia L., Zhou M., Liu X., Wang Z. Report on the Excavation of Palaeolithic sites at Dingcun, Xiangfen County, Shanxi Province. – Beijing: Science Press, 1958. – (Memoirs of the Institute of Vertebrate Paleontology and Palaeoanthropology; Series A 2).

Pei W., Zhang S. A Study on the Lithic Artifacts of Sinanthropus. – Beijing: Science Press, 1985.

Ranov V. The Levallois paradox // *The Definition and Interpretation of Levallois Technology* / Eds. H.L. Dibble, O. Bar-Yosef. – Wisconsin: Prehistory Press, 1995. – P. 69 – 78. – (Monographs in World Archaeology; N 23).

Sato H., Nishihaki Y., Suzuki M. Lithic technology of the Japanese Paleolithic: Levallois in Japan? // *The Definition and Interpretation of Levallois Technology* / Eds. H.L. Dibble, O. Bar-Yosef. – Wisconsin: Prehistory Press, 1995. – P. 485 – 500. – (Monographs in World Archaeology; N 23).

Van Peer P. The Levallois Reduction Strategy. – Wisconsin: Prehistory Press, 1992. – (Monographs on world Archaeology; N 13).

Palaeoanthropology and Palaeolithic Archaeology in the People's Republic of China / Eds. R.K. Wu, J.W. Olsen. – N. Y.: Academic Press, Inc., 1985.

Zhang S. Paleolithic Cultures of China. – Tianjin: Tianjin Science and Technology Press, 1987.

Материал поступил в редколлегию 04.02.2000 г.

УДК 902

Сэкия Акира

Член археологического общества Японии
 Maekoda-tē, 2-20-3, Maebashi City, Gumma, Japan
 Fax: (0272)-24-1898

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОЛИТА ЯПОНИИ (к 50-летию раскопок на стоянке Ивадзюку)

Введение

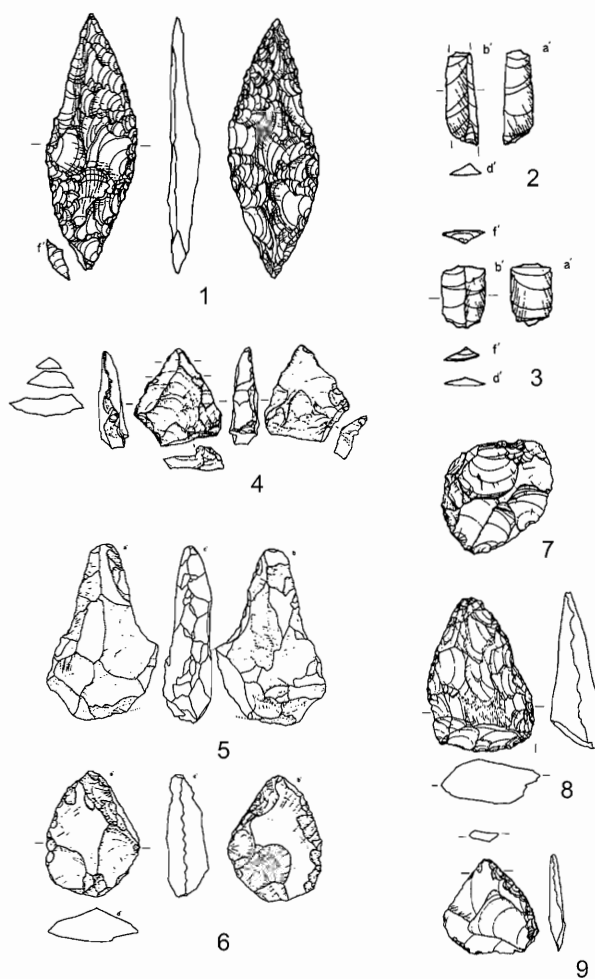
Началом изучения палеолита Японии стало открытие Аидзава Тадахиро (1926 – 1989) стоянки Ивадзюку. Во второй половине октября 1946 г. здесь в суглинке Канто Аидзава обнаружил каменное орудие. Эта находка натолкнула его на мысли о существовании на территории Японии палеолита и необходимости дальнейших поисков. В июле 1949 г. благодаря находке обсидианового наконечника ученому удалось заинтересовать группу археологов из университета Мэйдзи, в частности Сугихара Сосукэ и Сэридзава Тёсукэ. В сентябре того же года эта группа начала первый сезон раскопок с целью найти следы палеолита. С тех пор прошло более 50 лет, за это время на всей территории страны было обнаружено несколько тысяч палеолитических памятников, удалось создать огромную базу данных об эпохе палеолита в Японии. В данной статье мы хотели бы дать общее представление о полувековой истории палеолитоведения Японии, а также выделить наиболее актуальные задачи предстоящих исследований.

Этапы истории изучения палеолита Японии

Хаос (1908 – 1949 гг.). До 1949 г. японские археологи придерживались мнения, что палеолитических памятников на Японских островах нет, поскольку в древности эта часть Азии была отделена от материка морем и человек эпохи палеолита навряд ли был способен переправиться через пролив; кроме того, Япония находится в активном вулканическом поясе, здесь часто происходили извержения вулканов и на земную по-

верхность выпадал вулканический пепел, так что среда была не пригодной для людей. Во время раскопок специалисты, если выходили на суглинок Канто, который считался материковым слоем, прекращали работы. Однако и в эти годы были ученые, которые допускали возможность выявления палеолитических культуросодержащих горизонтов и пытались вести их поиск. Например, в 1908 г. Гордоном Манроу велись раскопки в бассейне р. Сакава (преф. Канагава) [Munro, 1911], в 1917 г. силами сотрудников лаборатории археологии университета Киото проводились исследования на стоянке Коу недалеко от Осака [Кида, 1917], в 1931 г. на памятнике Нисияги-кайган (преф. Хёго) были открыты и изучены костные остатки человека [Наора, 1931], в 1946 – 1949 гг. Аидзава Тадахиро у подножия горы Акаги (преф. Гумма) открыл стоянки Ивадзюку (см. рисунок), Фудзияма, Гонгэнъяма. Было признано, что в бассейне р. Сакава отсутствуют признаки палеолита. С достаточной долей уверенности не удалось подтвердить принадлежность к каменному веку и стоянки Коу. Останки человека были отнесены к современности и забыты. Что касается работ Аидзава, то сразу после их завершения ученый не обнародовал своих открытий, и позже его исследования стали ассоциироваться с раскопками на стоянке Ивадзюку.

Колыбель (1949 – 1959 гг.). С открытием стоянки Ивадзюку стало очевидно, что следы палеолита в Японии есть и, возможно, памятники этой эпохи сохранились не только в долине Канто, но и в других районах страны. Поэтому особенностью этого периода истории изучения стали базовые исследования, направленные на определение границ ареала палеолитической культуры и ее хронологии.

Находки со стоянок Ивадзюку (1 – 3), Касёиси (4), Гонгэнъяма (5, 6), Кирибара (7 – 9).

Аидзава Тадахиро на основе материалов стоянок Гонгэнъяма, Мицую, Масугата, Кирибара (преф. Гумма) попытался построить хронологию памятников этого района. Группа исследователей из университета Мэйдзи во главе с Сугихаро Сосукэ доказала состоятельность предположения о палеолите Японии на основе материалов стоянок Ябудзука (преф. Гумма), Моро (Токио), Уэнодайра (преф. Нагано) [Сугивара, 1953]. Сэридзава Тёсукэ исследовал памятники Ядэгава и Бабадайра (преф. Нагано), Мотоноки, Камияма, Арая (Ниигата) [Сэридзава, 1954; Сэридзава, Накаяма, 1957]. Стало известно, что индустрия с резцами Арая была распространена в обширном регионе от центральной части страны до Хоккайдо, а в Западной Японии существовала индустрия с ножами Коу. Развернулось обсуждение особенностей палеолитических культур в территориальном контексте. Кроме этого, из разных районов Японии стали приходить сведения о находках палеолитических орудий, в т.ч. поверхностного залегания.

Младенчество (1960 – 1979 гг.). В этот период на Японских островах все чаще фиксируют палеолитические памятники, причем не отдельные пункты, а целые скопления объектов. Для данного этапа характерны попытки хронологического членения позднего палеолита, породившие споры о начальном проявлении древнейшей культуры и границе между эпохами палеолита и неолита.

В 1960 г. с выходом статьи Яmanoути Сугао “Где начало культуры дзёмон” началась т.н. дискуссия о Мотоноки. Яmanoути настаивал на том, что стоянка Мотоноки (преф. Ниигата) относится к начальной стадии раннего дзёмона, а Сэридзава Тёсукэ, обращая внимание на отсутствие в слоях керамики, характеризовал это памятник как финальнопалеолитический. Яmanoути соотнес начало эпохи Дзёмон со временем бытования исаковской культуры в Сибири, т.е. около 3 тыс. лет до н.э., более того, он определил культуру Ивадзюку-1 как безкерамический неолит [Яmanoути, 1969].

В 1962 г. Сэридзава Тёсукэ в поисках древнейшей культуры на Японском архипелаге начал раскопки на стоянке Содзудай (преф. Оита). Полученные им материалы вызвали дискуссию о существовании раннего палеолита. Цунода Бунъэй пытался обнаружить следы древнейшей культуры на стоянке Ниу (преф. Оита), но его поиски оказались безуспешными. Сэридзава Тёсукэ своими работами в 1965 – 1978 гг. на стоянках Хосино, Окубо (преф. Касиваги) и на стоянке Ивадзюку D в 1970 – 1971 гг. убедительно доказал, что в Японии есть памятники древнее 30 тыс. лет [Сэридзава, 1967, 1971]. Справедливость этой точки зрения была подтверждена Аидзава Тадахиро открытиями на стоянках Исо, Фудзю, Нацуидо (преф. Гумма) в 1972 – 1973 гг. Иную позицию по этому поводу выразил в своей публикации в 1967 г. Сугивара Сосукэ. Он подчеркивал, что на территории Японии нет свидетельств культур древнее 30 тыс. лет. Орудия, которые нашли Сэридзава и Аидзава, некоторые археологи и геологи определяли как эолиты. Они ссылались на то, что предметы, приуроченные к склоновым отложениям, являются продуктами механической деформации, а не человеческой деятельности [Арай, 1971]. Спор о том, что представляют собой эти находки – орудия или обломки пород, продолжается и сегодня. В 1965 г. в свет вышла книга “Японская археология. Докерамические культуры”, обобщившая материалы исследования палеолита начиная с 1949 г. В ней представлены данные об изучении 384 основных палеолитических памятников Японии.

Юность (1980 – 1992 гг.). На этом этапе подтвердилось то, что в Японии есть палеолитические культуры, возраст которых более 30 тыс. лет. Раскопки проводились в основном на востоке страны. Была создана хронология раннего и среднего палеолита.

Аидзава Тадахиро после раскопок на Ивадзюку уже исследовал памятники древнее 30 тыс. лет (Фудзияма, Гонгэнъяма, Кирибара (преф. Гумма)), но из-за стратиграфической неопределенности найденных в них орудий некоторые археологи серьезно не воспринимали их материалы. Однако новые раскопки в Восточной Японии и в преф. Гумма подтвердили правоту Аидзава.

В 1981 г. на конференции по культурам каменного века впервые было заявлено о наличии на территории Японии свидетельств раннего палеолита древнее 30 тыс. лет. Основанием для такого заключения послужили материалы раскопок на стоянке Дзадзараги (преф. Мияги) [Дзадзараги..., 1981] – орудия, которые залегали в слое вулканического пепла, датированного 30 тыс. л.н. По сути, доказательства были получены годом раньше при исследовании стоянки Ямада-уэнодай (преф. Мияги), но их публикация немного запоздала. Позже в преф. Мияги были найдены стоянки Накадзима С, Бабадан А, Сибики, Касивагикитамаэ. Исследователи Окамура Митио и Камада Тосиаки попытались представить хронологию раннего и среднего палеолита [Окамура, 1976]. Артефакты были обнаружены в 1987 г. на стоянке Тама-ньютан 471-В в Токио на поверхности слоя и под слоем вулканического пепла, датированного 50 тыс. л.н., а также [Татэно, 1987] в 1988 г. на стоянке Иринодзава (преф. Гумма) на поверхности слоя и под слоем вулканического пепла, датированного 40 тыс. л.н. Таким образом, стало очевидно, что палеолит древнее 30 тыс. л.н. представлен не только на территории преф. Мияги, но и на равнине Канто. Благодаря нашим с Фудзимура Синъити открытиям каменных орудий в слое, датированном 40–50 тыс. л.н., на стоянках Охира (преф. Фукусима) и Нанамагари (преф. Касиваги) стало ясно, что ранне- и среднепалеолитические памятники распространены широкой полосой от района Канто до Тохоку. Также в 1992 г. Сэридзава Тёсукэ и мы на стоянке Кирибара вместе с тесловидными скреблами выявили орудия типа *déjeté*. Эти типы орудий характерны для ранне- и среднепалеолитических памятников района Тохоку, поэтому логично сделать вывод, что в среднем палеолите от Канто до Тохоку обитали носители единой культуры.

Успехи в изучении позднего палеолита – один из результатов подъема национальной экономики, во время которого на всем архипелаге развернулись крупномасштабные исследования и была получена очень важная научная информация. На основе анализа распространения вулканического пепла, проведенного Араи Фусао, Матида Хироси, Сода Цутому, удалось сопоставить географически отдаленные памятники одного периода и построить более точную, совершенную хронологию позднего палеолита [Матида, Араи, 1992; Сода, 1989]. В 1987 г. на стоянке Томидзава

были найдены древесные остатки 20-тысячелетней давности, что удивило весь археологический мир. На этой стоянке были найдены не только следы человеческой деятельности (каменные орудия и очаги), но и хорошо сохранившиеся органические остатки того времени – копролиты оленей, хитиновый покров насекомых, растения, деревья и т.д.

Зрелость (с 1993 г.). В этот период продолжились исследования, начавшиеся ранее. Начались поиски истоков японской культуры, которые продолжаются и по сей день. На стоянке Накадзима С (преф. Мияги) был проведен термолюминесцентный анализ нижнего культурного горизонта, определена его дата – 300 тыс. л.н. Мысль о том, что в окрестностях Сэндая, где много разрезов в толщах вулканического пепла, могут быть еще более древние следы обитания человека, вдохновила Фудзимура Синъити на новые поиски. В результате при раскопках на стоянке Така-мори (преф. Мияги) в 1988–1994 гг. были найдены орудия в культурном слое, датированном 500 тыс. л.н., на стоянке Камитакамори (преф. Мияги), раскапываемой с 1993 г. по сей день, а также в слое, датированном 700 тыс. л.н. Возможно, будут обнаружены артефакты под обратно намагниченным (полярность Матуяма) слоем возраста 780 тыс. лет. На территории префектур Ямагата и Фукусима также найдены артефакты древнее 300 тыс. лет на стоянках Содэхара-3 и Харасэ-касахари. В том же году на территории префектуры Саитама на стоянке Нагаонэ были зафиксированы артефакты древнее 350 тыс. лет. Таким образом, можно предположить, что на всей территории страны будут найдены памятники, отражающие культуру *Homo habilis*.

Стоянки древнее 30 тыс. лет открыты не только в районах Канто и Тохоку. Хорошо известна стоянка в пещере Фукуи (преф. Нагасаки) и в других местах. В 1995 г. найдена стоянка Цудзита (преф. Фукуока), в 1997 г. – Тацукири (преф. Кагосима), в 1998 г. – Сосин-фудодзака на Хоккайдо [Нагасаки, 1999]. Можно сказать, что в среднем палеолите от Хоккайдо до Хонсю была распространена культура с элементами *déjeté*. Особая концентрация стоянок отмечена на территории между Канто и Тохоку.

К настоящему времени увеличилось число исследованных среднепалеолитических памятников, но среди них мало раскопанных жилищ. Наибольший интерес вызывает открытая в 1998 г. стоянка Когурэ-ниияма (преф. Гумма), где было обнаружено жилище типа полужемлянки, датированное 16 тыс. л.н.

В этот период истории палеолитоведения были получены ценнейшие данные для понимания поведения палеолитического человека на территории обитания. В 1997 г. апплицировались два отщепы со стоянок Накадзимаяма и Содэхара-3, расположенных в 30 км друг от друга и относящихся к эпохе около

100 тыс. л.н. В 1998 г. апплицировались отщепы со стоянок Симохара-1 и Идзири А в префектуре Ниигата, принадлежавшие времени 17 тыс. л.н. [Фудзимура, 1999].

Задачи современного японского палеолитоведения

За полвека, прошедшие после открытия Ивадзюку, обнаружено несколько тысяч палеолитических памятников; жизнь древнего человека была детально изучена. Однако, несмотря на это, остается много нерешенных вопросов. Здесь мы хотели бы лишь обозначить основные проблемы:

1) в Японии палеолитическими артефактами, кроме костяного орудия из зуба слона Наумана, найденного в преф. Нагано, являются только каменные орудия. Необходимо усилить поиски в местах, в которых могут сохраняться органические остатки, таких как известковые пещеры и болота, и возможно, где-то удастся обнаружить изделия из органических материалов и антропологические остатки. С 1995 г. усилиями Института по изучению палеолитических культур Тохоку в пещере Хётан (преф. Иватэ) ведутся поиски костей человека, но, к сожалению, пока без успеха;

2) ранне- и среднепалеолитические памятники обнаружены в основном в районах Канто и Тохоку. Возможно, это объясняется интенсивностью проводимых здесь изысканий. Перед исследователями стоит задача найти больше памятников на Хоккайдо и в Западной Японии и составить более полное представление о хронологическом и пространственном распространении культуры;

3) благодаря исследованиям вулканического пепла стало возможным сопоставлять территориально отдаленные памятники, что требует разработки надежного универсального метода датировки;

4) в настоящее время орудия со стоянок Хосино и Ивадзюку D одни ученые трактуют как продукты деятельности человека, другие называют их естественной породой. Мацудзава Цугио, известный мастер по изготовлению каменных орудий, провел серию экспериментов и разработал новый подход к определению артефактов. Эксперимент признан одним из эффективных способов для определения орудий;

5) на территории префектуры Мияги есть материалы древнее 700 тыс. лет, поэтому правомерно предположить существование более древних стоянок на Хоккайдо и Кюсю – местах, наиболее близких к материке. Необходимо организовать археологическое изучение этих районов;

6) очень важное направление – исследования на сопредельных территориях – России, Китая, на Корейском п-ове. Если человек, попав на острова, стал развивать культуру с учетом местных особенностей, на

материке должны оставаться протокультуры. Поэтому открытия на материке имеют очень большое значение для исследователей-палеолитоведов Японии;

7) благодаря спорово-пыльцевому анализу мы постепенно реконструируем среду позднего палеолита, однако для воссоздания картины эпохи раннего и среднего палеолита данных не хватает, их следует расширять;

8) на ранне-, среднепалеолитических памятниках, кроме Содэхара-33 и Накадзимаяма, найдены следы изготовления орудий, но практически нет данных о стоянках-мастерских и стоянках по добыче сырья. Чтобы смоделировать поведение древнего человека, необходим поиск таких стоянок.

Список литературы

Араи Фусао. Суглинки северной части района Канто и слои, содержащие орудия. На примере исследования проблем культуры раннего палеолита // Дайёнки кэнкю (Четвертичные исследования). – 1971. – Т. 10, N 4 (на яп. яз.).

Дзидзараги исэки хаккуцу тэса хококусё II (Сборник докладов (II) по раскопкам и исследованиям стоянки Дзидзараги). – Б.г.: б.и., 1981 (на яп. яз.).

Кида Садаёси. О древних стоянках в уезде Нанкаванай // Осака-фу сисэки тэса иинкайхо (Доклады по изучению исторических памятников преф. Осака). – 1917. – N 4 (на яп. яз.).

Матида Хироси, Араи Фусао. Атлас вулканических пород // Токио дайгаку сюппанкай. – Токио: Изд-во университета Токио, 1992 (на яп. яз.).

Мацудзава Асэй. Изучение техники производства каменных орудий на местонахождении D стоянки Ивадзюку // Ивадзюку дзидай-о саканобору (Изучение эпохи Ивадзюку). – Б.г.: б.и., 1999 (на яп. яз.).

Munro N.G. Сэнси дзидай-но нихон (Протоисторическая Япония). – Б.м.: б.и., 1911 (на яп. яз.).

Нагасаки Дзюньити. Угловые асимметричные скребла, сохранившиеся в местечке Тякугаратэцу в среднем палеолите на Хоккайдо. Стоянка Фудохан в округе Сосин у г. Синдзю-рицукава уезда Бото на Хоккайдо // Кюсэки кокогаку. – 1999. – N 57 (на яп. яз.).

Нагатани Бэкотондо. О происхождении человеческих останков (каменных обломков), недавно обнаруженных в ранних отложениях Сэйяги вблизи г. Акаси // Дзинруйгаку дзасси. – 1948. – Вып. 60, N 1 (на яп. яз.).

Наора Нобуо. Антропологические культурные остатки, обнаруженные в дилловальном слое на побережье водоема Кокусэй-ягикай в Харима // Дзинруйгаку дзасси. – 1931. – Вып. 46, N 5/6 (на яп. яз.).

Окамура Митио. Два каменных комплекса в раннем палеолите северной части района Канто // Ясу сигаку (История области Ясу). – 1976. – N 3 (на яп. яз.).

Окамура Митио. Ранний палеолит в преф. Мияги и его хронология // Бабадан-исэки А-1 (Стоянка Бабадан А-1). – Б.м.: б.и., 1986 (на яп. яз.).

Сода Цутому. Стратиграфическая колонка отложений тефры эпохи палеолита // Сикю-эно сюппацу (Отправление в Сикю). – Б.м.: б.и., 1989 (на яп. яз.).

Стоянка Содэхара-3 у г. Обанадзава в преф. Ямагата // Дай 7 кай тохоку нихон-но кюсэки бунка-о катару кайёкосю (Материалы 7-го симпозиума по культуре палеолита северо-восточных районов Японии). – Б.м.: б.и., 1993 (на яп. яз.).

Стоянка Такамори II // Тохoku рэкиси сирёкан сирёсю (Сборник музея исторических материалов Тохoku). – 1993. – N 35 (на яп. яз.).

Стоянка Ямада-уэнодай // Сэндай-си бункадай тэса хококусё (Сборник докладов по изучению культурных ценностей г. Сэндай). – 1985. – N 30 (на яп. яз.).

Сугивара Сосукэ. О стадиях культуры каменной индустрии // Кокогаку дзасси. – 1953. – Т. 39, N 2 (на яп. яз.).

Сугивара Сосукэ. Хочу опровергнуть гипотезы г. Сугивара // Кокогаку дзянару. – 1967. – Май (на яп. яз.).

Сэридзава Тёсукэ. Предварительное знакомство с результатами исследований, касающихся завершения периода безкерамической культуры и зарождения культуры дзёмон в центральном районе и районе Канто // Сюндай сигаку (История Сюндай). – 1954. – N 4 (на яп. яз.).

Сэридзава Тёсукэ. Палеолит Японии (особые вопросы). Проблемы раннего палеолита // Кокогаку дзянару. – 1967. – Июнь (на яп. яз.).

Сэридзава Тёсукэ. Дзэнки кюсэки-ни кансуру сёмондай (Проблемы, касающиеся раннего палеолита) // Дайёнки кэнкю (Четвертичные исследования). – 1971. – Т. 10, N 4 (на яп. яз.).

Сэридзава Тёсукэ, Накаяма Ацуко. Предварительные сообщения по изучению стоянки Мотоноки в преф. Ниигата // Эцусукэ кэнкю (Исследования Эцусукэ). – 1957. – N 12 (на яп. яз.).

Татэно Такаси. Краткие сообщения об исследовании стоянки Тама-ньютаун № 471-В // Гэккан бункадай (Ежемесячник культурных ценностей). – 1987. – N 291 (на яп. яз.).

Фудзимура Синъити. Стоянка Накадзима-яма у г. Ирома в преф. Мияги // Дай 13 кай тохоку нихон-но кюсэки бунка-о катару кайёкосю (Материалы 13-го симпозиума по культуре палеолита северо-восточных районов Японии). – 1999 (на яп. яз.).

Яmanoути Сугао. Проблемы периода Сосо эпохи Дзёмон // Museum. – 1969. – N 24 (на яп. яз.).

Материал поступил в редколлегию 04.02.2000 г.

УДК 902

А.В. Постнов, А.А. Анойкин, Н.А. Кулик*Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: po@paleo.archaeology.nsc.ru***КРИТЕРИИ ОТБОРА КАМЕННОГО СЫРЬЯ ДЛЯ ИНДУСТРИЙ
ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ БАСЕЙНА РЕКИ АНУЙ (Горный Алтай)*****Введение**

Влияние качества сырья на морфологию орудийных форм делает определение критериев отбора каменного материала необходимым условием для понимания технологии расщепления, адаптационных возможностей и путей миграций первобытных коллективов [Rolland, 1977, 1981; Dibble, 1985, 1987, 1991a, 1991b; Dibble, Rolland, 1990, 1992]. Выявить эти критерии можно только при изучении палеолитических изделий, при изготовлении которых использовались разные породы с различными петрофизическими свойствами. Такую особенность имеют артефакты Ануйского комплекса палеолитических памятников, состоящего из пещерных (Денисова пещера) и открытых стоянок (Ануй-1, Ануй-2, Усть-Каракол-1, Усть-Каракол-2). Объекты локализованы на 2-километровом участке долины р. Ануй (северо-запад Горного Алтая). Разрезы памятников представлены отложениями позднего плейстоцена и голоцена, стратиграфически дополняют друг друга, насыщены культурным материалом, обеспечены палинологическими и палеонтологическими данными и имеют серии абсолютных дат. Так, для плейстоценовых отложений комплекса получено более 40 дат, охватывающих интервал с $282\ 000 \pm 56\ 000$ лет (РТЛ-548) до $9\ 890 \pm 40$ лет (СОАН-2864) на Денисовой пещере, с $133\ 000 \pm 33\ 000$ лет (РТЛ-661) до $26\ 305 \pm 280$ лет (СОАН-3261) на Усть-Караколе-1 и с $27\ 930 \pm 1\ 594$ лет (ИГАН-1425) до $21\ 280 \pm 440$ лет (СОАН-3007) на Ануйе-2 [Археология..., 1998, с. 167].

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 00-01-00391а.

Для установления степени влияния качества сырья на особенности палеолитических индустрий Ануйского комплекса проводилось петрографическое изучение археологических коллекций. Те петрофизические свойства, которые нельзя определить без разрушения артефакта, выявлялись при исследовании сырья в галечных отложениях Ануй и Каракола.

**Особенности сырьевой базы и каменного
материала палеолитических индустрий**

Сырьем для любой каменной индустрии следует считать обломки горных пород, пригодные для изготовления орудий труда. Следовательно, понятие “сырье каменной индустрии” подразумевает набор потребительских свойств, которые определяют достоинства или недостатки материала при расщеплении (форма, размеры, окатанность, однородность, характер сколовой поверхности и т.п.) и пригодность будущего готового изделия к применению (массивность, зернистость породы, форма и прочность края сколов и т.п.). Очевидно, что для изготовителя, не знавшего петрографии, как и для археолога, изучающего его каменное наследие, гораздо важнее не сам по себе петрографический состав сырья, а проявление петрографических особенностей породы в ее петрофизических свойствах (твердость, вязкость, степень анизотропности), отражающихся на потребительских свойствах. Именно такой подход к характеристике каменного материала позволяет решить вопросы: учитывал ли древний мастер свойства сырья, выбирал для изготовления орудий определенный материал или использовал для расщепления первую попавшуюся гальку.

Остатки галечной поверхности на многих каменных изделиях, а также петрографический состав артефактов свидетельствуют, что выбор сырья производился из местного галечного материала. Для характеристики особенностей каменного сырья были изучены вскрытые на двух участках доголоценовые русловые отложения Ануя и Каракола, практически синхронные древним индустриям. Ануйский участок, расположенный между современным устьем Каракола и археологическим памятником Усть-Каракол-1, содержит галечный материал, принесенный водами Ануя и его притоков – рек Мута, Турата, Черга, которые пересекают практически все породы бассейна Ануя (рис. 1). Каракольский участок расположен немного выше устья Каракола и во всей полноте отражает состав пород бассейна этой реки.

В выборке из 3 013 обломков установлено соотношение разных по составу пород. Подсчет производился в нескольких пунктах Ануйского и Каракольского участков по правилам площадного опробования с последующим суммированием по фракциям: крупновалунник (более 0,5 м), средневалунник (0,5 – 0,25 м), мелковалунник (0,25 – 0,15 м), крупногалечник (0,15 – 0,1 м), мелкогалечник (0,1 – 0,05 м) (рис. 2; см. таблицу).

Осадочные породы составляют главную часть галечного материала. Среди них преобладают песчаники, преимущественно среднезернистые (размер частиц 0,25 – 0,5 мм) и крупнозернистые (0,5 – 1 мм). По составу это кварцевые, олигомиктовые и аркозовые разности с гидрослюдисто-хлоритовым или кварц-эпидот-гидрослюдистым цементом, часто карбонатистые, иногда кварцитовидные, твердость их выше 5, а у кварцевых разностей достигает 6,5 по шкале Мооса. Алевролиты (размер частиц 0,1 – 0,05 мм), доля которых в общей численности обломочного материала не превышает 10% (см. рис. 2), характеризуются твердостью от 4 до 5,5 из-за высокого содержания пелитового материала.

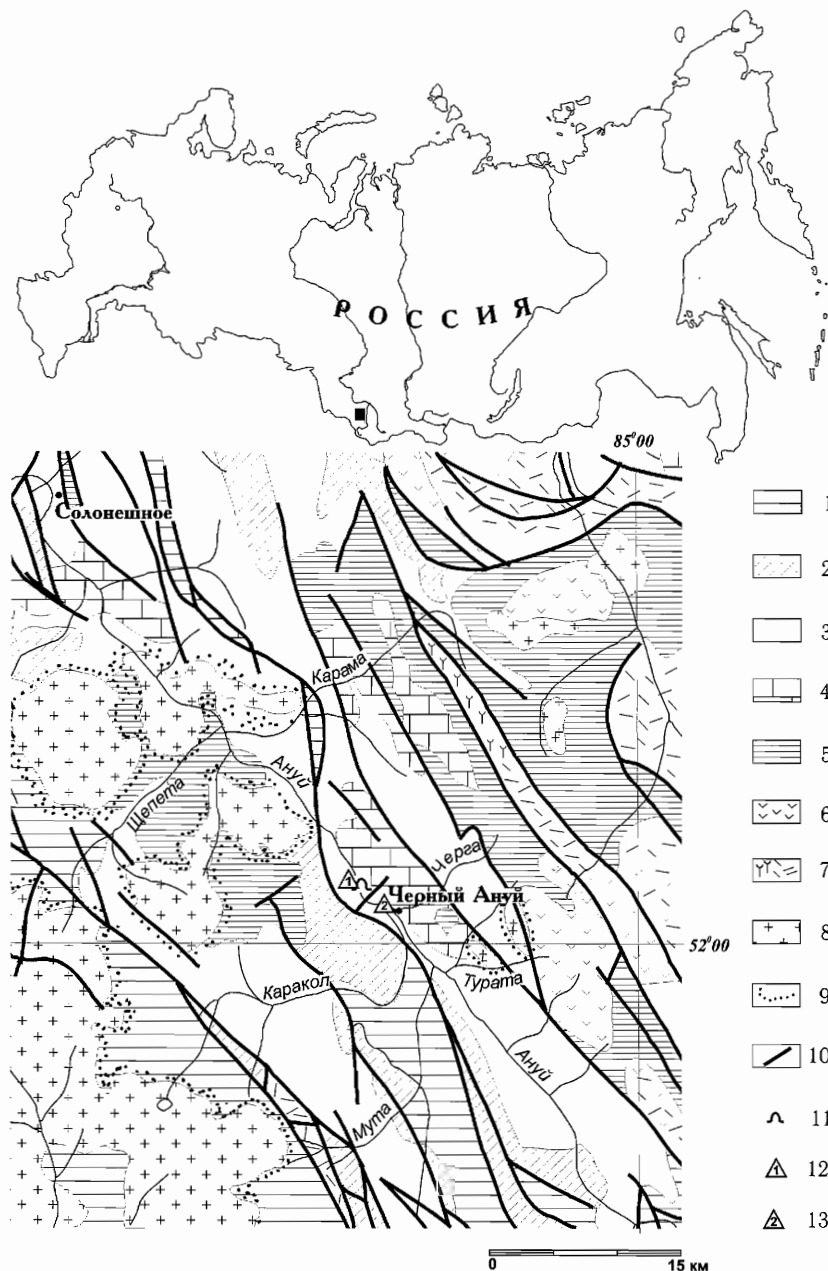

Рис. 1. Схема геологического строения бассейна р. Ануя в районе расположения Ануйского комплекса археологических памятников (Северо-Западный Горный Алтай).

1 – $\text{C}_3 - \text{O}_3\text{gr}$ – горно-алтайская свита: песчаники, алевролиты, сланцы; 2 – O – песчаники, алевролиты, хлоритовые сланцы; 3 – S_1In – песчаники, алевролиты, сланцы; 4 – S_2Id – известняки, известковистые песчаники, сланцы; 5 – D_1br – барагашская свита: известняки, алевролиты, песчаники, сланцы; 6 – D_2kr – куратинская свита: кислые эффузивы; 7 – D_2kr – куратинская свита: средние, основные эффузивы; 8 – C-P – Башелакский массив гранитоидных интрузий; 9 – ореол ороговикования; 10 – тектонические нарушения; 11 – Денисова пещера; 12 – палеолитическая стоянка Ануи-2; 13 – палеолитическая стоянка Усть-Каракол-1.

Резкое возрастание количества обломков осадочных пород по мере уменьшения размеров (см. рис. 2) и увеличение степени их окатанности с 1-го до 3-го класса (рис. 3) свидетельствуют о значительной хрупкости и анизотропии прочности этих пород.

Петрографический состав обломочного материала русловых отложений рек Ануй и Каракол по фракциям

Участки сбора	Породы	Крупновалунник		Средневалунник		Мелковалунник		Крупногалечник		Мелкогалечник		Всего
		шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	
Русловый аллювий р. Ануй	Известняк	125	39,1	107	22,9	67	15,5	36	10,1	58	11,9	393
	Вулканические	117	36,6	113	24,2	75	17,4	31	8,7	40	8,2	376
	Алевролит	2	0,6	39	8,4	38	8,8	38	10,6	56	11,5	173
	Песчаник	20	6,3	87	18,6	139	32,3	179	50,1	239	49,2	664
	Гравелит	22	6,9	48	10,3	53	12,3	20	5,6	26	5,3	169
	Осадочные	44	13,8	174	37,3	230	53,4	237	66,4	321	66,0	1006
	Роговик	4	1,3	23	4,9	12	2,8	12	3,4	14	2,9	65
	Сланцы	0	0,0	12	2,6	11	2,6	13	3,6	33	6,8	69
	Кварц	19	5,9	25	5,4	26	6,0	10	2,8	14	2,9	94
	Гранит	1	0,3	5	1,1	3	0,7	8	2,2	6	1,2	23
	Дайковые	10	3,1	8	1,7	7	1,6	10	2,8	0	0,0	35
	Всего	320	100	467	100	431	100	357	100	486	100	2061
Русловый аллювий р. Каракол	Известняк	27	20,6	19	8,6	12	7,4	10	4,6	9	4,1	77
	Вулканические	60	45,8	66	29,9	35	21,6	20	9,1	7	3,2	188
	Алевролит	6	4,6	10	4,5	10	6,2	27	12,3	22	10,0	75
	Песчаник	17	13,0	83	37,6	86	53,1	118	53,9	132	60,3	436
	Гравелит	7	5,3	10	4,5	2	1,2	11	5,0	7	3,2	37
	Осадочные	30	22,9	103	46,6	98	60,5	156	71,2	161	73,5	548
	Роговик	0	0,0	4	1,8	0	0,0	3	1,4	2	0,9	9
	Сланцы	0	0,0	7	3,2	6	3,7	10	4,6	26	11,9	49
	Кварц	10	7,6	15	6,8	5	3,1	8	3,7	7	3,2	45
	Гранит	2	1,5	6	2,7	3	1,9	7	3,2	5	2,3	23
	Дайковые	2	1,5	1	0,5	3	1,9	5	2,3	2	0,9	13
	Всего	131	100	221	100	162	100	219	100	219	100	952
Итого		451	15,0	688	22,8	593	19,7	576	19,1	705	23,4	3013

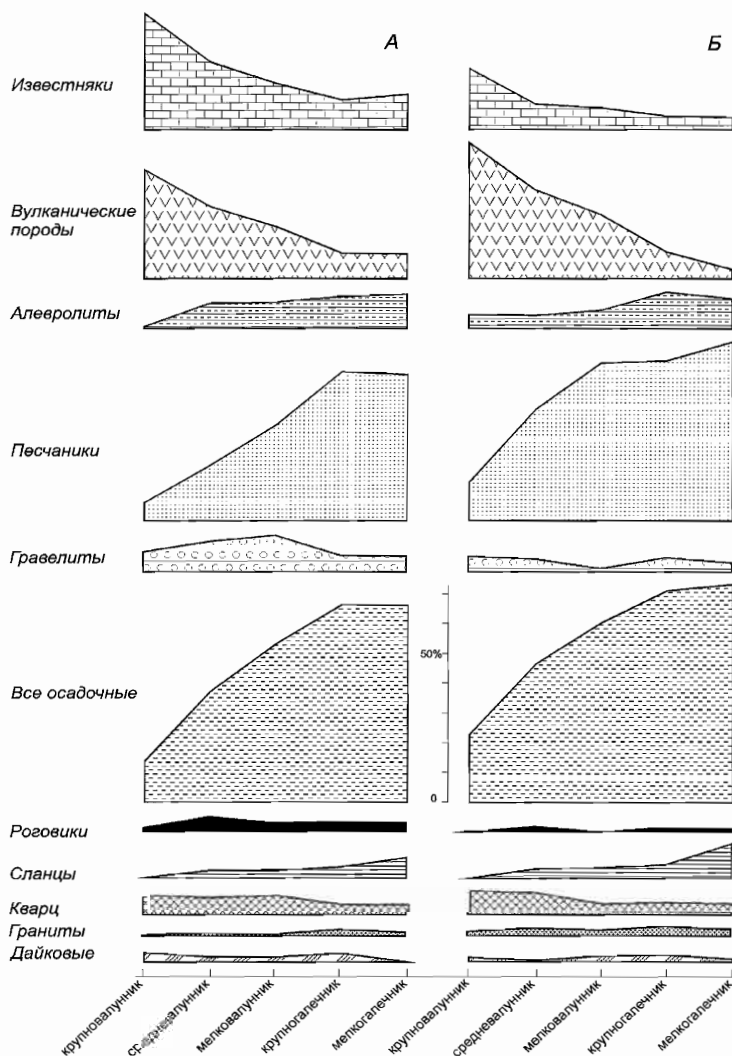

Рис. 2. Распределение обломков различных пород по фракциям в русловых отложениях рек Ануй (А) и Каракол (Б).

Переслаивание отличных по составу и зернистости разностей – причина того, что при переносе гальки раскалывались по слоистости и приобретали уплощенную, линзовидную и полусферическую форму. Трещиноватость под углом к слоистости привела к распространению брусковидных обломков.

По цвету преобладают осадочные породы серых, зеленовато-серых тонов, хотя большое распространение имеют также красноватые и отчетливо зеленые разности, переходные к хлоритовым сланцам.

Галечная поверхность большинства песчаников шероховатая, с ямками выщелачивания карбонатных зерен, часто бурая за счет окисления карбоната и примесных рудных минералов; у мелкозернистых песчаников – тонкошероховатая, у мелкозернистых кварцитовидных – даже гладкая. У гальки алевролитов поверхность гладкая матовая. В целом гальки более тонкозернистых и однородных осадочных пород обладают более ровной и гладкой галечной поверхностью.

Вулканические породы в галечном материале имеют два источника. Первый – это преимущественно афировые (не содержащие вкрапленников) девонские эффузивы Ануйского хребта, вскрываемые Туратой, правым притоком Ануй. Среди них преобладают зеленовато-серые или фиолетово-бурые риолитовые и риолит-дацитовые порфиры (аналоги гранитов). Они имеют флюидальную текстуру (следы течения лавы), подчеркнутую распределением рудного вещества и

миндалинами, выполненными кварцем, хлоритом и другими постмагматическими минералами. В шлифах видно, что вулканическое стекло раскристаллизовано с образованием тонкокристаллической кварц-полевошпатовой основной массы с микролитовой, микропйкилитовой и псевдоперлитовой структурой. Такие структуры обуславливают высокую вязкость и твердость пород (5,5 – 6,5 по шкале Мооса). Постмагматическое изменение выражается в хлоритизации, каолинизации и окварцевании, за счет чего возникают переходы к осветленным или серо-зеленым существенно кварцевым метасоматическим породам – халцедоновидным или кварцитовидным яшмоидам, твердость которых возрастает до 7.

Второй источник вулканических пород в галечном материале – андезитовые порфиры (аналоги диоритов) и их туфолавы и лавобрекчии с водораздела рек Каракол и Мута. При одинаковых с эффузивами Ануйского хребта петрофизических свойствах (твердость, вязкость) они отличаются порфировым сложением – большим количеством светлых вкрапленников плагиоклаза на фоне темно-серой до черной скрытокристаллической основной массы. При отсутствии флюидальности и миндалинов, выполненных кварцем, именно вкрапленники плагиоклаза или продукты их постмагматического изменения (эпидот, хлорит) определяют анизотропию прочности (неоднородность) этих эффузивов при расщеплении.

Хотя окатанность обломков невысокая (см. рис. 3), галечная поверхность у афировых разностей неровная, но очень гладкая, блестящая, с характерными круговыми или серповидными трещинками от соударения в водном потоке с другими обломками и заполировкой даже мелких раковистых сколов на сильно оббитых вершинах галек. Зеленовато-серые эффузивы на галечной поверхности становятся желтоватыми, розоватыми, пятнисто-осветленными; фиолетово-бурые – почти черными. Галечная поверхность порфировых пород с верховьев Каракола и Муты отличается меньшим блеском, отсутствием круговых трещинок и осветления.

Роговики – породы, незначительные по количеству обломков, но важные в качестве сырья – принесены Караколом и Мутой в галечные отложения на изученных участках из контактового ореола Башелакского

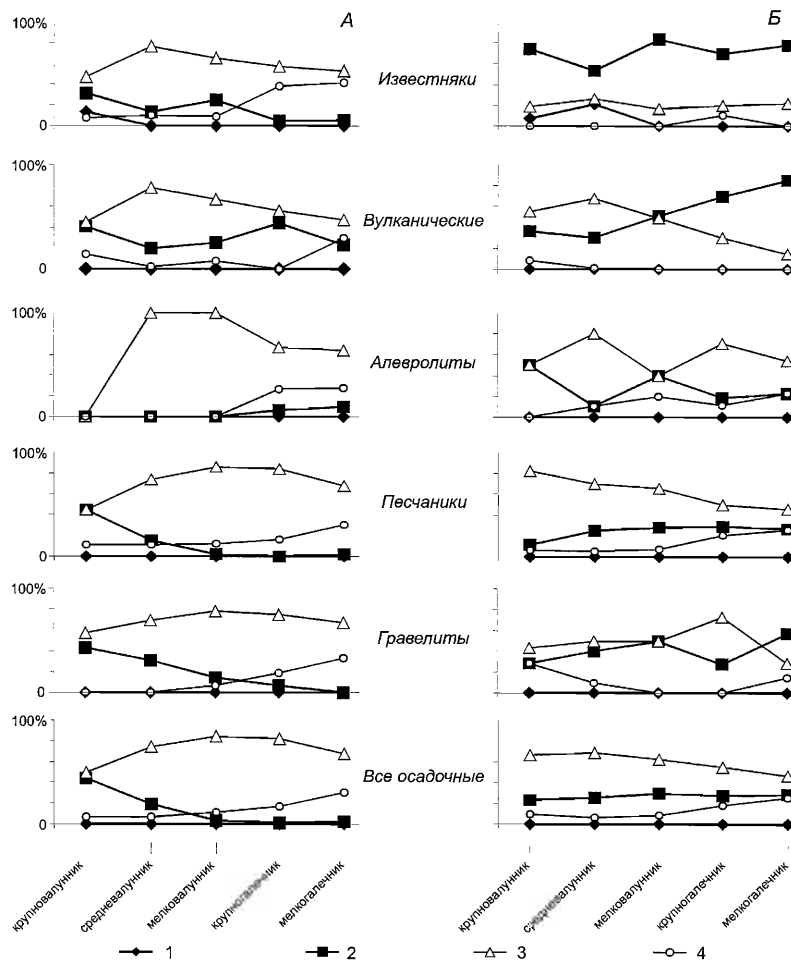

Рис. 3. Соотношение разных по степени окатанности обломков различных пород по фракциям в русловых отложениях рек Ануй (А) и Каракол (Б). 1 – обломки 0 класса окатанности (неокатанные), 2 – обломки I класса окатанности, 3 – обломки II класса окатанности, 4 – обломки III класса окатанности.

гранитоидного массива в кембро-ордовикской флишовой толще алевролитопесчаников. Роговики, мощность прослоев которых в коренном залегании редко превышает 20 см, не характерны для фракции крупновалунника (см. рис. 2), а сильная тектоническая издробленность их в зоне Башелакского разлома (см. рис. 1) обуславливает внутреннюю трещиноватость галек и множество мелко раковистых сколов на их вершинах. По петрографии среди роговиков выделяются биотитовые, биотит-кордиеритовые (узловатые), а также переходные от слабо ороговикованных алевролитов к биотитовым. Наилучшими потребительскими свойствами обладают биотитовые роговики – однородные тонкозернистые породы, состоящие из биотита и кварца, с характерной роговиковой структурой, определяющей вязкость породы, и твердостью выше 5 по шкале Мооса. Биотит-кордиеритовые узловатые не уступают им по однородности при размерах узелков кордиерита не более 0,5 мм и по твердости

(при отсутствии позднего замещения кордиерита слюдястым агрегатом). Гальки биотитовых и тонкозернистых узловатых роговиков имеют красновато-коричневую, темно-коричневую до черной окраску; галечная поверхность матовая, замшево-гладкая на ощупь, соответствует высокой степени окатанности.

Из остальных пород, встреченных в изученных отложениях Ануя и Каракола и использованных в палеолитических индустриях, следует отметить редкие, преимущественно в виде крупных валунов обломки дайкового диабазового порфирита, близкие по твердости к эффузивам и очень вязкие из-за тонкого переплетения мелких удлиненных кристаллов основного плагиоклаза и пироксена. По характеру галечной поверхности и скола эти обломки похожи на крупнозернистый песчаник, но заметно превосходят его по прочности режущего края.

В целом на состав и особенности галечного сырья наибольшее влияние оказали два фактора геологического развития бассейна Ануя. Первый фактор – формирование терригенных и терригенно-карбонатных отложений в мелководной шельфовой обстановке от нижнего кембрия по девон включительно [Ёлкин и др., 1994]. Результат влияния этого фактора – преобладание на территории бассейна Ануя (а потому и в галечном материале) однотипных осадочных пород (от алевролитов и песчаников до гравелитов и конгломератов), разновозрастных, но сходных по облику и составу. Сходство усилено слабым региональным метаморфизмом, при котором во всех породах широко развиты хлорит и эпидот. Второй фактор – многочисленность тектонических нарушений (см. рис. 1). Их длительная активность способствовала эндогенному изменению пород – расщелачиванию и окварцеванию с образованием прожилков и метасоматитов (в том числе яшмоидов по эффузивам). В более позднее время она проявилась в развитии трещиноватости, облегчавшей размыв пород при выходе на поверхность и влиявшей на размер и форму обломков, которые становились галечным материалом. Так, развитие трещин кливажа определяло образование параллелепипедальных и брусковидных обломков осадочных пород. Трещиноватость влияла и на дальнейшее раскалывание обломков в водном потоке вплоть до образования максимально однородных по прочности, после чего формирование более мелких фракций существенно сокращалось и одновременно прекращалось увеличение количества частично или плохо окатанных галек (см. рис. 2, 3). Действием тектонического фактора объясняется и сильная скрытая трещиноватость, значительно снижающая качество галечного сырья.

Таким образом, геолого-петрографическое изучение района и галечного материала позволяет выделить следующие особенности сырьевой базы для производства каменных орудий:

1) качество галечного материала сильно зависит от тектонического дробления коренных пород, определяющего степень трещиноватости, размер, а частично и форму обломков;

2) по совокупности петрофизических свойств в качестве сырья непригодны известняки и сланцы (низкая твердость и хрупкость), гранитоиды (крупнозернистость), жильный кварц (сильная трещиноватость); могут использоваться – гальки осадочных пород, эффузивов, роговиков;

3) для расщепления наилучшим материалом являются роговики, алевролиты и мелкозернистые песчаники, однако первые мало представлены в галечных отложениях, а также из-за сильной скрытой трещиноватости не позволяют производить удлиненные сколы. Достоинством гальки алевролитов и мелкозернистых песчаников является их часто встречаемая, удобная для обработки брусковидная форма. Такая галька в поперечном сечении трапециевидная или напоминает косой параллелограмм. Благодаря естественному ограничению эти обломки имели почти готовую нуклевидную форму без предварительной подготовки латералей, площадки или фронта скалывания;

4) галька эффузивных пород раскалывается гораздо хуже и труднее, чем галька роговиков и осадочных пород, но обладает большей твердостью и повышенной вязкостью. И хотя ее сколовая поверхность неровная, ямчатая, такая галька дает сколы с особо острыми прочными краями;

5) наиболее однородными и, значит, оптимальными для расщепления являются гальки размером от 25 до 5 см (фракции мелковалунника, крупно- и мелкогалечника). Преимущество этих фракций объясняется их доступностью, повышенной прочностью обломков, а также частой встречаемостью среди них брусковидных галек осадочных пород.

В ходе исследования 2 597 изделий из коллекций Денисовой пещеры памятников Усть-Каракол-1 и Ануя-2 была установлена полная идентичность артефактов и образцов галечного сырья на изученных участках Ануя и Каракола по петрографическому составу. Исключение составляют яшмоид сургучно-коричневого цвета (“сургучный яшмоид”) с тончайшими жилочками кварца, горный хрусталь и раухтопаз, не встреченные ни в исследованном галечном материале, ни в гальке с притоков Ануя ниже устья Каракола. Вместе с тем галька “сургучного яшмоида” обнаружена в отложениях р. Песчаной, параллельной Аную и отделенной от него Ануйским хребтом, в 30 – 40 км к северо-западу от Денисовой пещеры. Ближайшее месторождение горного хрусталя находится вблизи Белокурихинского гранитного массива, в 50 – 60 км к северо-западу от памятников Ануйского комплекса, а раухтопаз известен в жилах Башчелакского мас-

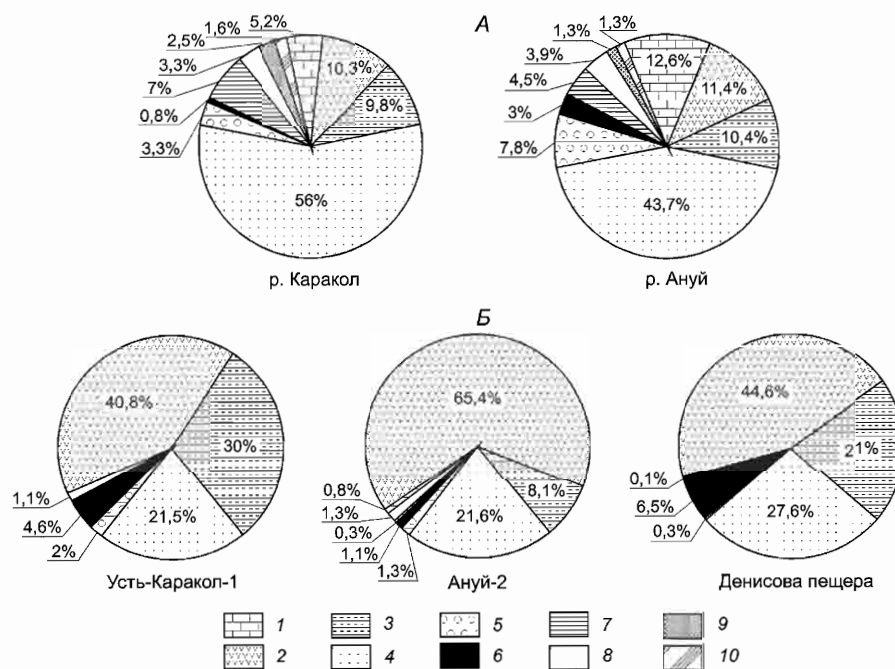

Рис. 4. Соотношение петрографических разностей в галечном материале (А) и индустриях палеолитических памятников (Б).

1 – известняки, 2 – вулканические породы, 3 – алевролиты, 4 – песчаники, 5 – гравелиты, 6 – роговики, 7 – сланцы, 8 – кварц, 9 – граниты, 10 – дайковые.

сива. Это позволяет считать “сургучный яшмоид”, горный хрусталь и раухтопаз принесенными людьми, а весь остальной материал – несомненно местным. Более того, можно утверждать, что сырье отбирали именно на участке Ануй выше Денисовой пещеры и вблизи впадения в Ануй Каракола. Подтверждение тому – полное отсутствие эффузивных пород в гальке левых притоков Ануй, а также средний и основной состав эффузивов в редкой гальке правого притока Карамы ниже Денисовой пещеры.

Между тем распределение петрографических разностей показывает, что эффузивы являются главной породой каменной индустрии памятника Ануй-2 и составляют свыше 40% в исследованной части коллекции стоянки Усть-Каракол-1 и Денисовой пещеры. Обращает на себя внимание тот факт, что в артефактах эффузивов в 4 – 6 раз больше, чем в гальке Ануй и Каракола (использование средне- и крупновалунника маловероятно из-за чрезвычайной прочности обломков таких размеров) (рис. 4). К тому же среди изделий из вулканических пород на памятнике Усть-Каракол-1 преобладают артефакты из нехарактерных для галечных отложений Каракола афировых разновидностей, взятых, несомненно, из гальки Ануй.

Приведенный материал свидетельствует о целенаправленном отборе сырья изготовителями каменных орудий. Это подтверждается результатами сравнения по содержанию не только эффузивных, но и других пород галечного материала и каменных артефактов. Так, из песчаников, наиболее широко (44 – 55%) рас-

пространенных в галечных отложениях, изготовлено лишь около 20% изделий. Как показывает анализ археологических материалов Денисовой пещеры, предпочтение отдавалось мелкозернистым разностям (более 55% от всех использованных для изготовления орудий песчаников). Крупнозернистые находили применение лишь в 9% орудий из этого вида сырья, между тем в галечном материале преобладают средне- и крупнозернистые разности. Значительно реже, чем встречаются в русловых отложениях, использовались еще более крупнозернистые гравелиты. Напротив, доля роговиков в археологических коллекциях значительно выше, чем в галечном материале, что свидетельствует о намеренном отборе.

Сравнительная петрографическая характеристика артефактов и галечного материала позволяет сделать следующие выводы:

1) наиболее вероятным местом отбора каменного сырья для индустрий памятников Ануйского комплекса следует считать галечные отложения Ануй (1-1,5 км вверх по течению от Денисовой пещеры), а также участок на стрелке между Ануем и Караколом. Именно здесь галечные отложения содержат все разности потенциального сырья, и выбор его удобен благодаря большой площади распространения обломочного материала и меньшему объему водотока Ануй. Кроме того, ниже по течению, после прорезания мощного массива известняков, слагающих оба борта долины Ануй, воды реки становятся заметно более карбонатными, что приводит к отложению корки карбонатов

на гальке, а, значит, делает невозможным отбор ее без раскалывания;

2) отбор каменного сырья производился сознательно, на высоком уровне логического и ассоциативного мышления палеолитического человека, умеющего выделять среди многообразия галек обломки определенных пород с нужными свойствами;

3) сознательный выбор сырья предполагает выработку определенных критериев отбора. Основными среди них могут быть следующие:

а) размер, форма и цвет гальки. Эти признаки в первую очередь обращали на себя внимание при отборе. Например, избирательно использовался галечный материал – от мелкогалунника до мелкогалечника. При высоком содержании в галечнике красно-фиолетовых и зеленых разностей пород преобладают артефакты из сырья серого, темно-серого до черного, зеленовато-серого цвета. Такое предпочтение понятно, поскольку большинство красноцветных и зеленых галек составляют хрупкие, с низкой твердостью тонкослоящиеся сланцы. Очевидно, древние мастера, убедившись в их непригодности, исключили по цвету из ряда сырья все подобные обломки; в коллекциях практически отсутствуют артефакты из красноцветных песчаных алевролитов и кварцитоподобных, насыщенных гематитом яшмоидов, представляющих собой в отличие от сланцев высококачественный материал;

б) характер галечной поверхности. Хорошо различимый на ощупь, отражает такие важные, определяющие степень анизотропии каменного материала свойства, как вязкость, зависящую от минерального состава, зернистости и структуры породы; однородность минерального состава и трещиноватость обломка;

в) звук при ударе гальки о гальку и запах, присущий некоторым породам или появляющийся при раскалывании. Звук, косвенно характеризующий вязкость (глухой у хрупких алевролитов, известняков, звонкий у окварцованных песчаников, эффузивов, диабазовых порфиритов) и монолитность (степень трещиноватости) обломков, а также специфический запах (“глинистый” у алевролитов, особенно в мокрой гальке, и появляющийся при раскалывании окварцованных разностей) не могли остаться незамеченными при постоянном использовании имевшегося набора галечного материала.

Корреляция орудийных комплексов Денисовой пещеры по петрографическим и петрофизическим признакам

По артефактам Денисовой пещеры была составлена база данных в форме двоичной матрицы, учитывающая стратиграфическую позицию, морфологию, петрофизические и петрографические параметры. Эти данные были обработаны методом корреляции по

Пирсону с получением коэффициентов попарной зависимости признаков [Федоров-Давыдов, 1987]. Расчеты производились по формуле:

$$r_{kj} = \frac{S_{ki}}{\sqrt{S_{kk}S_{jj}}}, \text{ где } S_{kj} = \sum_{i=1}^n x_{ik}x_{ij},$$

а x_{ij} и x_{ik} – значения j -го и k -го признаков i -го объекта.

Корреляционный коэффициент показывает частоту сочетания разных признаков в совокупности изучаемых объектов. Если он равен +1, значит, у каждого артефакта данные признаки всегда присутствуют вместе, если –1 – данные признаки вместе никогда не встречаются. Значение ноль показывает, что признаки могут встречаться или не встречаться вместе с одинаковой степенью вероятности. Чем ближе к единице корреляционное значение между парой признаков, тем большее количество артефактов сочетает в себе эти признаки. Так, положительное значение коэффициента отражает тенденцию признаков к взаимосвязи и, наоборот, отрицательное значение коэффициента указывает на то, что данные признаки редко сочетаются. Коэффициент корреляции в отличие от показателя частоты встречаемости пар признаков позволяет выявить прямой или обратный характер зависимости признаков. Числовое выражение этой зависимости может значительно меняться от количества учитываемых признаков и объектов исследования, однако знак коэффициента остается неизменным и показывает общие тенденции взаимодействия признаков. По данным обработки были построены графики, где по оси X расположены признаки, по оси Y – значения коэффициентов корреляции. Кривая показывает тенденцию встречаемости определенного признака с другими в корреляционных значениях.

Корреляция верхнепалеолитических и мустьерских слоев по петрографическим и петрофизическим признакам орудий

Данные по коллекциям орудий и нуклеусов с предвходовой площадки и из центрального зала пещеры были обработаны корреляционным методом независимо друг от друга. Это позволило сопоставить результаты обработки и подтвердить вывод о связи между археологическим возрастом и петрофизическими характеристиками артефактов. В обеих коллекциях артефакты по стратиграфической позиции были разделены на две культурно-хронологические группы – позднелпалеолитическую и мустьерскую (рис. 5). Сравнение выявило существенные различия между верхнепалеолитическими и мустьерскими группами обеих коллекций (графики находятся практически в противофазах), а также сходство внутри одной культурно-хронологической группы. Отмечая незначительные индивидуальные особенности каждой из

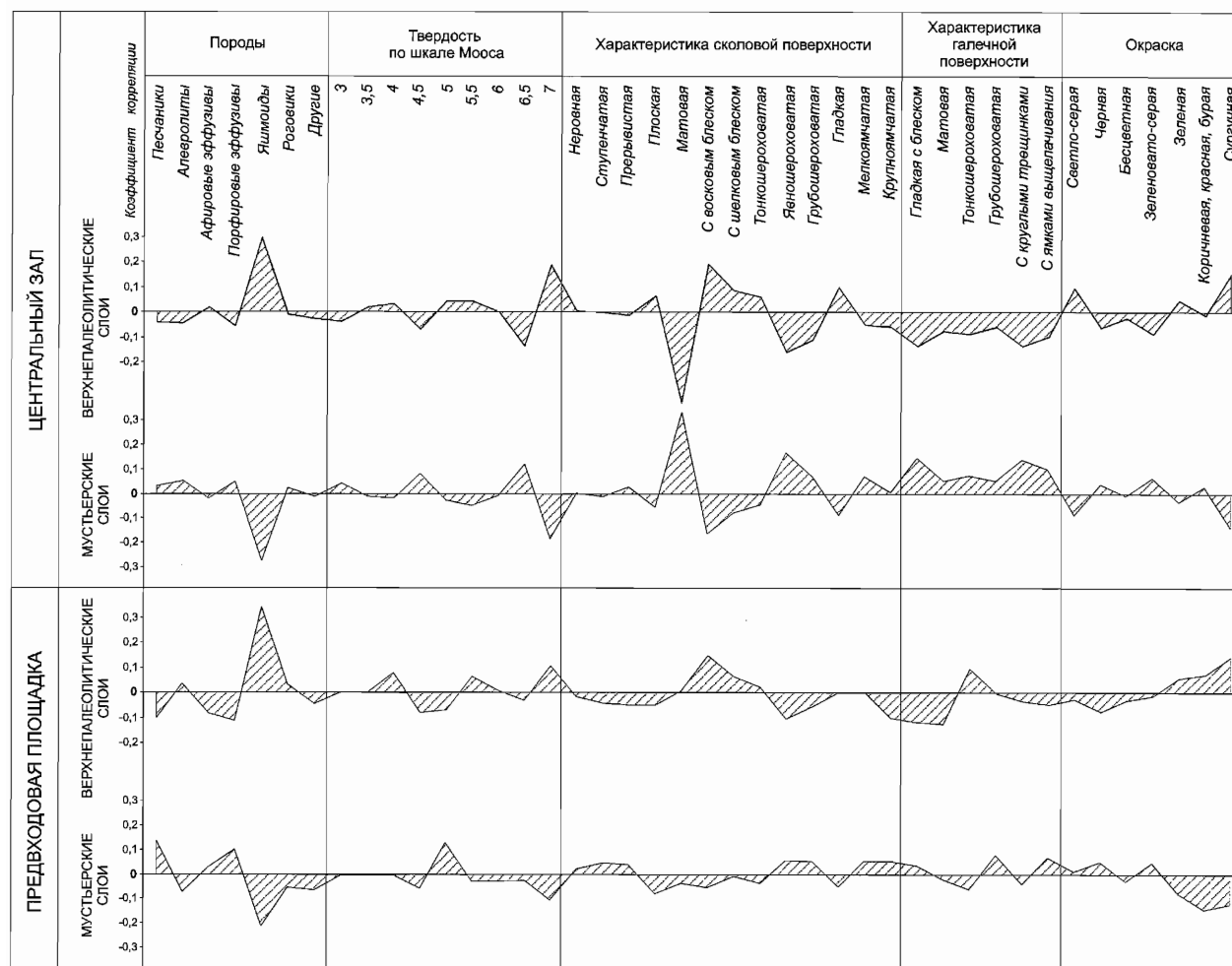

Рис. 5. Корреляция верхнепалеолитических и мустьерских слоев Денисовой пещеры по петрографическим и петрофизическим признакам орудийных коллекций.

четырёх кривых, можно с уверенностью говорить об общих закономерностях в распределении частоты встречаемости петрофизических и петрографических признаков для артефактов одних и тех же культурно-хронологических этапов. Различия между графиками выделены по следующим параметрам: использование определенных пород в качестве сырья, твердость материала артефактов, характер сколовой поверхности заготовок.

Резкими пиками на графиках выделяется интенсивное использование в позднем палеолите яшмоидов, в мустье – песчаников и эффузивов. Избирательность пород видна и при анализе твердости сырья. В верхнепалеолитических горизонтах преобладают артефакты с твердостью 4; 5,5 и 7 по шкале Мооса. На графиках мустьерских горизонтов какие-либо предпочтения в этом плане не выражены, напротив, отрицательные пики по признаку твердости 7 свидетельствуют о том, что породы этой твердости мало использовались. В целом, можно отметить большую твердость каменного материала в орудиях позднепалеолитических ти-

пов, чем мустьерских (рис. 6). На графике видно, что типичные мустьерские формы (леваллуазские сколы, скребла и остроконечники) имеют в основном твердость 4 и 5 по шкале Мооса, а позднепалеолитические формы (скребки, проколки и микропластины) – от 5 до 7. Положительный пик для микропластин и на показателе твердости 4 связан с довольно широким применением при их изготовлении алевритов (однако ретушировались только микропластины из пород с твердостью не менее 6 по шкале Мооса).

По характеристикам сколовой поверхности, отражающим однородность материала (неровная, ступенчатая, прерывистая, плоская), графики различаются слабо (см. рис. 5). Это связано с дефицитом однородного сырья, дающего при расщеплении сколы с ровной поверхностью. По общей динамике коэффициентов корреляции можно проследить тенденцию к уменьшению в более позднее время количества артефактов со ступенчатыми и прерывистыми сколами, т.е. к использованию менее трещиноватого сырья. По характеристикам сколовой поверхности, зависящим

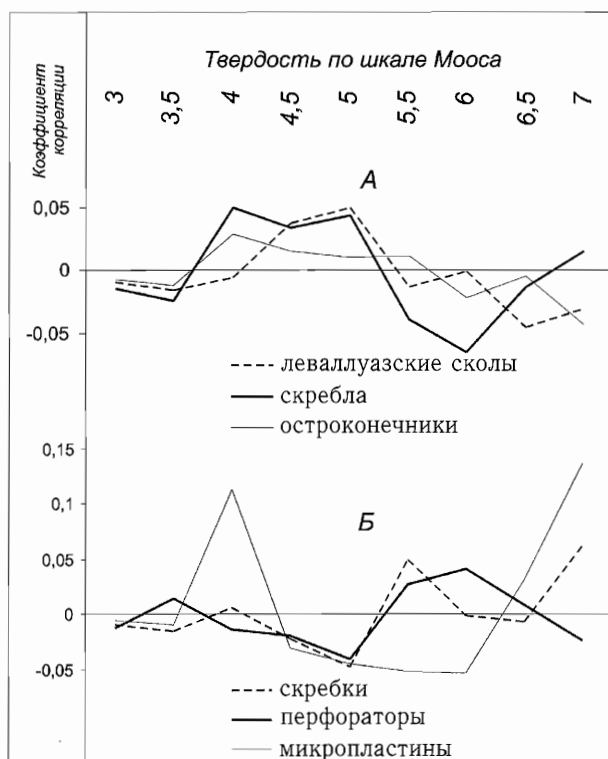

Рис. 6. Корреляция мустьерских (А) и верхнепалеолитических (Б) типов орудий по степени их твердости.

от структуры и минерального состава породы, графики различаются значительно ярче. Кривые позднепалеолитических горизонтов показывают резкое преобладание изделий с восковым и шелковистым блеском сколовой поверхности, а также с тонкошерховатыми и гладкими плоскостями расщепления. Графики мустьерских горизонтов отражают преобладание материала с матовой, явно- и грубошерховатой поверхностями скола. Тенденция к увеличению количества изделий с крупно- и мелкоямчатой сколовой поверхностью, отраженная в позитивных пиках мустьерских графиков, объясняется большим использованием эффузивных пород и особенно их порфировых разновидностей.

Менее выражены различия между позднепалеолитическими и мустьерскими слоями в характеристиках галечной поверхности и в цвете материала. Слабые различия между графиками по признакам, характеризующим галечную поверхность, можно объяснить редкой встречаемостью последней, а отсутствие цветовых предпочтений тем, что по цвету расщепленная порода отличается от галечной поверхности, по которой производился отбор материала. Исключение составляет позитивный пик, соответствующий “сургушной” окраске на графиках для коллекций позднего палеолита, что обусловлено освоением в это время нового вида сырья – “сургушных яшмоидов”.

Приведенные данные, на наш взгляд, свидетельствуют об определенной смене подхода к выбору сырья в более позднее время. Возможно, это связано с общей тенденцией к уменьшению размеров изделий, что, с одной стороны, повысило требования к потребительским свойствам сырья, а с другой – позволило использовать больше мелких обломков высокого качества при изготовлении миниатюрных орудий. В этом контексте интересно использование в позднем палеолите неместного сырья высокого качества – “сургушных яшмоидов”. Обработка этого материала носила целевой характер – производство орудий верхнепалеолитических типов. Это может означать, что перемены в использовании сырья были обусловлены технологическими новациями, т.е. появлением новых приемов обработки камня, новых видов орудий и изменениями в количественном соотношении орудийных форм в составе индустрий.

Связь типов орудий и их петрофизических свойств

Для изучения зависимости между определенными видами сырья и типами орудий были построены корреляционные графики на основе объединенной базы данных (1 488 экз.), независимо от дислокации и культурно-хронологической привязки орудийных форм. Графики строились по шести основным видам горных пород, из которых были изготовлены орудийные наборы в коллекциях Денисовой пещеры, – песчаникам, алевролитам, яшмоидам, роговикам, афировым и порфировым эффузивам (рис. 7). Достаточно четко прослеживаются связи некоторых типов орудий с определенными видами сырья. Так, песчаники использовались чаще при производстве остроконечников, зубчатых орудий и отчасти сколов левааллу и реже, чем другие породы, привлекались для изготовления скребел, скребков, резцов и ножей. Обращает на себя внимание высокая доля типологически невыраженных орудий (неопределимые фрагменты орудий и сколы с нерегулярной ретушью) из данного вида сырья. Это объясняется хрупкостью породы, а также тем, что песчаники как самый распространенный и легкодоступный вид сырья могли чаще использоваться в кратковременных разовых операциях, не требующих тщательной подготовки рабочего участка орудия (см. рис. 4).

Алевролиты чаще служили сырьем при производстве сколов левааллу, скребел, ножей и резцов, что связано, возможно, с большей пригодностью этого материала к “правильному” пластинчатому расщеплению. Из всех пород наилучшую способность к расщеплению проявляют благодаря тонкозерности при меньшей твердости алевролиты, что объясняет нехарактерность случайных, типологически

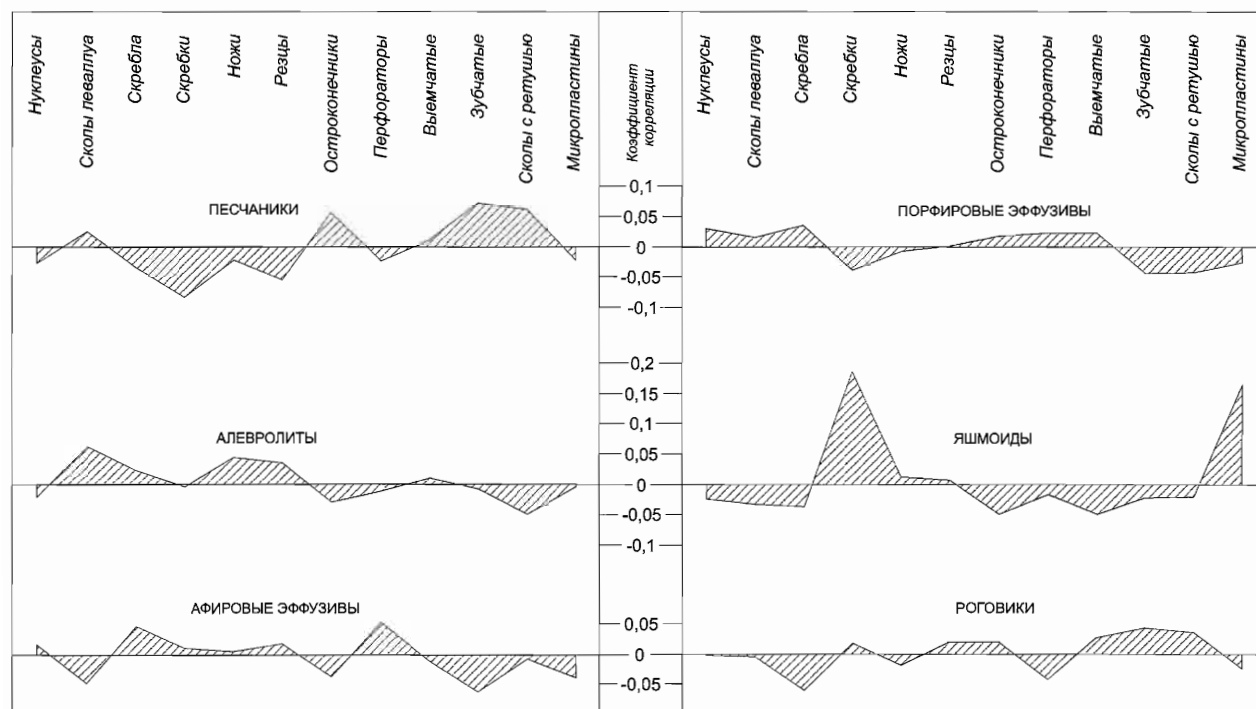

Рис. 7. Корреляция пород сырья и морфологических типов орудий.

невыраженных изделий среди орудийных форм, выполненных из данного материала.

Афировые и порфировые эффузивы имеют достаточно высокую прочность. Это во многом обусловило их использование при изготовлении определенных типов орудий: скребел, различного рода перфораторов и режущих резцов. Вместе с тем, график показывает, что этот материал мало пригоден для изготовления леваллуазских сколов по причинам плохой расщепляемости, т.к. сколовая поверхность искривляется на неоднородностях флюидальности, миндалинах, выполненных кварцем, и вкрапленниках. В целом, однако, эффузивы представляют собой класс универсального сырья, который участвует в изготовлении всех типов орудий в равной степени. Оптимальное в местных условиях соотношение потребительских свойств и доступности сделало эффузивы наиболее распространенным материалом для палеолитических стоянок данного района (см. рис. 4).

Роговик также относится к широко применяемому виду сырья. При этом его реже использовали для производства скребел, что объясняется сильной внутренней трещиноватостью галек роговика, ограничивающей размеры заготовки, и присущим роговику мелкораковистым сколом, в результате которого образовывался неровный край. Данные свойства делают предпочтительным этот вид сырья для изготовления зубчатых орудий. Внутренней трещиноватостью породы объясняется также большое количество сколов с ретушью – брак при производстве орудий и ре-

зультат частой фрагментации изделий в ходе эксплуатации.

Яшмоиды наиболее часто служили сырьем для изготовления двух типов изделий: скребков и микропластин (на яшмоидах выполнено около 30% этих артефактов). Все остальные типы орудий, кроме резцов и ножей, имеют с данным типом сырья отрицательную корреляцию. В группе яшмоидов наиболее специализированным материалом является “сургучная” разновидность: 14 из 19 типологически выраженных изделий, выполненных на нем, – микропластины с притупленным краем и скребки. Единичные экземпляры орудий других типов (проколки на мелких осколках и нож) являются, скорее всего, результатом случайного использования отходов или переходными формами от скребел к скребкам с пропорциями и формой рабочего края, близкими к скреблам, но с характерной для скребков обработкой многорядной вертикальной ретушью.

Большими возможностями для интерпретации обладают графики частоты использования определенных видов сырья при изготовлении орудий различных типов (рис. 8). Сопоставление выявило практически полное совпадение корреляционных кривых для ножей и резцов. Подобное сходство можно объяснить близкими производственными функциями этих орудий. Определяется меньшее использование песчаников, большее – алевролитов и относительно ровное распределение по другим видам сырья. Очевидно, все виды сырья подходили для производства данных

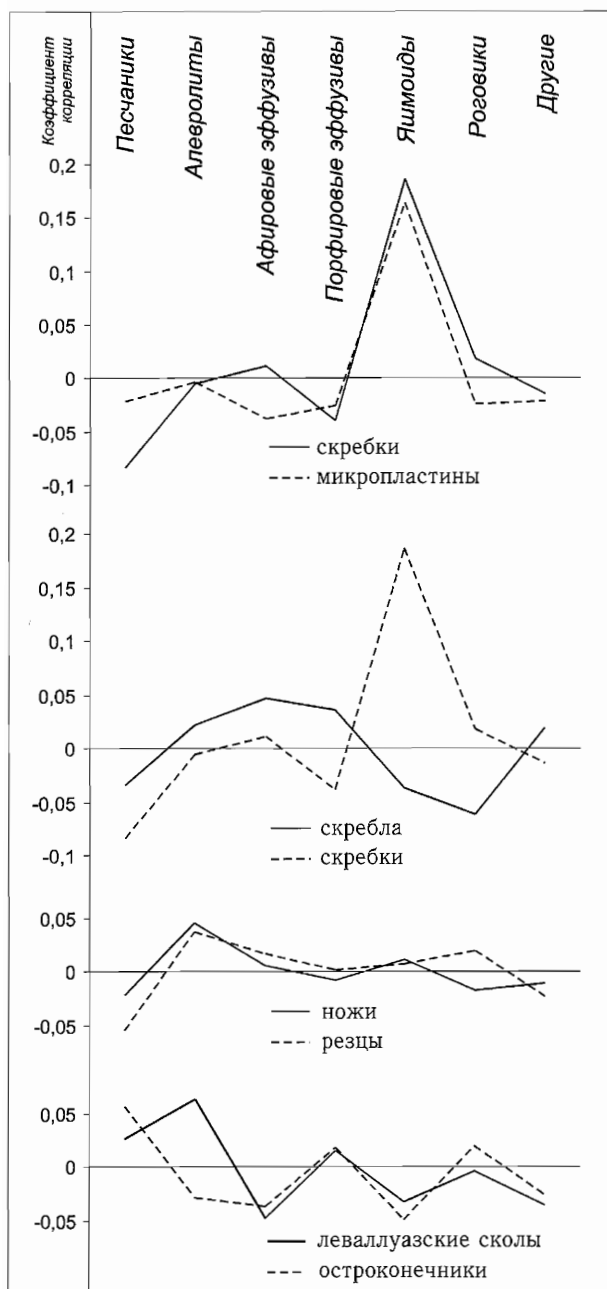

Рис. 8. Корреляция морфологических типов орудий по породам.

типов орудий практически одинаково, а предпочтительное использование алевролитов связано с тем, что они при вполне достаточной прочности хорошо расщепляются, дают ровный скол и ровный рабочий край.

Похожие графики построены для сколов леваллуа и остроконечников (в данную группу включены также треугольные сколы с леваллуазской морфологией). Сходство отражает, видимо, не столько функциональную близость этих типов орудий, сколько подобию в технике получения заготовок, предъявлявшей к сырью определенные требования. Так, при изготов-

лении леваллуазских сколов чаще использовались хорошо расщепляющиеся алевролиты и близкие к ним мелкозернистые песчаники.

Примечательно сравнение корреляционных кривых скребел и скребков. Эти типы орудий близки функционально, что предполагает сходство сырья для их производства. Однако графики выявляют иную картину. Если для скребков характерны твердые и хорошо расщепляемые породы, в первую очередь яшмоиды и роговики, то скребла тяготеют к группе сырья со средней степенью твердости (см. рис. 6). Возможно, это связано с узким функциональным применением скребков, их более строгой специализацией и, напротив, универсальным характером применения скребел (скребла-ножи и др.), но это положение можно проверить только методами трасологии.

О существовании орудийных форм, тяготеющих к определенному виду сырья, свидетельствует график, который объединяет данные по скребкам и микропластинам с ретушью. Основным сырьем для этих типов изделий являются яшмоиды, а остальные породы имеют подчиненное значение, что объясняется, видимо, особенностями технологии производства и вторичной обработки заготовок, а также эксплуатационными требованиями к орудиям (высокая твердость).

Приведенные данные позволяют сделать вывод о существовании у древнего человека четких критериев отбора каменного сырья для изготовления орудий определенного типа. Учитывались не только требуемые внешние параметры заготовки (форма, размер), но и свойства материала (твердость, вязкость, ровный скол). Это подтверждается наличием взаимосвязи между исходным материалом и типами орудий. По характеру этой связи сырье можно условно разделить на три группы:

1) универсальное (порфиновые и афировые эффузивы) – использовалось с одинаковой частотой для изготовления разных видов орудий, оптимально сочетает в себе необходимые потребительские свойства и доступность;

2) специализированное (роговики, песчаники, алевролиты) – полностью пригодное для изготовления орудий только некоторых типов ввиду своих специфических качеств (твердость, вязкость и др.) или технических ограничений, возникавших при его расщеплении (трещиноватость, флюидальность и т.п.);

3) узкоспециализированное (яшмоиды) – встречается редко; использовалось, как правило, для изготовления лишь нескольких типов орудий, производство и эксплуатация которых предъявляла повышенные требования к потребительским свойствам сырья.

Наряду с разными по широте использования сырьевыми группами можно выделить аналогичные подразделения среди орудийных форм. Как показывают

результаты корреляционного анализа, существовали “специализированные” типы (скребки, микропластины с притупленным краем), которые изготавливались из сырья определенного вида и качества, и орудия (скребла, остроконечники, резцы и др.), выполнявшиеся на более разнообразном сырье.

Обсуждение и заключение

При оценке каменного материала учитываются в первую очередь утилизационные качества, сводимые к понятию прочности. Прочность зависит от многих показателей, среди которых одним из наиболее существенных является петрографический состав, поскольку определяет твердость и вязкость породы. Здесь уместно затронуть вопрос о корректности употребления термина “изотропность” (способность к раскалыванию) каменного материала [Гиря, 1997]. Представляется, что использование этого термина, даже применительно к археологии, крайне неудачно, потому что любому камню присущи как раз анизотропия свойств (в том числе и прочностных) по разным направлениям.

Основной дискуссионный момент в петрографических исследованиях археологических коллекций методический: чем руководствоваться – качественными признаками или их количественными характеристиками. Французский петрограф П. Демар писал об использовании кремня в палеолитических индустриях: “Самая распространенная идентификация разных типов кремня основана на макроскопических наблюдениях признаков (цвет, состав, структура и др.), и большое разнообразие кремня нередко обязано сложно определяемым нюансам, которые трудно поддаются передаче” [Demars, 1982, p. 30]. Выход виделся в создании универсальной шкалы, отражающей степень пригодности определенных пород в качестве исходного материала для изделий. Одной из попыток решить эту задачу является работа В.Ф. Петруня по экспериментальному определению прочности и вязкости пород путем оценки их сопротивления сжатию [1971]. Однако большой разброс значений для одной и той же породы, перекрывающиеся показатели для разных пород и изменение полученных характеристик при смене способа воздействия (раскалывание) делают подобный подход малоперспективным при работе с археологическими коллекциями. Вроде бы объективные, цифровые данные оказываются непригодными для характеристики галечного сырья в каждом отдельном случае, что вызывает необходимость учитывать иные признаки. По мнению того же Демара, “визуальное сравнение типов кремня остается наиболее эффективным методом”. Французские археологи в основу своих классификаций кладут именно качественные признаки [Pigeot, 1987, p. 26]. Для кол-

лекций группы памятников на Ануе как главные качественные признаки определены прочность и анизотропность. Распознавание этих признаков древним человеком позволило установить критерии отбора галечного сырья и в общих чертах реконструировать этот процесс.

Выбор сырья для изготовления орудий носил неслучайный характер. Отбор каменного материала, использованного в индустриях Денисовой пещеры и близлежащих палеолитических стоянок, производился на 1 – 2 км выше Денисовой пещеры по течению Ануя и был целенаправленным, т.е. отбирались конкретные породы для определенного вида изделий. Более того, для изготовления микропластин с притупленным краем и скребков в период позднего палеолита древним мастерам приходилось использовать материал из достаточно удаленных (до 30 – 50 км) источников. На многих европейских памятниках, в частности на палеолитических стоянках Франции, также прослеживается соответствие видам сырья определенных типов орудий [Rolland, Dibble, 1990]. Отметим, что соответствия между типами орудий и видами каменного сырья, выявленные при исследовании коллекции Денисовой пещеры, носят несколько иной и более сложный характер. В литературе высказываются различные мнения по поводу того, что лежит в основе связи типов орудий и пород сырья [Binford, 1992; Mellars, 1996; Rolland, Dibble, 1990]. Их видят в размерах исходных блоков сырья, удаленности его источников, возможной транспортировке орудий из более высококачественного материала на большие расстояния, в технологических требованиях к качеству сырья и процессах переоформления/подживления орудий. Нам представляется, что для индустрий каждого памятника или группы памятников имели значение свои причины, обусловленные как сырьевой спецификой района, так и культурными традициями его древнего населения. Результаты исследования коллекции Денисовой пещеры позволяют соотнести подобную связь с функциональными требованиями, которые предъявлялись к готовому изделию, и особенностями техники получения заготовок, о чем свидетельствуют типы узкоспециализированных орудий.

Сопоставление каменного сырья и артефактов подтверждает высокий уровень ассоциативного мышления древнего человека, позволявший отбирать камень с необходимыми качествами по ограниченному числу внешних признаков. Это наряду с определением места отбора материала свидетельствует о намеренном и осмысленном характере данной деятельности. Сам отбор предполагает приобретение человеком определенных навыков, т.е. является видом трудовой деятельности, требующим значительных затрат времени, а не спорадическим одномоментным действием. О достаточно развитом

мышлении свидетельствует и высокий уровень адаптации каменных индустрий к местным условиям.

Все изложенное соответствует мнению А. Ронена, что культурные традиции сохраняются, несмотря на неблагоприятные обстоятельства. В случае, когда, казалось бы, "редкость исходного сырья, его небольшие размеры или плохое качество должны были приводить к исчезновению (отказу) леваллоазского метода... на самом деле этого не происходило" [Ronen, 1995, p. 300]. Действительно, хотя в соседних районах Горного Алтая на синхронных палеолитических объектах зафиксировано применение местного высококачественного сырья, обитатели Денисовой пещеры предпочитали использовать свой, сложный для расщепления материал, затрачивая усилия на его отбор и дальнейшую обработку. Таким образом, в нашем случае специфика каменного сырья не являлась решающим фактором в определении мест обитания человеческих сообществ и существовали более важные причины, удерживавшие древнего человека в пределах бассейна Ануя. Очевидно, низкое качество сырья компенсировалось техническими приемами и навыками, позволявшими успешно приспосабливаться к внешним условиям.

Различия в использовании каменного сырья, выявленные в ходе исследования для разных культурно-хронологических периодов, могут быть использованы как дополнительный критерий для уточнения места Ануйского археологического комплекса в палеолите региона. Аналогичный корреляционный анализ на других объектах может быть полезен при определении различий между палеолитическими культурами, особенно при расширении базы данных за счет привлечения результатов трасологической обработки материала.

Список литературы

- Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая** / А.П. Деревянко, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, М.И. Дергачёва, Т.А. Дупал, Е.М. Малаева, С.В. Маркин, В.И. Молодин, С.В. Николаев, Л.А. Орлова, В.Т. Петрин, А.В. Постнов, В.А. Ульянов, И.Н. Феденёва, И.В. Форонова, М.В. Шуньков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 176 с.
- Гиря Е.Ю.** Технологический анализ каменных индустрий: методика микро- макроанализа древних орудий труда. – СПб.: Изд-во ИИМК, 1997. – Ч. 2. – 198 с.
- Ёлкин Е.А., Сенников Н.В., Буслов М.М., Язиков А.Ю., Грацианова Р.Т., Бахарев Н.К.** Палеогеографические реконструкции западной части Алтае-Саянской области в ордовике, силуре и девоне и их геодинамическая интерпретация // Геология и геофизика. – 1994. – № 7/8. – С. 118 – 143.
- Петрунь В.Ф.** К петрофизической характеристике материала каменных орудий палеолита // Палеолит и неолит СССР. – Л.: Наука, 1971. – С. 282 – 297. – (МИА; Т. 6, № 173).
- Фёдоров-Давыдов Г.А.** Статистические методы в археологии. – М.: Наука, 1987. – 212 с.
- Binford L.R.** Hard evidence // Discover. – 1992. – Febr. – P. 44 – 51.
- Demars P.-Y.** L'utilisation du silex au Paléolithique supérieur: choix, approvisionnement, circulation // Cahiers du Quaternaire. – 1982. – 253 p. – (CNRS; N 5).
- Dibble H.L.** Raw material variation in Levallois flake manufacture // Current Anthropology. – 1985. – N 26. – P. 391 – 393.
- Dibble H.L.** The interpretation of Middle Palaeolithic scraper morphology // American Antiquity. – 1987. – N 52. – P. 109 – 117.
- Dibble H.L.** Local raw material exploitation and its effects on Lower and Middle Paleolithic assemblage variability // Raw Material Economies Among Prehistoric Hunter-Gatherers. – Lawrence: University of Kansas Publications in Anthropology. – 1991a. – N 19. – P. 33 – 46.
- Dibble H.L.** Mousterian assemblage variability on an interregional scale // Journal of Anthropological Research. – 1991b. – N 47. – P.239 – 257.
- Dibble H.L., Rolland N.** On assemblage variability in the Middle Palaeolithic of Western Europe: history, perspectives, and a new synthesis // The Middle Paleolithic: adaptation, behavior, and variability. – Philadelphia, 1992. – P. 1 – 28. – (University of Pennsylvania University Museum Monographs; N 72).
- Mellars P.** The Neandertal Legacy. An Archaeological Perspective from Western Europe. – New Jersey, 1996. – 471 p.
- Pigeot N.** Magdalenien D'Etiolles. Economie de débitage et organisation sociale. – P.: Éditions du center national de la recherche scientifique, 1987. – 170 p.
- Rolland N.** New aspects of Middle Palaeolithic variability in western Europe // Nature. – 1977. – N 266. – P. 251 – 252.
- Rolland N.** The interpretation of Middle Palaeolithic variability // Man. – 1981. – N 16. – P. 15 – 42.
- Rolland N., Dibble H.** A new synthesis of Middle Paleolithic variability // American Antiquity. – 1990. – N 55. – P. 480 – 499.
- Ronen A.** The Levallois method as a cultural marker // The Definition and Interpretation of Levallois Technology. – Madison: Prehistory Press, 1995. – P. 293 – 304. – (Monographs in World Archaeology; N 23).

Материал поступил в редколлегию 01.04.1999 г.

УДК 569 (571.1+571.5):550.93

Л.А. Орлова¹, Я.В. Кузьмин², И.Д. Зольников¹¹Институт геологии ОИГГМ СО РАН,
пр. Академика Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: zol@uiggm.nsc.ru²Тихоокеанский институт географии ДВО РАН,
ул. Радио, 7, Владивосток, 690041, Россия

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ПОПУЛЯЦИИ МАМОНТА (*Mammuthus primigenius* Blum.) И ДРЕВНИЙ ЧЕЛОВЕК В СИБИРИ (по радиоуглеродным данным)*

Введение

Изучение истории существования мамонта (*Mammuthus primigenius* Blum.) является одной из составляющих исследования глобальных изменений природной среды и климата. Несомненно, мамонт также играл значительную роль в жизни первобытного человека Сибири, на что в первую очередь указывают многочисленные находки костных остатков мамонтов в культурных слоях палеолитических стоянок. Таким образом, изучение пространственно-временного взаимоотношения людей эпохи палеолита и мамонта в Сибири весьма важно для исследования процесса взаимодействия человека и природной среды в позднем плейстоцене. Используя геоархеологические данные (в первую очередь радиоуглеродные датировки), можно провести сопряженный анализ динамики популяции мамонтов за последние 40 – 50 тыс. лет и существования древнего человека в Сибири в позднем палеолите с применением технологий геоинформационных систем (ГИС) с целью выявления основных черт этого процесса.

Материал и методика

К настоящему времени опубликован ряд списков радиоуглеродных датировок костей, зубов, бивней и мягких тканей мамонтов Северной Евразии [Орлова, 1979;

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проекты № 96-05-64837 и 99-06-80348, и РГНФ, проект № 99-01-12010.

Сулержицкий, 1995, 1997; Сулержицкий, Романенко, 1997; Vasil'chuk et al., 1997], в которых достаточно полно представлена информация по Сибири. Используя вышеуказанные работы как основу, мы дополнили их данными по территории Казахстана, Приморья, Северо-Восточного Китая и Хоккайдо [Короткий и др., 1989; Liu, Li, 1984; Ho, Jiang, 1993; Ives et al., 1994; Kotani, 1969], датировками костных остатков мамонтов по археологическим памятникам Сибири [Kuzmin, Orlova, 1998], а также неопубликованными данными радиоуглеродной лаборатории Института геологии СО РАН (индекс СОАН). Всего нами использовано 310 дат по более чем 140 местонахождениям мамонтов в интервале 55 000 – 3 700 л.н. (см. таблицу). В графах “Широта” и “Долгота” значения даны в целых и десятичных долях градусов (так, 71.50 означает 70°30'). В графе “Сигма” приведено среднеквадратическое отклонение для каждой из радиоуглеродных дат (графа “Возраст”), рассчитанных для значения величины периода полураспада ¹⁴C, равного 5 570 лет.

Данные о радиоуглеродном возрасте палеолитических памятников Сибири были ранее обобщены авторами [Kuzmin, Orlova, 1998], а также заимствованы из другой аналогичной сводки [Радиоуглеродная хронология..., 1997]. Всего при анализе динамики заселения палеолитическим человеком Сибири использовано около 340 радиоуглеродных дат по 105 памятникам в интервале 45 000 – 13 000 л.н. Для реконструкции первобытной ойкумены (обитаемого пространства) в интервалах 24 000 – 20 000 л.н. и 18 000 – 13 000 л.н., как наиболее обеспеченных геохронологической

информацией, использованы даты по 54 памятникам, относящимся к этому времени.

Для компьютерной обработки имеющейся информации использовался программный продукт Arc View GIS 3.0a (разработка компании ESRI, США). Карты распределения датированных радиоуглеродным методом остатков мамонта и палеолитических стоянок построены в азимутальной равноплощадной (экваториальной) проекции Ламберта (рис. 1 – 5). Определение географических координат местонахождений мамонтов проводилось с использованием атласа СССР и базы данных позднеплейстоценовых млекопитающих Северной Евразии PALEOFAUNA [Markova et al., 1995].

В соответствии с основными климатостратиграфическими подразделениями каргинско-сартанского времени Сибири [Кинд, 1974] построены карты пространственного распределения датировок остатков мамонтов для следующих интервалов: 1) каргинское время, 55 000 – 24 000 л.н. (при этом на карте разными значками выделены: а) раннекаргинские потепление и похолодание, 55 000 – 33 000 л.н.; б) конощельское похолодание, 33 000 – 30 000 л.н.; в) липовско-новоселовское потепление, 30 000 – 24 000 л.н.); 2) сартанское время и позднеледниковье, 24 000 – 13 000 л.н. (на карте выделены: а) раннесартанское время, 24 000 – 20 000 л.н.; б) максимум сартанского похолодания, 20 000 – 18 000 л.н.; в) позднесартанское время и начало позднеледниковья, 18 000 – 13 000 л.н.); 3) позднеледниковье и голоцен, 13 000 – 3 700 л.н. (на карте выделены: а) бёллинг-аллерёдское время, 13 000 – 12 000 л.н.; б) переходное время от плейстоцена к голоцену, 12 000 – 9 000 л.н.; в) бореальный, атлантический и суббореальный периоды голоцена, 9 000 – 3 700 л.н.) (рис. 1 – 3).

При реконструкции ойкумены палеолита использовалось пространственное положение стоянок, для которых имеются радиоуглеродные даты как наиболее надежные данные о времени существования на них человека. Учитывая тот факт, что заселение Сибири в палеолите шло в целом с юга на север и северо-восток [Абрамова, 1989; Derevianko, 1990; Деревянко и др., 1994; Kuzmin, Tankersley, 1996], мы принимаем в качестве северной границы ойкумены для каждого конкретного отрезка геологического времени положение датированных радиоуглеродным методом стоянок. В качестве примера дается предварительная реконструкция ойкумены палеолитического человека для времени около 24 000 л.н. и 13 000 л.н. (рис. 4 – 5).

Результаты и обсуждение

Динамика популяции мамонтов Сибири 55 000 – 3 700 л.н.

В географическом распределении датированных местонахождений мамонта для каргинского и раннего

сартанского времени (55 000 – 20 000 л.н.) наблюдается в целом сходная ситуация – мамонты обитали на всей территории Сибири и прилегающей Северной Азии (см. рис. 1 – 2). Для времени максимума последнего оледенения, 20 000 – 18 000 л.н., мы имеем в распоряжении лишь 15 дат (4,9% от их общего числа) для 13 местонахождений (см. рис. 2, б). Они группируются в высокоширотной Арктике и среднем течении Енисея. Остатки мамонта известны также на ряде палеолитических памятников, относящихся к этому времени, – Мальта и Буреть в Приангарье, Куналей в Забайкалье, Ихине-2 и Верхне-Троицкая в Якутии [Калмыков и др., 1992; Цейтлин, 1979; Равский, 1972]. Таким образом, можно считать твердо установленным факт обитания мамонта на всей территории Сибири во время максимума последнего оледенения. Распределение датированных остатков мамонтов в позднесартанское время, 18 000 – 13 000 л.н. (см. рис. 2, в), принципиально не отличается от такового для всего каргинско-раннесартанского времени. Мамонты в это время обитали практически на всей территории Сибири, а также на северо-востоке Китая и в Северном Казахстане.

Принципиально иной картина распределения датированных остатков мамонта становится со времени около 12 000 л.н. Его ареал существенно сокращается и занимает лишь низовья бассейна р. Индигирки, п-ов Таймыр и архипелаг Северная Земля. Сходная ситуация была 12 000 – 9 000 л.н. (см. рис. 3, б). Около 10 000 л.н. мамонты окончательно исчезают из бассейна Индигирки и известны только на полуостровах Таймыр и Гыдан. Наиболее поздние даты по мамонтам Таймыра – 9 780 – 9 670 л.н.; по мамонтам Гыдана – 9 730 – 9 600 л.н. (см. таблицу). В голоцене, 9 000 – 3 700 л.н., мамонты известны только на о-ве Врангеля (см. рис. 3, в), причем их размеры существенно меньше, чем у обычного мамонта позднего типа, что дало основание для выделения мелкого подвида *M. primigenius vrangeliensis* [Аверьянов и др., 1995].

Пространственное соотношение ойкумены палеолитического человека и ареала мамонта 24 000 – 13 000 л.н.

Около 35 000 – 40 000 л.н. освоенная древним человеком часть территории Сибири охватывала Алтай, бассейн верхней Лены и Забайкалье [Kuzmin, Orlova, 1998, p. 30 – 33]. Ойкумена палеолитического человека Сибири около 24 000 – 20 000 л.н., кроме вышеперечисленных, включала в себя такие новые регионы, как Саяны, бассейны среднего Енисея, Ангары и средней Лены, а также Приамурье и Приморье (см. рис. 4). При этом мы принимаем, что возраст памятников дуктайской культуры Якутии, в частности стоянки Усть-Миль-2, не превышает 24 600 л.н. [Ibid, p. 35 – 39]. Около 13 000 л.н. почти вся Сибирь, кроме низовьев

Рис. 1. Датированные по радиоуглероду в интервале 55 000 – 24 000 л.н. местонахождения мамонтов Сибири и прилегающих регионов.
а – 55 000 – 33 000 л.н.; б – 33 000 – 30 000 л.н.; в – 30 000 – 24 000 л.н.

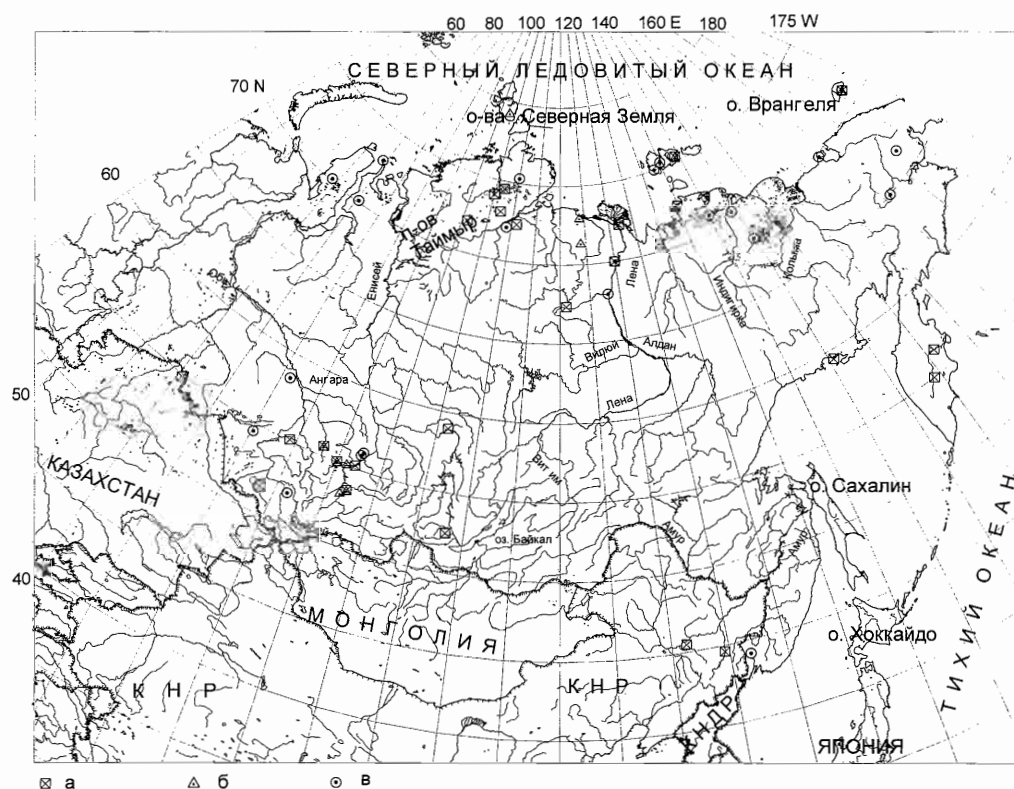

Рис. 2. Датированные по радиоуглероду в интервале 24 000 – 13 000 л.н. местонахождения мамонтов Сибири и прилегающих регионов.
а – 24 000 – 20 000 л.н.; б – 20 000 – 18 000 л.н.; в – 18 000 – 13 000 л.н.

Рис. 3. Датированные по радиоуглероду в интервале 13 000 – 3 700 л.н. местонахождения мамонтов Сибири и прилегающих регионов.
а – 13 000 – 12 000 л.н.; б – 12 000 – 9 000 л.н.; в – 9 000 – 3 700 л.н.

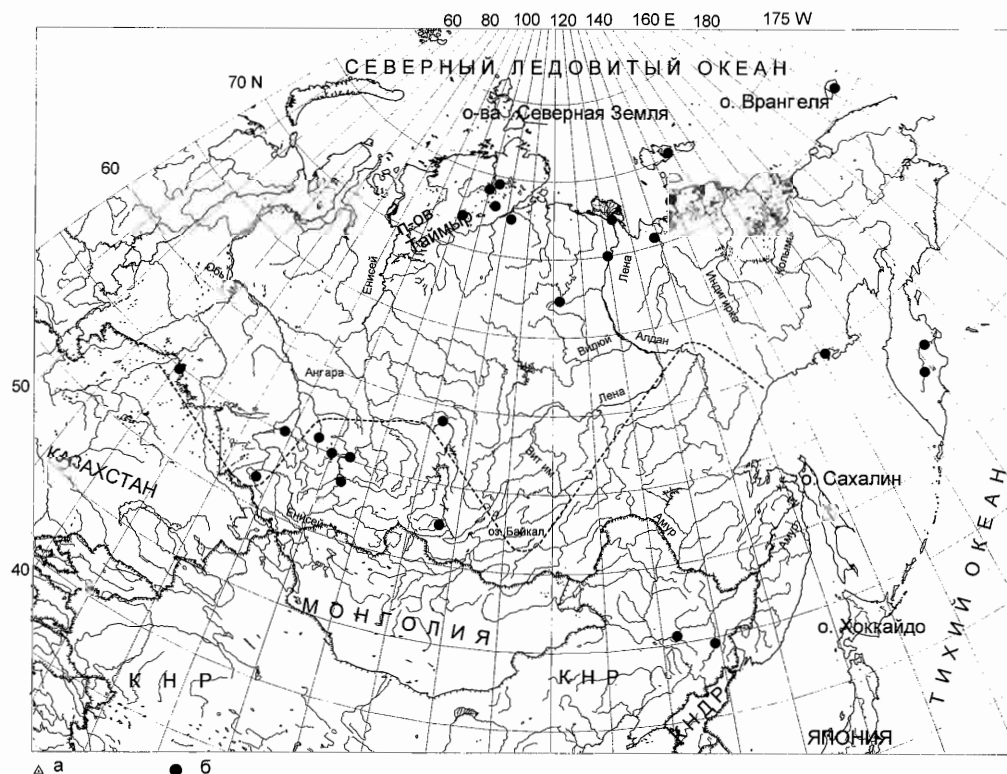

Рис. 4. Положение датированных по радиоуглероду местонаждений мамонтов и палеолитических стоянок Сибири в интервале 24 000 – 20 000 л.н. (штриховая линия соответствует северной границе первобытной ойкумены).
а – палеолитические стоянки; б – местонахождения мамонтов.

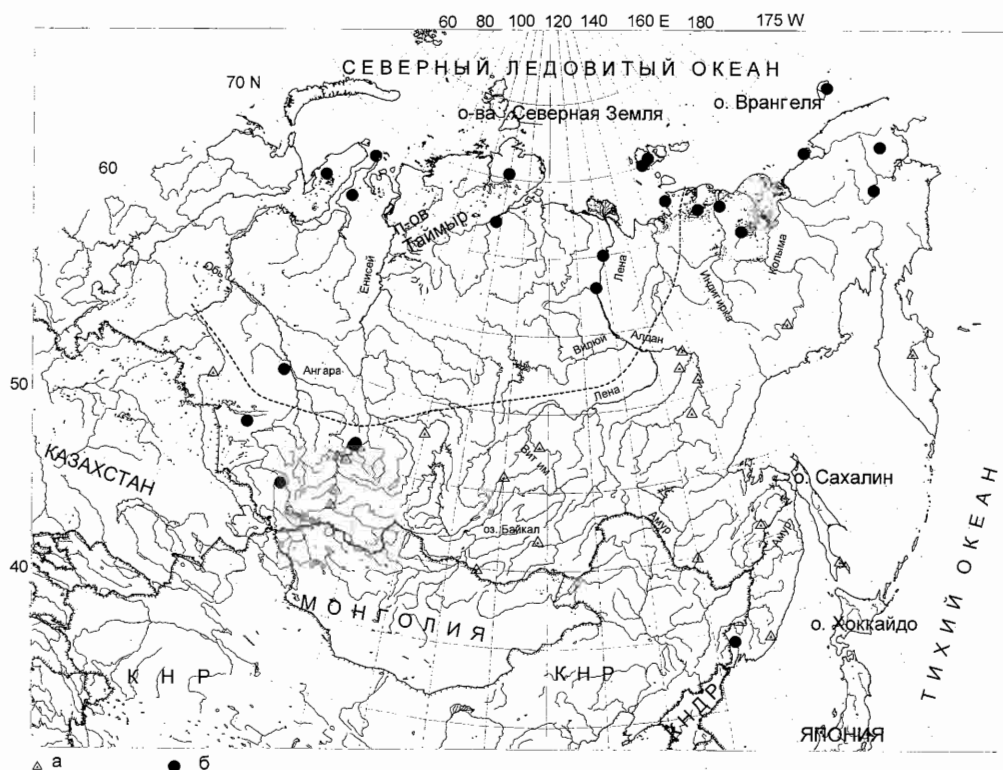

Рис. 5. Положение датированных по радиоуглероду местонахождений мамонтов и палеолитических стоянок Сибири в интервале 18 000 – 13 000 л.н. (штриховая линия соответствует северной границе первобытной ойкумены).
а – палеолитические стоянки; б – местонахождения мамонтов.

Оби, Енисея и Лены, была заселена древним человеком (см. рис. 5).

Необходимо отметить, что реконструируемые размеры палеолитической ойкумены являются минимальными в силу отсутствия возможности учета дальних миграций, почти не оставивших следов [Сулержицкий, 1997, с. 196]. Тем не менее такой подход представляется более корректным, чем некритическое использование данных по ряду памятников со слабой степенью обоснованности как возраста, так и присутствия культурного слоя *in situ* в целом. Так, С.А. Лаухин [1993, 1995] выделяет этап заселения человеком Северной Азии, датируемый им около 32 000 – 18 000 л.н.; северная граница ойкумены при этом проводится в общем направлении с юго-запада на северо-восток, от устья Ангары через бассейн средней Лены к бассейну р. Колымы и Чукотскому п-ву. Основанием для столь раннего заселения Северо-Восточной Сибири является памятник Кымынейкей на Чукотке, не имеющий прямых радиоуглеродных датировок и представленный очень ограниченным набором каменных орудий [Laukhin, Drozdov, 1991]. На наш взгляд, вывод о заселении Северо-Восточной Сибири по меньшей мере около 18 000 л.н. преждевременен в силу недостатка надежно документированных следов обита-

ния человека в бассейнах рек Яны, Индигирки и Колымы, а также на Камчатке и Чукотке вплоть до 13 000 – 14 000 л.н. [Kuzmin, Orlova, 1998, p. 42 – 43].

Анализ пространственного положения датированных радиоуглеродным методом остатков мамонта и стоянок первобытного человека около 24 000 – 20 000 л.н. (см. рис. 4) показывает, что в ряде регионов, в первую очередь в бассейнах среднего Енисея и Ангары, отмечается длительное (не менее нескольких тысяч лет) сосуществование мамонта и человека. Это, вероятно, свидетельствует о достаточно благоприятных условиях обитания мамонтовой популяции этого времени в пределах палеолитической ойкумены. Аналогичная картина прослеживается около 18 000 – 13 000 л.н., когда популяция мамонта на юге Западной Сибири, в Приморье и на северо-востоке Сибири сосуществовала с палеолитическим человеком (см. рис. 5).

Таким образом, можно сделать предварительный вывод о том, что в течение длительного времени (например, не менее 10 000 лет в долине среднего Енисея) первобытный человек Сибири сосуществовал с мамонтом. Несомненно, что мамонт был объектом охоты, но способы его добычи, а также роль мамонта в жизнеобеспечении древних людей оценить пока затруднительно. Заселение человеком новых

Радиоуглеродный возраст остатков мамонтов Северной Азии

№	Местонахождение	Широта, сев.	Долгота	Возраст	Сигма (+/-)	Индекс и номер даты	Литература
1	2	3	4	5	6	7	8
1	О-в Врангеля	71.00	179.00	3730	40	ЛУ-2741	Vasil'chuk et al., 1997
2	»	71.00	179.00	3920	30	ГИН-6980	Сулержицкий, 1997
3	»	71.00	179.00	4010	50	ЛУ-2798	Vasil'chuk et al., 1997
4	»	71.00	179.00	4040	30	ЛУ-2808	Ibid
5	»	71.00	179.00	4370	70	ГИН-8249	»
6	»	71.00	179.00	4400	40	ЛУ-2756	»
7	»	71.00	179.00	4410	50	ЛУ-2768	»
8	»	71.00	179.00	4740	40	ЛУ-2556	»
9	»	71.00	179.00	4900	40	ЛУ-2740	»
10	»	71.00	179.00	5110	40	ЛУ-2794	»
11	»	71.00	179.00	5200	30	ЛУ-2745	»
12	»	71.00	179.00	5250	40	ЛУ-2744	»
13	»	71.00	179.00	5310	90	ЛУ-2742	»
14	»	71.00	179.00	5480	50	ЛУ-2535	»
15	»	71.00	179.00	6260	50	ЛУ-2799	»
16	»	71.00	179.00	6360	60	АА-11529	»
17	»	71.00	179.00	6610	50	ЛУ-2558	»
18	»	71.00	179.00	6760	50	ЛУ-2736	»
19	»	71.00	179.00	6890	50	ЛУ-2810	»
20	»	71.00	179.00	7040	60	ЛУ-2746	»
21	»	71.00	179.00	7250	60	ЛУ-2809	»
22	»	71.00	179.00	7295	95	АА-11530	»
23	»	71.00	179.00	7360	50	ЛУ-2559	»
24	»	71.00	179.00	7710	40	ГИН-6995	Сулержицкий, 1997
25	Юрибей (Гыданский п-ов)	68.92	76.00	9600	300	ВСЕГИНГЕО	Vasil'chuk et al., 1997
26	Р. Нижняя Таймыра	75.25	99.73	9670	60	ГИН-1828	Сулержицкий, 1997
27	Юрибей (Гыданский п-ов)	68.92	76.00	9730	100	МГУ-763	Vasil'chuk et al., 1997
28	П-ов Таймыр	76.00	113.00	9780	40	ГИН-8256	Сулержицкий, Романенко, 1997
29	Р. Нижняя Таймыра	75.25	99.73	9860	50	ГИН-1495	Сулержицкий, 1997
30	Юрибей (Гыданский п-ов)	68.92	76.00	10000	70	ЛУ-1153	То же
31	Оз. Эндельгардт	75.10	110.30	10100	100	ГИН-1489	»
32	Р. Нижняя Таймыра	75.25	99.73	10300	100	ГИН-1828к	»
33	Р. Мутная Сеяха	70.15	69.00	10350	50	ГИН-6386	»
34	Р. Берелех	70.55	149.05	10370	70	СОАН-327	Vasil'chuk et al., 1997
35	Р. Нганасанская	71.26	92.72	10680	70	ГИН-3768	Сулержицкий, 1997
36	Оз. Таймыр	74.05	93.10	11140	180	ГИН-3067	То же
37	Р. Мамонт	75.15	96.00	11450	250	Т-297	»
38	Северная Земля	79.30	98.00	11500	60	ЛУ-610	»
39	Р. Берелех	70.55	149.05	12000	130	ЛУ-149	»
40	О-в Врангеля	71.00	179.00	12010	110	ЛУ-2823	Vasil'chuk et al., 1997
41	Оз. Таймыр, Баскура	74.03	100.00	12100	80	ГИН-1783	Сулержицкий, 1997
42	Р. Берелех	70.55	149.05	12240	160	ЛУ-149	То же
43	Р. Северная	75.50	112.00	12260	120	ГИН-2943г	»
44	»	75.50	112.00	12450	120	ГИН-3242	»
45	Дюктайская пещера, сл. 7а	59.25	132.67	12520	250	ИМ-462	Костюкевич и др., 1984
46	Р. Ачкагыт-Аллаиха	69.00	147.30	12530	60	СОАН-2203	Vasil'chuk et al., 1997
47	Батпак	50.50	72.75	12570	400	КИГН-199	Сулержицкий, 1997
48	Р. Ачкагыт-Аллаиха	69.00	147.30	12570	80	МАГ-826	То же
49	Р. Камчатка, Урц	55.00	159.00	12630	50	ГИН-3420	»
50	О-в Врангеля	71.00	179.00	12750	50	ГИН-6987	Vasil'chuk et al., 1997
51	Р. Бикада	74.53	106.30	12780	80	ГИН-2677	Сулержицкий, 1997
52	Р. Берелех	70.55	149.05	12850	110	ЛУ-1055	То же
53	Пос. Березовский	59.00	69.00	12860	90	СОАН-1283	»
54	Сяонаньшань	46.78	134.03	12900	410	PV-0179	Liu, Li, 1984
55	О-в Айон	69.78	168.00	12950	130	ГИН-8241	Сулержицкий, Романенко, 1997
56	О-в Врангеля	71.00	179.00	12980	80	ЛУ-2792	Vasil'chuk et al., 1997
57	Р. Берелех	70.55	149.05	13205	150	ЛЕ-2335	Мочанов, 1977
58	Р. Большая Балахня	75.30	105.00	13340	240	ГИН-2758а	Сулержицкий, 1997
59	Афонтова Гора-2, сл. 3а	56.10	92.50	13350	60	ГИН-7539	То же
60	Волчья Грива	54.50	80.20	13600	230	СОАН-111	Орлова, 1979
61	О-в Шокальского	73.00	74.40	13650	170	ГИН-8427	Сулержицкий, Романенко, 1997
62	О-в Котельный	75.00	138.00	13700	100	ГИН-8230	То же

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8
63	Р. Берелех	71.00	145.00	13700	800	МАГ-114	Vasil'chuk et al., 1997
64	Хороль	44.15	131.78	13750	780	ТИГ-51	Короткий и др., 1989
65	Афонтова Гора-В912, сл. 4	56.10	92.50	13930	80	ГИН-7541	Сулержицкий, 1997
66	О-в Айон	69.78	168.00	14000	120	ГИН-8242	Сулержицкий, Романенко, 1997
67	»	69.78	168.00	14120	170	ГИН-8241а	То же
68	Волчья Грива	54.50	80.20	14200	150	СОАН-78	Орлова, 1979
69	Р. Лена	68.00	123.00	14340	50	ГИН-4115	Сулержицкий, 1997
70	П-ов Чукотка	66.30	177.00	14380	70	ГИН-7289	То же
71	Р. Зеленая Сеяха	70.15	69.00	14400	80	ГИН-7292	»
72	Р. Улахан-Юрях	72.12	104.00	14800	50	ГИН-3518	»
73	Волчья Грива	54.50	80.20	14800	150	СОАН-111А	Орлова, 1979
74	П-ов Широкостан	72.36	139.73	15000	70	ГИН-8255	Сулержицкий, Романенко, 1997
75	Р. Майн	65.00	171.00	15100	70	ГИН-5370	Сулержицкий, 1997
76	Р. Колыма	68.45	150.00	15130	50	ГИН-6023	То же
77	»	68.45	150.00	15130	90	ГИН-6024	»
78	»	68.45	150.00	15200	80	ГИН-6024бис	»
79	Хороль	44.15	131.78	15300	140	Ки-1130	Короткий и др., 1989
80	О-в Врангеля	71.00	179.00	15400	100	ГИН-8258	Сулержицкий, Романенко, 1997
81	О-в Котельный	75.30	140.00	15420	100	ЛУ-1671	Vasil'chuk et al., 1997
82	Большой Исток	58.50	81.05	16000	385	СОАН-3835	Данная работа
83	Лиственка, сл. 19	55.92	92.33	16300	600	ГИН-6093	Kuzmin, Orlova, 1998
84	Р. Большая Балахня	75.30	105.00	16330	100	ГИН-3130	Сулержицкий, 1997
85	Р. Иша	52.01	86.32	17220	245	СОАН-3504	Данная работа
86	Хороль	44.15	131.78	17400	150	Ки-1301	Короткий и др., 1989
87	Р. Парисенто	70.11	75.46	17500	300	ГИН-7576	Сулержицкий, 1997
88	Р. Иша	52.01	86.32	17600	500	СОАН-3503	Данная работа
89	Нижняя Лена	70.00	125.00	17780	80	ГИН-5042	Сулержицкий, 1997
90	Шестаково	55.64	88.00	18040	175	СОАН-3610	Kuzmin, Orlova, 1998
91	Ханты-Мансийск	61.00	67.51	18250	1100	СОАН-3838	Данная работа
92	О-в Фаддеевский	75.26	144.00	18500	120	ГИН-8229	Сулержицкий, Романенко, 1997
93	Шленка	53.55	92.00	18600	2000	ГИН-2862	Сулержицкий, 1997
94	Бур	71.40	119.00	18680	120	ГИН-5046	То же
95	Амудай	73.00	119.00	18700	100	ГИН-6099	»
96	Тарачиха	55.15	91.10	18930	320	ЛЕ-3834	Kuzmin, Orlova, 1998
97	Шестаково	55.64	88.00	19190	310	СОАН-3609	То же
98	Северная Земля	79.30	98.00	19270	300	ЛУ-654Б	Сулержицкий, 1997
99	Средний Енисей	53.55	92.00	19500	200	ГИН-2859	То же
100	Минусинская котловина	53.30	91.40	19700	200	ГИН-2861	»
101	Р. Чулым	55.05	90.00	19960	80	ГИН-3016	»
102	Северная Земля	79.30	98.00	19970	110	ЛУ-688	»
103	О-в Котельный	75.30	140.00	19990	110	ЛУ-1970	»
104	О-в Врангеля	71.00	179.00	20000	110	ЛУ-2807	Vasil'chuk et al., 1997
105	Шленка	55.20	92.05	20100	100	ГИН-2863	Сулержицкий, 1997
106	П-ов Широкостан	72.36	139.73	20100	150	ГИН-8263	Сулержицкий, Романенко, 1997
107	Средний Енисей	53.55	92.00	20100	300	ГИН-3017	Сулержицкий, 1997
108	Могочино	51.75	83.52	20140	240	СОАН-1513	Kuzmin, Orlova, 1998
109	Р. Чулым	55.05	90.00	20200	100	ГИН-2860	Сулержицкий, 1997
110	Р. Дудыпта	72.00	96.00	20400	100	ГИН-3952	То же
111	Шестаково	55.64	88.00	20480	180	СОАН-3607	Kuzmin, Orlova, 1998
112	Сан Шань	45.50	126.33	20580	600	ZK-425-0	Liu, Li, 1984
113	Р. Белая	52.50	103.10	20700	150	ГИН-7709	Kuzmin, Orlova, 1998
114	Шестаково	55.64	88.00	20770	560	СОАН-3218	То же
115	О-в Фаддеевский	75.25	144.00	20900	100	ГИН-5760	Сулержицкий, 1997
116	Муданцзян	44.63	129.58	20910	1000	ZK-118-0	Liu, Li, 1984
117	Нижняя Лена	70.00	125.00	21260	310	ЛУ-786	Сулержицкий, 1997
118	Р. Пахча	56.35	161.00	21300	400	ГИН-2224	То же
119	Шестаково	55.64	88.00	21300	420	СОАН-3611	Kuzmin, Orlova, 1998
120	Р. Танон	59.45	150.55	21600	200	ГИН-6309	Сулержицкий, 1997
121	Р. Белая	52.50	103.10	21600	200	ГИН-7708	Kuzmin, Orlova, 1998
122	П-ов Быковский	72.25	127.00	21630	240	ЛУ-1328	Сулержицкий, 1997
123	Р. Камчатка, Генералка	55.00	159.15	21750	150	ГИН-5299Б	То же
124	Р. Попигай	72.40	106.00	22000	200	ГИН-5574	»
125	Шестаково	55.64	88.00	22240	185	СОАН-3612	Kuzmin, Orlova, 1998
126	»	55.64	88.00	22290	125	СОАН-1380	То же

1	2	3	4	5	6	7	8
127	О-в Врангеля	71.00	179.00	22400	200	ГИН-8257	Сулержицкий, Романенко, 1997
128	»	71.00	179.00	22400	300	ГИН-8259	То же
129	Шестаково	55.64	88.00	22410	200	ЛУ-104	Kuzmin, Orlova, 1998
130	Р. Кия	55.64	88.00	22450	200	СОАН-1467	Фирсов и др., 1985
131	Оз. Таймыр, Баскура	74.03	100.00	22750	150	ГИН-3089	Сулержицкий, 1997
132	Шестаково	55.64	88.00	22990	170	СОАН-1386	Фирсов и др., 1985
133	Туюнг	67.35	116.00	23100	200	ГИН-3232	Сулержицкий, 1997
134	Р. Бодербо-Тарида	73.06	102.16	23500	300	ГИН-2763а	То же
135	Средняя Ангара	59.00	101.30	23600	200	ГИН-5886	»
136	Успенка	54.87	70.50	23670	410	КИГН-397ф	»
137	Куделин Ключ	55.12	84.24	23760	245	СОАН-3634	Данная работа
138	Оз. Таймыр, Саблера	74.50	102.00	23800	400	ГИН-1296Б	Сулержицкий, 1997
139	О-в Фаддеевский	75.26	144.00	23940	150	ГИН-8244	Сулержицкий, Романенко, 1997
140	Кулар	70.50	134.23	24000	1100	ГИН-7166	Vasil'chuk et al., 1997
141	Батпак-7	50.50	72.75	24650	305	СОАН-2712	Данная работа
142	Оз. Таймыр, Баскура	73.04	100.00	24900	500	ГИН-2160	Сулержицкий, 1997
143	Северная Земля	79.30	98.00	25030	210	ЛУ-749Б	Vasil'chuk et al., 1997
144	Р. Пясины	72.50	87.00	25100	500	ЛЕ-612	То же
145	О-в Фаддеевский	75.26	144.00	25180	150	ГИН-8227	Сулержицкий, Романенко, 1997
146	»	75.26	144.00	25200	180	ГИН-8246	То же
147	Побережье моря Лаптевых	70.45	131.00	25300	600	ГИН-3502	Сулержицкий, 1997
148	Р. Юрибей	70.30	75.50	25400	300	ГИН-2210	Vasil'chuk et al., 1997
149	О-в Фаддеевский	75.26	144.00	25540	170	ГИН-8532	Сулержицкий, Романенко, 1997
150	Мингьюеогоу	43.11	128.91	25790	550	WB-78-41	Liu, Li, 1984
151	О-в Фаддеевский	75.25	144.00	25800	200	ГИН-4710Б	Сулержицкий, 1997
152	Чжалайноу	49.35	117.58	25920	1300	PV-0175	Liu, Li, 1984
153	Чекуровка	71.05	127.30	26000	1600	Mo-215	Сулержицкий, 1997
154	П-ов Лопатка	71.83	150.00	26680	200	ГИН-8237	Сулержицкий, Романенко, 1997
155	Р. Гуля	70.05	100.30	26700	700	ГИН-1216	Сулержицкий, 1997
156	О-в Фаддеевский	75.26	144.00	27100	300	ГИН-8224	Сулержицкий, Романенко, 1997
157	Оз. Ямбута	71.02	79.20	27200	500	ГИН-20216	Vasil'chuk et al., 1997
158	Р. Логата	73.00	98.00	27300	200	ГИН-3836	Сулержицкий, 1997
159	Р. Хубалах	73.00	97.12	27500	300	ГИН-3929	То же
160	Побережье моря Лаптевых	70.45	131.00	27500	300	ГИН-3505	»
161	Иркутск	53.00	104.40	27615	2015	СОАН-2222	Фирсов и др., 1985
162	О-в Фаддеевский	75.25	144.00	28000	200	ГИН-4710	Сулержицкий, 1997
163	П-ов Ямал	71.00	66.50	28300	350	ГИН-8545	Сулержицкий, Романенко, 1997
164	Р. Среднекан	62.45	150.30	28400	300	ГИН-5696	Сулержицкий, 1997
165	П-ов Терпый-Тумус	73.55	118.50	28400	340	ГИН-8220	Сулержицкий, Романенко, 1997
166	Уртуйское	50.11	118.00	28525	200	СОАН-3440	Данная работа
167	Дуванный Яр	68.45	150.45	28600	300	ГИН-3867	Сулержицкий, 1997
168	О-в Фаддеевский	75.26	144.00	28650	350	ГИН-8225	Сулержицкий, Романенко, 1997
169	П-ов Лопатка	71.83	150.00	28680	200	ГИН-8237	То же
170	Р. Катунь	51.43	85.35	28730	995	СОАН-2301	Фирсов и др., 1985
171	Р. Шренк	75.15	98.00	28800	600	ГИН-952	Сулержицкий, 1997
172	Кузнецкий бассейн	54.35	86.21	28870	600	СОАН-2026	Фирсов и др., 1985
173	Чжоучжияофан	44.76	126.53	28880	1220	WB-78-45	Liu, Li, 1984
174	Р. Анабарка	72.40	106.00	28900	300	ГИН-5073	Сулержицкий, 1997
175	О-в Котельный	75.30	140.00	29020	190	ЛУ-1791	То же
176	О-в Фаддеевский	75.25	144.00	29100	400	ГИН-4330	»
177	»	75.25	144.00	29100	1000	ГИН-4711	»
178	П-ов Ямал	67.10	68.00	29300	300	ГИН-6386А	Vasil'chuk et al., 1997
179	Р. Анабар	72.15	113.30	29400	400	ГИН-3310	Сулержицкий, 1997
180	Оз. Таймыр, Матуда	74.50	102.63	29500	300	ГИН-2155	То же
181	Санга-Юрях	64.00	126.00	29500	3000	T-170	Vasil'chuk et al., 1997
182	Туюнг	67.35	116.00	29600	500	ГИН-3234	Сулержицкий, 1997
183	О-в Фаддеевский	75.26	144.00	29700	250	ГИН-8260	Сулержицкий, Романенко, 1997
184	П-ов Лопатка	71.83	150.00	29900	300	ГИН-8236	То же
185	П-ов Терпый-Тумус	73.55	118.50	30000	300	ГИН-8218	»
186	Р. Камчатка, Большой Яр	56.00	159.75	30000	300	ГИН-3415	Сулержицкий, 1997
187	Р. Гыда	70.30	77.30	30250	1800	T-298	Vasil'chuk et al., 1997
188	Р. Хомус-Юрях	71.16	153.45	30400	300	ГИН-6023а	То же
189	Р. Борго-Токур	71.00	117.01	30600	1240	СОАН-3030	Данная работа
190	Каменка-1, комп. А	51.87	108.15	31060	530	СОАН-3133	Kuzmin, Orlova, 1998

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8
191	Р. Энмынвеем	66.30	173.70	31100	900	МАГ-1000Б	Vasil'chuk et al., 1997
192	»	66.30	173.70	31370	900	МАГ-1000А	То же
193	О-в Фаддеевский	75.26	144.00	31400	300	ГИН-8226	Сулержицкий, Романенко, 1997
194	Р. Екарияха	71.55	80.66	31500	1000	T-298	Vasil'chuk et al., 1997
195	Нижняя Лена	70.00	125.00	31500	2000	T-170(3)	Сулержицкий, 1997
196	Р. Кейнгвеем	69.60	164.80	31530	420	ГИН-8240	Сулержицкий, Романенко, 1997
197	Р. Березовка	67.15	157.30	31750	2500	T-299	Vasil'chuk et al., 1997
198	Р. Северная	75.50	112.00	31800	500	ГИН-3240а	Сулержицкий, 1997
199	Р. Суалема	73.00	112.00	31900	300	ГИН-5726	То же
200	Р. Большая Балахня	75.30	105.00	32000	200	ГИН-3117	»
202	Оз. Таймыр, Матуда	74.50	102.63	32000	500	ГИН-2151	»
201	Р. Энмынвеем	66.30	173.70	32000	3000	МАГ-1124	Vasil'chuk et al., 1997
203	Мыс Эримо	41.93	143.23	32000	3100	GaK-519	Kotani, 1969
204	О-в Большой Ляховский	73.30	142.00	32100	900	МАГ-316	Vasil'chuk et al., 1997
205	Р. Попигай	72.40	106.00	32300	400	ГИН-5074	Сулержицкий, 1997
206	Чжалайнор	49.35	117.58	32430	1700	PV-0170	Liu, Li, 1984
207	Пещера Географического Общества	42.87	133.00	32570	1510	ИГАН-341	Kuzmin, Orlova, 1998
208	Р. Пясины	73.95	85.75	32600	700	ГИН-8261	Сулержицкий, Романенко, 1997
209	Санга-Юрх	64.00	126.00	32650	2500	T-170	Vasil'chuk et al., 1997
210	Р. Энмынвеем	66.30	173.70	32810	720	МАГ-1001А	То же
211	»	66.30	173.70	32850	900	МАГ-1000А	»
212	Р. Пирканайваам	68.03	166.00	32850	900	МАГ-1000	»
213	Р. Энмынвеем	66.30	173.70	32890	1200	МАГ-1001Б	»
214	Р. Гыда	70.30	77.30	33500	1000	T-298(g)	Сулержицкий, 1997
215	П-ов Лопатка	71.83	150.00	33600	500	ГИН-8233	Сулержицкий, Романенко, 1997
216	Дуванный Яр	68.45	150.45	33800	500	ГИН-3861	Сулержицкий, 1997
217	Мингъюегоу	43.11	128.91	34310	1850	WB-78-42	Liu, Li, 1984
218	О-в Котельный	75.00	138.00	34400	400	ГИН-8254	Сулержицкий, Романенко, 1997
219	Протока Быковская	72.25	127.00	34450	2500	T-171	Сулержицкий, 1997
220	Р. Щучья	67.10	68.00	34500	300	ГИН-6475А	Vasil'chuk et al., 1997
221	О-в Фаддеевский	75.26	144.00	34500	500	ГИН-8247	Сулержицкий, Романенко, 1997
222	Дуванный Яр	68.45	150.45	34700	400	ГИН-4434	Vasil'chuk et al., 1997
223	Р. Логата	73.00	98.00	35000	500	ГИН-3821	Сулержицкий, 1997
224	Побережье моря Лаптевых	70.45	131.00	35000	300	ГИН-3503	То же
225	О-в Фаддеевский	75.26	144.00	35210	500	ГИН-8243	Сулержицкий, Романенко, 1997
226	Р. Гыда	70.30	77.30	35500	1100	T-298	Сулержицкий, 1997
227	Протока Быковская	72.25	127.00	35800	1200	T-171(2)	То же
228	О-в Бельковский	75.63	135.83	35800	700	ГИН-8223	Сулержицкий, Романенко, 1997
229	Р. Моховая	72.00	85.30	35800	2700	T-169(3)	Сулержицкий, 1997
230	Р. Тиректях	69.30	147.15	35830	630	ЛУ-504	Vasil'chuk et al., 1997
231	Междуречье Анабар - Оленек	73.60	117.00	35900	500	ГИН-8262	Сулержицкий, Романенко, 1997
232	Р. Камчатка, Яр Николка	55.00	159.00	36000	500	ГИН-3425	Сулержицкий, 1997
233	О-в Фаддеевский	75.26	144.00	36000	500	ГИН-8238	Сулержицкий, Романенко, 1997
234	Р. Логата	73.00	98.00	36200	500	ГИН-3822	Сулержицкий, 1997
235	Р. Шандрин	71.20	150.30	36450	420	СОАН-1005	Фирсов и др., 1985
236	Р. Анабарка	72.40	106.00	36600	500	ГИН-5751	Сулержицкий, 1997
237	О-в Фаддеевский	75.26	144.00	36700	500	ГИН-8243а	Сулержицкий, Романенко, 1997
238	Р. Большая Балахня	75.30	105.00	36800	500	ГИН-3122	Сулержицкий, 1997
239	Р. Моховая	72.00	85.30	36950	4300	T-169	Vasil'chuk et al., 1997
240	Р. Семириской	72.00	110.55	37000	500	ГИН-5750	Сулержицкий, 1997
241	Р. Хатанга	72.30	104.30	38000	1500	ГИН-942	То же
242	Р. Логата	73.00	98.00	38300	600	ГИН-3817	»
243	Р. Большая Балахня	75.30	105.00	38400	700	ГИН-3118	»
244	Кандабаево	50.90	108.48	38460	1100	СОАН-1625	Kuzmin, Orlova, 1998
245	Р. Бодербо-Тарида	73.06	102.16	38500	500	ГИН-2763Б	Сулержицкий, 1997
246	»	73.06	102.16	38500	600	ГИН-3136	То же
247	Р. Большая Балахня	75.30	105.00	38500	600	ГИН-3073	»
248	Р. Кейнгвеем	69.60	164.80	38500	900	ГИН-8250	Сулержицкий, Романенко, 1997
249	Р. Нему-Дика-Тарида	73.08	98.75	38800	400	ГИН-3476	Сулержицкий, 1997
250	Р. Трауфеттер	75.63	101.80	38800	1300	ГИН-1491	То же
251	Сютуань	45.00	127.60	38800	3500	AECV-1405с	Ives et al., 1994
252	Р. Логата	73.00	98.00	38900	600	ГИН-3831	Сулержицкий, 1997
253	Кузнецкий бассейн	54.12	86.38	39090	2440	СОАН-2027	Фирсов и др., 1985
254	Р. Большая Балахня	75.30	105.00	39100	1000	ГИН-3120/П	Сулержицкий, 1997

1	2	3	4	5	6	7	8
255	Р. Большая Балахня	75.30	105.00	39200	700	ГИН-3121/П	Сулержицкий, 1997
256	Оз. Таймыр, Баскура	74.05	93.10	39300	500	ГИН-3071	То же
257	Побережье моря Лаптевых	70.45	131.00	39400	1000	ГИН-3517	»
258	Р. Киргилых	63.27	149.60	39570	870	ЛУ-718А	»
259	»	63.27	149.60	39590	770	ЛУ-718Б	»
260	Р. Кимитина	56.30	160.00	39600	1600	ГИН-3411	»
261	Сюетуань	45.00	127.60	39600	3000	АЕСV-1407с	Ives et al., 1994
262	Р. Бодербо-Тарида	73.06	102.16	39800	600	ГИН-3135	Сулержицкий, 1997
263	Побережье Анабарского залива	73.00	113.35	40100	500	ГИН-5726А	То же
264	Р. Логата	73.00	98.00	40200	600	ГИН-3804	»
265	Сюетуань	45.00	127.60	40200	3500	АЕСV-1406с	Ives et al., 1994
266	Р. Анабарка	72.40	106.00	40300	400	ГИН-5025	Сулержицкий, 1997
267	Р. Шандрин	71.20	150.30	40350	880	ЛУ-595	Vasil'chuk et al., 1997
268	Оз. Эндельгардт	75.10	110.30	40500	800	ГИН-1818/П	Сулержицкий, 1997
269	Р. Камчатка, Яр Половинка	55.00	159.00	40600	600	ГИН-3407	То же
270	Р. Киргилых	63.27	149.60	40600	700	МАГ-366А	»
271	Оз. Таймыр, Гофман	74.60	101.20	40800	2000	ГИН-1835	»
272	Р. Киргилых	63.27	149.60	41000	900	МАГ-576	»
273	»	63.27	149.60	41000	1100	МАГ-366Б	»
274	Р. Белая	52.50	103.10	41100	1500	ГИН-7707	Kuzmin, Orlova, 1998
275	Р. Бодербо-Тарида	73.06	102.16	41200	1000	ГИН-2744Б	Сулержицкий, 1997
276	Оз. Шайтан	74.00	95.00	41400	2000	ГИН-3941	То же
277	Р. Шандрин	71.20	150.30	41750	1290	ЛУ-505	»
278	Р. Анабарка	72.40	106.00	41900	800	ГИН-5224	»
279	Р. Тавда	59.00	64.00	41900	800	ГИН-5337	»
280	Р. Хомус-Юрях	71.16	153.45	42400	800	ГИН-6310	»
281	Массонов	72.30	104.30	42800	800	ГИН-3946	»
282	Амудай	73.00	119.00	43200	400	ГИН-6100	»
283	Оз. Таймыр, Баскура	74.05	93.10	43500	1000	ГИН-3072	»
284	Пос. Черский	68.45	161.15	43700	800	ГИН-3849	»
285	Р. Березовская	67.15	157.30	44000	3500	Т-299	»
286	Санга-Юрях	64.00	126.00	44000	3500	Т-170	Vasil'chuk et al., 1997
287	Р. Тиректях	69.30	147.15	44540	1900	ЛУ-1050	Сулержицкий, 1997
288	Ханты-Мансийск	60.53	68.15	>45000	-	СОАН-3839	Данная работа
289	Уртуйское	50.11	118.00	>45000	-	СОАН-3442	То же
290	Красный Яр	55.08	82.50	>45000	-	СОАН-3465	»
291	Р. Хета	71.45	100.00	45000	1000	ГИН-766	Сулержицкий, 1997
292	Амудай	73.00	119.00	45500	1200	ГИН-6105	То же
293	Р. Аччагый-Аллаиха	69.00	147.30	46100	1000	ГИН-3206	»
294	Оз. Таймыр, Баскура	74.05	93.10	46100	1200	ГИН-3073	»
295	Р. Большая Балахня	75.30	105.00	47900	1600	ГИН-3118а	»
296	Кузнецкий бассейн	54.35	86.21	48090	2720	СОАН-2025	Фирсов и др., 1985
297	Р. Некуй	73.00	120.00	>49500	-	ГИН-6101	Сулержицкий, 1997
298	Оз. Таймыр, Баскура	74.05	93.10	>49500	-	ГИН-3080	То же
299	Р. Большая Балахня	75.30	105.00	>49500	-	ГИН-3092а	»
300	Р. Маймеча	71.00	100.45	49700	1100	ГИН-689	»
301	Нижняя Лена	70.00	125.00	>50000	-	ГИН-359	»
302	Р. Тиректях	69.30	147.15	>50000	-	СОАН-813	Фирсов и др., 1985
303	Дуванный Яр	68.45	150.45	>50000	-	ГИН-3866	Vasil'chuk et al., 1997
304	Р. Анабарка	72.40	106.00	>50000	-	ГИН-5731	Сулержицкий, 1997
305	Пос. Черский	68.45	161.15	>50000	-	ГИН-3848	То же
306	Р. Лена	68.00	123.00	50400	1300	ГИН-4114	»
307	Р. Бодербо-Тарида	73.06	102.16	>52700	-	ГИН-2764Б	»
308	Дуванный Яр	68.45	150.45	>53000	-	ГИН-3857	»
309	Р. Хатанга	72.30	104.30	>53170	-	ЛУ-1057	»
310	Р. Тиректях	69.30	147.15	>53170	-	ЛУ-1058	Vasil'chuk et al., 1997

территорий начиная с 24 000 л.н., особенно на северо-востоке Сибири 14 000 – 13 000 л.н., не вызвало резкого сокращения ареала мамонта. Оно начинается около 12 000 л.н. по всей территории Северной Азии, т. е. как внутри, так и вне первобытной ойкумены того времени. Таким образом, первичным выводом о роли человека в вымирании мамонта в Сибири

может быть представление о том, что антропогенный пресс на популяцию мамонтов был в целом невелик.

Заключение

Представленные результаты являются первой попыткой синтеза имеющихся данных по истории популя-

ции мамонта и динамики освоения Сибири первобытным человеком с помощью ГИС-технологий. Можно считать надежно установленным, что вплоть до 12 000 л.н. мамонты обитали на всей территории севера Азиатского материка. С 12 000 л.н. начинается быстрое сокращение ареала мамонта, вызванное, вероятнее всего, изменением климата и растительности в условиях общего потепления, исчезновением пригодных для обитания мамонтов ландшафтов. Имеющиеся данные не позволяют считать, что первобытный человек играл существенную роль в вымирании мамонтов на территории Сибири.

Список литературы

- Абрамова З.А.** Палеолит Северной Азии // Палеолит Кавказа и Северной Азии / Ред. П.И. Борисковский. – Л.: Наука, 1989. – С. 147 – 256.
- Аверьянов А.О., Вартанян С.Л., Гарутт В.Е.** Мелкий мамонт, *Mammuthus primigenius vrangeliensis* (Garutt, Averianov et Vartanyan, 1993) с острова Врангеля (Северо-Восточная Сибирь) // Исследования по плейстоценовым и современным млекопитающим / Ред. Г.Ф. Барышников. – СПб.: ЗИН РАН, 1995. – С. 184 – 199. – (Тр. Зоологического института РАН; Т. 263).
- Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А.** Палеолитоведение: Введение и основы. – Новосибирск: Наука, 1994. – 288 с.
- Калмыков Н.П., Пискунов А.С., Хандуева В.Б.** Ископаемые млекопитающие Музея природы Бурятии (систематика, распространение, экология). – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1992. – 72 с.
- Кинд Н.В.** Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. – М.: Наука, 1974. – 255 с. – (Тр. ГИН АН СССР; Вып. 257).
- Короткий А.М., Ковалюх Н.Н., Волков В.Г.** Радиоуглеродное датирование четвертичных отложений (юг Дальнего Востока) / ДВО АН СССР. – Препр. – Владивосток, 1989. – 59 с.
- Костюкевич В.В., Днепровская О.А., Иванов И.Е.** Радиоуглеродные даты лаборатории Института мерзлотоведения СО АН СССР. Сообщение VI // Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода. – М.: Наука, 1984. – № 53. – С. 172 – 174.
- Лаухин С.А.** Концепция поэтапного заселения Северной Азии палеолитическим человеком // Докл. Академии наук (РАН). – 1993. – Т. 332, № 3. – С. 352 – 355.
- Лаухин С.А.** Заселение Северной Азии палеолитическим человеком и возможности Берингийского моста // РА. – 1995. – № 4. – С. 7 – 19.
- Мочанов Ю.А.** Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1977. – 264 с.
- Орлова Л.А.** Радиоуглеродный возраст ископаемых остатков мамонта на территории СССР // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. – 1979. – Вып. 2, № 6. – С. 89 – 97.
- Равский Э.И.** Осадконакопление и климаты Внутренней Азии в антропогене. – М.: Наука, 1972. – 336 с.
- Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии: проблемы и перспективы** / Ред. А.А. Сеницын, Н.Д. Праслов. – СПб.: ИИМК РАН, 1997. – 141 с.
- Сулержицкий Л.Д.** Черты радиоуглеродной хронологии мамонтов (*Mammuthus primigenius* Blum.) Сибири и севера Восточной Европы // Исследования по плейстоценовым и современным млекопитающим / Ред. Г.Ф. Барышников. – СПб.: ЗИН РАН, 1995. – С. 163 – 183. – (Тр. Зоологического института РАН; Т. 263).
- Сулержицкий Л.Д.** Черты радиоуглеродной хронологии мамонтов Сибири и севера Восточной Европы (как субстрата для расселения человека) // Человек заселяет планету Земля / Ред. А.А. Величко, О.А. Соффер. – М.: ИГ РАН, 1997. – С. 184 – 202.
- Сулержицкий Л.Д., Романенко Ф.А.** Возраст и расселение “мамонтовой” фауны азиатского Заполярья (по радиоуглеродным данным) // Криосфера Земли. – 1997. – Т. 1, № 4. – С. 12 – 19.
- Фирсов Л.В., Паныхев В.А., Орлова Л.А.** Каталог радиоуглеродных датировок. – Новосибирск: Ин-т геологии и геофизики СО АН СССР, 1985. – 89 с.
- Цейтлин С.М.** Геология палеолита Северной Азии. – М.: Наука, 1979. – 287 с.
- Derevianko A.P.** Paleolithic of Northern Asia and the problem of ancient migrations. – Novosibirsk: Institute of History, Philology and Philosophy, 1990. – 123 p.
- Ho C.K., Jiang P.** Middle and Upper Pleistocene Adaptations in Northeast China // L'Anthropologie (Paris). – 1993. – Vol. 97, N 2/3. – P. 355 – 398.
- Ives J.W., Zhijun Y., Beaudoin A.B., Qixiao Y.** Human Presence in Heilongjiang, China, along the Late Pleistocene Periphery of Beringia // Current Research in the Pleistocene. – 1994. – Vol. 11. – P. 136 – 138.
- Kotani Y.** Upper Pleistocene and Holocene Environmental Conditions in Japan // Arctic Anthropology. – 1969. – Vol. 5, N 2. – P. 133 – 158.
- Kuzmin Y.V., Orlova L.A.** Radiocarbon chronology of the Siberian Paleolithic // Journal of World Prehistory. – 1998. – Vol. 12, N 1. – P. 1 – 53.
- Kuzmin Y.V., Tankersley K.B.** The Colonization of Eastern Siberia: an Evaluation of the Paleolithic Age Radiocarbon Dates // Journal of Archaeological Science. – 1996. – Vol. 23, N 4. – P. 577 – 585.
- Lauxhin S.A., Drozdov N.I.** Discovery of Paleolithic artifacts in the north of Eastern Chukotka and migration of Paleolithic man from Asia to North America // Prehistory and Ancient History (Korea). – 1991. – Vol. 1, N 6. – P. 175 – 186.
- Liu T., Li X.** Mammoths in China // Quaternary Extinctions: A Prehistoric Revolution / Eds. P.S. Martin, R.G. Klein. – Tucson: University of Arizona Press, 1984. – P. 517 – 527.
- Markova A.K., Smirnov N.G., Kozharinov A.V., Kazantseva N.E., Simakova A.N., Kitaev L.M.** Late Pleistocene Distribution and Diversity of Mammals in Northern Eurasia (PALEOFAUNA Database) // Paleontologia i Evolucion (Spain). – 1995. – Vol. 28/29. – P. 5 – 143.
- Vasil'chuk Y., Punning J.-M., Vasil'chuk A.** Radiocarbon Ages of Mammoths in Northern Eurasia: Implications for Population Development and Late Quaternary Environment // Radiocarbon. – 1997. – Vol. 39, N 1. – P. 1 – 18.

УДК 569:551.791 (470.333)

А.П. Деревянко¹, В.Н. Зенин¹, С.В. Лещинский², Е.Н. Машенко³¹Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: v.zenin@paleo.archaeology.nsc.ru²Томский государственный университет, ул. Ленина, 36, Томск, 643050, Россия
E-mail: sl@ggf.tsu.ru³Палеонтологический институт РАН, ул. Профсоюзная, 12, Москва, 117647, Россия
E-mail: evmash@paleo.ru

ОСОБЕННОСТИ АККУМУЛЯЦИИ КОСТЕЙ МАМОНТОВ В РАЙОНЕ СТОЯНКИ ШЕСТАКОВО В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Введение

В остеологических материалах многих палеолитических местонахождений Северной Евразии сохранились как отдельные кости мамонтов (*Mammuthus primigenius* Blum.), так и скопления костей этого вида. Последние привлекают к себе повышенное внимание исследователей, побуждая их обращаться к глобальной проблеме исчезновения мамонтов, к поиску причин их гибели [Громов, 1948; Верещагин, 1971; Сергин, 1991]. Одни исследователи полагают, что скопления костей мамонта являются результатом специализированной охоты древнего населения. По мнению других, кости собирались людьми в местах естественной гибели животных. Большинство специалистов не отрицают вероятность и сбора костей, и непосредственной охоты на отдельных мамонтов. Суть этих предположений достаточно подробно освещена в литературе [Сергин, 1991]. Следует лишь отметить, что приверженность к той или иной гипотезе находит отражение в различных палеореконструкциях, касающихся взаимоотношений человека с природным окружением.

На наш взгляд, массовые скопления костей мамонтов и других крупных млекопитающих возникали в благоприятных для существования животных климатических условиях, в ландшафтах, способствовавших их максимальной концентрации. Примером ландшафтной зависимости образования скоплений остатков крупных млекопитающих является, по нашему мнению, геопалеологическое местонахождение Шеста-

ково (55°54' с.ш., 87°57' з.д.) в Западной Сибири (рис. 1, А). Оно приурочено к яру на правом берегу р. Кии (левый приток р. Чулыма), в 500 м ниже по течению от с. Шестакова. Яр, активно разрушаемый боковой эрозией, сложен осадочными меловыми породами, на которых со стратиграфическим несогласием залегают лессовидные суглинки верхнего неоплейстоцена (рис. 1, В, С). Лессовидные отложения содержат многочисленные остатки крупных млекопитающих (преимущественно *M. primigenius*), сборы которых проводились еще в XIX в. [Зайцев, 1893]. На участке правого борта балки, разрезающей обнажение яра на две части (рис. 1, В, III), в 1974 г. были получены первые археологические материалы [Кулемзин, 1980]. В 1975 – 1978 гг. палеолитическая стоянка исследовалась А.П. Окладниковым и В.И. Молодиным [Okladnikov, Molodin, 1980/1981]. Предлагаемая работа основана преимущественно на материалах исследований 1992 – 1997 гг.

Геологическими исследованиями установлено, что массовые остатки крупных млекопитающих размещены в пределах небольшой котловины, расположенной в активной неотектонической зоне предгорьев Кузнецкого Алатау. Наибольший интерес вызывают причины формирования местонахождения остатков млекопитающих в котловине и его связь с палеолитической стоянкой [Деревянко, Зенин, 1998]. Условия и характер размещения костей позволяют предположить преимущественно естественную природу образования местонахождения. Местонахождения ископаемых животных, сопровождающиеся

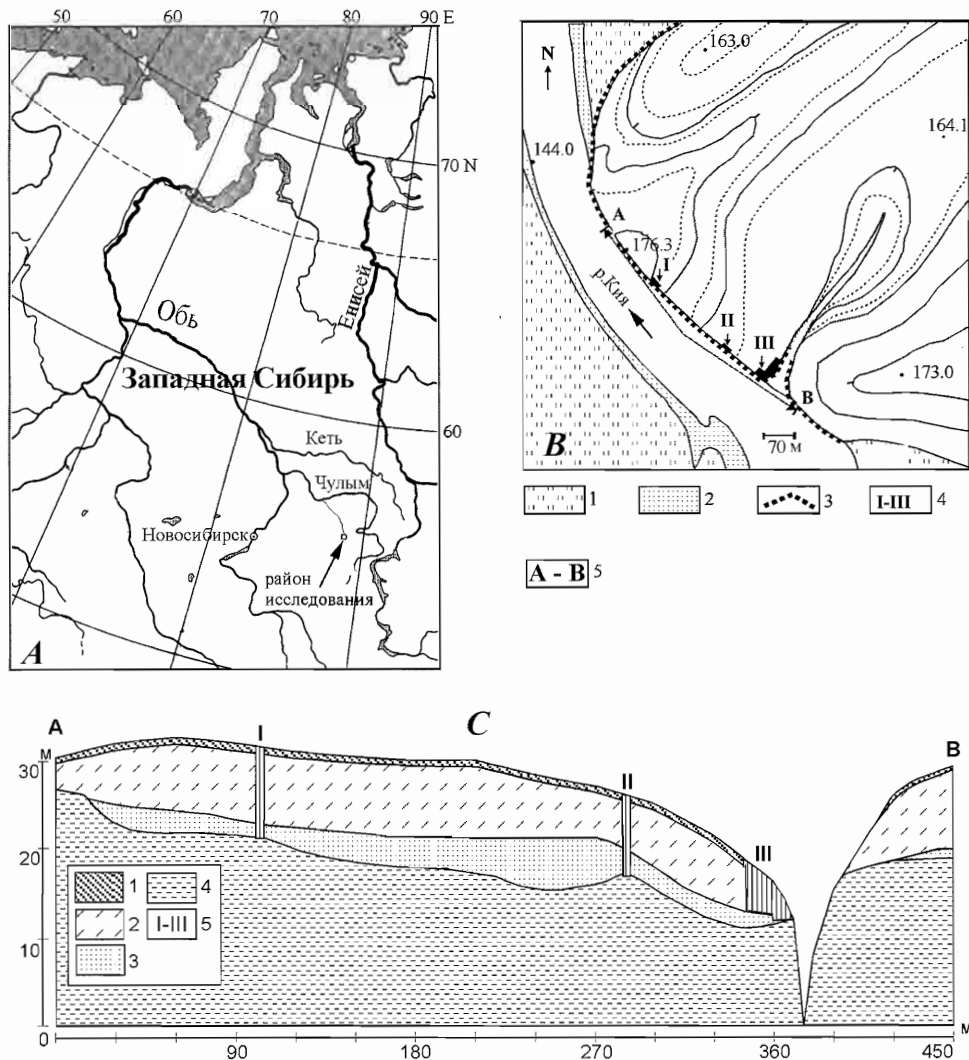

Рис. 1. Местонахождение Шестаково.

A – расположение района исследования в Западной Сибири;
 B – план местности: 1 – высокая пойма, 2 – низкая пойма, 3 – обнажение яра,
 4 – расчистки обнажения (I–II) и раскоп (III), 5 – линия сечения яра;
 C – разрез обнажения яра по линии A–B: 1 – отложения голоцена, 2 – отложения сартанского горизонта,
 3 – отложения каргинского горизонта, 4 – меловые отложения, 5 – расчистки яра (I–II) и раскоп (III).

следами деятельности человека, хорошо известны в Центральной Европе, на Русской равнине [Soffer, 1985; Соффер, 1993] и на северо-востоке Сибири [Верещагин, Мочанов, 1972]. Массовые скопления остатков животных связаны, как правило, с речными или озерными отложениями. В геологических разрезах Шестакова аллювиальные отложения отсутствуют, нет и следов каких-либо природных катастроф. Образование местонахождения может быть объяснено другой естественной причиной – наличием минеральных солонцов [Лещинский, 1998]. Аналогичный геоморфологический контекст ранее отмечен для местонахождений мамонтов в Мичигане и Моравии [Соффер, 1993; Abraczinskas, 1994].

Геология и стратиграфия местонахождения

В ближнем окружении Шестакова прослеживаются несколько тектонических нарушений [Ананьев, 1948, 1951]. По одному из них, возможно на рубеже среднего – позднего неоплейстоцена, произошел отрыв блока материка площадью около 25 км² (участок между реками Кия, Серта и оз. Базыр). В юго-западной части блока образовалась котловина, сформированная обособленным оползнем площадью 0,5 км² (рис. 1, B). По линии тектонического разлома сформировалась балка-овраг протяженностью около 500 м. Время образования котловины приходится на начало каргинского термохрона. Процесс начальной стадии

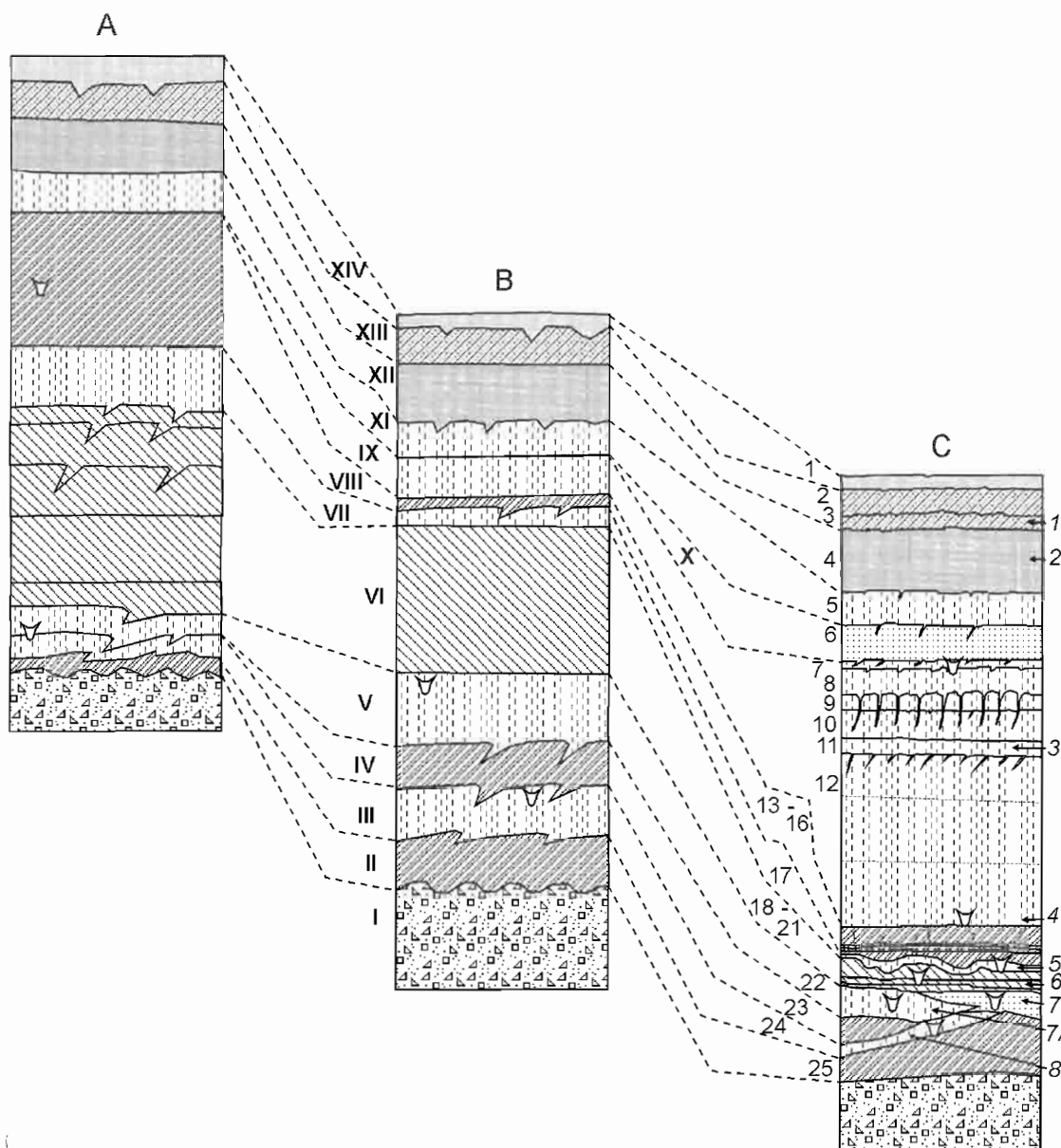

Рис. 2. Принципиальная схема геологического разреза в районе местонахождения Шестаково. А, В – расчистки яра (I, II), С – раскоп (III). Римскими цифрами обозначены геологические слои (пачки), арабскими – геологические слои в раскопе (1 – 25), арабскими курсивом – культурные горизонты (1 – 8).

осадконакопления проходил в условиях достаточно-го увлажнения. Активность склоновых процессов, протекающих в приконтактной зоне оползня, в некоторой степени осложняет определение генезиса пород. Но, несомненно, основную роль в седиментации играли эоловые и делювиальные процессы.

По данным изучения разреза (рис. 2) условия седиментации, взаимоотношения литологических и культурных слоев с костями млекопитающих указывают на две главные особенности. Первая – ритмичное чередование лессовидных и делювиальных отло-

жений, вторая – тесная связь, а часто и совместное залегание палеонтологических и культурных остатков. Такое строение четвертичной толщи объясняется уникальным сочетанием макроклимата, геологического строения территории и особенностей рельефа. Основу исследования составили: анализ структурно-текстурных особенностей пород, наблюдения за характером взаимоотношений культурных и костеносных горизонтов, а также результаты спорово-пыльцевых исследований и спектрального анализа. Описание сводного геологического разреза представлено в табл. 1.

Таблица 1. Описание сводного геологического разреза

Горизонт	Слой	Описание	Мощность, м	Номер слоя в раскопе	Культурный горизонт
	I	Породы иллекской свиты нижнего мела	до 28	26	
Каргинский	II	Делювиальные отложения, занимают понижения в палеорельефе. Представлены тремя прослоями. В раскопе прослои образуют единый слой темного красновато-коричневого суглинка с примесью щебня и дресвы. Кровля пламевидная, нарушена криогенными процессами	0,2 – 0,7	25	
	III	Светлый серо-коричневый лессовидный суглинок. Однородный, с пятнышками окислов железа. В слое часты полости (до 3 см), заполненные кальцитом. Содержит кости лошади и мамонта без погрызов. Кровля со следами размыва, неровная, четкая, пронизана морозобойными трещинами	0,3 – 2,0	24	8
	IV	Делювиальные отложения. В раскопе – фрагменты в виде слоев переотложенных меловых грубо-крупнозернистых полимиктовых песков, глин и светлого серо-коричневого лессовидного суглинка. Слой нарушен многочисленными криотурбациями длиной до 1 м, проникающими сверху. Встречаются стяжения (до 2 см) кальцита	0,5 – 2,5	23	
Сартанский	V	Светло-коричневый однородный лессовидный суглинок. Встречаются полосы ожелезнения. Слой содержит основной костеносный горизонт (мамонты – 90%). Цвет костей светло-коричневый, на поверхности – окислы и соли марганца. Целых костей мало, анатомические сочленения очень редки. Многие кости обрамлены "рубашкой" светло-серого суглинка, погрызы редки. В раскопе костеносный горизонт частично размыт и переотложен в понижения палеорельефа. В кровле на крутых участках палеосклона заметна солифлюкция	0,4 – 4,5	22	7А
	VI	С размывом залегает на слое V. Представлен переслаиванием делювиальных и эоловых прослоев. Состав: разномыслистый полимиктовый песок, серо-коричневый суглинок, розовато-коричневая глина. В раскопе выделяются три прослоя. Прослой 1 – делювиальные (?) грубо-зернистые отложения (слои, линзочки, ближе к склону балки – сплошной слой до 40 см). Содержит переотложенные из слоя V костные остатки. Прослой 2 – желтовато-коричневый суглинок с серыми пятнами. Прослой 3 – делювиальные слои и линзочки полимиктового среднезернистого песка и пестроцветных глин	0,8 – 2,5	18 – 21	6 – 7
	VII	Светлый серо-коричневый лессовидный суглинок, очень плотный. В раскопе – с желто-коричневым оттенком	0,3 – 2,4	17	5
	VIII	Делювиальные отложения в виде слоев красновато-коричневой и светло-серой супеси. В раскопе слои разорваны морозобойными трещинами	0,4 – 1,5	13 – 16	
	IX	Коричневато-серый суглинок, очень плотный, с редкими делювиальными слоями. Порода ожелезнена, в кровле явные следы солифлюкции. В подошве и в средней части редкие изделия из камня. Кровле слоя принадлежат фрагмент трубчатой кости и кусок рога северного оленя	0,6 – 2,4	7 – 12	3 – 4
	X	Делювиальные красновато-коричневые и светло-коричневые разномыслистые полимиктовые пески и супеси. Приурочены к склонам балки	0,5 – 0,8	6	
	XI	Светлый зеленовато-серый и серовато-коричневый лессовидный суглинок. Однородный, очень плотный	0,5 – 0,6	5	
	XII	Погребенная почва черная, опесчаненная. Текстура массивная	0,6 – 0,8	4	2
	XIII	Погребенная сильно опесчаненная почва	0,6 – 0,7	2 – 3	1
	XIV	Современный сильно опесчаненный почвенный горизонт серо-коричневого цвета, слабо гумусированный	0,3	1	

Природные условия

Наиболее древними четвертичными отложениями на участке являются породы слоя II. Начало их осадконакопления проходило в сильно увлажненной замшелой котловине, на размытой поверхности раннемеловых пород. Растительность была представлена еловыми лесами с примесью сосны, кедра, березы и ольхи. С середины слоя увеличивается количество пыльцы березы (*Betula sp.*, *B. nana*). Образование кровли слоя проходило в более холодной обстановке березово-сосновых редколесий с обширными открытыми пространствами.

Палиноспектр отложений слоя III, видимо, отражает существование зеленомошных сосново-березовых редколесий. В нем представлены: *Bryales*, *Betula sp.*, *Pinus sp.*, *Botrychium sp.*, *Potamogeton*, *Ranunculaceae*, *Chenopodiaceae*, *Cichoriaceae*. На этом стратиграфическом уровне впервые фиксируется появление в котловине остатков крупных млекопитающих.

Время формирования слоя IV характеризуется развитием еловых лесов с примесью лиственницы. Со временем ельники смещаются к долинам рек, а открытые пространства занимают разнотравно-злаковые ассоциации (*Asteraceae*, *Chenopodiaceae*). В переходе к слою V палиноспектр очень беден: отмечены единичные зерна *Piceas sp.*, *Betula sp.*, *Pinus sp.*, *Botrychium sp.*, *Licopodium*.

Формирование слоя V происходило в еще более суровых климатических условиях. Палинологические данные свидетельствуют о субарктическом климате, особенно на ранних стадиях, когда в ландшафте преобладали замшелые озерно-болотные пространства. Абсолютным доминантом растительного сообщества был зеленый мох. В течение отложения костеносного горизонта произошло некоторое смягчение климата – распространяется береза, присутствуют ива и осина, к зеленому мху добавляются осока, маковые, плауны и злаки.

Отложения слоя VI образуются в условиях некоторого климатического оптимума. В ландшафте начальной стадии формирования слоя распространена пионерная травяная растительность, в которой значительную роль играют кальциефильные группы – бобовые и крестоцветные. По мере развития ландшафта появляются древесные формы – ель и береза, реже пихта, кедр, что говорит о постепенном потеплении. В максимум климатического оптимума были развиты смешанные елово-березовые леса, в которых присутствовали вяз и липа. Параллельно существовала и кустарниковая березка, вероятно произрастающая на северных склонах возвышенностей.

Во время осадконакопления слоя VII получили развитие елово-сосновые леса. В палиноспектре преоб-

ладает пыльца сосны (до 80%), заметна доля ели (до 14%). Травяной покров беден, чаще встречается зеленый мох и гроздовник. Присутствие пыльцы морошки говорит о существовании такого типа ландшафта, как рям (заболоченный кочкарный сосновый лес с осокой и морошкой).

Отложение пород слоя VIII проходило в сходных климатических условиях. Отличие от условий формирования слоя VII заключается в распространении березы на участках водоразделов и присутствии еловых лесов только в долинах рек и озер.

Слой IX практически “немой”, что, вероятно, объясняется неблагоприятными для сохранности пыльцы условиями во время сартанского ледникового.

Палиноспектр слоя X характеризуется монодоминантным составом: преобладает пыльца астровых, отмечены злаки, маревые и полынь. Много плодовых тел грибов. Из древесных пород доминирует ель. Присутствие в палиноспектре переотложенных мезозойских форм и литологические признаки свидетельствуют о сильном размыве дочетвертичных пород в условиях увлажненного климата.

Низам слоя XI соответствует развитию редколесных растительных ассоциаций. В травяном покрове преобладали полыни, злаки и маревые. По мере накопления слоя, климат становится более суровым. Доминируют зеленый мох и розоцветные, которым сопутствуют бобовые, маковые, зонтичные.

Породы верхней части разреза (слои XII – XIV) образовались в фазу голоцена. Вероятно, наиболее теплый период соответствует слою XII. В ландшафте того времени преобладали лесостепные черты – открытые пространства с березовыми колками и редким травяным покровом. На аридизацию также указывает наличие костных остатков крупных сурков.

Таким образом, можно говорить о том, что осадконакопление отложений в котловине происходило в несколько этапов, первый, видимо, в субарктический эпизод каргинского термохрона, а остальные в период сартанского криохрона и в голоцене. Основной перенос и седиментация пылеватых частиц проходили в холодные периоды последнего цикла оледенения (40 – 10 тыс. л.н.), что в основном и подтверждается данными палеоботаники: преобладают зеленый мох, пыльца сосны и березы. Делювиальные отложения формировались в периоды некоторого смягчения климата, в условиях большей влажности.

Состав и условия размещения археологических объектов

К настоящему времени на участке правого берега р. Кии у с. Шестакова выявлено около 20 разновременных археологических объектов [Кулемзин, 1980]. На трех из них получены материалы позднего

палеолита, сопровождающиеся многочисленными костными остатками крупных млекопитающих. Местонахождение, расположенное на склоне по правому борту в устьевой части балки (см. рис. 1, В, III), исследуется стационарно с 1975 г. Раскопки вскрыли девятиметровую толщу рыхлых лессовидных отложений и выявили материалы восьми культурных горизонтов (рис. 2, С). Шесть из них принадлежат эпохе палеолита, а два – голоценовые.

В слое 24 (III) выявлены материалы культурного горизонта 8, представленные нуклеусом и пластинчатым сколом из аргиллита (рис. 3, 1, 2). В этом же слое была обнаружена малая берцовая кость (tibia) мамонта. Ее реконструированная длина вместе с нижним эпифизом могла быть 72 – 73 см. Вычисленная по этим размерам высота скелета данной особи в холке 340 – 360 см. Подобные размеры не характерны для позднелайстоценовых представителей вида *M. primigenius* (имеется в виду форма, обитавшая в Евразии в течение юрма).

Поверхность кровли слоя 22 (V) в раскопе имеет бугристый микрорельеф с воронкообразными углублениями природного характера (размыты?). В кровле слоя на участке площадью 26 м² выявлено несколько десятков костей мамонта и неопределимые фрагменты костей других животных. Они сопровождались единичными каменными изделиями культурного горизонта 7А (рис. 3, 3, 4, 9). В расчистке I яра (см. рис. 1, В, С, I; 2, А) выявленные редкие кремни размещались непосредственно на костеносном горизонте слоя V.

Культурный горизонт 7 исследован на площади 50 м². Он связан с преимущественно делювиальным слоем 21 (VI), который залегает обширной линзой вдоль лога и постепенно выклинивается. Структурно слой 21 представлен переслаиванием суглинистых иловатых и тонких супесчаных слойков, разнозернистых песков и мелкого гравия из плотной глины. Кремни и кости размещены в толще слоя достаточно равномерно, лишь в понижениях образуют отдельные скопления. Каменный инвентарь малочислен – 90 экз. (рис. 3, 5 – 8, 10 – 15). Найдены четыре изделия из кости мамонта со следами насечек, шлифовки и окрашивания красной краской (рис. 3, 16 – 18). Велика доля орудий – до 25%. Фаунистические остатки (410 экз.) большей частью представлены фрагментами костей мамонта. Отмечены отдельные кости бизона (*Bison sp.*), песца (*Alopex lagopus L.*), лошади (*E. caballus L.*),

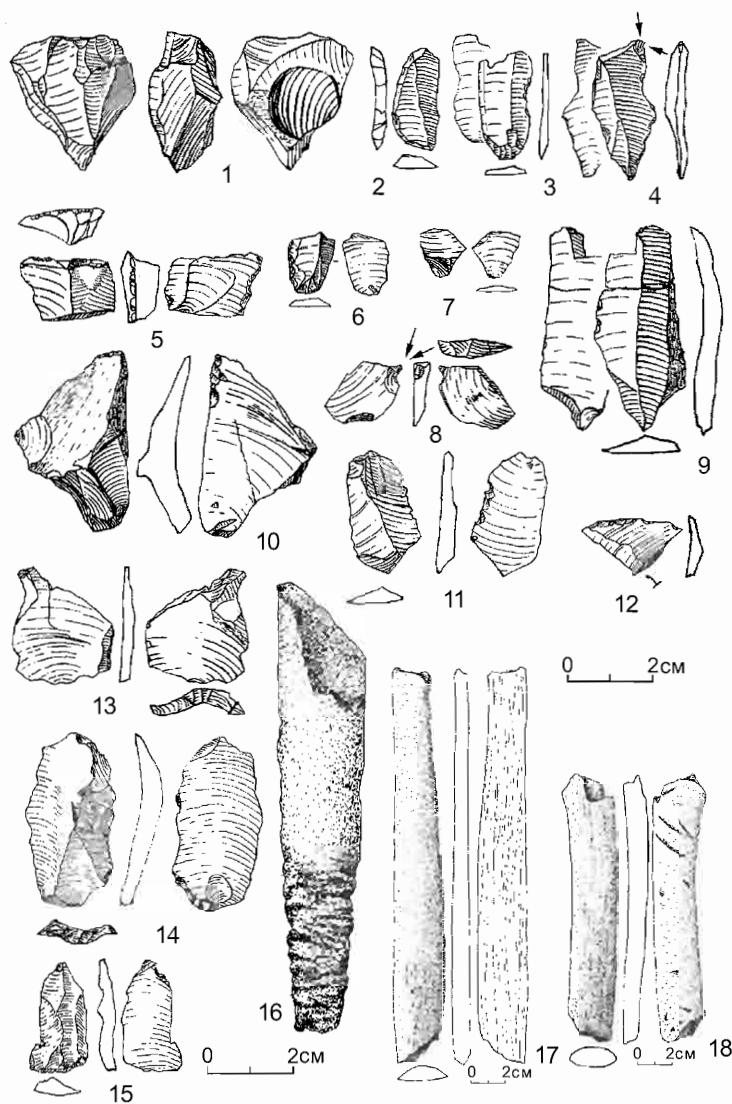

Рис. 3. Инвентарь культурных горизонтов 8 (1, 2), 7А (3, 4, 9), 7 (5 – 8, 10 – 18).

северного оленя (*R. tarandus L.*), волка (*Canis lupus L.*), корсака (*Vulpes corsac*), зайца (*Lepus sp.*). Их остатки сильно повреждены и представлены фрагментами метаподий, позвонков, длинных костей конечностей, лопаток и черепа. Целыми сохранились только плюсневые и запястные кости. Останки мамонтов представлены следующими группами костей: длинные кости и их эпифизы, туловищные и хвостовые позвонки, ребра, лопатки, кости запястья, кости предплюсны, фаланги, подъязычные кости, фрагменты черепных костей, осколки бивней. На исследованном участке полностью отсутствуют тазовые кости, грудины, нижние челюсти. Сохранились три зуба взрослых особей и фрагмент верхней челюсти детеныша мамонта с зубами первой и второй смен (dp², dp³). Количество особей мамонта, определенное по собранным остаткам, – семь. Это месячный, двухмесячный и годовалый

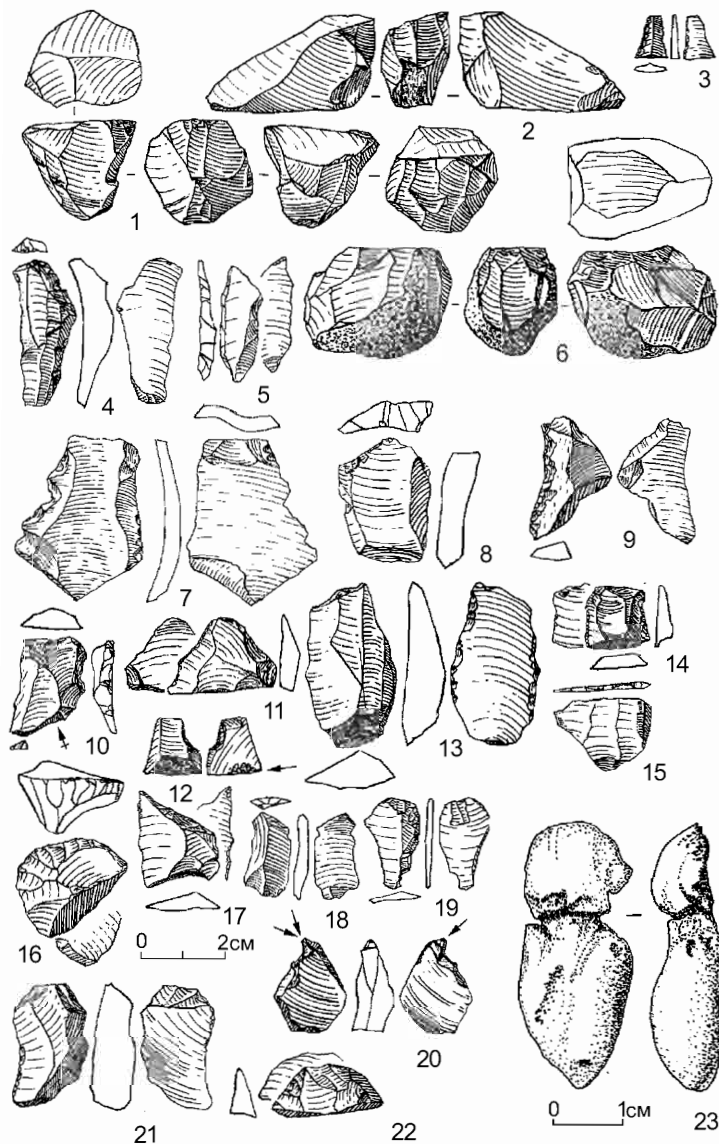

Рис. 4. Инвентарь культурного горизонта 6.

детеныши, молодая особь (4 – 6 лет) и четыре половозрелые особи (старше 13 – 14 лет) [Деревянко, Зенин, Машенко, 1997]. Культурный горизонт 7 имеет локальное распространение. По условиям залегания и сохранности он явно переотложен в результате размыва кровли геологического слоя 22 (V). Поэтому материалы культурных горизонтов 7 и 7А следует оценивать как единый комплекс.

Шестой культурный горизонт приурочен к отложениям слоя 19 (VI) и исследован на площади 110 м². Слой 19 залегает практически горизонтально, обладает устойчивой мощностью (10 – 20 см). В зависимости от пространственного расположения он имеет различную сохранность. Значительная часть нарушений приходится на сеть узких морозобойных трещин, проникающих из слоя 17 (VII). В зонах воздействия тре-

щин происходило частичное смещение культурных остатков. Участок, приближенный к логу, был более увлажнен и испытывал весьма значительные нарушения в виде просадок грунта, морозного пучения, что сказалось на состоянии культурных отложений. На границе между участками с различной влажностью наблюдается концентрация фрагментов широких ребер мамонтов и плиток сцементированного мелового песка. В нижней части горизонта много костного угля и артефактов. В верхней части число изделий из камня уменьшается, увеличивается число фаунистических остатков, а костный уголь отсутствует. Такое распределение культурных материалов дает возможность предположить различную сезонность обитания. В северо-западной части исследуемой площади культурного горизонта выявлено несколько локальных участков, насыщенных костным и древесным углем.

Фаунистические остатки горизонта не образуют конструктивных скоплений. Большую их часть составляют мелкие обломки. Целые кости представлены костями дистальных отделов конечностей, эпифизами и хвостовыми позвонками мамонта, много костной трухи (раздробленные пластины зубов мамонта и мелкие обломки бивней). В составе фауны определены: мамонт (более 90% костей), северный олень, лошадь, бизон, носорог (*Coelodonta antiquitatis* Blum.). Отмечены кости птиц и грызунов. Анализ мелких костей и костного угля показал, что в качестве топлива использовались преимущественно толстостенные кости мамонтов.

Кости других животных, как правило, не имеют следов воздействия огня. Значительная часть костей мамонтов подвергалась дроблению, что вряд ли связано с добычей костного мозга, так как в основном это ребра, остистые отростки позвонков, зубы и бивни. Убедительные свидетельства охоты и разделки мамонтов в настоящий момент отсутствуют.

Индустрия комплекса шестого культурного горизонта (рис. 4, 1 – 22; 5, 1 – 27) характеризуется миниатюрностью как исходных заготовок, так и конечных продуктов производства [Деревянко, Зенин, 1995]. Изделия из камня (1124 экз.) представляют все этапы обработки камня – от первичного расщепления до изготовления орудий и их переоформления. Сырьем, как и в других культурных горизонтах, служили средние и мелкие желваки и плитки из кварцитовидных пород. Их ближайшие коренные выходы отмечены в 50 км

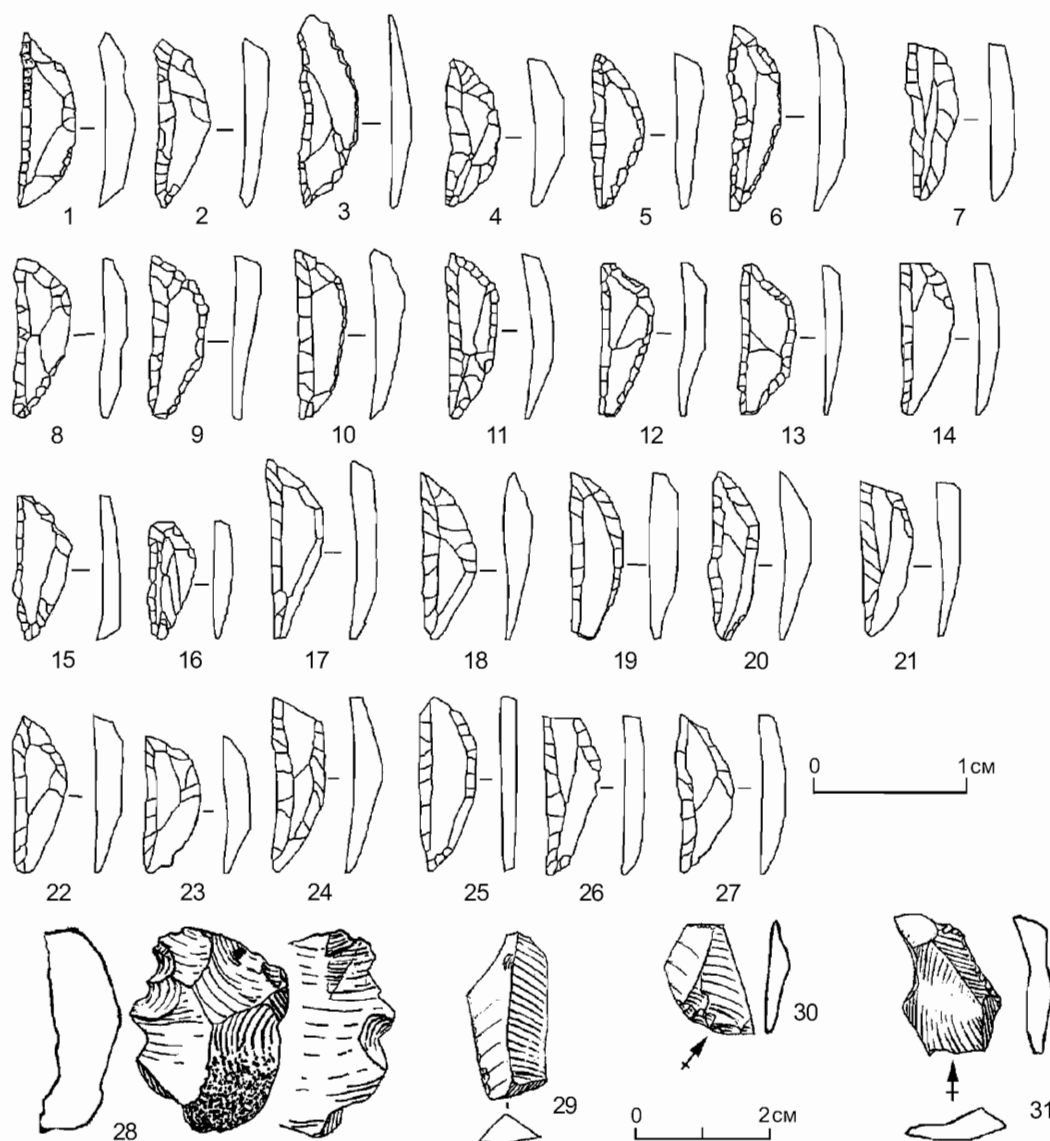

Рис. 5. Инвентарь культурных горизонтов 6 (1 – 27) и 5 (28 – 31).

южнее стоянки. Галечное сырье использовалось крайне редко. Среди нуклеусов выделяются торцовые формы, одно- и двуплощадочные односторонние нуклеусы для получения удлиненных сколов, ядрища с негативами бессистемных снятий. В индустрии сколов преобладают средние и мелкие отщепы. Большинство сколов неправильной формы и укороченные. Из пластинчатых форм типичные пластинки и их фрагменты не превышают 10%, а основу составляют атипичные удлиненные сколы, укороченные пластинчатые отщепы и их фрагменты. Для изготовления орудий (17% от общего числа артефактов) использовались сколы всех типов, осколки, истощенные нуклеусы. В орудином наборе выделены: пластинки с ретушью, с усеченным поперечным краем и с притупленным продольным краем; скребки и мелкие скребковидные орудия; атипичные резцы, ножи с обушком, долото-

видные орудия, выемчатые и зубчатые формы на пластинках; перфораторы, отщепы с ретушью, оригинальные микроострия с притупленным ретушью краем. Последние залегали в слое очень компактно, на участке, не превышающем 3 см в диаметре. Для оформления микроострий применялась исключительно дорсальная ретушь. Прямой продольный край микроострий оформлялся притупляющей регулярной ретушью, прочие участки – мелкой и крутой ретушью (рис. 5, 1 – 27). Своеобразие микроострий из Шестакова заключается в том, что они выполнены на мелких осколках и диагональных сечениях пластинок. Из 49 микроострий лишь 19 целые, остальные имеют повреждения. Изделия данного типа по своим морфологическим и технологическим признакам существенно отличаются от известных нам образцов микроострий из других палеолитических местонахождений

в Сибири. Кость использовалась как сырье для поделок, о чем свидетельствуют фрагменты игл, антропоморфная фигурка (см. рис. 4, 23), отщепы из трубчатых костей и бивня мамонта, обломки костей со следами насечек.

В отложениях слоя 18 (VI) найдены фрагменты костей мамонта и северного оленя (всего 39 экз.), преимущественно ребра. Кости рыхлые, оранжевого цвета. Изделия из камня отсутствуют.

Культурный горизонт 5 размещен в слое 17 (VII) и исследован на площади 90 м². Каменный инвентарь представлен 194 изделиями. Их средние размеры не превышают 2 см. Доля орудий составляет 12% от общего числа коллекции. Это в основном отщепы и фрагменты пластинок с мелкой ретушью (рис. 5, 28 – 31). Из общего числа костей (168 экз.) большая часть принадлежит мамонту. Находки не образуют каких-либо выразительных скоплений и группировок. В пространственном распределении материалов прослеживается определенная тенденция, характерная и для нижележащих горизонтов – по мере удаления от лога в северо-западном направлении относительное число изделий из камня возрастает, а количество фаунистических остатков уменьшается. На одном из участков раскопа выявлена вертикально вкопанная локтевая кость молодого мамонта. По-видимому, посещение стоянки носило кратковременный характер, преимущественно в теплое время года. Это предположение основано на малочисленности инвентаря, отсутствии очагов и следов жилых площадок.

В слоях 12, 11 (IX), 4, 3 (XII, XIII) выявлены редкие материалы культурных горизонтов 1 – 4. По причине малочисленности и невыразительности они лишь фиксируют чередование разновременных поверхностей обитания на месте стоянки, от финала палеолита до средневековья.

Таким образом, район местонахождения Шестаково посещался человеком начиная с каргинского времени. Наибольшая активность в освоении территории приходится на финал каргинского и начальный этап сартанского времени и совпадает с образованием массовых скоплений костей крупных млекопитающих. Археологические данные не дают веских оснований полагать, что виновником гибели всех этих животных был человек. Использование костей мамонтов в качестве топлива и сырья для изготовления орудий в Шестакове, как и в других регионах [Soffer, 1985; Соффер, 1993, 1997], находит подтверждение. Однако факты, косвенно свидетельствующие об охоте на мамонтов и разделке их туш, аналогичные опубликованным в некоторых источниках [Onorati et al., 1995; Праслов, 1995], пока не выявлены. Отсутствуют и следы порезов на костях, возникающие при расчленении суставов, разрубании частей туш животных и срезании мяса с костей. В инструментарии нет орудий

охотничьего назначения и выразительных разделочных инструментов. Соответственно, мы не имеем убедительных свидетельств о какой-либо охотничьей специализации населения этого района.

Результаты радиоуглеродного датирования

Коллекция образцов органических остатков, использованных для ¹⁴C-датирования, включала кости мамонта, северного оленя, лошади, древесный уголь и горелую кость. Часть датировок была выполнена Л.А. Орловой (Институт геологии СО РАН) [Kuzmin, Orlova, 1998] по бензолно-сцинтилляционному варианту, другая часть получена методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS) в Гронингском университете [Zenin, van der Plicht, Kuzmin, in press]. Полученные данные приведены в табл. 2.

Результаты ¹⁴C-датирования фиксируют хронологические параметры анализируемых материалов в пределах 18 – 25,6 тыс. л.н., что соответствует переходному периоду от каргинского к сартанскому времени позднего неоплейстоцена в Сибири. Даты, полученные по единому варианту анализа, демонстрируют четкую согласованность между собой. Устойчивое “удревнение” образцов Гронингской лабораторией требует специального исследования.

Данные по составу группы мамонтов и причины формирования местонахождения

Массовые скопления остатков животных формируются преимущественно в аллювиальных речных отложениях. Подобный механизм образования скоплений хорошо известен [Ефремов, 1950]. Прочие причины аккумуляции остатков крупных млекопитающих связаны с различными типами природных ловушек [Верещагин, 1959, 1979; Agenbroad, 1984, 1990; Agenbroad, Mead, 1996; Haynes, 1990, 1991]. Такие местонахождения формируются постепенно, в течение продолжительного времени. Их образование при одномоментной катастрофе или массовой гибели случается крайне редко, а для *M. primigenius*, видимо, достоверно известно только на местонахождении Севск (Брянская область) [Мащенко, 1991, 1992, 1994, 1995; Мащенко и др., 1993]. Шестаково, как показывают данные геологии, не соответствует ни одному из указанных типов местонахождений. Здесь отсутствуют аллювиальные отложения реки или старичного озера, нет свидетельств существования природных ловушек. Древнее население этого района, видимо, не занималось массовой охотой на мамонта, а использовало уже имеющиеся здесь кости и, возможно, трупы животных. При этом мы не отрицаем и гипотетическую возможность добычи отдельных ослабевших или больных мамонтов. Соответственно, накопление в тектонической

Таблица 2. Радиоуглеродные даты по органическим материалам из местонахождения Шестаково

№ п/п	Индекс	Геологический слой	Культурный горизонт, место	Материал	¹⁴ C дата
1	СОАН-3610	VII (17)	5, раскоп	Кость мамонта	18040±175
2	СОАН-3609	VII (17)	То же	То же	19190±310
3	GrA-13234	VII (17)	«	Зуб мамонта	21560±100
4	СОАН-3608	VI (19)	6, раскоп	Кости оленя, лошади	20360±210
5	СОАН-3607	VI (19)	То же	Кость мамонта	20480±180
6	СОАН-3218	VI (19)	«	Горелая кость	20770±560
7	СОАН-3606	VI (19)	«	Древесный уголь	20800±450
8	GrA-13240	VI (19)	«	Кость мамонта	22340±180/170
9	GrA-13233	VI (19)	«	Древесный уголь	23250±110
10	GrA-10935	VI (19)	«	Горелая кость	24360±150
11	СОАН-3611	VI (21)	7, раскоп	Кость мамонта	21300±420
12	СОАН-3612	V (22)	7, раскоп	То же	22240±185
13	GrA-13235	V (22)	7А, расчистка I	«	23330±110
14	GrA-13239	III (24)	7А, расчистка I	Кость лошади	24590±110
15	GrA-13238	III (24)	7А, расчистка I	Кость мамонта	25660±200

котловине многочисленных костей крупных млекопитающих, и прежде всего мамонта, должно объясняться другими причинами.

Состав костных остатков крупных млекопитающих, собранных в разные годы на местонахождении, показывает, что в Шестакове представлено 11 видов, относящихся к “мамонтовому фаунистическому комплексу”. Для части видов (северный олень, лошадь, бизон, песец, волк, заяц), по данным других палеолитических объектов, достоверно установлено, что они являлись промысловыми. Сравнение состава костных остатков млекопитающих из Шестакова и с других позднепалеолитических стоянок показывает относительно небольшие различия [Палеолит Костенковско-Борщевского района..., 1982; Палеолит СССР, 1984; Иванова, Кузьмина, Праслов, 1987]. Видовое разнообразие, скорее всего, указывает на постепенное накопление. Однако абсолютное преобладание костей мамонта, особенно на участках вне стоянки, свидетельствует о преимущественном накоплении костей именно этого вида. На части костей мамонтов имеются следы пребывания на открытом воздухе, достаточно часто встречаются погрызы, нижняя поверхность всегда лучше сохраняется и не имеет следов воздействия корней растений. У костей промысловых животных таких повреждений нет, и все они имеют сходную степень сохранности поверхностей.

Сохранность костей мамонтов, найденных за пределами стоянки, сходна с сохранностью костей современных африканских слонов, погибших у источника воды во время засухи [Haynes, 1991]. В Шестакове мало поврежденными остаются кости дистальных отделов конечностей, как наиболее прочные. Сходство составов костных остатков современных слонов в местах массовой гибели и мамонтов отражается в возрастной диаграмме. По этой диаграмме можно судить о

поло-возрастном составе группы, а также о некоторых причинах гибели [Haynes, 1985, 1989, 1990].

По материалам, собранным до 1992 г., отмечается ряд особенностей состава костей мамонтов в Шестакове. Очень редко встречаются небольшие группы костей в анатомическом положении (дистальные отделы конечностей, группы из двух-трех туловищных позвонков, 17 хвостовых позвонков от одной особи). Процент целых костей достаточно высок, но заметно меньше, чем, например, в Севске, где практически не происходило переотложение костей. Длинные кости конечностей, плоские кости (таз, лопатка) взрослых особей представлены, как правило, в виде фрагментов. Аналогичные группы костей детенышей сохраняются лучше, иногда встречаются целые эпифизы длинных костей. Количественно преобладают фрагменты дистальных частей длинных костей. Относительно часто встречаются мелкие кости дистальных отделов передних и задних конечностей. Подъязычные кости сохранились практически от всех взрослых особей (12 экз.). Были обнаружены остатки скелета эмбриона мамонта, включающие 28 целых костей и их фрагментов [Машенко, 1993]. По размеру длинных костей конечностей и степени их сформированности срок внутриутробного развития эмбриона оценивается в 19 – 21 месяц, исходя из продолжительности беременности у азиатских слонов (*Elephas maximus*) – 22 – 23 месяца. Скелеты эмбриона, новорожденного и годовалого детенышей мамонта косвенно указывают на их гибель в весенний период. Хорошая сохранность костей детенышей могла быть обеспечена лишь при условии быстрого захоронения, возможно, погружения в увлажненный грунт.

Тафономический анализ остатков костей мамонтов в Шестакове позволяют сделать вывод о том, что роль деятельности человека в образовании скопления костей мамонта имела второстепенное значение и заключалась во вторичном перемещении костей по

территории местонахождения и места стоянки. Видимо, имела место утилизация крупных костей скелета. Маловероятен целенаправленный принос на стоянку костей, не имеющих ценности, например костей эмбриона, очень молодых детенышей или подъязычных костей, утилизация которых сомнительна [Абрамова, 1995; Палеолит СССР, 1984; Haynes, 1989]. Можно поэтому предположить, что палеолитическая стоянка была расположена в непосредственной близости от места гибели животных.

В материалах, полученных в Шестакове до 1992 г., выявлены костные остатки 11 мамонтов. Это два детеныша до 1–2 лет и два от 2 до 5–6 лет, одна молодая особь от 6–7 до 13–14 лет, четыре взрослые особи от 13–14 до 30–35 лет и две старше 40 лет. В последующие годы были обнаружены остатки костей еще семи особей мамонта. Несмотря на ограниченность этой выборки, можно говорить о том, что состав костных остатков мамонтов в Шестакове отличается от такового на стоянках Русской равнины [Верещагин, 1972, 1977; Soffer, 1985] по количеству остатков костей неполовозрелых особей, которых в Шестакове гораздо больше. Скорее всего, подобные результаты, вместе с другими данными, свидетельствуют о постепенном накоплении костей мамонтов на местонахождении. Аналогичные выводы получены и при анализе данных с ряда палеолитических стоянок Центральной Европы [Соффер, 1993].

Минеральный солонец

Наши исследования позволяют предположить естественное накопление костей в Шестаково. Мы полагаем, что западная часть котловины по каким-то причинам привлекала мамонтов, которые посещали ее периодически. Учитывая распространение остатков мамонтов на значительной площади, их тафономические особенности, а также геохимические характеристики отложений в котловине, можно предположить, что мамонтов и других животных могли привлекать выходы пород, обогащенных минеральными солями.

Современные слоны, как и другие крупные млекопитающие, нуждаются в целом ряде химических элементов: Na, K, Ca, Mg, Cl, P, Fe [Барабаш-Никифоров, Формозов, 1963; McKay, 1973; Shoshani et al., 1991]. Одним из главных соединений, необходимым в ферментационных реакциях всех растительноядных животных, является NaCl. Потребностью животных в минеральных веществах объясняется такое явление, как геофагия или литофагия [Бгатов, Лазарев, Спешилова, 1989]. Примером, подтверждающим геофагию среди мамонтов, может служить факт заполнения кишечника глинистыми породами у Киргилыхского мамонта [Шило и др., 1983]. Участки ландшафтов, интенсивно посещаемые дикими животными с целью по-

едания горных пород и минералов (включая питье минерализованных вод), получили название “зверовых солонцов” (“Salt Lick” и “Mineral Lick”). Солонцовые ландшафты благоприятствуют созданию локальных концентраций диких животных [Cowan, Brink, 1949; Паничев, 1990]. Активное посещение солонцов, как правило, носит сезонный характер (весна – осень), совпадает с периодами смены диет, отела и гона животных [Паничев, 1990]. Африканские слоны испытывают потребность в минеральных веществах в начале влажного периода, в особенности беременные и кормящие самки [Соффер, 1993], а также в засушливый период [Weir, 1969, 1972]. Привязанность ископаемых хоботных позднего неоплейстоцена к солонцам была отмечена в Северной Америке. Все местонахождения остатков костей *Mammuth americanum* и *Mammuthus sp.* в Мичигане (США) оказались локализованы вблизи природных источников NaCl [Abraczinskas, 1994].

Среди необходимых для жизнедеятельности животных химических элементов особое место занимают Ca, Mg, Na, являющиеся подвижными водными мигрантами. Недостаток их в организме, равно как и переизбыток, приводит к экологическому стрессу, аномалиям в поведении животных, болезням и даже гибели [Weir, 1972; Паничев, 1990].

Минеральный голод особенно характерен для обитателей кислых ландшафтов (тундра, тайга) [Барабаш-Никифоров, Формозов, 1963; Перельман, 1975]. Причем его пик приходится на весенний период. Ca, Mg, Na легко выщелачивается из почв и коры выветривания гумидных областей, поэтому в тайге и тундре наблюдается дефицит этих элементов. Учитывая палеогеографические особенности плейстоцена (развитие тундрово-таежных зон с многолетней мерзлотой) можно с уверенностью говорить о периодическом минеральном голодании крупных млекопитающих.

Потребность в минеральных веществах приводила к повышенной концентрации животных в местах образования минеральных солонцов со съедобными литогенными веществами различного химического состава. Использование литогенных веществ в пищу объясняется их ионообменными и сорбционными свойствами [Бгатов, Лазарев, Спешилова, 1989]. Исследования А.М. Паничева [1990] показали, что солонцы, сформировавшиеся на основе вулканогенных пород, имеют натриево-кальциевую катионную специфику, а на другой петрографической основе – кальциево-магниевою. Подобные кальциево-магнєвые ландшафты существовали в котловине на исследуемом участке местонахождения Шестаково. В этом проявляется отличие Шестакова от местонахождений в Мичигане, где обнаруживается привязанность хоботных к источникам минеральных солей другого типа (NaCl) [Abraczinskas, 1994].

Таблица 3. Содержание Ca, Mg, Na в кислых почвах умеренного пояса (по А.И. Перельману [1972]) и породах илেকской свиты (грамм/тонна)

Геохимические системы	Ca	Mg	Na
Кислые почвы умеренного пояса	~ 3000	~ 5500	~ 4300
Глины илেকской свиты	5000 – 20 000	14 000 – 20 000	~ 6500
Алевролиты и пески илекской свиты	~ 10 000	~ 23 000	~ 6500

Подстилающие меловые породы илекской свиты сильно карбонатизированы. В песчаниках часто встречаются тела и прослои ореховидных известковых стяжений, бурно вскипающих в соляной кислоте. Мергелистые глины и алевролиты также часто дают положительную реакцию на CaCO_3 . Более того, в отложениях нередко встречаются прекрасно образованные кристаллики кальцита. Полевые наблюдения подтверждены результатами спектральных анализов, выполненных в Томском государственном университете (заклечение Е.Д. Агаповой). Они сведены в табл. 3, где для сравнения даны кларки концентрации в кислых почвах умеренного пояса.

При подсчете видно, что содержание Ca, Mg и Na в нижнемеловых породах могло превосходить таковое в почвах умеренного пояса: Ca – в 7 раз, Mg – в 4, Na – в 1,5 раза. С учетом испарительного накопления концентрация элементов могла возрасти в несколько раз относительно первоначальной. Процессы осаждения солей из растворов протекают и в настоящее время. Так, при высыхании породы, на стенках разрезов (особенно в делювиальных отложениях) выпадает белый порошковатый налет кальцита. Формированию кальциево-натриевых ландшафтов благоприятствовал и палеорельеф в районе местонахождения. Элементы залегания слоев и текстурно-структурные особенности пород указывают на существование глубокой асимметричной котловины. Склоны котловины были представлены коренными обнажениями высотой не менее 30 м.

Данное сочетание геологического строения и рельефа способствовало сохранению геохимического ландшафта в условиях колебаний климата. При более влажном климате происходили размыв коренных пород и накопление делювиальных отложений, обогащенных дефицитными элементами, в понижениях рельефа. В таких влажных низинах обычно бурно развивается растительность, поглощающая растворенные минеральные соединения. Именно эти места привлекали травоядных обилием питательного корма, влаги и съедобных литогенных веществ. Индикатором высокой карбонатности ландшафта служат растения кальцефилы, которые широко представлены в палиноспектрах делювиальных отложений. Противоположная ситуация возникала при похолодании климата, когда миграция элементов резко ослаблена, что благоприят-

ствует оглеению почв. В это время роль поставщика необходимых элементов к поверхности брали на себя грунтовые воды, а многолетняя мерзлота являлась главным геохимическим фактором. Кроме льда, мерзлые породы содержат воду с отрицательной температурой. Такая вода мигрирует в сторону более низких температур: зимой и осенью к поверхности, весной и летом в обратном направлении. Тем самым в деятельный слой поставлялись необходимые элементы из коренных пород, а затем, при криогенном перемешивании грунта (вымораживание, пучение, солифлюкция и т.п.), они поступали на дневную поверхность. Такие процессы сопровождаются выпадением солей Fe и Mn на окислительном барьере [Перельман, 1972]. Многочисленные уровни ожелезнения в “холодных” лессовидных суглинках, пятна солей марганца на костях и в породе являются индикаторами кислой глеевой обстановки. Вероятно, роль кальциево-магниевого ландшафта возрастала именно в периоды похолоданий, когда в котловине появлялись массовые скопления животных, остатки которых сформировали костеносные горизонты.

Заключение

Пространственное и временное совмещение культурных и костеносных слоев в отложениях различного генезиса характерно для многих регионов Евразии, что можно объяснить зависимостью палеолитического человека от крупных млекопитающих [Палеолит Костенковско-Борщевского района..., 1982; Soffer, 1985; Абрамова, 1995; Соффер, 1997; Лещинский, 1997]. Это явление, возможно, объясняется приуроченностью отдельных палеолитических стоянок к естественным местонахождениям костей типа Берелехского либо к локальным геохимическим ландшафтам – солонцам, привлекавшим к себе плейстоценовых животных. По-видимому, именно накопление останков животных на месте солонца кальциево-магниевого класса в котловине Шестаково повлияло на выбор места стоянки древним населением. На территории Западной Сибири подобная связь между расселением палеолитического человека и местами естественной концентрации мамонтовой фауны до настоящего времени не прослеживалась. Многие вопросы, связанные с изучением минеральных солонцов в плейстоцене,

остаются без ответов. Наиболее актуальным для археологических исследований представляется определение отличительных признаков солонцовых образований, находящихся в ископаемом состоянии. Эти признаки должны найти отражение в литологии и стратиграфии отложений, в минералогическом составе пород и т.д. В настоящий момент результаты комплексных исследований Шестакова позволяют более уверенно говорить об определенной общности в укладе жизни палеолитического населения в некоторых районах Европы и Сибири. Кроме того, эти данные показывают некоторые ранее неизвестные особенности поведения и биологии *M. primigenius*, о которых прежде можно было судить лишь по аналогии с современными слонами.

Список литературы

- Абрамова З.А.** Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. – СПб.: ИИМК, 1995. – Вып. 1. – 138 с.
- Ананьев А.Р.** Геология мезозойских отложений района д. Усть-Серты на р. Кисе // Учен. зап. ТГУ. – Томск, 1948. – № 10. – 68 с.
- Ананьев А.Р.** Чулымо-Енисейская впадина. – Томск: ТГУ, 1951. – 445 с.
- Барабаш-Никифоров И.И., Формозов А.Н.** Териология. – М.: Высш. шк., 1963. – 396 с.
- Бгатов В.И., Лазарев П.А., Спешилова М.А.** Литофагия и мамонтовая фауна / Якутский научный центр СО АН СССР. – Препр. – Якутск, 1989. – 34 с.
- Верещагин Н.К.** Млекопитающие Кавказа. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 703 с.
- Верещагин Н.К.** Охоты первобытного человека и вымирание плейстоценовых млекопитающих в СССР // Материалы по фауне антропогена СССР. – М., 1971. – С. 200 – 232. – (Тр. ЗИН АН СССР; Т. 49).
- Верещагин Н.К.** О происхождении мамонтовых кладбищ // Природные обстановки и фауны прошлого. – Киев: Изд-во АН УССР, 1972. – Вып. 6. – С. 131 – 148.
- Верещагин Н.К.** Берелехское “кладбище” мамонтов // Тр. ЗИН АН СССР. – М., 1977. – Т. 10, вып. 2. – С. 1 – 76.
- Верещагин Н.К.** Почему вымерли мамонты. – М.: Наука, 1979. – 127 с.
- Верещагин Н.К., Мочанов Ю.А.** Самые северные в мире следы верхнего палеолита (Берелехское местонахождение в низовьях р. Индигирки) // СА. – 1972. – № 3. – С. 332 – 336.
- Громов В.И.** Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР // Тр. Ин-та геол. наук АН СССР. Сер. геол. – 1948. – Вып. 64, № 17. – С. 401 – 410.
- Деревянко А.П., Зенин В.Н.** Палеолитическая стоянка Шестаково: особенности индустрии шестого культурного горизонта // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул: АГУ, 1995. – С. 38 – 39.
- Деревянко А.П., Зенин В.Н.** К проблеме “Человек и мамонт”: геоархеологический аспект // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: (Материалы междунар. симпоз.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 92 – 99.
- Деревянко А.П., Зенин В.Н., Машенко Е.Н.** Исследования палеолитической стоянки Шестаково в 1997 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (Материалы V годовой итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1997 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – С. 36 – 42.
- Ефремов И.А.** Тафономия и геологическая летопись // Тр. ПИН АН СССР. – 1950. – Т. 24. – 177 с.
- Зайцев А.** Геологические исследования вдоль линии Сибирской железной дороги в области рек Яи и Кии // Горный журнал. – СПб., 1893. – Т. 1. – С. 451 – 457.
- Иванова М.В., Кузьмина И.Е., Праслов Н.Д.** Фауна млекопитающих Гмелинской позднелитической стоянки на Дону // Тр. ЗИН АН СССР. – 1987. – Т. 168. – С. 66 – 86.
- Кулемзин А.М.** Шестаковский археологический комплекс // Археология Южной Сибири. – Кемерово: КГУ, 1980. – С. 103.
- Лешинский С.В.** Зависимость расселения палеолитического человека от миграций крупных травоядных млекопитающих на юго-востоке Западно-Сибирской равнины // Эволюция жизни на Земле: (Материалы междунар. симпоз.). – Томск: Изд-во НТЛ, 1997. – С. 120 – 121.
- Лешинский С.В.** Геология и палеогеография позднелитической стоянки Шестаково // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: (Материалы междунар. симпоз.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 209 – 220.
- Машенко Е.Н.** Состав и морфологические особенности популяции мамонтов Севского местонахождения // IV Совещание по изучению мамонтов и мамонтовой фауны. – Л.: ЗИН АН СССР, 1991. – С. 39 – 40.
- Машенко Е.Н.** Структура стада мамонтов из Севского позднелитического местонахождения // Тр. ЗИН РАН, 1992. – Т. 246. – С. 41 – 59.
- Машенко Е.Н.** Фрагмент скелета эмбриона мамонта с сибирской позднелитической стоянки // Природа. – 1993. – № 11. – С. 121.
- Машенко Е.Н.** Структура стада мамонтов Севского позднелитического местонахождения (Брянская область, Россия) // Всерос. совещание Комиссии по изучению четвертичного периода. – М.: ГИН РАН, 1994. – С. 162.
- Машенко Е.Н.** Мамонты из позднелитического местонахождения Севск (Брянская область, Россия) // Первое международное мамонтовое совещание (16 – 22 октября 1995 г., Санкт-Петербург, Россия) // Цитология. – 1995. – Т. 37, № 7. – С. 692.
- Машенко Е.Н., Тесаков А.Н., Габлина С.Ю., Филиппова Н.Ю.** О геологии и биостратиграфии Севского местонахождения: Материалы совещания по геологии и стратиграфии четвертичных отложений Подмосковья и прилегающих районов. – М.: ВНИГНИ, 1993. – С. 173 – 174.
- Палеолит** Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879 – 1979. – Л.: Наука, 1982. – 285 с.
- Палеолит СССР.** – М.: Наука, 1984. – 382 с.
- Паничев А.М.** Литофагия в мире животных и человека. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
- Перельман А.И.** Геохимия элементов в зоне гипергенеза. – М.: Недра, 1972. – 288 с.

- Перельман А.И.** Геохимия ландшафта. – М.: Высш. шк., 1975. – 342 с.
- Праслов Н.Д.** Мамонт в жизни палеолитического человека // Первое международное мамонтовое совещание (16–22 октября 1995 г., Санкт-Петербург, Россия) // Цитология. – 1995. – Т. 37, № 7. – С. 634–635.
- Сергин В.Я.** Скопления костей мамонта на палеолитических поселениях // СА. – 1991. – № 4. – С. 9–22.
- Соффер О.А.** Верхний палеолит Средней и Восточной Европы: люди и мамонты // Проблемы палеоэкологии древних обществ. – М.: Изд-во РОУ, 1993. – Вып. А-1(1). – С. 99–118.
- Соффер О.А.** Динамика ландшафтов и социальная география позднего плейстоцена // Человек заселяет планету Земля: Глобальное расселение гоминид. – М.: Изд-во ИГ РАН, 1997. – С. 115–126.
- Шилов Н.А., Ложкин А.В., Титов Э.Э., Шумилов Ю.В.** Киргизский мамонт (палеогеографический аспект). – М.: Наука, 1983. – 214 с.
- Abraczinskas L.M.** The distribution of pleistocene Proboscidian sites in Michigan: a cooccurrence analysis of their relation to surface saline water // Michigan Academician. – 1994. – Vol. 17. – P. 65–80.
- Agenbroad L.D.** Hot Springs, South Dakota. Entrapment and taphonomy of Columbian Mammoth // Quaternary extinctions. – Tucson: The University of Arizona Press, 1984. – P. 113–127.
- Agenbroad L.D.** The mammoth population of the Hot Springs Site and associated megafauna // Megafauna and Man: The Discovery of America's Heartland. – Hot Springs, South Dakota: Mammoth Site of Hot Springs, 1990. – Vol. 1. – P. 5–32.
- Agenbroad L.D., Mead J.I.** Distribution and paleoecology of central and western North American Mammuthus // Proboscidea. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – P. 280–288.
- Cowan J. McT., Brink V.C.** Natural game licks in the Rocky Mountain National Parks of Canada // J. Mammal. – 1949. – Vol. 30, N 4. – P. 379–387.
- Haynes G.** Age profiles in elephant and mammoth bone assemblages // Quaternary Reserch. – 1985. – N 24. – P. 333–345.
- Haynes G.** Late Pleistocene mammoth utilisation in North Eurasia and North America // Archaeozoologia. – 1989. – N 3. – P. 81–108.
- Haynes G.** The mountains that fell down: life and death of Heartland mammoths // Megafauna and Man: The Discovery of America's Heartland. – Hot Springs, South Dakota: Mammoth Site of Hot Springs, 1990. – Vol. 1. – P. 22–31.
- Haynes G.** Mammoths, mastodonts and elephants. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – 413 p.
- Kuzmin Y.V., Orlova L.A.** Radiocarbon Chronology of the Siberian Paleolithic // Journal of World Prehistory. – 1998. – N 12(1). – P. 1–53.
- McKay G.M.** Behavior and ecology of Asiatic elephant in Southwestern Ceylon // Smithsonian Contributions to Zoology. – 1973. – N 125. – P. 113.
- Okladnikov A.P., Molodin V.I.** Shestakovo. Early Man News // Tubingen. – 1980/1981. – N 5/6. – P. 34.
- Onoratini G., Dal-Pra G., Defleur A., Cregut-Bonmore E., Magnin F.** Discovery of a Mammuthus primigenius butchery site in Midde Rhone valley. The site of Les Leches in Sogons, Ardeche (France) // Compte Rendu d'Academie des Sciences. Ser. II a. – P., 1995. – T. 321. – P. 441–446.
- Shoshani J., Lee P.C., Sukumar R., Barnett J., de Alwis L., Lohiri-Choudhury D.K., Luxmoore R.A.** The Illustrated Encyclopedia of Elephants. – N.Y., 1991. – 188 p.
- Soffer O.A.** The Upper Paleolithic of the Central Russian Plane. – N.Y.: Academic Press, 1985. – 539 p.
- Weir J.S.** Chemical properties and occurrence on Kalahari sand of salt licks created by elephants // J. Zool. – 1969. – Vol. 158. – P. 293–310.
- Weir J.S.** Spatial distribution of elephants in an African National Park in relation to environmental sodium // J. Oikos. – 1972. – Vol. 23, N 1. – P. 1–13.
- Zenin V.N., J. van der Plicht, Kuzmin Y.V.** AMS ¹⁴C chronology of woolly mammoth remains from the Shestakovo Upper Paleolithic site, Western Siberia: timing of human-mammoth interaction. (In press).

Материал поступил в редколлегия 31.05.1999 г.

НОВЫЕ СЮЖЕТЫ В ИСКУССТВЕ НИЖНЕАМУРСКОГО НЕОЛИТА И СВЯЗАННЫЕ С НИМИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДРЕВНИХ

Введение

Нижнее Приамурье относится к числу немногих регионов востока Евразии, где древние культуры характеризовались бы столь богатыми образцами художественного творчества человека, представленными мелкой пластикой. Искусство данного региона, в том числе, или прежде всего, относящееся к каменному веку, является объектом внимания уже нескольких поколений исследователей. Однако произведения древних амурских художников, в широком их понимании, стали общеизвестны и доступны во второй половине нынешнего века благодаря прежде всего работам А.П. Окладникова [1968, 1971; Okladnikov, 1981], посвященным изучению петроглифов в бассейне Амура. За последние 20 лет новых наскальных изображений в Приамурье не было открыто. Новейшие публикации, касающиеся исследований по петроглифам, содержали лишь уточнения, которые сводятся только к корректировке отдельных сюжетов*.

Несколько иначе представляется ситуация, связанная с образцами мелкой пластики или мобильными формами искусства. Художественных произведений в виде различных скульптурок и фигурок, главным образом из обожженной глины, 20 лет назад было известно значительно меньше. Найденные тогда скульптурные антропоморфные и зооморфные изображения относили в целом к эпохе неолита без привязки к конкретным археологическим культурам. Пожалуй, лишь халцедоновая фигурка птицы из древнего поселения Сакачи-Алян (нижний пункт) была датирована

эпохой мезолита [Okladnikov, 1981, fig. 49] (как показали исследования последнего времени, амурский “мезолит”, представленный осиповской культурой, следует соотносить с начальным периодом неолита и датировать 10 – 13 тыс. л.н.) [Медведев, 1995а, с. 231 – 237; Derevianko, Medvedev, 1995, p. 13 – 14]. Сложившаяся в 1960 – 1970-е гг. интерпретация нижнеамурских образцов искусства без подразделения их на культурно-хронологические и локальные группы сохранилась фактически до сегодняшних дней. В некоторых исследованиях говорится о единстве “культурных проявлений на обширном пространстве нижнего Амура от Хабаровска до устья... о едином культурном мире этой зоны, с общими до деталей сюжетами искусства” [Конопацкий, 1996, с. 77].

Существующая точка зрения относительно близости многих слагаемых неолитических культур эпохи неолита Нижнего Приамурья основывается не на результатах анализа массового материала каменного инструментария, керамики, а также жилищ (подобного рода изыскания сейчас проводятся), а прежде всего на выявленных ранее памятниках искусства. Действительно, произведения искусства настолько убедительны по силе своего художественного воздействия, что первоначально не дают повода усомниться в их уникальности и неповторимости. С появлением новых находок, раскрывающих неизвестные прежде в регионе, в определенной степени неожиданные сюжеты и персонажи первобытного искусства, впечатление, что каждый образец уникален, даже усиливается. Вместе с тем возникает ощущение, особенно если говорить о сущностной стороне образцов художественного творчества, что нечто подобное уже существовало в иных географических ареалах задолго до появления амурских неолитических культур, а также в одно время

* Пожалуй, следует обратить внимание лишь на некоторые уточнения, связанные с определением отдельных видов животных и птиц [Велижанин, 1985, с. 92 – 93].

с ними. Сравнительно-исторический метод в изысканиях археологов применяется часто, стремление сопоставить близкие или сходные по характеру процессы, протекавшие на различных территориях синхронно или диахронно, — одна из составляющих исследовательского поиска. Чтобы этот поиск был плодотворным, весьма желателен одинаковый или близкий уровень обобщений в сравниваемых географических ареалах.

В ходе раскопок неолитических жилищ и святилища отрядом археологов под руководством автора данной статьи в 1993 – 1997 гг. на о-ве Сучу у с. Мариинского в Ульчском районе Хабаровского края получен богатый вещественный материал, включая произведения искусства [Медведев, 1994, 1995б, 1996; Дервянко, Медведев, 1995б, 1996]. В особенности это относится к жилищу 4 (раскопки 1994 г.). Найденные там образцы художественного творчества которого позволяют не только увидеть неизвестные до этого сюжеты, созданные неолитическими жителями Амура, но и предложить на их основе новую интерпретацию ранее открытых памятников первобытного творчества.

Скульптурные изображения из жилища 4 на острове Сучу

Жилище 4 располагалось вплотную к раскопанному годом раньше святилищу солнечного культа. Оба относятся к вознесенновской культуре и датируются концом III тыс. до н.э. (дата святилища по ^{14}C : $4\,200 \pm 80$ л.н. (ГИН-8291)). Жилище полуземляночного типа подпрямоугольной с закругленными углами в плане формы. По своему интерьеру оно несколько отличается от исследованных до этого жилых комплексов. В нем не оказалось характерных уступов-“лежанок”, устроенных обычно вдоль стенок, отсутствовал в центре очаг. Отмечено лишь небольшое углистое пятно в южном углу полуземлянки, а у юго-восточной стенки — красно-охристое скопление (возможно, имитировавшее очаг). На полу жилища было сосредоточено большое количество каменного инвентаря, целых и раздавленных сосудов. Обращает на себя внимание значительный процент готовой продукции из камня по сравнению с отходами производства, а также малочисленность фрагментированной керамики. Преобладающая часть находок концентрировалась в восточной половине жилища. Ниже рассматриваются найденные в нем образцы мелкой пластики: скульптурное изображение головы женщины, две женские скульптурки с фаллическим туловищем, без голов, фигурка тулени (все из обожженной глины) и два фаллических предмета из камня.

Скульптурное изображение головы женщины (рис. 1, 1; 2, 1). Найдено рядом с жилищем, в 2 м от западного его угла в основании культурного слоя, пред-

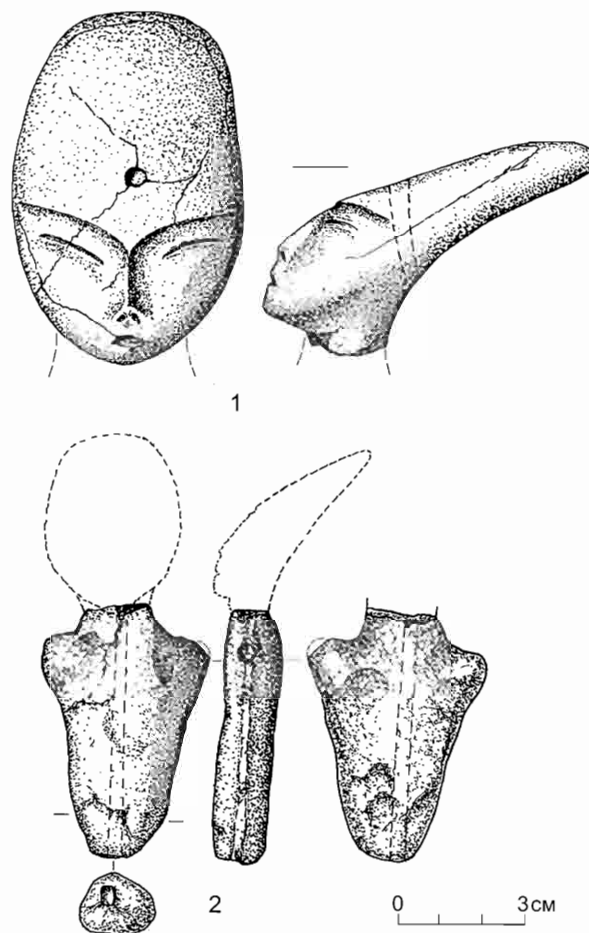

Рис. 1. Изображение головы женщины с фаллической прической (1) и скульптурка женщины с фаллическим туловищем (2) из обожженной глины. Сучу, жилище 4 (вознесенновская культура).

ставляющего собой погребенную почву в виде пепельно-серой супеси. Последнее позволяет считать, что находка связана с уровнем дневной поверхности древних, куда ее, скорее всего, выбросили из жилища. Ее размеры $8,0 \times 5,5 \times 3,0$ см. Образец представляет собой, надо полагать, часть в свое время целой изящно моделированной скульптурки. Не исключено, что первобытный мастер создал портрет своей соплеменницы, которую без преувеличения можно назвать неолитической красавицей Амура. Все черты лица женщины передают состояние покоя и полны очарования: мягкий (с подчеркнутой скуластостью) овал, узкие длинные брови, почти столь же длинные прорезанные в сырой глине щелевидно-раскосые глаза, немного выпуклый отходящий от бровей нос с небольшими дырочками-ноздриями внизу, маленький рот с чуть приоткрытыми губами, небольшой слегка зауженный подбородок. Непропорционально длинная часть головы выше лба, имеющая в профиле фаллическую форму, отогнута назад. На лбу сквозное отверстие (диаметром

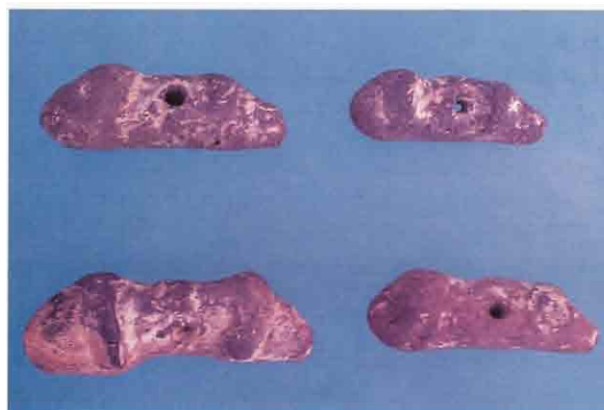
1

3

2

4

Рис. 2. Образцы мелкой пластики с о-ва Сучу.

0,4 см), направленное к нижней половине затылка. Примыкающая к голове часть шеи имеет округлую форму (диаметр около 2,0 см). Цвет терракотовой головы ровный светло-серый, без следов заглаживания. Похоже, она была покрыта раствором жидкой глины.

Первая женская скульптурка-фаллос (см. рис. 1, 2). Найдена в 20 см от описанного выше скульптурного изображения головы женщины, в тех же стратиграфических условиях и на такой же глубине (62 см от современной поверхности). Скульптурка пятнистая: от темно-серого до желтого цвета. Выполнена сравнительно небрежно из одного комка глины, видны не-

заглаженные бугорки, вмятины от пальцев, с лицевой стороны просматриваются горизонтальные, а по бокам – вертикальные мельчайшие полоски, оставленные тонкой щепочкой. Голова скульптурки отломана, размеры сохранившегося туловища с частично сохранившейся шеей: высота – 6,2; ширина сверху у плеч – 4,1; внизу – 1,2 см; толщина сверху – 1,6, внизу – 1,2 см. Туловище подтреугольно-вытянутой формы, несколько уплощенное сверху и округлое внизу, шея в поперечном сечении также близка к кругу. Руки показаны небольшими подтреугольными выступами, ноги никак не обозначены. Древний ваятель не считал нужным

моделировать ноги этой скульптурки (в том, что она женская, сомнений нет – об этом убедительно свидетельствует рассматриваемый ниже образец), поскольку нижняя округлая половина ее изображена в форме фаллоса. Реалистичность этому образу придает проходящее через туловище и шею круглое отверстие диаметром около 0,3 см.

Как видим, скульптурка, объединяющая два образа – женский (вверху) и мужской в форме фаллоса (внизу), является гинандроморфной.

Вторая женская скульптурка-фаллос (рис. 3, 1; см. рис. 2, 2). Найдена в восточном углу жилища на дне специально вырытой для нее ямы, в 12 см от уровня пола, лежала лицевой стороной вверх, ориентированная головой, которая отломана, строго на восток. Она так же, как и вышеописанная, по основным своим признакам принадлежит к типу гинандроморфных скульптурных изображений. Полностью сохранились туловище-фаллос и шея, размеры: высота – 14,3, диаметр в области плеч-груди – $4,4 \times 6,7$, в центре – $3,7 \times 4,6$, в нижней половине – $3,3 - 4,8 \times 3,2 - 3,5$, шеи – $3,2 \times 3,6$ см. Скульптурка изготовлена с подчеркнутой аккуратностью из тонкоотмученной глины с наполнителем из мелкого песка, дресвы и частичек шамота, обжиг оптимальный. Цвет лицевой несколько уплощенной стороны от красновато-желтого до землисто-темного. Неравномерность окраски объясняется тем, что скульптурка была покрыта тонким слоем жидкой глины серого цвета, которая местами облупилась. Тильная выпуклая сторона жидкой глиной не покрывалась, она коричнево-серая.

Руки переданы в весьма условной манере – в виде небольших подтреугольных выступов. Грудь небольшие, слегка заостренные. Нижней половине скульптурки придана форма фаллоса с головкой. Так же, как и у первой скульптурки, вдоль длинной оси сделано сквозное круглое отверстие диаметром 0,5 – 0,6 см.

Фаллическая фигурка тюленя (нерпы) (рис. 4; см. рис. 2, 3). Найдена на полу жилища на расстоянии 1,75 м от места залегания в яме второй женской скульптурки-фаллоса. Поблизости от фигурки бессистемно располагалась группа каменных изделий: целые и обломанные шлифованные тесла, обломок точильной плитки, массивный песчаниковый пест. Образец хорошей сохранности, вылеплен очень тщательно, поверхность хорошо заглажена, цвет в основном серый и коричнево-серый, с тыльной стороны более темный. Высота фигурки – 8,2, диаметр головы – $2,7 \times 3,1$, диаметр в центральной части – $2,0 \times 2,2$, внизу – $3,7 \times 3,7$ см. Голова тюленя, точнее его морда, моделирована с достаточной реалистичностью и экспрессивностью: круглые глубокие глаза с чуть намеченными сверху бровями, слегка открытый как бы в добродушной улыбке рот, уплощенный, с двумя ямочками-ноздриями нос, по бокам головы обозначены уши в виде

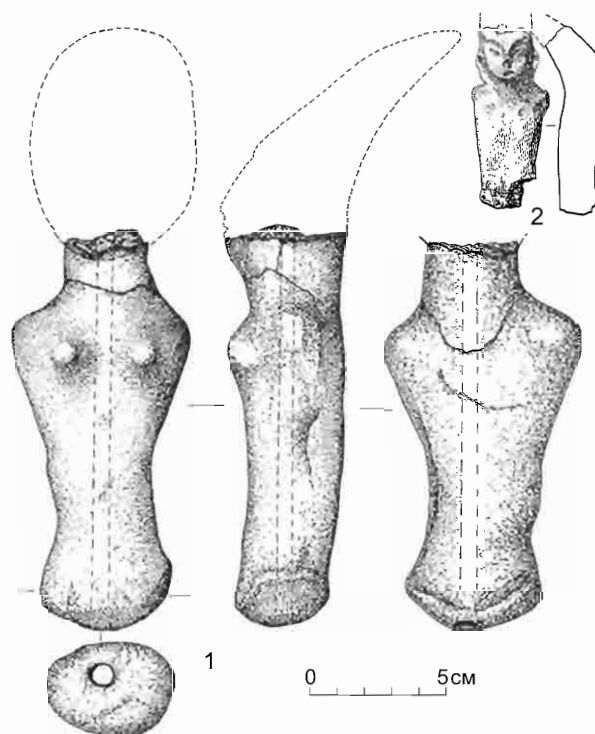

Рис. 3. Женские скульптурки из обожженной глины с о-ва Сучу.
1 – жилище 4; 2 – жилище 1 (малышевская культура).

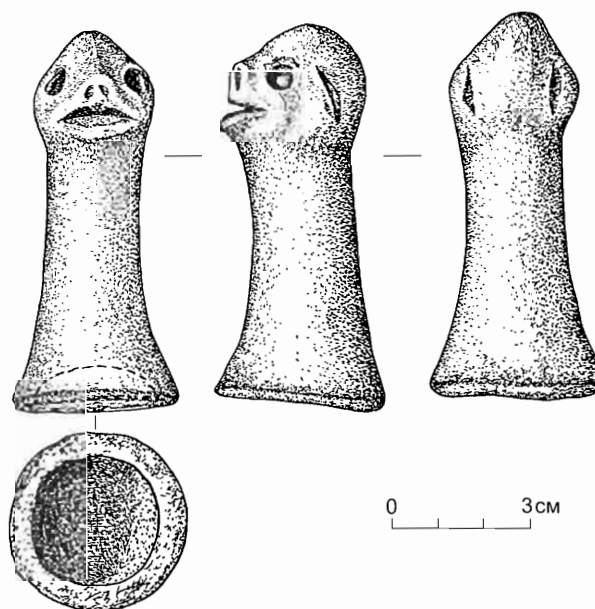

Рис. 4. Фаллическая фигурка из обожженной глины, изображающая с одного конца голову тюленя, а с другого – вульву. Сучу, жилище 4.

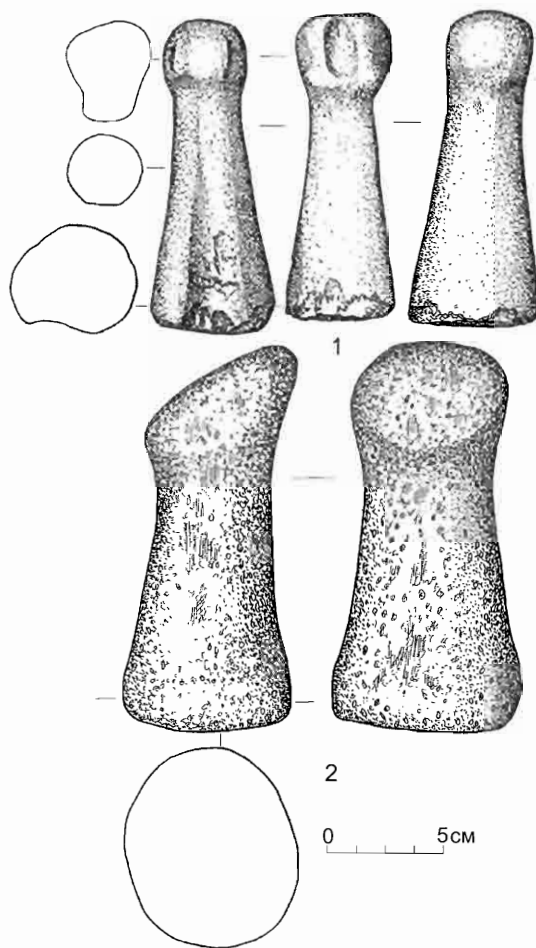

Рис. 5. Каменные фаллические скульптурные изображения с зооморфной (1) и женской (2) головами. Сучу, жилище 4.

выемчатых полудуг. Скорее всего, в этом изображении переданы черты тюлененка, с живым интересом созерцающего окружающий мир. Фигурке придана форма фаллоса. Особенно это видно, когда смотришь на скульптурное изображение с лицевой и тыльной сторон.

Нижняя часть фигурки расширена в виде воронки или раструба. Она имеет круглую чашевидную полость глубиной до 1,1 см. В форме раструба с углублением в зооморфной фаллической фигурке показан женский половой орган (вульва). Таким образом, три художественных сюжета (фаллос, тюлень и вульва) позволяют отнести это весьма яркое произведение искусства к числу полиэйконических или полиобразных.

Первое фаллическое скульптурное изображение (рис. 5, 1). Найдено неподалеку от восточного угла жилища на участке между второй женской скульптуркой-фаллосом и фаллической фигуркой тюленя, примерно на одинаковом расстоянии от них. Размещалось ниже уровня пола в вертикальном положении –

верхней оконечностью вверх, было упрятано, точнее, воткнуто в пол. Изготовлено из дымчато-серого мелкозернистого песчаника в форме конического круглого в сечении сверху и округло-выемчатого внизу стержня с утолщением-головкой наверху. Длина – 10,6, диаметр головки $2,6 \times 3,2$, диаметр посередине – $2,6 \times 2,6$, внизу – $3,8 \times 4,1$ см. Головка оформлена со схематическими чертами зооморфности. У нее уплощенно-зауженный нос и более широкий затылок. Хорошо обозначено овальной ложбинкой левое ухо, правое – едва намечено легким углублением. Вероятнее всего, это тоже изображение головы тюленя. Нижняя плоскость предмета со следами забитости, говорящими о возможном использовании его в качестве отбойника. Выемка у нижнего края лицевой слегка желобчатой внизу стороны, надо полагать, сделана для усиления отчетливости в этой части фигурки женского символа – дугообразного овала, – известного еще с эпохи палеолита [Столяр, 1972, с. 203 – 204]. Изделие следует квалифицировать как фаллос с вульвой (иначе, человек вообще) с зооморфными чертами, т.е. полиэйконическое скульптурное изображение.

Второе фаллическое скульптурное изображение (рис. 5, 2). Найдено в основании заполнения жилищного котлована чуть выше уровня пола, в 0,9 м к западу от фаллической фигурки тюленя. Изготовлено из весьма пористого базальта, поэтому из-за малой эффективности, связанной с мягкостью камня, вряд ли могло использоваться в утилитарных целях, хотя бы в качестве песта или терочника. Принадлежит к числу гинандроморфных скульптурных изображений. В данном случае каменный фаллос – мужской символ – моделирован с головкой в виде женской головы, показанной схематично без деталей. Положение головы с гладким, чуть выпуклым “лицом”, “подбородком”, резко выдвинутым вперед, а “затылком” – назад весьма сходно с положением голов у женских неолитических скульптурок Амура, в том числе и у рассмотренной выше (см. рис. 1, 1). Длина скульптурного изображения – 13,2, диаметр узкой оконечности (головы) – $4,5 \times 5,2$, средней части – $4,3 \times 4,8$, основания – $5,6 \times 6,8$ см. Получается, что скульптурный образец в сечении округло-овальный, уплощенная форма его ассоциируется с туловищем человека.

Истоки и назначение скульптурных неолитических изображений Нижнего Приамурья

Итак, в небольшом жилище (площадь пола около 49 м²) и рядом с ним обнаружено шесть скульптурных изображений, многие из которых до этого не были известны в дальневосточной археологии. Следует сразу подчеркнуть, может быть, самое главное их достоинство:

как в целом, так и в каждом отдельном произведении аккумулирован сложный многокрасочный сгусток мировоззренческой сути, сформировавшейся в своей основе за много тысячелетий до времени появления рассматриваемых образцов первобытного творчества. Столь удивительное сочетание “гибридных”, синкретических или полиэйконических, полиобразных произведений искусства неолитического времени, вне всякого сомнения, заслуживает всестороннего истолкования.

Не может не обратить на себя внимание факт достаточно компактной локализации большинства образцов в восточном углу жилища или неподалеку от него. К тому же два из них – женская скульптурка без головы и фаллическая фигурка тюленя – были спрятаны под полом. Первая женская амурская неолитическая скульптурка из терракоты, найденная в 1963 г. в жилище 3 поселения Кондон, о которой подробнее сказано ниже, также залегала, судя по всему, в укромном месте – непосредственно у северной стенки жилища вознесенновской культуры [Окладников, 1983, с. 17, рис. 22]. Аналогичное положение занимал каменный фаллос в жилище 8 того же поселения [Там же, с. 49, табл. 63, 5]. Другая женская скульптурка из жилища 1 малышевской культуры на о-ве Сучу найдена у западной стенки в небольшой ямке. Рядом находилась фигурка медведя. Также у стенки, точнее как бы под ней, плотным скоплением размещалось 17 терракотовых миниатюрных весьма оригинальных предметов: четыре двуконечных фаллоса с изображением головы тюленя с одного конца (рис. 6, 4 – 6; см. рис. 2, 4), пять фигурок птиц нескольких видов (рис. 6, 8 – 10) и шесть сосудов трех форм – все находки с небольшими сквозными отверстиями [Деревянко, Медведев, 1996, с. 218, рис. 6 – 14; с. 219]*. Лишь одно скульптурное изображение, также терракотовое, – миниатюрная голова медведя со следами красной краски – находилось ближе к восточной стенке жилища. Со стороны шеи зверя моделирована голова небольшого зверька. Если у медведя глаза обозначены двумя круглыми ямочками, то у зверька на месте глаз сделано одно сквозное отверстие [Там же, с. 218, рис. 5]. Фигурка полиэйконическая. Из материалов раскопок палеолитических памятников известно, что женские статуэтки (бивень мамонта, кость, мягкий камень) залегали обычно в специальных ямках-хранилищах, вырытых в полу жилищ [Абрамова, 1962, с. 68]. Следовательно, условия, в которых хранили (погребали ?) женские скульптурные изображения в жилищах на о-ве Сучу, связаны с традициями, сложившимися в глубокой древности.

Все описанные и упомянутые выше женские изображения были найдены с отломанными головами – в

* В статье о фаллических фигурках ошибочно сказано: “...с изображением...головы... (волка?)”.

отдельности встречались туловище и голова. Это относится и к кондонской скульптурке, туловище и голова которой лежали врозь. Помимо этого, у нее были обломаны верхняя часть головы и нижняя оконечность торса. Статуэтка из жилища 1 на о-ве Сучу также повреждена – у нее обломана верхняя половина головы (см. рис. 3, 2). Кроме того, при раскопках других жилищ на острове обнаружено еще более десяти антропоморфных (в большинстве своем женских) терракотовых скульптурок. Все они представлены обломками головы или торса (рис. 6, 1 – 3). Относительно палеолитических статуэток надо отметить, что в Сибири преобладающая их часть обнаружена целыми, а в Восточной Европе подавляющее большинство – обломанными [Там же, с. 55].

Конечно, палеолитические и неолитические произведения, о которых здесь идет речь, значительно удаленные друг от друга как в пространстве, так и во времени, не могут копировать внешне друг друга. Даже в одной культуре, более того – в одном жилище, как мы видим, можно встретить различные по манере исполнения образцы искусства (от реалистических до стилизованных и схематических форм, сочетающихся зачастую в одном скульптурном изображении, к тому же, как правило, полиэйконическом, гинандроморфном по своему замыслу)*. Однако нельзя не заметить при этом, что сущность и назначение скульптурок двух разных эпох не могут иметь серьезных различий. Относительно сущностной, содержательной стороны палеолитических антропоморфных статуэток (долгое время считавшихся только женскими) в литературе высказано множество гипотез (их перечень и анализ см. [Абрамова, 1962, с. 65 – 70; Ларичев, 1996, с. 6; Фролов, 1987, с. 8 – 11]). При всем богатстве спектра интерпретаций по этой теме доминирующим признается магическое значение женских изображений, в которых воплощен культ плодородия в самом широком смысле этого определения (прародительница, влияющая на благополучие рода и плодovitость женщин, покровительница окружающей природы – мать и хозяйка зверей, прежде всего промысловых и др.).

Вне всякого сомнения, палеолитический человек, создавший шедевры на скальной живописи, календарную систему, остроумные счетчики, “в структурах которых содержались записи годовых и многолетних оборотов Луны и Солнца” [Ларичев, 1997, с. 91], а также календари беременности женщин [Ларичев, 1992], не мог не знать, что благополучие первобытного

* Эта особенность, присущая всем неолитическим нижеамурским антропоморфным скульптуркам, вряд ли может предоставить шанс для расчленения их на художественные и нехудожественные формы, как это предлагается применительно к продукции верхнепалеолитического человека (см. [Филиппов, 1972, с. 221]).

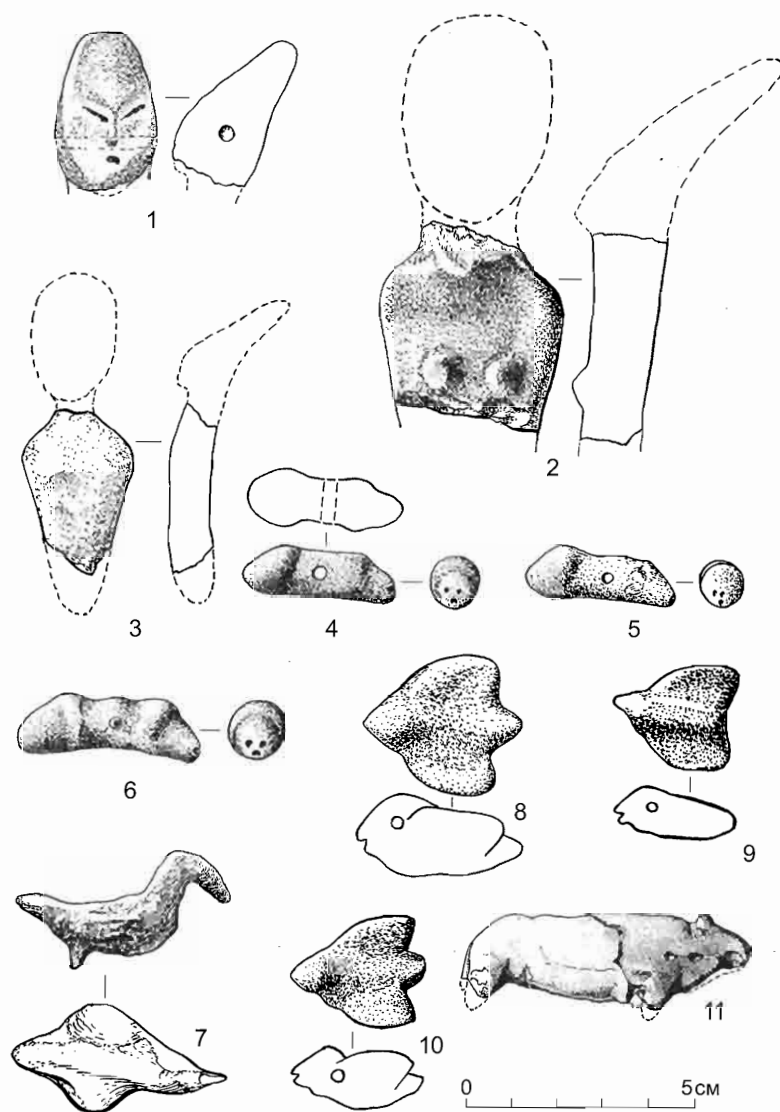

Рис. 6. Скульптурные изображения из обожженной глины с о-ва Сучу.

1 – голова с фаллической прической от скульптурки женщины; 2, 3 – обломанные скульптурки женщин; 4 – 6 – двуконечные фаллосы с изображением головы тюленя с одного конца; 7 – 10 – птицы; 11 – лось. 1 – из жилища Е; 2, 3 – из жилища Г; 4 – 6, 8 – 10 – из жилища 1; 7, 11 – из жилища В.

коллектива, прежде всего его воспроизводство зависит не только от женщины (даже при той ее особой роли тогда), но и от мужчины. Видимо, этим можно объяснить присутствие во многих палеолитических памятниках, где найдены произведения искусства, гинандроморфных скульптурок. В Европе они известны по материалам Савиньяна (Италия), Пекарна и Долни Вестонице (Чехия) [Елинек, 1982, рис. 608, 609, 616, 654], а также памятника Костенки IV [Абрамова, 1962, табл. XIX, 1, 2]. В Сибири – в мальтинской коллекции. Здесь одна скульптурка изображена с головой женщины и туловищем в виде фаллоса, а другая – с лицевой стороны и сзади похожа на женщину, а в профиль – на мужчину [Там же, табл. XLIX, 4, 9]*. Фаллическое изделие найдено в Костенках I [Там же, табл. XI, 3],

двойной фаллос – в Горж д'Анфер (Франция) [Елинек, 1982, рис. 663].

Особый интерес с точки зрения интерпретации амурских женских скульптурок представляют материалы Мезинской позднепалеолитической стоянки (неслучайно благодаря разнообразию и оригинальности произведений изобразительного искусства они признаны как “не имеющие себе равных в мировом палеолитическом искусстве”). Здесь найдена значительная серия скульптурных изображений, трактуемых одними исследователями как стилизованные женские

* Вторую скульптурку В.Е. Ларичев называет “одноглазым андрогинным существом”, соединяющим в себе не только черты двух полов, но и признаки “звериности”, более похожие на бизоны (см. [Ларичев, 1996, с. 7]).

статуэтки [Шовкопляс, 1965, с. 220 – 226, рис. 57 – 60, табл. XLVII, XLVIIa], а другими – как фаллические предметы [Абрамова, 1962, с. 34 – 35, табл. XXXII]. Наиболее крупные образцы представляют собой продолговатые, в основном округлые в сечении стержни из бивня мамонта, длиной до 14,5 см и диаметром $4,2 \times 4,5$ см. Нижняя, более толстая часть скульптурки, вблизи конца с трех сторон (за исключением задней) имеет валиковую выпуклость, верхняя, занимающая около двух третей всей длины, ближе к уплощенно-заостренному концу довольно резко отогнута назад. На лицевой стороне у конца сделаны треугольные насечки, на задней также насечки или “угольчатая” штриховка занимают всю верхнюю половину скульптурки. Обращенная углами вниз штриховка представляет собой женские символы (“детородные треугольники”). Остальные статуэтки такого же характера, преобладают более короткие, но в то же время более объемные. На мой взгляд, правы как те, так и другие исследователи, давшие, казалось бы, разные определения статуэткам. Перед нами фаллические фигурки. Нижние их части с валиками-бюстами – полностью женские, верхняя – как женская (“угольчатые” обозначения), так и мужская (фаллическая форма). Верхний конец фаллической части следует принимать за резко отогнутую назад голову женщины с высокой прической. Эти скульптурки как стилистически, так и по своему содержанию являются предтечей женских статуэток из поселений Сучу и Кондон*. Во всяком случае мезинские фаллические скульптурки с женскими чертами в настоящее время, как бы это ни показалось удивительным, – ближайшие аналоги неолитических статуэток нижнего Амура. Стилизация мезинских скульптурок не должна ввести нас в заблуждение, поскольку в неолите Амура фаллические изображения с условными чертами женщины (головы) также были “в репертуаре” ваятелей (см. рис. 5, 2). В Мезине, кроме того, есть статуэтки, которые называют либо антропоморфными [Шовкопляс, 1965, рис. 55, 56], либо стилизованными женскими [Елинек, 1982, рис. 630]. То и другое верно, следует лишь добавить, что туловища статуэток имеют форму фаллоса. Изображения гинандроморфные.

Не нашла пока места в исследованиях развернутая аргументированная трактовка такой сразу бросающейся в глаза детали женских амурских неолитических скульптурок, как непропорционально длинная верхняя часть головы. Ее называют то прической, то тигрообразным головным убором (отсюда сравнение с Нефертити). И здесь мы вновь вынуждены обратиться к произведениям палеолитического искусства. На

многих статуэтках видны старательно оформленные прически, а на некоторых – распущенные волосы. Считается, что изображение волос (кстати, так же как и обнаженного тела) должно было увеличивать магическую силу статуэток [Абрамова, 1962, с. 68]. На нижне-амурских скульптурках распущенные волосы не показаны, а вот прически, несомненно, моделированы весьма искусно. Они изображены в виде высокого дугообразного (анфас), резко отогнутого назад, заостряющегося к концу (в профиль) фаллического выступа-шиньона. Именно такая прическа, как сказано выше, была у мезинских женских фаллических статуэток.

Женские скульптурки из амурских жилищ можно подразделить на два типа. К первому относится скульптурка из жилища 1 на о-ве Сучу (см. рис. 3, 2). У нее вполне реалистично показано лицо, есть уши (заметьте, что уши не отмечены у других амурских скульптурок), прическа-шиньон моделирована с признаками полиэйконичности (в профиль имеет вид фаллоса). Торсу особого внимания не придается – вылеплен схематично. Второй тип представлен первой и второй терракотовыми скульптурками, а также каменным фаллическим изображением с женской головой из жилища 4 на о-ве Сучу. Терракотовые скульптурки не имеют голов, туловища выполнены в форме фаллосов (у второй скульптурки обозначены женские груди) с применением знаний по анатомии. Что касается голов, то, скорее всего, они были такой же формы, как и у статуэток первого типа. Об этом косвенно свидетельствует отломанная от скульптурки голова (см. рис. 1, 1), которую, учитывая характер других образцов, можно отнести ко второму типу. Также, кстати, как и кондонскую женскую скульптурку. Сейчас выясняется, что древний мастер в торсе кондонской фигурки сделал вертикальное круглое отверстие диаметром 0,5 – 0,6 см (рис. 7). Следовательно, можно с полным правом считать, что нижней зауженной части торса, особенно обломанной, была придана, как и прическе, форма фаллоса. Ко второму типу, вероятно, следует причислить обломанную скульптурку из жилища Г (см. рис. 6, 3). Остальные терракотовые образцы из-за их фрагментарности типологически неопределяемы.

Что касается фаллических скульптурных изображений, сочетающих признаки обоих полов, с верхними концами, оформленными в виде головы тюленя, то здесь мы наблюдаем как бы воплощенную в терракоте и камне, вероятнее всего, идею плодородия и воспроизводства промысловых животных. Эти образцы искусства, помимо всего, несут информацию следующего характера. Сейчас есть все основания считать, что ластиногие уже в неолите были объектом промысла обитателей берегов и островов нижнего Амура. Самыми ранними свидетельствами этого, очевидно, являются фаллические фигурки с

* Фрагменты подобных образцов искусства найдены в некоторых других памятниках нижнего Амура (см. [Конопацкий, 1996, с. 74]).

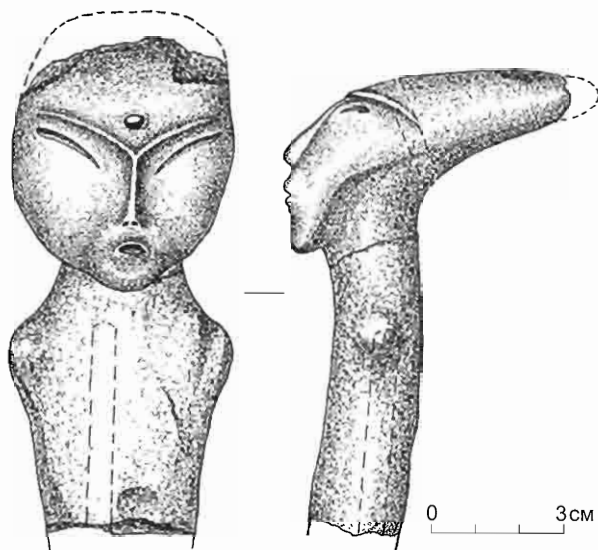

Рис. 7. Скульптурка женщины с фаллической прической на голове из обожженной глины. Поселение Кондон, жилище 3 (вознесенская культура).

изображением голов тюленей из жилища 1, относящегося, как отмечалось, к малышевской культуре. Известно, что еще несколько десятилетий назад ульчские охотники из амурских селений отправлялись весной на морской тюлений промысел к Татарскому проливу. Кратчайший путь туда проходил по озеру и речке Кади, а также по оз. Кизи (рядом с о-вом Сучу) и речке Тоба [Смоляк, 1966, с. 40].

Традиционная скульптура неолита Нижнего Приамурья и дзёмона Японии

Возвращаясь к теме женских, а также гинандроморфных и фаллических изображений в палеолитическом искусстве и связанному с ними культу плодородия, можно найти много примеров проявления этого культа в культурах более позднего времени. Оставим мир культур, которые условно назовем западными (в основном Европа) и юго-западными (Юго-Западная Азия)* и обратимся к противоположной части Евразии – к тихоокеанским побережьям и островам, конкретно к Нижнему Приамурью и Японскому архипелагу. Именно здесь в постпалеолитическое время (в культурах неолита) сформировалась манера передачи в скульптуре женских, гинандроморфных, фаллических, мужских образов, с заложенной в них идеей плодородия.

* Здесь хотелось бы лишь упомянуть характернейший, в русле рассматриваемой проблемы, образ богини Неба Нут (Нунут) из древнеегипетской мифологии, которую изображали в виде молодой женщины с туловищем-фаллосом, головка которого показана в области шеи и плеч.

Вряд ли есть однозначный ответ на вопрос о причинах, породивших столь неординарное явление. Не приблизит нас, наверное, к решению проблемы сопоставление процессов: с одной стороны, конвергентности, с другой – диффузии (что первично, а что вторично или что единственно верное?). Тема эта обширная и внимание к ней должно быть соответствующее. Замечу, что названные процессы были, вероятнее всего, разносторонними, связанными с природно-климатическими и культурными особенностями ареалов. Имеющиеся материалы позволяют считать, что на нижнем Амуре и в Японии культ плодородия начал формироваться практически в одинаковых условиях, с точки зрения наличия (а точнее, отсутствия) необходимой базы или традиций, выраженных в интересующих нас формах вещественной атрибутики. В этом плане, пожалуй, следует принять во внимание каменную скульптурку типа кокэси со стоянки Ивата [Дзукай..., 1992, с. 47, рис. 21; Деревянко, 1984, табл. 74, 1]. Предложенная интерпретация ее как каменного фаллоса с личинами на головке представляется более предпочтительной [Бродянский, Гарковик, Крупнянко, 1998, с. 13], с тем лишь уточнением, что головка – это и голова мужчины.

Одним из важнейших постулатов в определении освещаемых скульптурных сюжетов, олицетворяющих идею плодородия первобытных обществ нижнего Амура и Японии, следует признать их оседлый образ жизни (кстати, это справедливо и для позднелитических коллективов Европы и Сибири, имевших, как правило, долговременные жилища). Сходной у них была экономика, основанная на рыболовстве (в Японии заметное место занимала добыча моллюсков), охоте (включая промысел морских животных) и собирательстве. Хотя уже в раннем дзёмоне Японии культивировалась, например, тыква-горлянка, в среднем – перилла, а в позднейшем – гречиха, тем не менее эту эпоху часто называют неолитом без земледелия и скотоводства [Дзукай..., 1992, с. 50]. В Среднем Приамурье хозяйство культур раннего железного века (I тыс. до н.э.) характеризуется как в значительной степени земледельческое [Деревянко, 1973, с. 242]. Что касается нижнего Амура, то здесь, судя по имеющимся данным, первые признаки земледелия появились не раньше финала раннего железного века (начало I тыс. н.э.) и то лишь в самой южной его части. С накоплением новых фактов мы будем все более убеждаться в неслучайности появления керамики на нижнем Амуре и в Японии практически в одно время (13 тыс. л.н.) [Медведев, 1997, с. 12 – 14].

В приведенной ниже таблице видно, что скульптура неолита Нижнего Приамурья и дзёмона Японии при известных особенностях ее форм развивалась в той или иной степени синхронно во все периоды вплоть до эпохи раннего металла. Уместно заметить,

Соотношение основных видов скульптурных изображений и некоторых предметов
в неолитических культурах Нижнего Приамурья и дзёмоне Японии

Нижнее Приамурье				Япония		
Историческая эпоха	Хронологический этап, культура	Время, л.н.	Скульптурные изображения, предметы	Период дзёмона	Время, л.н.	Скульптурные изображения, предметы
Неолит	Начальный, осиповская	13 000 – 10 000 – 9 000	Фигурки птиц (к) Фигурка медведя (т)	Сосо	12 000 – 10 000	Галька с резьбой
	Ранний, малышевская	8 500 – 5 500	Фаллическая голова мужчины, женские скульптурки, фаллические фигурки тюленей, фаллические стержни, фигурки птиц, медведя и лося (т), фаллические конусовидные предметы с женским символом (т, к), шары и диски типа чуриног с орнаментом (т), подвески с отверстием, палицы, предметы типа лабреток (к)	Начальный	10 000 – 6 000	Фигурки "гангу" (к), "догу" (т)
	Средний, кондонская	5 500 – 4 000	Фаллосы, голова птицы, кольца, диски и подвески с отверстием, палицы (к)	Средний	5 000 – 4 000	"Догу", палки "сэкибо", ножевидные предметы с изображением черного дракона (к), полуэллипсоидные подвески с отверстием, трехгранные предметы (т), маски из раковин
	Поздний, вознесенновская	5 000 – 3 300	Женские скульптурки, фаллическая фигурка с головой тюленя (т), фаллические стержни, фаллические изображения с головой женщины, тюленя; фигурка медведя (к, т), голова лося, фигурка рыбы, диски и подвески (в том числе резные) с отверстием, палицы, предметы типа лабреток (к), маски-личины (барельеф) на сосудах и маски составного типа (?) (т)	Поздний	4 000 – 3 000	"Догу", "сэкибо", деревянные столбы, ножевидные предметы с изображением черного дракона, ножи "сэкито" (к), шаровидные орнаментированные предметы с отверстием, маски (т)
Бронза	Эворонская культура (?)	≈ 3 300 – 2 500	Нет сведений	Позднейший	3 000 – 2 400	"Догу", "сэкито", "гангу", мечи "сэкикэн", пластины "гамбан", бруски с орнаментом (к), "докан" – предметы, передающие женские и мужские начала, пластины "добан", маски (т)

Примечания. Данные по Японии приведены по [Atlas..., 1992, p. 50, 98 – 101].

Есть достаточные основания считать, что некоторое время кондонская и вознесенновская и, возможно, кондонская и малышевская культуры сосуществовали.

(к) - камень, (т) - терракота.

что все указанные в таблице скульптурные изображения и предметы из Японии археологи этой страны связывают с первобытной магией.

В памятнике периода сосо, открывающего дзёмонскую эпоху, на юге Японии найдена галька с резьбой, передающей, судя по всему, схематическое изображение женщины *. К этому примерно времени (12000 – 10000 л.н.) относятся каменные фигурки птиц из памятников осиповской культуры: Сакачи-Алян (нижний пункт) [Okladnikov, 1981, fig. 49] и Гася [Деревянко, Медведев, 1995а, с. 17, рис. 46, 1]. В поселении Гася, кроме того, обнаружена терракотовая фигурка медведя со следами красной краски [Деревянко, Медведев, 1992, с. 31, 103; Медведев, 1995а, с. 232, рис. 3, 6]**. Это древнейшее скульптурное терракотовое изображение названного животного на российском Дальнем Востоке.

В начальном дзёмоне, синхронном на Амуре финалу осиповской и почти всей малышевской культуре, на севере о-ва Хонсю появляются каменные фигурки “гангу” с туловищем-фаллосом (как у скульптурок женщин из жилища 4 на о-ве Сучу), условно переданной головой и руками. Возможно, это гинандроморфные изображения. В памятниках того же периода в районах Кинки, Токай и Канто обнаружены древнейшие “догу”. В нижнеамурском ареале в раннем неолите (преимущественно на средней и поздней его стадиях) появляются многие основные скульптурные образы, связанные с культом плодородия. Прежде всего следует назвать фаллическое скульптурное изображение мужской головы из поселения Гася [Деревянко, Медведев, 1992, с. 31, 103; Медведев, 1995а, с. 232, рис. 3, 5]***. Эта находка из нижней пачки малышевского слоя (на границе с осиповским) – самое раннее терракотовое антропоморфное изображение на Дальнем Востоке. Далее следует назвать такие образцы искусства малышевской культуры, как женские скульптурки, фаллические фигурки тюленей, фаллические конусовидные предметы с женским символом

* Возможно, предшественницей многих дзёмонских фаллических форм (“гангу”, деревянные столбы, “сэкибо” и др.) является упомянутая выше фаллическая скульптурка из Ивата. Если это так, то типологический ряд первобытной японской скульптуры открывает, как видим, изображение мужчины.

** Фигурка была отнесена нами, по традиции, вслед за известными фигурками медведя, к малышевской культуре. Однако тщательный анализ условий ее залегания в глинистом слое, содержавшем только осиповские артефакты, а также качество обжига и состав теста позволяют связывать фигурку именно с этой, более ранней культурой.

*** Первоначально верхняя часть головы была принята нами за головной убор.

(вувльвой)*, фаллические терракотовые стержни **. В материалах культуры известны также терракотовые орнаментированные шары и дисковидные предметы типа чуриног, старательно декорированные (иногда с двух сторон) концентрическими кругами, спиралями, личинами, змеями и другими изображениями (рис. 8); фигурки медведя, лося (см. рис. 6, 11) и птиц (см. рис. 6, 7 – 10); каменные подвески с отверстиями, палицы, предметы типа лабреток.

Отметим любопытную деталь, связанную с первичными формами “догу” дзёмона и женских скульптурок Амура: практически у всех “догу” начального периода ноги не моделированы и только у “догу” раннего дзёмона они изредка условно обозначены в виде небольших выступов [Дзукай..., 1992, с. 100 – 101]; все женские амурские скульптурки, как уже отмечалось, также без ног. Однако в малышевском жилище поселения Гася встречается отломанная нога скульптурки, покрытая резными линиями [Деревянко, Медведев, 1993, рис. 59, 5], похожие обломки терракотовых изображений отмечены и в некоторых малышевских жилищах на о-ве Сучу. Остается неясным, мужским или женским скульптуркам они принадлежали.

В раннем дзёмоне, который соотносится со средним и поздним этапами малышевской культуры, наряду с “догу” и “гангу” стали появляться деревянные столбы. В среднем дзёмоне “догу” заметно модифицируются: часто достаточно реалистично показана голова, черты лица, есть образцы с орнаментом. Появляются каменные палки “сэкибо”, ножевидные предметы с изображением черного дракона, полуэллипсоидные подвески с отверстием, трехгранные терракотовые предметы, маски из раковин. В сопоставимой по времени кондонской культуре на нижнем Амуре известны каменные фаллосы, голова птицы, кольца, диски и подвески с отверстием, палицы (все из поселения Кондон).

Поздний период дзёмона характеризуется большим разнообразием “догу” (с головой, руками, ногами, и лишь в районах Токай и Сикоку распространены фигурки, передающие только торс женщины). Присутствуют “сэкибо”, деревянные столбы, те же ножевидные предметы с изображением черного дракона,

* Эти каменные круглые в сечении предметы, своего рода “сэкибо” в миниатюре или, точнее, одна из их частей сначала были зафиксированы на поселении Гася (располагались вместе с палицей), затем – в жилище 3 на о-ве Сучу (терракотовое изделие) [Деревянко, Медведев, 1993, рис. 33, 4; 37, 5; 41; Медведев, 1996, рис. 15, 1].

** Весьма распространенные находки в неолите нижнего Амура, ошибочно называемые в литературе то штампами, то рыболовными грузилами. Это фаллосы (см., напр. [Деревянко, Медведев, 1994, рис. 8, 7; 31, 1; 1997, с. 55, рис. 2, 1]).

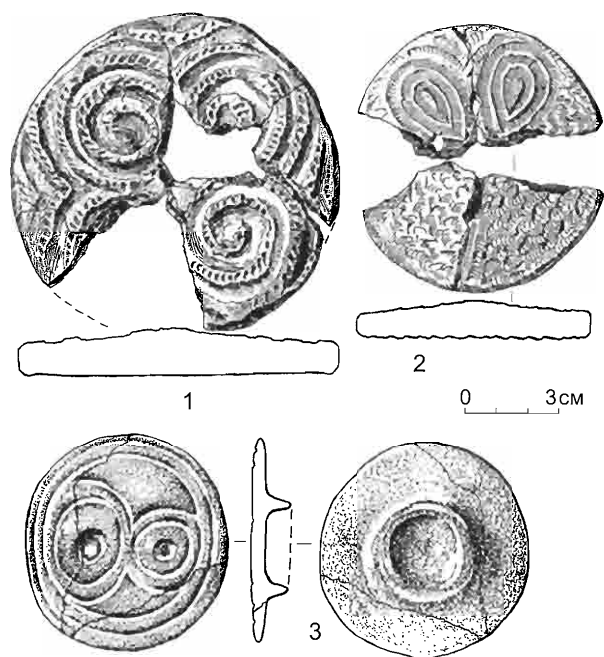

Рис. 8. Дисковидные предметы типа чуриног из обожженной глины. Сучу.

1, 2 – жилище В (малышевская культура), 3 – жилище 1.

появляются каменные ножи “сэкиго”, терракотовые шаровидные орнаментированные предметы с отверстием и маски (в том числе составного типа).

На нижнем Амуре в это время (III – середина II тыс. до н.э.) существовала вознесенская культура. В ней известны женские скульптурки, фаллические фигурки с изображением головы тюленя, женщины, фаллические стержни, фигурки медведя, рыбы, скульптурная голова лося, диски и подвески (включая резные) с отверстием, палочки, предметы типа лабреток (рис. 9), личины-барельефы на сосудах, терракотовые маски составного типа (?) (Тахта, Сучу).

В позднейшем дзёмоне, завершающем неолитическую эпоху в Японии, наряду с “догу”, “сэкиго”, “гангу” и масками, получили распространение новые формы изделий. Это мечи “сэккэн” (фаллические), бруски с орнаментом, “докан” – изображения, символизирующие единство женского и мужского начал, орнаментированные пластины “добан” (терракотовые) и “гамбан” (каменные).

В Нижнем Приамурье время, соответствующее частично позднему и, наверное, целиком позднему дзёмону, приходится на эпоху бронзы. Данные по этому периоду отсутствуют.

Таблица показывает, что и в нижнеамурском неолите, и в дзёмоне Японии практически каждому женскому виду скульптурного изображения соответствует мужское (фаллос, фаллический предмет), имеются гинандроморфные, полизйконические образы. После-

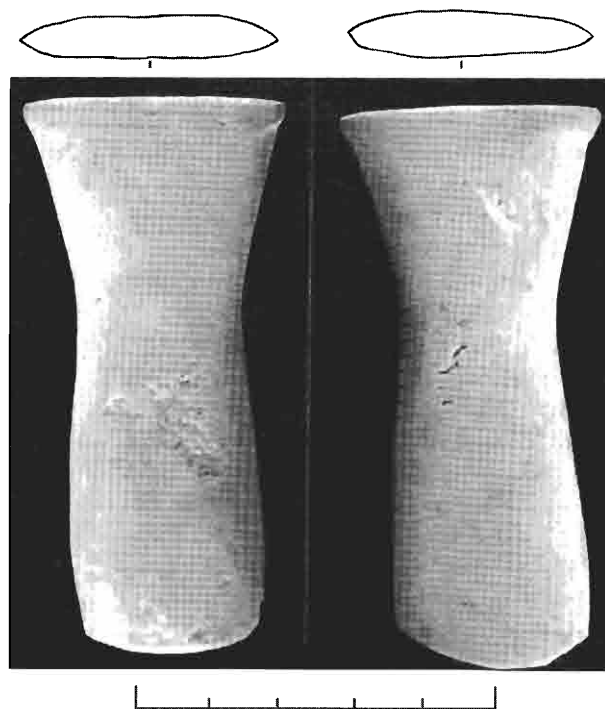

Рис. 9. Предметы типа лабреток из трепела.

Святыни солнечного культа вознесенской культуры на о-ве Сучу.

днее относится прежде всего к Приамурью. Причину зарождения и расцвета столь яркого, пронизанного мыслью о плодородии, приумножении рода искусства, уходящего своими корнями в палеолит, следует искать в социально-экономических условиях. Главнейшим показателем благополучия любого общества считается средняя продолжительность жизни составляющих его людей. Средняя продолжительность жизни дзёмонского человека (мужчины) была всего 25 лет (для сравнения: европейского неандертальца – 29 лет, кроманьонца – 32 года) [Дзукай..., 1992, с. 53].

Среди раскопанных скелетов дзёмонцев женских нередко меньше, предполагается, что родители убивали новорожденных девочек. Половина найденных скелетов принадлежит детям и подросткам [Там же]. На нижнем Амуре неолитические костяки пока не найдены, поэтому трудно делать какие-либо сравнения с дзёмонскими материалами. Вместе с тем можно предположить, что демографическая ситуация на Амуре в эпоху неолита вряд ли заметно отличалась от дзёмонской. А это значит, что социально-экономические условия обитателей этих двух регионов даже применительно к эпохе каменного века были одинаково далеко не благоприятными. Стремление людей изменить жизнь к лучшему побуждало их обращаться к магии.

Напомним, что все антропоморфные скульптурные изображения с нижнего Амурского (гинандроморфные тоже), а также все или практически все “догу” дзёмона преднамеренно повреждены, у них обломаны

головы (в искусстве палеолита, в особенности европейского, что уже отмечалось, выявлена похожая картина). Из этнографии Дальнего Востока известно: еще недавно у многих народов была вера в существование души у вещей. Со смертью их хозяина изделия приводили в негодность. Во многих раннесредневековых погребениях Амура зафиксирован испорченный инвентарь, сопровождавший умерших. Все это позволяет предположить, что неолитические антропоморфные скульптурки Нижнего Приамурья и “догу” дзёмона Японии были связаны с конкретными людьми (шаманами-колдунами (?), художниками-вятелями (?)) – это могли быть и мужчины, и женщины, совмещавшие в одном лице обе эти функции), после смерти которых принадлежавшие им произведения ломали, порой погребали в специальных ямках или выбрасывали. “Догу” обнаружены в дзёмонских погребениях. Не исключено, что и женские неолитические скульптурки с нижнего Амура также входили в состав погребального “инвентаря” того времени. Однако такими сведениями мы пока не располагаем.

Заключение

Коротко о функциональной принадлежности жилища 4 на о-ве Сучу, в котором были найдены скульптурные изображения женщин и другие произведения искусства. Жилым этот комплекс можно назвать лишь условно. В пользу определения его как жилища говорит довольно обильный каменный инструментарий и керамика. В то же время не обнаружены характерные для жилищ уступы-“нары” и очаг. Видимо, не случайно в жилище кроме рассмотренных здесь произведений искусства находились другие предметы не утилитарного назначения. Это обломанное нефритовое кольцо с отверстием, крупный диск-подвеска из кремня, навершие палицы, овальная стамесковидная подвеска с отверстием. Здесь же найдены диск (пряслище ?) с резьбой-свастикой и пластина из терракоты, а также расколотая на три части фигурная сланцевая плитка больших размеров с тщательно зашлифованными краями по периметру, а также обращенный вверх дном сосуд, со следами черной краски снаружи и изнутри. И наконец, не может не обратить на себя внимание следующий факт: рядом с женской скульптуркой с торсом-фаллосом, обнаруженной в ямке у стенки жилища, несколько выше – непосредственно на кромке этой самой стенки стоял целый глиняный сосуд (у него лишь слегка обломанная край венчика) шаровидно-сферической формы (высота 9,5 см, диаметр тулова 17,2 см). Сосуд орнаментирован прочерченными спиралями и несколькими оттиснутыми кружками – солярными символами (на фоне пунктирного зигзага). На дне сосуда размещалось аналогичное изделие меньших размеров (высота 3,5 см, диаметр туло-

ва 5,4 см), также с частично обломанным венчиком и близким по своему содержанию узором. Заметим, что в истории раскопок неолитических памятников нижнего Амура до этого не были известны такие находки – сосуд в сосуде. Ситуация, в которой зафиксированы специально поставленные (вкопанные) сосуды над зарытой в ямке скульптуркой женщины, дает основание предположительно квалифицировать эту утварь как “сопроводительную” или, скорее всего, рассматривать ее в качестве “погребальной тризны”.

Выше уже отмечалось, что это “жилище” располагалось в непосредственной близости от святилища солнечного культа [Медведев, 1994, с. 177 – 178]. Основным материалом, связанным со святилищем, является крашенная ярко-красной краской керамика с элементами антропоморфного, зооморфного и растительного узора, найдены обломки сосуда (или маски ?) с человеческими ушами. Среди камней, окаймляющих котлован святилища с южной стороны, стоял целый сферический сосуд, декорированный преимущественно в той же манере (спирали, кружки), что и сосуд из комплекса с женской скульптуркой анализируемого “жилища”. Кроме того, в святилище среди керамики обнаружены следующие находки: не менее семи дисков с отверстиями из нефрита и трепела; загадочный кремневый предмет в виде полого цилиндра, немного крупнее наперстка, с зашлифованной наружной и внутренней поверхностью и небольшим отверстием в “дне”; два предмета типа лабреток, вырезанные из трепела (см. рис. 9). Любопытно, что изделия, аналогичные последним, в Приамурье впервые были обнаружены на берегу р. Гур (Хунгари), неподалеку от поселения Вознесенского в 1960-х гг. Наиболее ранние предметы такого типа из того же материала в Приамурье найдены на полу жилища 1 на о-ве Сучу, содержавшем, как уже было сказано, большое количество произведений искусства, включая женское скульптурное изображение со следами красной краски.

По всей вероятности, между двумя комплексами – святилищем и “жилищем” 4 есть прямая связь. Обладателем “жилища” 4 мог быть человек, имевший особый социальный статус. Он занимался, видимо, отправлением культовых церемоний не только в земляночном сооружении, но и в “подведомственном”, возможно, ему святилище.

Список литературы

- Абрамова З.А. Палеолитическое искусство на территории СССР. – М.; Л.: Наука, 1962. – 86 с. + 62 табл.
- Бродянский Д.Л., Гарковик А.В., Крупянка А.А. Древнейшие произведения искусства в Приморье и Приамурье // Мир древних образов на Дальнем Востоке. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1998. – С. 5 – 18.
- Велижанин А.Г. Облик фауны Приамурья в наскальных рисунках // Природа. – 1985. – № 1. – С. 90 – 93.

Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1973. – 356 с.

Деревянко А.П. Палеолит Японии. – Новосибирск: Наука, 1984. – 272 с.

Деревянко А.П., Медведев В.Е. К изучению Сакачи-Аляско-Малышевского комплекса памятников // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайск. гос. пед. ин-т; Горно-Алтайск. науч.-исслед. ин-т истории, языка и литературы, 1992. – С. 30 – 31, 103.

Деревянко А.П., Медведев В.Е. Исследование поселения Гася (предварительные результаты, 1980 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1993. – 110 с.

Деревянко А.П., Медведев В.Е. Исследование поселения Гася (предварительные результаты, 1986 – 1987 гг.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1994. – 96 с.

Деревянко А.П., Медведев В.Е. Исследование поселения Гася (предварительные результаты, 1989 – 1990 гг.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995а. – 65 с.

Деревянко А.П., Медведев В.Е. Святилище идолопоклонников на о. Сучу – новый тип памятников на Дальнем Востоке // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995б. – С. 225 – 227.

Деревянко А.П., Медведев В.Е. Остров Сучу – уникальный памятник археологии Дальнего Востока // Археологи Северной Пацифики. – Владивосток: Дальнаука, 1996. – С. 214 – 221.

Деревянко А.П., Медведев В.Е. К итогам раскопок на о. Сучу в 1995 и 1997 гг. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. 3. – С. 52 – 57.

Дзукай, Нихон-но-дзинруй исэки (Японские стоянки людей в иллюстрациях). – Токио: Изд-во Токийского ун-та, 1992. – 245 с. (на яп. яз.).

Елинек Я. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. – Прага: Артия, 1982. – 560 с.

Конопацкий А.К. Неолитическое искусство нижнего Амура в свете новых находок // Гуманитарные науки в Сибири. – 1996. – № 3. – С. 72 – 79.

Ларичев В.Е. Матерь Мира: календарь беременности женщины древнекаменного века Сибири и семантика скульптур палеолитических Венер // История, филология и философия. – 1992. – Вып. 3. – С. 48 – 56.

Ларичев В.Е. Одноглазый пращур (идентификация божества мальтинской культуры) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Новосибирск; Омск: Новосиб. гос. пед. ун-т; Омск. гос. ун-т; Омск. фил. Объединенного ин-та истории, филологии и философии, 1996. – Ч. 1. – С. 5 – 10.

Ларичев В.Е. В одном – Всё (носитель записи календарно-астрономических алгоритмов и постулатов натурфилософии жречества древнекаменного века Сибири) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и со-

предельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. 3. – С. 91 – 98.

Медведев В.Е. Неолитическое святилище на Амуре // Археологические открытия 1993 года. – М.: Ин-т археологии РАН, 1994. – С. 177 – 178.

Медведев В.Е. К проблеме начального и раннего неолита на нижнем Амуре // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995а. – С. 228 – 237.

Медведев В.Е. Раскопки на нижнем Амуре // АО 1994 года. – М.: Ин-т археологии РАН, 1995б. – С. 289 – 291.

Медведев В.Е. Неолитическое поселение на острове Сучу (по раскопкам 1993 года) // Хан кангу-ксахако (Научный журнал древней корейской истории). – Сеул, 1996. – № 22. – С. 129 – 162 (на кор. яз.).

Медведев В.Е. О некоторых параллелях в археологии позднего плейстоцена – раннего голоцена Нижнего Амура и Японии в свете новых исследований // Гуманитарные исследования: итоги последних лет: Тез. докл. науч. конф., посвященной 35-летию гуманитарного факультета НГУ. – Новосибирск: НИИ МОО НГУ, 1997. – С. 12 – 14.

Окладников А.П. Лики древнего Амура. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1968. – 241 с.

Окладников А.П. Петроглифы нижнего Амура. – Л.: Наука, 1971. – 336 с.

Окладников А.П. Древнее поселение Кондон. – Новосибирск: Наука, 1983. – 160 с.

Смоляк А.В. Ульчи. – М.: Наука, 1966. – 290 с.

Столяр А.Д. К вопросу о социально-исторической дешифровке женских знаков верхнего палеолита // Палеолит и неолит СССР. – Л.: Наука, 1972. – Т. 7. – С. 202 – 219. – (МИА; № 185).

Филиппов А.К. О двух типах изобразительной деятельности верхнепалеолитического человека в связи с критикой “магической” природы происхождения искусства // Палеолит и неолит СССР. – Л.: Наука, 1972. – Т. 7. – С. 220 – 226. – (МИА; № 185).

Фролов Б.А. Открытие человека (к опыту новых исследований первобытного искусства) // Антропоморфные изображения. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 8 – 18.

Шовкопляс И.Г. Мезинская стоянка: К истории среднеднепровского бассейна в позднелолитическую эпоху. – Киев: Наук. думка, 1965. – 328 с.

Atlas of Japanese Archaeology / Eds. Akiro Ono, Hideji Harunari, Shizuo Oda. – Tokyo: University of Tokyo Press, 1992. – 246 p.

Derevianko A. P., Medvedev V.E. The Amur River basin as one earliest centers of ceramics in the Far East // The Origin of ceramics in the East Asia and the Far East. Abstracts of international Symposium, Sendai, September 29 – October 5, 1995. – Sendai: Tohoku Fukushi University, 1995. – P. 13 – 23.

Okladnikov A. Ancient Art of the Amur Region. – Leningrad: Aurora Art Publishers, 1981. – 160 p.

Материал поступил в редколлегию 18.05.1999 г.

УДК 903.27

В.Е. Ларичев

*Институт археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17,
Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: alkin@paleo.archaeology.nsc.ru*

ВРЕМЯ В ОБРАЗАХ ИСКУССТВА СКИФО-СИБИРСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ (к методике раскрытия семантики сцен борьбы и терзания)

Постановка проблемы

Интерпретация отдельных образов и многофигурных композиций в искусстве культур раннего железного века юга Сибири и Центральной Азии – задача стародавняя. Весьма своеобразные сцены драматического противоборства животных широко представлены как в мобильном (пластика – литые из металла, а также прочего вида изделия), так и в монументальном (наскальные рисунки, оленные камни и другие объекты) искусстве этой эпохи. Эти сюжеты искусства звериного стиля обычно интерпретируются как “отражение идеологии воинственных племен, чья жизнь заключалась в набегах, занятиях кочевым хозяйством и охотой” (см., напр., статью Т.Н. Троицкой [1997], где приводится литература по теме). Однако в них видится и куда более значительное – художественные воплощения мироведческих, глубоко философского плана мифологем индоиранцев: отражение идей возникновения Мироздания (космогония), устройства Вселенной (космология) и противоборства полярных по характеру космических сил (см. блестящую книгу А.К. Акишева [1984], там же представлена библиография вопроса).

Оба толкования образов скифо-сибирского звериного стиля сближает одно – они воспринимаются всего лишь как гипотезы (мнения), ибо не подкрепляются доказательствами. Причина того – несовершенство методики, которая обеспечивает ныне базу семантических изысканий: раскрыть смысл изображений противоборствующих животных пытаются, обращаясь только к зыбкому методу ассоциативных связей, положим, к подбору подходящих (напрашивающихся) этнографо-мифологических и литературно-фольклор-

ных аналогий. Поэтому для того, чтобы расшифровать сакральную информацию, скрытую в образах анималистических изображений, с наибольшей точностью, необходимо найти новые методические подходы.

Методическая установка

Есть, пожалуй, лишь один путь достижения адекватности в семантических реконструкциях искусства раннего железного века юга Сибири – прочтение следует начинать с тех объектов художественного творчества, в которых анималистический образ напрямую связан с достаточно многозначными записями. Они могут восприниматься своеобразной подписью к изображению, раскрывающей глубинный подтекст информации, вложенной художником в сам образ. Использование этого методического постулата пифагорейского духа дало любопытные результаты при истолковании анималистического репертуара пещерного и мобильного искусства древнекаменного века Западной Европы, Урала и Сибири [Ларичев, 1993, 1995 – 1998а, б, 1999]. И почему бы его не применить при оценке значимости персонажей сцен “борьбы и терзаний” искусства скифо-сибирского звериного стиля?

Проверим возможности этого методического подхода при толковании сцены терзаний, выправленной на одной из двух серпентинитовых пластин, обнаруженных на западе Тывы в районе с. Хорум-Даг [Норбу, 1984; Антуфьева, 1984; Sher, Blednova, Legchilo, Smirnov, 1994]. Иллюстративные материалы, связанные с пластинами, представил геолог из Кызыла В.И. Кудрявцев. Он же уточнял по моей просьбе отдельные детали, пока шло исследование, и всячески побуждал к его продолжению. Я глубоко признателен ему за все это.

Анималистические образы в искусстве скифо-сибирского звериного стиля как носители календарно-астрономических записей. Реконструкция систем счисления времени в культуре скифской эпохи Средней Сибири. Астрально-мифологический характер персонажей сюжета

На лицевой поверхности пластины со сквозным отверстием в центре выгравирована сцена борьбы лошади и льва, фигуры которых покрыты высверленными лунками (рис. 1), а на оборотной – голова птицы, по-видимому орла, глаз которого совпадает с отверстием (рис. 2). Приняв отверстие (глаз?) и лунки за элементы числовой знаковой записи, приступим к расшифровке изображений (рис. 3). В пределах фигуры лошади размещено 23 знака, с учетом округлого глаза со зрачком (знак б), а за пределами – 1 знак (лунка в). В пределах фигуры льва находится 34 знака (10 из них реконструированы мной – см. незакрашенные кружочки в задней части тела), с учетом серповидного когтя (д), округлого знака со зрачком (н) и 6 зубов широко распахнутой пасти хищника.

Итак, всего знаков на пластине

$$1 (a - \text{отверстие}) + 23 + 1 (в) + 34 = 59.$$

Проведем календарный анализ количества знаков в пределах фигур лошади и льва. “Число лошади” (23), как сказали бы пифагорейцы, календарно значимое, ибо оно соответствует продолжительности лунного цикла, близкого вполне определенной части синодического месяца, – от первого (народившегося!) серпа и до последней четверти “умирающей” Луны:

$$23 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 0,7788 \text{ мес.} \approx 3/4 \text{ мес.}$$

“Число льва” (34) тоже календарно значимое. Но оно кратно не синодическому, а сидерическому (звездному!) и, особенно точно, драконическому (затменному!) месяцам, в чем, как можно предполагать, скрыт весьма существенный резон:

$$34 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 1,2445 \text{ сид. мес.} \approx 1 \frac{1}{4} \text{ мес.}$$

$$34 \text{ сут.} : 27,2122 \text{ сут.} = 1,2494 \text{ драк. мес.} \approx 1 \frac{1}{4} \text{ мес.}$$

Число 34 точно определяет также среднюю продолжительность т.н. эпохи солнечного затмения: 17 сут. подхода Луны к узлу ее орбиты и 17 сут. отхода от узла

$$17 \text{ сут.} + 17 \text{ сут.} = 34 \text{ сут.}$$

В это время может случиться солнечное затмение или даже два таких затмения, поскольку в течение 34 сут. Луна может дважды оказаться в фазе новолуния (подробнее см. [Ларичев, 1993]). Таким образом, прямая связь числа 34 с фигурой хищного льва, готового напасть на лошадь, открывает хорошие перспективы для реконструкции смысла всей композиции на пластине из Хорум-Дага.

Число 34 примечательно, наконец, тем, что именно такое количество суток дополняло продолжительность третьего лунного года, когда древние жрецы-

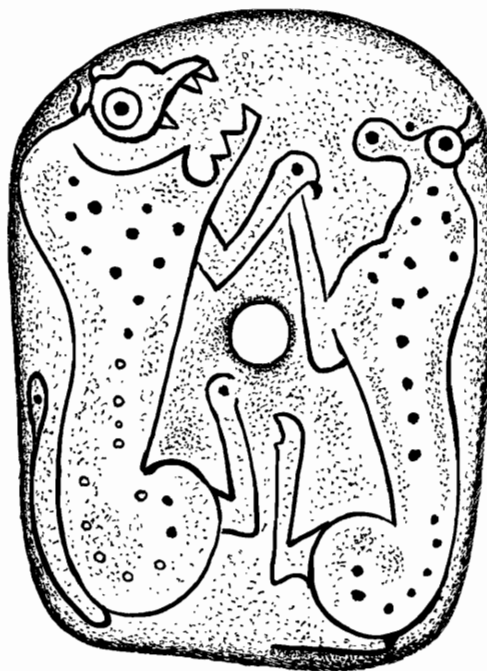

Рис. 1. Пластина из Хорум-Дага. Лицевая сторона.

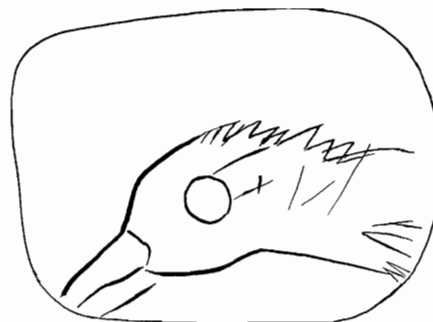

Рис. 2. Пластина из Хорум-Дага. Обратная сторона. Схематический рисунок выполнен В.И. Кудрявцевым.

астрономы почти идеально выравняли лунный счет времени со временем трех солнечных лет, чтобы далее можно было отслеживать с достаточной точностью границы сезонов, пользуясь опять лунным календарем:

$$354 \text{ сут.} + 354 \text{ сут.} + [354 + 34] \text{ сут.} = 1096 \text{ сут.}$$

$$365,242 \text{ сут.} \times 3 = 1095,726 \text{ сут.}$$

На пластине размещено всего 59 знаков. Это число тоже календарно очень значимое. Оно с высокой степенью точности отражает продолжительность двух синодических лунных месяцев:

$$59 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 1,9979 \text{ мес.}$$

Заметим, однако, что календарист скифской эпохи Тывы считывал двухмесячный лунный цикл не по обычной, широко распространенной в лунных календарях первобытности схеме

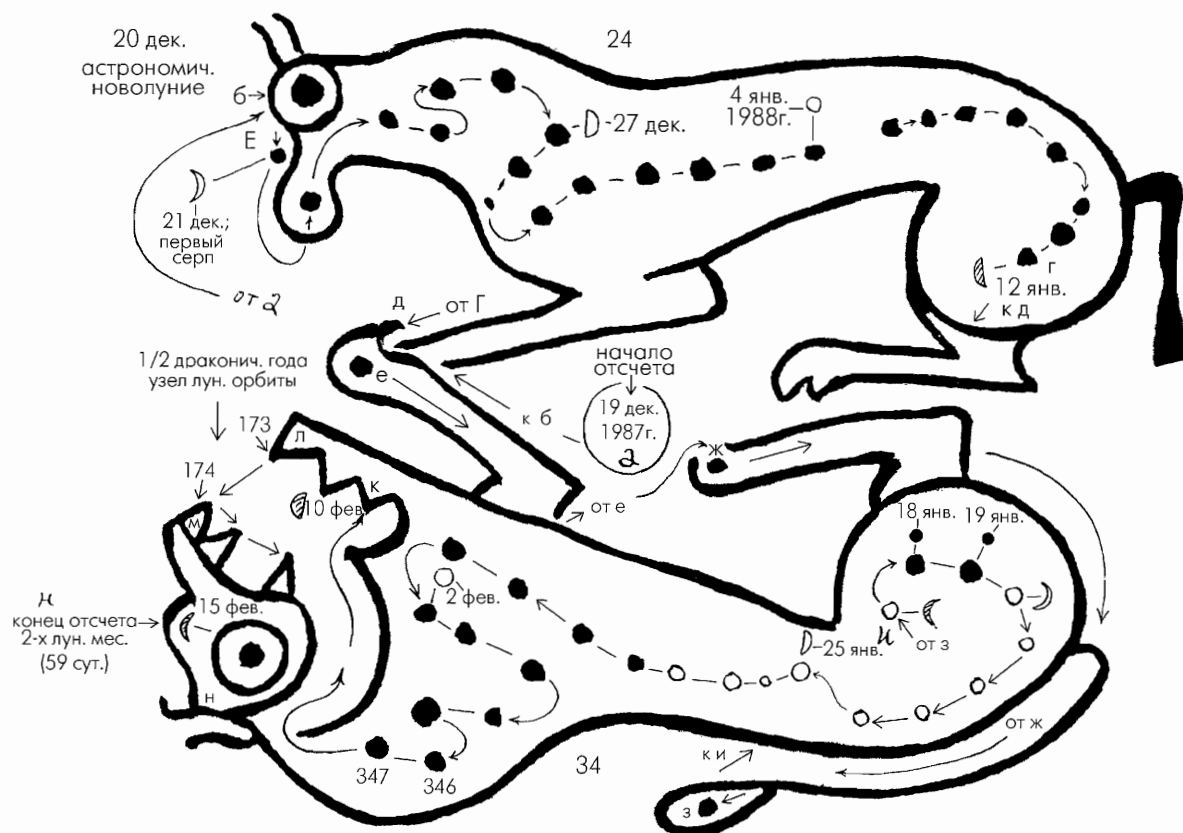

Рис. 3. Расшифровка знаковой записи на пластине из Хорум-Дага. Совмещение знаков с лунным календарем.

29 сут. → 30 сут. – 29 сут. → 30 сут. ...,
а как будто иначе:

1 (а) + 1 (в) + 23 сут. (знаки на фигуре лошади) + 34
(знаки на фигуре льва).

Ответ на вопрос: почему иначе, чрезвычайно важен, ибо за ним скрывается разгадка сюжета композиции. Поиск ответа начнем с восстановления наиболее подходящего порядка считывания всех знаков записи. Оптимальный маршрут представлен на рис. 3 (результат совмещения знаковой записи пластины с реальным, взятым (для строгости проверки!) наугад лунным периодом с 19 декабря 1987 г. до 15 февраля 1988 г. (см. [Астрономический календарь, 1986, 1987]). Начинать счисление следовало со сквозного отверстия а (т.е. с глаза орла), определив его как знак визуального новолуния (19 декабря). Далее считывался глаз лошади. Делалось это потому, что именно подобное изображение глаза – круг с точкой в центре – передает сущность такого явления, как астрономическое новолуние, т.е. время реального слияния Луны (зрачок глаза!) с Солнцем (орбита глаза!). Традиционно считается, что этот знак – символ дневного светила. По моему же мнению, он символизировал единение двух главных светил Неба в пору новолуния.

Маршрут движения по лункам на фигуре лошади читатель может проследить самостоятельно. Обра-

щая только внимание на то, что счисление знаков на изображении лошади завершалось на фазе последней четверти (знак з, 12 января), после чего начинался отсчет суток “смертной”, можно сказать, недели синодического лунного месяца, но уже по лункам тела льва.

Счисление знаков на фигуре льва стоит начать с четырех лунок на конечностях и хвосте, а резон такого шага обусловлен тем, что эти четыре одиночных знака (д, е, ж, з) составляют вместе со всеми считанными ранее знаками период, близкий продолжительности синодического лунного месяца:

$$1 (а) + 23 + 1 (в) + 4 = 29 \text{ сут.} \approx 29,5306 \text{ сут.}$$

После завершения счисления 29 суток первого лунного месяца на лунке хвоста хищника (или, быть может лучше, наоборот, – на когте передней лапы – д, ибо коготь смотрится серпом умирающего месяца и отражает астрономическую реальность!) счисление второго, продолжительностью 30 суток месяца (канон чередования длительности двух соседних месяцев все-таки, выходит, соблюдался – 29 → 30 – 29 → 30...!), следует продолжать справа налево (а не слева направо, как по лункам на изображении лошади!) – от задней части льва до головы и завершить его на глазе того же вида, что и у лошади. Целесообразность такого шага заключается в следующем: именно при подобном порядке считывания клыки льва определяют (при

последующем счислении двух очередных лунных месяцев) позиции суток, когда Луна войдет в *узел своей орбиты* (173 – 174-е сутки от начала счисления, что и есть половина драконического года; см. позиции этих суток на рис. 3, литеры *л* и *м*). Читатель может по достоинству оценить остроумие жреца и астронома культуры скифской эпохи Тывы, который представил самое страшное место эклиптики внушающими ужас клыками кровожадного льва. самого страшного вот почему: именно в узле, как считали древние, таился невидимый Змий, который жаждал сожрать светила (знаковый символ явления затмений, смерти; в данном случае роль Змия, пожирателя Мира, отводилась льву).

Рассмотрим позиции фаз Луны в строчках записи. Связь фаз с определенными знаками подтверждается весьма рациональным (подсказывающим) серпантинным характером пространственного рассредоточения лунок, глубокой продуманностью их числовой (по блокам) группировки. Как можно легко убедиться, просматривая участки криволинейного маршрута считывания всех 59 знаков записи, фазы приходятся или на развороты зигзагов, или на места, где лунки чуть далее, чем обычно, отстоят друг от друга, или на знаки характерного вида. Так, лунка *в* – единственная из размещенных вне пределов фигуры лошади – определяла, надо думать, сутки первого дня видимости Луны (серп “новорожденного” светила), *г* (последняя в пределах фигуры лошади лунка) – последнюю четверть, *н* (как и *д*) – последний видимый серп “умирающей” Луны (канун исчезновения светила с небосклона). Не менее интересными по значимости оказываются определенные лунки, а также знаки иного вида при последовательном счислении всей записи по формуле:

$$59 \rightarrow 59 \rightarrow 59...$$

и так до завершения драконического (затмненного!) и лунного полугодий, а далее – драконического (см. позиции 346 и 347 сут.) и лунного годов. Как видим, на *а* (отверстие – глаз) пришлось сутки повтора затмений (178 и 355 сут.), на *б* – повтор затмения (356 сут.), на *н* – финал лунного полугодия и сутки повтора затмений (177 сут.), а также финал лунного года (354 сут.). Но все же самый впечатляющий результат – совмещение суток, определяющих половину (173 – 174 сут.) драконического года, с наиболее своеобразными знаками счетной системы – с острыми клыками в пасти льва. Именно этот, прозрачно намекающий на тему затмений (а с ними, конечно же, и на смерть!) итог расшифровки следует воспринять как исходный момент начала прочтения сюжета, запечатленного на пластине. Сутки, определяющие финал драконического года (346 – 347 сут.), пришлось на лунки, которые располагаются поблизости от верхнего отдела распахнутой пасти (см. на рис. 3 позиции суток 346 – 347; намек на заглядывание светила?). Отсюда следует, что астроном, жрец и художник из Хорум-Дага отводил льву в не-

бесных событиях ту же роль, какую обычно исполняет в астральных мифологиях *невидимый* (узел!) в небесном пространстве Дракон. Этот персонаж, коварно затаившись в смещающихся навстречу Солнцу невидимых на небосводе узлах Луны, был всегда готов, при благоприятных календарно-астрономических обстоятельствах, поглотить и Луну, и Солнце, и таким образом низвергнуть во мрак и хаос упорядоченный Космос, а с ним и Землю – обитель людей.

Выходит, что лев в искусстве скифо-сибирского звериного стиля олицетворял собой силы тьмы, зла и смерти (персонаж, подобный Тиамат халдеев). Лошадь же, противостоящая в композиции льву, выступала в противоположной ипостаси; она была символом добра, жертвенности, а в астральном плане – Луны, Солнца, Космоса, мира вселенских гармоний. Эти персонажи – антиподы, живые воплощения (знаки!) жизни и смерти – находились в непрестанном противоборстве, без надежды когда-либо окончательно сломить сопротивление соперника. При реальном счислении лунного времени в течение каждых двух месяцев эта идея противостояния выражалась следующим образом: когда считывались знаки первой части цикла (25 + 4 сут.), то пластина лежала на алтаре так, что лошадь оказывалась сверху, над опрокинутым на спину львом (травоядное животное топтало хищника); при считывании же знаков второй части цикла (30 сут.) пластина поворачивалась на 180°, и тогда лев находился над поверженной лошадей. Возможно, ожидание затмений определяло разделение сезона из двух месяцев на безопасную, светлую (лошадь) и опасную, темную (лев) части.

Выводы

В заключение остается реконструировать в целом систему счисления времени, в которой, конечно же, должен найти отражение прием, посредством которого лунный счет времени сравнивался с солнечным. Напрашивается уже упомянутый простейший вариант: после счисления двух лунных лет обычной длительности по формуле

$$(1 (a) + 23 + 1 (в) + 34 сут.) \times 6 = 354 сут.$$

продолжительность третьего года следовало, как отмечалось, увеличить посредством интеркаляции дополнительных 34 сут. (354 сут. + 34 сут. = 388 сут.), т.е. подключив сутки как раз того цикла, который зафиксирован всеми, без исключения, знаками на фигуре льва:

$$(354 сут. \times 2) + (354 сут. + 34 сут.) = 1096 сут.$$

Поскольку продолжительность трех солнечных лет составляет

$$365,242 сут. \times 3 = 1095,726 сут.,$$

то предложенный вариант позволяет стыковать лунное и солнечное время с вполне удовлетворительной точностью

1096 сут. – 1095,726 сут. = 0,274 сут. $\approx 1/4$ сут., как для обыденных календарных целей, так, вероятно, и для расчетов, связанных с предсказаниями затмений.

Обратим внимание еще на один весьма существенный момент, возможно, заключающий в себе значительный семантический намек: выравнивание лунного счета времени с солнечным производилось по знакам льва. Этот хищник, открывая дорогу грядущему, которое опять же подчинялось лунному (изменчивому) течению времени, как бы уничтожал (пожирал) в конце цикла отходящее лунное прошлое.

Список литературы

- Акишев А.К.** Искусство и мифология саков. – Алмата: Наука, 1984. – С. 176.
- Антуфьева Н.** Находка в музее // Комсомольская правда. – 1984. – Янв.
- Астрономический** календарь. 1987. – М.: Наука, 1986. – 287 с.
- Астрономический** календарь. 1988. – М.: Наука, 1987. – 288 с.
- Ларичев В.Е.** Сотворение Вселенной. – Новосибирск: ВО “Наука”, 1993. – 287 с.
- Ларичев В.Е.** Космографическая миниатюра из Шато дез Эйзи // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. археология и этнография. – 1995. – № 3. – С. 3 – 12.

Ларичев В.Е. Космографическая миниатюра из Раймонден // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. археология и этнография. – 1996. – № 3. – С. 54 – 62.

Ларичев В.Е. Космографическое панно из “Колодца” Ляско // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. археология и этнография. – 1997. – № 3. – С. 41 – 50.

Ларичев В.Е. Проблема интерпретаций живописных композиций в храмах древнекаменного века Европы // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1998а. – С. 62 – 69.

Ларичев В.Е. Космографическая композиция из “Большого зала” Ляско // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. археология и этнография. – 1998б. – № 3. – С. 44 – 51.

Ларичев В.Е. Космографические фигуры и знаковые тексты Игнatieвской пещеры: “Большой зал” // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. археология и этнография. – 1999. – № 3. – С. 57 – 69.

Норбу Т. Уникальная находка // Тув. правда. – 1984. – № 14. – Янв.

Троицкая Т.Н. Сцены терзания в скифо-сибирском и хунно-сарматском искусстве // Вестн. археологии, антропологии и этнографии Института проблем освоения Севера. – Тюмень, 1997. – Вып. 1. – С. 35 – 38.

Sher J., Blednova N., Legchilo N. and Smirnov D. Repertoire des Petroglyphes d’Asie Centrale. – P.: Diffusion de Bocard, 1994. – Fas. 1: Sibirie du Sud 1: Oglakhty I – III (Russie, Khakassie). – P. 148.

Материал поступил в редколлегию 24. 12.1999 г.

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

УДК 903.2

Д.В. Поздняков, Н.В. Полосьмак

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск. 630090, Россия
E-mail: bronz@us.nsc.ru*

ВСАДНИКИ, НАТЯГИВАЮЩИЕ ЛУК (к вопросу о пазырыкских горитах)

Введение

Пазырыкцы относились к тем многочисленным древним народам, для которых лук и стрелы были одним из главных предметов вооружения и орудием охоты. Про таких, как они, “варваров” Овидий писал: “Мужество им дают тетива и стрелы в колчане” [1982, с. 90]. Это утверждение не противоречит тому факту, что деревянные детали сложносоставных луков, древки и наконечники стрел – не столь частая находка в пазырыкских погребениях, даже “замерзших” и неразграбленных. Например, остатки луков были обнаружены лишь в семи погребениях 42 курганов Уландрыка и в шести погребениях 44 курганов Юстыда (Кош-Агачский р-он, Республика Алтай) [Кубарев, 1992, с. 69]. Нетрудно заметить, что соотношение вооруженных мужчин к общей численности захороненных в этих могильниках было равно примерно 1:5, т.е. один воин на пять душ населения, “как это было у сиюну и подтверждается на примере многих кочевых и полукочевых народов, упоминаемых в китайских источниках” [Таскин, 1989, с. 17 – 18].

Остатки деревянных сложносоставных луков, обнаруженных в погребениях, фрагментарны, поэтому пока не представляется возможным восстановить детально конструкцию всего изделия. Вероятность того, что в погребения клали настоящее боевое оружие достаточно мала, с умершими пазырыкцами могли помещать либо копию лука, либо пришедшее в негодность сломанное изделие. О том, как носили и в чем хранили луки пазырыкцы, можно судить по единственному достоверному изображению на известном войлочном ковре местного, алтайского, производства из Пятого Пазырыкского кургана: у всадника, представшего перед богиней, на левом боку висит зачех-

ленный “глухой” горит – футляр, соединяющий в одном предмете колчан и налучье (рис. 1, 3). Обсуждение того, насколько это изображение отражает реалии культуры, стало возможным после последних находок в погребениях Укока.

Реконструкция пазырыкского горита

Находки из “замерзших” могил Укока позволяют восстановить вид пазырыкского горита. В непотревоженных погребениях мужчин в курганах 1 и 3 могильника Верх-Кальджин II [Молодин, 1995, с. 87 – 89; Molodin, 1996, р. 36 – 42] были обнаружены обычные пазырыкские наборы предметов вооружения, включавшие, в частности, деревянные детали составных луков, которые лежали вдоль костей левой ноги погребенных; костяные наконечники стрел с древками; окрашенные в красный цвет деревянные пластины жесткости. Помимо этих предметов, во льду сохранились войлочные детали, которые, на наш взгляд, являются фрагментами горита. В обоих погребениях в районе левого плеча мужчин были обнаружены своеобразно скроенные войлочные “колпаки”. В кург. 3, где находилась мумия, было зафиксировано также целое войлочное налучье длиной 75 см с вшитым клапаном, повторявшее по форме абрис асимметричного “скифского” лука (рис. 2). Сверху лежали стрелы. Очевидно, их хранили в специально пришитом кожаном кармане [Горелик, 1998, с. 377]. Такой вывод можно сделать, изучив положение остатков кожаной части дна горита в Первом Туэктинском кургане [Руденко, 1960, с. 123, табл. LIX].

Найденные в погребениях хорошо сохранившиеся войлочные “колпаки” изготовлены из двух деталей красного и желтоватого цвета, зауженных сверху и в

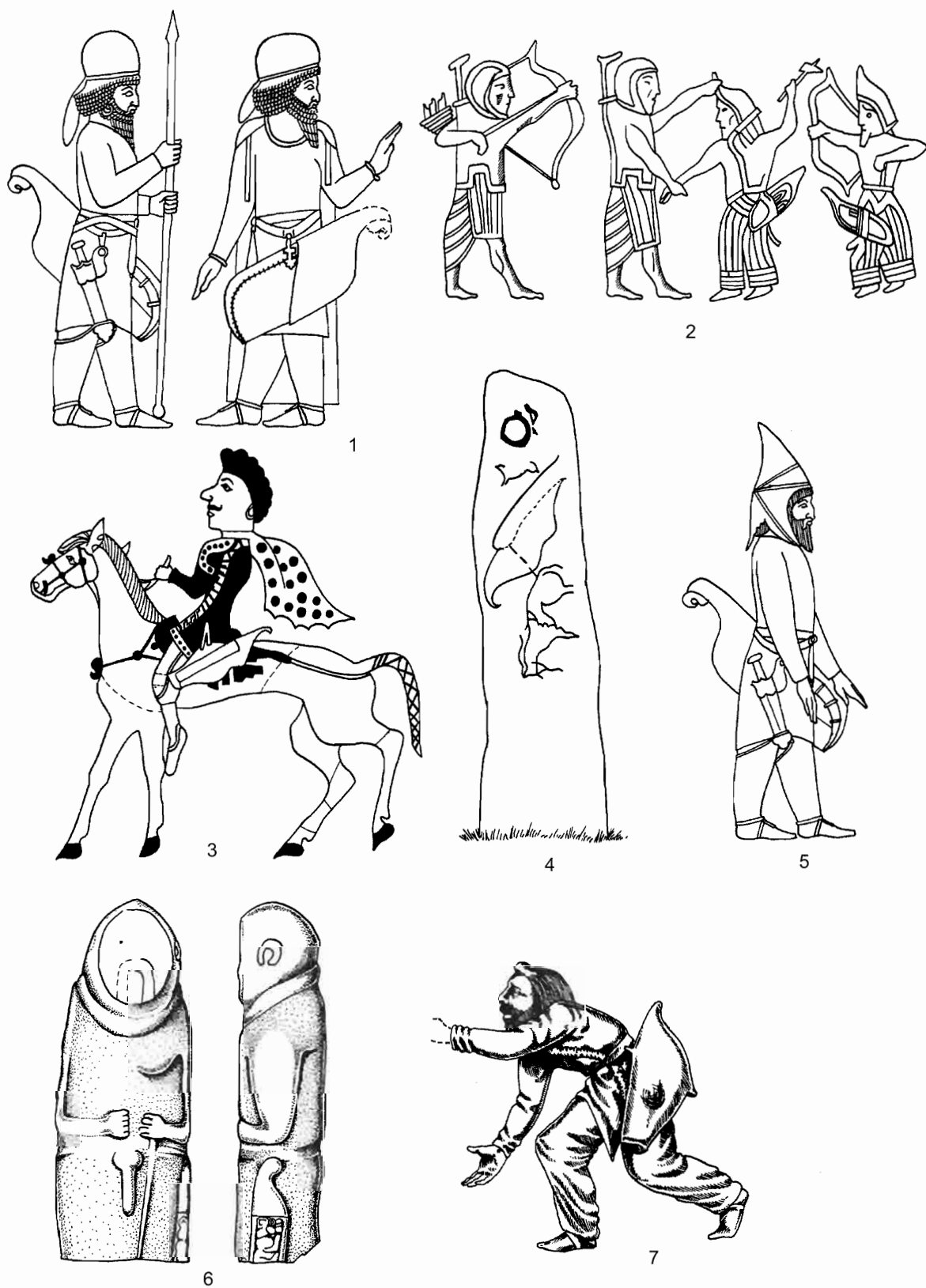

Рис. 1. Изображения персидских (1) и сакского (5) воинов на персепольских барельефах; изображение на персидском цилиндре-печати (2); аппликация на ковре из Пятого Пазырыкского кургана (3); Чуйский олений камень (4); скифское изваяние (Маныч, по В.С. Ольховскому) (6); изображение скифа на Чертомлыкской вазе (7).

этой части не сшитых. Украшением этих “колпаков” служили кисти из плетеных шерстяных шнурков, оформленных на концах в одном случае шариками из непряной шерсти, перетянутыми посередине ниткой, в другом – кисточками. На одном “колпаке” кисть составляли три красные и три желтые подвески. На месте крепления кисти к “колпаку” была пришита небольшая прядь русых волос, обмотанная у основания шерстяной ниткой (рис. 3). На другом “колпаке” было две кисти: гроздь из шести шнурков с кисточками оформлена зауженная верхушка, связкой из четырех подвесок – нижний край.

Благодаря этим находкам стало ясно, что войлочные двухцветные детали с аппликацией и шерстяными шнурками-подвесками (7 шт.), обнаруженные у левого плеча мужчины в погребении кург. 1 могильника Ак-Алаха-1, принадлежат такому же, но более нарядному по исполнению “колпаку”. Вместе с ним *in situ* внутри колоды были найдены пластина жесткости, деревянные детали лука, пять костяных наконечников и древки стрел [Полосьмак, 1994, с. 28–32, рис. 19, 20; с. 39, рис. 33]. В погр. 2 того же кургана у левого плеча девушки-воина обнаружены гроздь из семи шнурков, пластина жесткости с вырезанной сценой терзания, семь костяных наконечников стрел, а также детали лука и древки стрел [Там же]. Напомним, что абсолютно идентичная ак-алахинским кисть из шерстяных шнурков-подвесок обнаружена в погребальной камере Второго Башадарского кургана [Руденко, 1960, с. 56]. Шнурок с помпоном на конце известен среди инвентаря в колоде в разграбленном погребении мужчины в кургане Кутургунтас [Там же, рис. 102]. Имеются все основания полагать, что в этих захоронениях находились такие же “колпаки”, как и в погребальных камерах памятника Верх-Кальджин II. Их могли использовать как нарядные съемные чехлы для верхней части луков и для прикрытия концов стрел. Иными словами, войлочные “колпаки” – это верхние части горитов, благодаря которым футляры (гориты) становились “глухими”.

Вывод о таком назначении “колпаков” подкрепляется данными об их расположении в погребениях, приведенными выше, а также сведениями о наличии внутри одного из “колпаков” деревянной детали составного лука с выступом для крепления тетивы и продолговатым желобком на внешней стороне (рис. 4, 2). Вторая такая же, но роговая деталь была обнаружена в нижней части войлочного налучья (рис. 4, 1) (аналоги этим фрагментам лука найдены в погр. 7 кург. 2 могильника Венгерово-7 (Бараба, Новосибирская обл.) первых веков до нашей эры [Полосьмак, 1987, с. 74, рис. 73, 2], в Сырском чаатасе (Минусинская котловина) I – II вв. н.э. [Кызласов, 1960, с. 126 – 127]). Войлочные детали колпака скроены так, что по форме они соответствуют верхней трети асимметричного лука, но никак не голове человека

Рис. 2. Войлочное налучье из кург. 3 могильника Верх-Кальджин II.

Рис. 3. “Колпак” из кург. 3 могильника Верх-Кальджин II.

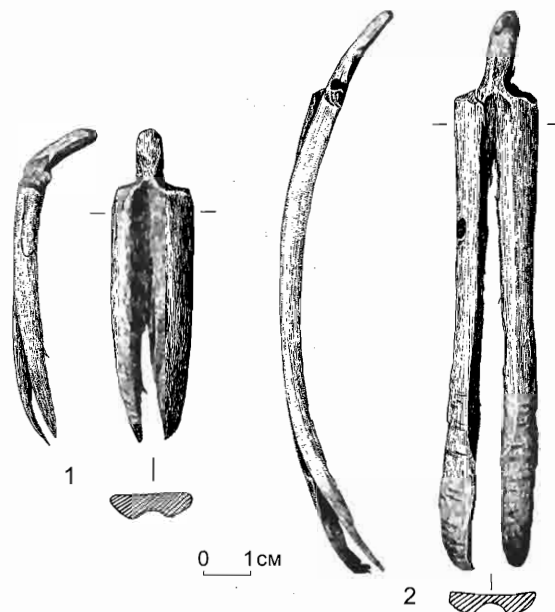

Рис. 4. Детали лука из кург. 3 могильника Верх-Кальджин II.
1 – рог, 2 – дерево.

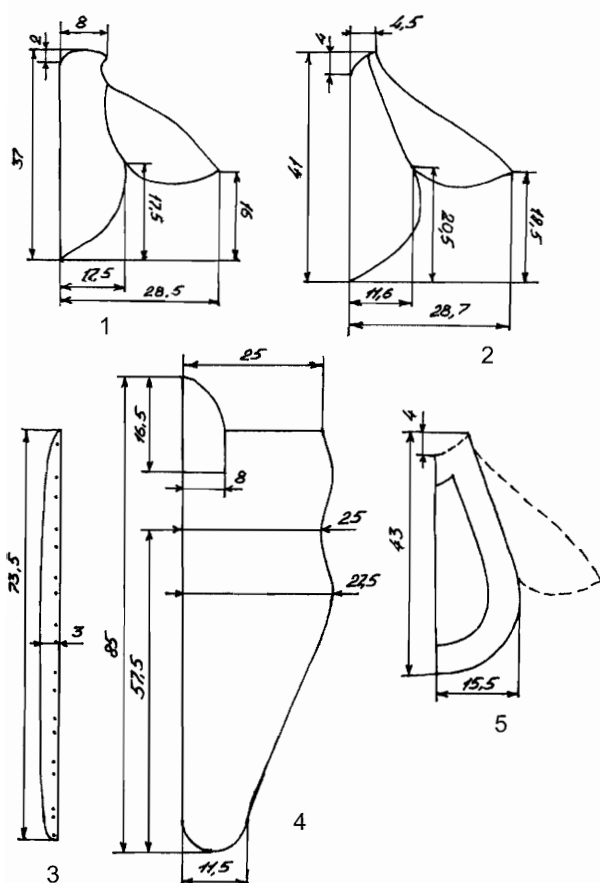

Рис. 5. Схемы раскроя “колпаков” (1, 2, 5),
пластин жесткости (3) и налучья (4),
использованные для реконструкции горитов.

(хотя при желании “колпак” мог натягиваться на макушку). Из верхнего отверстия высывалась часть лука с выступом для крепления тетивы.

На основании вышеописанных находок из погребений Укока сделаны графические реконструкции трех пазырыкских горитов. При их создании были учтены размеры и пропорции всех имеющихся в наличии деталей. За образец взят целиком сохранившийся деревянный лук скифского типа из Yafu (Турфан) [Cen Yunfei, 1992, p. 46, fig. 65], асимметричный, с сильно выгнутыми “рогами” (соотношение “рогов”, как 1:1,2, длина лука 86,2 см). Судя по всем имеющимся изображениям, лук в налучье располагался длинной частью вниз, т.е. внутри налучья находилась большая часть лука. Длина сохранившегося в кург. 3 могильника Верх-Кальджин II войлочного налучья составляла (без учета длины вшитого клапана) 75 см (рис. 5), нижней части налучья (до изгиба) – 57,5 см. Таким образом, исходя из пропорций лука-образца, длина реконструируемого изделия из погребения в кург. 3 могильника Верх-Кальджин II должна равняться 110,6 см. Длина деревянной пластины жесткости, найденной в этом погребении, составляет 73,5 см (рис. 6). При длине пластины жесткости в 67 см (как у находки из кург. 1 могильника Верх-Кальджин II) в длину налучье должно достигать 68 – 69 см, а лук – 92,1 см (рис. 7). В кург. 1 могильника Ак-Алаха-1 при длине пластины жесткости 63,5 см длина налучья должна быть 67 – 66 см, а лука – 90 см (рис. 8). Пластина жесткости горита из женского погребения в кург. 1 могильника Ак-Алаха-1 является одним из замечательных образцов пазырыкского искусства. На ней изображена сцена “терзания” барсами агрессивно настроенных и совсем не похожих на жертву кабанов (рис. 9). Украшенная резьбой деревянная пластина жесткости, подобная пазырыкским, была найдена в Синьцзяне, в Yanghai (Shanshan) [Cen Yunfei, 1992, p. 43, fig. 59]. Это позволяет предполагать сходство в устройстве пазырыкских и восточно-туркестанских горитов. Подобие прослеживается по найденным в могильнике Субаши (Shanshan) четырем кожаным горитам, состоящим из налучья с деревянными пластинами жесткости и пришитых к нему узких карманов – колчанов, в которых находилось от двух до шести стрел [Ван Бинхуа, 1993, с. 16; Го Цзяньго, 1994, с. 17]. Малое количество стрел является одной из характерных особенностей и пазырыкских колчанов.

Значение и символизм “глухих” горитов

Верхний войлочный чехол пазырыкского горита, напоминающий головной убор, мог условно обозначать голову (например, в похожих колпаках на ханьских барельефах изображались сюнну), поскольку во

многих древних, средневековых и традиционных культурах шапка была символом и заменителем человека, а ее потеря считалась недопустимой. Так, на Руси снять с мужика всенародно шапку значило обесчестить его, а слово “опростоволосить” имело смысл “опозорить, осрамить” [Даль, 1995, с. 684]. На персидском цилиндре запечатлена драматическая сцена боя: персидский воин ухватился рукой за шапку сака, который, защищаясь, замахивается на него чеканом (см. рис. 1, 2). Шлемы скандинавских воинов эпохи Вендель вдоль гребня украшались изображением стилизованного зверя-вепря, родоначальника и покровителя рода, тотема. “Воин, побеждающий врага, в эпосе прежде всего уничтожает его покровителя, совершая ритуальное действие” [Хлевов, Тодоров, 1996, с. 30 – 31]. Они “скакали в сечах, прикрыв друг друга, рубили вепрей на вражьих шлемах” (строфа 1326 из “Беовульфа”, цит. по [Там же]). В нартском эпосе богатырь кладет срубленную голову врага в башлык, в котором и везет ее домой [Кумахов, Кумахова, 1998, с. 158].

Одно из древнейших изображений “глухого” горита мы находим у ассирийцев на бронзовых рельефах ворот Салманассара (860 – 849 лет до н.э.). Здесь показаны шествующие воины с горитами за левым плечом [Champdor, 1964, р. 152 – 154]. Традицию зачехлять гориты перед богами и царями продолжали мидийцы и персы, чьи фигуры с “глухими” горитами на левом боку запечатлены на персепольских рельефах (см. рис. 1, 1, 5). На этих изображениях хорошо видно, что гориты становились “глухими”, когда на них сверху надевался чехол, по пропорциям и форме близкий к описанному выше пазырыкским.

Одно из интереснейших изображений “глухого” горита есть на скифском манычском изваянии, датированном концом VII – третьей четвертью VI в. до н.э. [Ольховский, 1999, с. 241]. Здесь показан подвешенный слева к поясу небольшой лук в прямоугольном налучье, которое украшено рельефным изображением припавшей к земле (приготовившейся к прыжку) пантеры [Там же] (см. рис. 1, 6), напоминающей барсов на пластине жесткости налучья из кург. 1 могильника Ак-Алаха-1. Серия подобных скифских изваяний с “глухими” горитами, которые датируются VII – VI вв. до н.э., найдена в пределах степей Северного Причерноморья, Подонья, Прикубанья, Ставропольского плато [Петренко, 1986, с. 175; Соломатина, 1995, с. 104, рис. 1, а], а также в Восточной Грузии [Дашевская, Лордкипанидзе, 1995, с. 99 – 101]. Вероятно, “глухой” горит показан на Чуйском оленем камне (см. рис. 1, 4). Его изображение есть и в скифской торевтике, например, с ним запечатлен скиф на Чертомлыкской вазе (см. рис. 1, 7).

“Глухие” гориты редко встречаются на древних изображениях. Это и понятно – обстоятельства жизни были таковы, что оружие всегда должно было быть в

Рис. 6. Реконструкция “глухого” горита из кург. 3 могильника Верх-Кальджин II.

Рис. 7. Реконструкция “глухого” горита из кург. 1 могильника Верх-Кальджин II.

Рис. 8. Реконструкция “глухого” горита из кург. 1 могильника Ак-Алаха-1.

Рис. 9. Деревянная пластина жесткости из погр. 2 кург. 1 могильника Ак-Алаха-1.

боевой готовности. Беря во внимание иконографию, можно предположить, что символическое значение изображений воинов с “глухими” горитами связано с миром богов и царей. Полагают, что у скифов и саков лук являлся символом Верхнего мира и может указывать на то, что туда же, в обитель богов, перешел умерший, запечатленный рядом с ним [Савостина, 1983, с. 54 – 55]. Поэтому изображение воина с зачехленным горитом может быть свидетельством того, что он находится не в земном, а в Верхнем мире богов или предстал перед своим царем, что в общем-то очень близко по значению, только в первом случае (на скифских каменных изваяниях и оленном камне) это изображения уже умерших, а во втором (на персепольских барельефах) – живых. Судя по находкам в погребениях Алтая, пазырыкские воины отправлялись в Верхний мир на “небесные” пастбища с зачехленными горитами.

Зачехленные гориты использовались для сохранения лука и стрел от сырости и трения. Например, по сведениям П. фон Винклера о старинном русском оружии, “на походе, когда не было опасности, на весь колчан надевался сверху кожаный или иной чехол с круглым верхом. Чехол этот назывался тохтуй” [1992, с. 293].

Выводы

Так называемые войлочные колпаки из “замерзших” могил Укока представляют собой нарядные съемные чехлы погребальных и парадных “глухих” горитов. Традиция носить зачехленные гориты по изобразительным источникам известна у ассирийцев, мидийцев, персов, скифов и саков. Эта традиция одна из многих, связывающих население Горного Алтая скифского времени с иранским миром.

Список литературы

- Винклер П. фон.** Оружие. – М.: Издат.-коммерч. фирма “Софт-Мастер”, 1992. – 328 с.
- Горелик М.В.** Вооружение народов Восточного Туркестана // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. – М.: Изд-во “Восточная литература” РАН, 1995. – С. 359 – 430.
- Даль В.И.** Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Терра, 1995. – Т. 2. – С. 684.
- Дашевская О.Д., Лордкипанидзе Г.А.** Скифское изваяние из Восточной Грузии // Историко-археологический

альманах. – М.: Армавир: Армавир. краевед. музей, 1995. – Вып. 1. – С. 99 – 101.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. – Новосибирск: Наука, 1992. – 141 с.

Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. Нартский эпос: язык и культура. – М.: Наследие, 1998. – 312 с.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. – М.: Наука, 1960. – 197 с.

Молодин В.И. Ужок-1995 – новые находки и открытия // III Годовая итоговая сессия Института археологии и этнографии СО РАН, ноябрь 1995. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 87 – 89.

Овидий. Скорбные элегии. Письма с Понта. – М.: Наука, 1982. – 257 с.

Ольховский В.С. Скифские изваяния северо-восточного Приазовья // Евразийские древности. – 1994. – № 2. – С. 237 – 249.

Петренко В.Г. О юго-восточной границе распространения скифских каменных изваяний // Новое в археологии Северного Кавказа. – М.: Наука, 1986. – С. 158 – 177.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 126 с.

Полосьмак Н.В. “Стереющие золото грифы”. – Новосибирск: Наука, 1994. – 122 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Наука, 1960. – 351 с.

Савостина Е.А. К символике изображений лука на Босфоре // СА. – 1983. – № 4. – С. 45 – 56.

Соломатина Н.В. Два новых изваяния скифского времени из Ставропольского музея // Историко-археологический альманах. – М.; Армавир: Армавир. краевед. музей, 1995. – Вып. 1. – С. 102 – 109.

Таскин В.С. Материалы по истории кочевых народов в Китае III – V вв. – М.: Наука, 1989. – Вып. 1: Сюнну. – 287 с.

Хлевов А.А., Тодорова С.М. Бестиарий эпохи Вендель, искусство и реальность // Животные и растения в мифоритуальных системах: Материалы научн. конф. – СПб.: Изд-во Мин-ва культуры Рос. Федерации, Рос. этногр. музей, 1996. – С. 30 – 31.

Ван Бинхуа. Субэсийские находки // Китай. – 1993. – № 3. – С. 15 – 17.

Го Цзяньго. Могильник Субаши 3 в уезде Шаньшань // Синьцзян Вэнью. – 1994. – № 2. – С. 1 – 20, 38 (на кит. яз.).

Chamdor A. Kunst Mesopotamiens. – Leipzig: Buch- und Kunstverlag, 1964. – 46 S.

Molodin V. Un Kourgane gelé d’époque scythe // Dossiers d’archeologie. – Dijon, 1996. – № 212: Tombes gelées de Sibérie. – P. 36 – 42.

Yunfei Cen. Turfan Museum. – China: Xinjiang Fine Arts and Photo Publishing House, 1992. – 125 p.

Материал поступил в редколлегию 24.04.1999 г.

УДК 903.2

Г.В. Кубарев

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: bronz@nus.nsc.ru*

ХАЛАТ ДРЕВНИХ ТЮРОК ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ПО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫМ МАТЕРИАЛАМ

Введение

Рассмотрение и реконструкция такой специфической категории материальной культуры, как костюм, бытовавший в тот или иной исторический период в определенном регионе, требуют комплексного использования разных источников: изображений – каменных изваяний, граффити, настенных росписей; собственно текстильных изделий; письменных и этнографических данных. Халат (кафтан) традиционно является одной из основных составляющих костюма кочевников. Находки из ткани в погребениях встречаются относительно редко и во фрагментах, поэтому определяющее значение для реконструкции, например халата древних тюрок, приобретают в первую очередь изобразительные материалы.

Тема костюма древних тюрок затрагивалась во многих работах. Детали одежды анализировались, как правило, в монографиях, посвященных древнетюркским изваяниям [Евтюхова, 1952, с. 102 – 106; Грач, 1961, с. 59 – 66; Шер, 1966, с. 11; Кубарев, 1984, с. 22 – 31]. Внешний облик и одежда древних тюрок рассматривались в небольших статьях [Вайнштейн, Крюков, 1966], а также в разделах монографий [Овчинникова, 1990, с. 19 – 23; Вайнштейн, 1991, с. 189 – 195; и др.]. Отдельные комментарии по поводу тех или иных деталей одежды тюрок имеются в иностранной литературе [Харада Ёсито, 1921, с. 76; Liu Mau-tsai, 1958, S. 192]. Однако специальные исследования на эту тему отсутствуют. В центре внимания специалистов всегда был вопрос о манере заправки на левую или правую сторону полы халата древними тюрками, он долгое время являлся предметом дискуссии. Наличие многих частных проблем и вопросов в рамках данной темы объясняется противоречивостью

и немногочисленностью источников и практически полным отсутствием археологических находок в виде текстильных изделий. Изобразительные материалы, ставшие известными в последнее время, позволяют по-новому взглянуть на многие из этих проблем и приблизиться к их решению.

К числу наиболее массовых и информативных изобразительных материалов относятся каменные изваяния. Нами учтено более 170 древнетюркских изваяний Алтая, Тывы, Монголии, Семиречья, на которых различимы детали одежды (рис. 1 – 3)*. При этом анализируются изваяния, запечатлевшие людей только в канонической позе (в правой руке сосуд, левая – на поясе или оружии), а также входящие в поминальные комплексы Кюль-Тегина, Бильге-кагана и Тоньюкука. Подавляющее большинство изваяний, изображающих человека с сосудом в обеих руках, с птицами и т.п., справедливо связывают не с тюрками. Детали одежды на них также заметно отличаются. Несомненно, что на всех древнетюркских изваяниях человек изображался в верхней одежде, как правило, в халате.

Характеристики халата

Детали одежды, которые показаны на изваяниях, позволяют предположить существование халатов двух типов, вернее двух вариантов одного и того же халата. Первый можно охарактеризовать как распахнутой, слегка приталенной, с длинными узкими рукавами (иногда с манжетами) и довольно большими треугольными отворотами-лацканами. Ширина отворотов

* В данной статье приводится лишь часть изображений изваяний, использованных при анализе материалов.

Рис. 1. Изображения деталей одежды на древнетюркских изваяниях.

1 – 4, 6, 7, 10 – 12, 16, 20, 21, 26 – Казахстан; 5, 9, 13 – 15 – Алтай;

8, 18, 19, 22 – 25, 27, 28 – Монголия; 17 – Тыва.

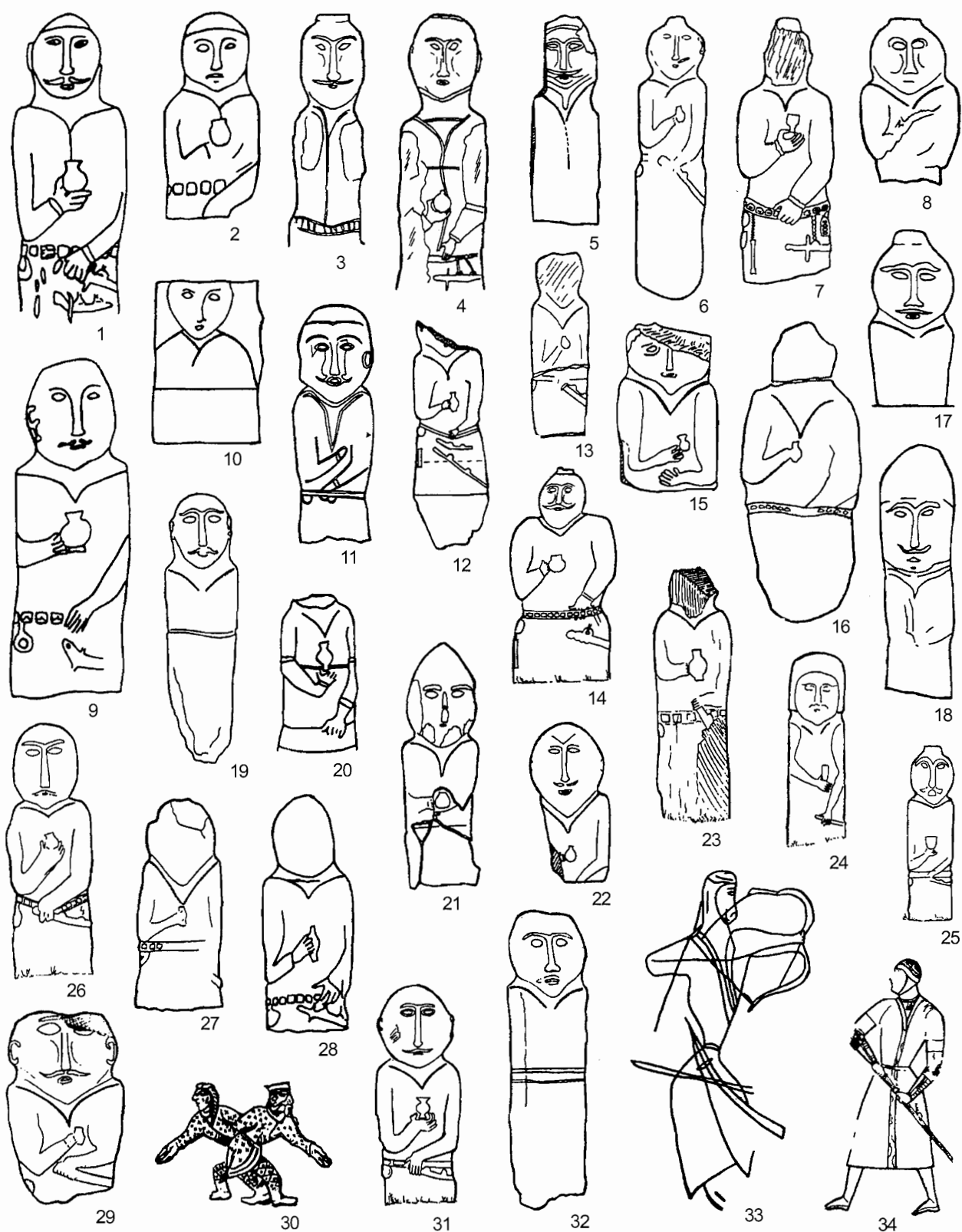

Рис. 2. Изображения деталей одежды на изваяниях, граффити и настенных росписях.

1 – 4, 9, 20 – Тыва; 5 – 8, 10 – 14, 16, 17, 21 – 23, 25 – 29, 31, 32 – Алтай;
15, 18 – Монголия; 19, 24, 33 – Семиречье; 30 – хазары; 34 – Пенджикент.

Рис. 3. Изображения деталей одежды на изваяниях, граффити и настенных росписях.
 1, 8, 12, 22, 24 – Алтай; 2, 3, 13, 14 – Тыва; 4, 5, 15, 19 – Семиречье; 6, 7, 9 – 11, 21, 23, 28 – Монголия;
 16, 18 – Китай; 17, 25, 27 – Афрасиаб; 20 – Япония; 26 – Гиндукуш.

свидетельствует о ширине запаха. Разрез часто показан достаточно глубоким. В некоторых случаях отвороты фиксировались застежками (см. рис. 1, 5, 11, 14, 16, 26). На одном из изваяний различимы необычные фигурные отвороты-лацканы (см. рис. 1, 17). В верхней части (до пояса) халат имел одну – три застежки (см. рис. 1, 2; 2, 4; 3, 2). Их роль выполняли т.н. галуны – шнуры с узелком, которые вставлялись в петли, и возможно, даже пуговицы (см. рис. 3, 2).

Существенно дополняют характеристику халата древних тюрков граффити и настенные росписи. Судя по ним, халат доходил до середины голени и ниже (см. рис. 2, 33, 34; 3, 12, 16, 17, 20 – 24, 28). Отвороты-лацканы выполнены, как правило, из другой, орнаментированной, ткани (см. рис. 1, 28; 3, 17, 19, 26). Такой же тканью иногда оформлялись край верхней полы, подол и манжеты (см. рис. 3, 19, 21 – 23, 28). Это характерно и для традиционной одежды многих современных народов Центральной и Восточной Азии [Вайнштейн, 1991, с. 158]. Уникальным следует признать детальное воспроизведение орнамента шелка на изваянии из Убур-Хангайского аймака Монголии (см. рис. 1, 28). Причем подобный же орнамент имеется на узорном халате в граффити Гиндукуша (см. рис. 3, 26).

Второй вариант того же халата – с вырезом на груди, но без отворотов и воротника (см. рис. 2). По всем остальным характеристикам он совпадает с описанным выше вариантом. Показанная на нескольких изваяниях пола – свидетельство того, что это была распашная верхняя одежда, а не рубаша с вырезом для головы (см. рис. 2, 1 – 6, 10). На халатах обоих вариантов верхняя пола изображалась на изваяниях редко. Иногда в вырезе на груди различима нижняя рубаша (см. рис. 2, 4, 28).

Вопрос о запахе халата

При изучении костюма древних тюрков важно остановиться на вопросе о запахе халата, поскольку это один из важных этнических признаков. Проблема вызвана противоречием между изобразительными материалами и описанием халата в переводе Н.Я. Бичурина [1950, с. 229]. Такие исследователи, как А.Д. Грач [1961, с. 60], Л.Н. Гумилев [1949, с. 239], Л.П. Потапов [1951, с. 7] и другие, вслед за Н.Я. Бичуриным считают, что древние тюрки запаховались на правую сторону – левая пола сверху. По мнению Лю Маоцяя [1958, S. 8, 41, 496, 528] и С.И. Вайнштейна [1966, с. 184], на халате древних тюрков сверху была правая пола. Л.Р. Кызласов высказал точку зрения о том, что не было твердо установленной традиции запахования халата, по тому, на какой стороне фиксировалась пола, летнюю одежду отличали от зимней [1969, с. 49]. Это предположение было поддержано Б.Б. Овчинниковой

[1990, с. 20]. Предпринималась также попытка объяснить обусловившее дискуссии о запахе противоречие между изобразительными данными и переводом китайских текстов Н.Я. Бичуриным сложностью этимологии слова “пола” [Гаврилова, 1965, с. 39]. При этом А.А. Гаврилова выразила мнение, что древние тюрки запаховались справа налево.

В свете последних данных, как нам представляется, дискуссия может быть окончательно решена в пользу гипотезы о запахе халата древних тюрков на левую сторону. Мы исходим из того, что на 26 анализируемых древнетюркских изваяниях различим запах халата. Имеются в виду два варианта собственно тюркского халата – с разрезом, без воротника и с отворотами-лацканами. На 21 изображении правая пола налегает на левую (см. рис. 1, 1, 3 – 8, 19, 27, 28; 2, 1 – 5; 3, 2) и только на 5 – наоборот (см. рис. 1, 25; 2, 6, 10).

На одном из изваяний изображена, по справедливому предположению С.И. Вайнштейна [1966, с. 185], китайская одежда – с левой полкой наверху (см. рис. 3, 9). В настоящее время насчитывается пять подобных древнетюркских скульптур (см. рис. 3, 9 – 11) [Баяр, 1997, рис. 116, 122 – 125]. Все они из Центральной Монголии. В отличие от тюркской запечатленная на этих изваяниях одежда с запахом на противоположную сторону и только с одним отворотом-лацканом. Верхняя пола имеет большой по ширине запах и фиксируется на боку справа, что характерно для китайской традиции [Стариков, Сычев, 1977, с. 201]. На изваяниях Центральной Монголии, запечатлевших знатных тюрков, можно видеть не только халаты двух описанных вариантов, но и другую, разнообразную по покрою и форме отдельных деталей одежду [Баяр, 1997]. Эта категория тюрков изображалась в одежде с разрезами по бокам и сзади, с длинными рукавами, в одежде типа накидки и т.д., без оружия, с такими реалиями, как жезлы, и в неканонических позах. Все это, безусловно, свидетельствует об очень сильном китайском влиянии. Как известно, именно знать и верхушка общества наиболее восприимчивы к различного рода инокультурным заимствованиям, и в том числе в одежде. Например, в письменных источниках неоднократно упоминается о том, что кроме шелковых тканей тюркским ханам преподносилось в дар много готовых кафтанов [Бичурин, 1950, с. 283]. В китайских хрониках говорится о тюркском хане Мочжо, дважды совершившем поклонение в шапке путоу и фиолетовом халате [Кюннер, 1961, с. 190].

Интересно изваяние, на котором китайский запах на правую сторону сочетается с “тюркскими” лацканами-отворотами (см. рис. 1, 25). Еще одно изваяние выступает в качестве противоположного примера: при правой доле сверху, как у древних тюрков, халат по китайской традиции имеет один отворот и застегивается на бок (см. рис. 1, 23). Таким образом, при

преобладании изображений собственно тюркского халата, а также китайской одежды выделяются и их “смешанные” варианты.

Имеются многочисленные свидетельства, подтверждающие справедливость тезиса о запахе тюркского халата на левую сторону. Древние тюрки в росписях Афрасиаба (см. рис. 3, 17) и в древнетюркских детализированных граффити (см. рис. 3, 19) запечатлены с правой полой сверху. На бронзовой фигурке древнетюркского воина показан халат с отворотами-лацканами [Худяков, 1986, рис. 72, 6], правая пола наверху. На реалистичных изображениях древних тюрков в Монголии хорошо различимы халаты с лацканами-отворотами, на которых правая пола налегает на левую (см. рис. 3, 23, 28) [Потанин, 1881, с. 68]. В древнетюркском погребении на Алтае (Барбургазы I, кург. 20) полы халата связаны, причем правая налегает на левую*. Кафтаны из Мошовой Балки (Кавказ), близкие в культурно-хронологическом отношении к тюркским древностям, также имеют правую полу сверху [Иерусалимская, 1992, с. 14]. В письменных источниках эпохи Тан китайская одежда, которая по древней традиции запахиается слева направо, противопоставляется “варварской”. Запах справа налево характерен и для многих древних центрально-азиатских кочевников [Вайнштейн, 1991, с. 195].

Культурно-историческая атрибуция древнетюркского халата

Практически всеми исследователями, анализировавшими реалии на изваяниях, отмечался первый вариант халата, с лацканами [Грач, 1961, с. 59; Кубарев, 1984, с. 27; Вайнштейн, 1991, с. 190; и др.]. О втором варианте либо говорилось менее определенно, либо вообще не упоминалось. Судя по многочисленным изображениям, именно эти два варианта халата были собственно тюркскими и получили наибольшее распространение. География многочисленных аналогов их изображений широка. Они известны по росписям гробниц в Кушу в Японии (см. рис. 3, 20) [Соосёку кофун..., 1993, рис. 145], в танской могиле Су и гробнице принцессы Юн-Тай (см. рис. 3, 18) в Китае, по росписям в Афрасиабе (см. рис. 3, 17, 25, 27) и Пенджикенте (см. рис. 2, 34) в Средней Азии, граффити Гиндукуша (см. рис. 3, 25) в Афганистане и Жалтырак-Таша (см. рис. 2, 33) в Киргизии и т.д. Есть они на художественном металле из Средней Азии [Пугаченкова, Ремпель, 1982, с. 232, 246] и хазарском ковше (см. рис. 2, 30). Все это свидетельствует о большой

популярности тюркского халата, чему способствовали, очевидно, образование Первого Тюркского каганата и включение в него огромной территории. Халат перестает быть сугубо тюркским и целиком (или его отдельные элементы) заимствуется многими народами. Вместе с тем и древним тюркам многие детали одежды стали известны благодаря контактам с носителями других культур. Например, манжеты на рукавах и отделка лацканов дорогой цветной тканью, вероятно, появились под влиянием согдийцев [Лобачева, 1979, с. 25]. Кажется справедливым вывод о том, что “произошла известная нивелировка костюма и, может быть, уже создались синтезированные формы одежды, сложившиеся на базе как согдийского, так и тюркского костюма” [Там же, с. 24].

Известно, что одежда и нравы тюрков импонировали китайской знати, и в Танском Китае возникла мода на все тюркское. “Тюркская одежда – зеленый или коричневый халат с воротником, запахнутый налево и подпоясанный ремнем, – пишет Л.Н. Гумилев, ссылаясь на Лю Маоцая, – стал в танскую эпоху обычной одеждой” [1993, с. 176]. Это подтверждается и изображениями собственно китайцев (см. рис. 3, 16, 18). Примечательно, что при заимствовании покроя на халате китайцы сохранили традиционный запах – слева направо (см. рис. 3, 18), а также некоторые элементы. Заимствование у соседних народностей таких особенностей одежды, как зауженность в талии и рукавах, объяснялось в Цзю Тан шу ее удобством и практичностью [Стариков, Сычёв, 1977, с. 219]. Лю Маоцай вслед за японским исследователем Харадой пришел к выводу о том, что вырезные лацканы на одежде некоторых китайцев танского времени – свидетельство заимствования ими определенных элементов тюркского халата [Liu Mau-tsaï, 1958, S. 470]. В.Л. Сычёв также отмечал широкое распространение в Танском Китае халата с отворотами на застежках [1977, с. 42].

Что касается изображения в Чиласе II – Гиндукуше (см. рис. 3, 26), то на нем К. Йеттмаром отмечена необычность одежды – одежды “варвара” [1985, с. 49].

Для костюма древних тюрков, по-видимому, была характерна слабая дифференциация на мужской, женский и детский. Подобное фиксировалось в недавнем прошлом у тюркоязычных народов Южной Сибири [Потапов, 1951, с. 10] и было отмечено для согдийских росписей [Лобачева, 1979, с. 32]. Женский костюм, вероятно, отличался от мужского лишь деталями, а также большей яркостью расцветки и рисунком ткани. Интересно, что детская одежда VIII – IX вв. из Мошовой Балки повторяет по покрою взрослую. Одежда древних тюрков имела, очевидно, сезонные разновидности, а праздничная по покрою не отличалась от повседневной, но была более нарядной, из ткани лучшего качества. Вероятно, ткань, а не покроем отличали одежду людей разных социальных слоев. На

* Из неопубликованных материалов В.Д. Кубарева. Археологические данные существенно дополняют реконструкцию халата, однако в данной статье они не рассматриваются.

одном полюсе – орнаментированный шелк, на другом – домотканая шерстяная ткань и меховые одежды.

Тюркский халат генетически восходит, очевидно, к гуннской эпохе. Имеется целый ряд соответствий в археологических материалах: наличие подклада, использование войлока для утепления верхней одежды и т.д. [Руденко, 1962, с. 41]. Особый интерес представляет текстильная вещь из датированного I – II вв. н.э. женского погребения кург. 10 памятника Усть-Эдиган (Алтай) [Худяков, 1992, с. 121 – 122]. Это практически полностью сохранившийся верхний распашной халат, сшитый из шелка. По основным параметрам и особенностям он аналогичен древнетюркским образцам – без воротника и отворотов, до середины голени, запах на левую сторону – правая пола сверху, с длинными и узкими рукавами.

Еще одной разновидностью верхней одежды, которая запечатлена на изваяниях, была шуба (?) либо халат с меховым воротником (см. рис. 3, 1 – 5). Из исследователей, занимавшихся изучением древнетюркских изваяний, только В.Д. Кубарев выделил подобные изображения и отнес их к зимней одежде [1984, с. 27]. Между тем они составляют очень представительную серию и количественно не уступают изображениям двух рассмотренных выше вариантов халата. В том, что деталь на груди является меховым воротником, убеждает высокий рельефный валик. Аналоги ему в других изобразительных материалах нам не известны.

На рассматриваемых изваяниях можно выделить также единичные по крою, на наш взгляд, заимствованные “модели” одежды (см. рис. 3, 6 – 11, 13, 14). Их инокультурность очевидна, поскольку эти скульптуры изображают знать древнетюркского общества. Часть из них, подвергшаяся китайскому влиянию, уже рассматривалась (см. рис. 3, 9 – 11). На одном из изваяний (см. рис. 3, 8) представлена, очевидно, глухая одежда с полосой отделки вокруг ворота, широко распространенная у согдийцев [Лобачева, 1979, с. 28], на другом – нераспашная одежда с отделкой по плечам (см. рис. 3, 7), на третьем – халат-накидка (см. рис. 3, 14), бытовавшая в Средней Азии [Лобачева, 1979, с. 38].

В целом необходимо отметить относительную “этническую однородность” древнетюркских изваяний на территории Российского и Монгольского Алтая и Тывы, имеются в виду каноническая поза изображенных людей и реалии на них, в том числе халаты двух рассмотренных вариантов. Каменные скульптуры Центральной Монголии отличаются значительным своеобразием. Разнообразие деталей одежды, предметов и т.п. на изваяниях Семиречья, по-видимому, отражает сложные этнические процессы, которые происходили в этом регионе.

Рис. 4. Два варианта халата древних тюрков.

Рисунок Д.В. Позднякова. Реконструкция Г.В. Кубарева и Д.В. Позднякова выполнена на основании изобразительных материалов, а также с использованием текстильных находок из древнетюркских погребений Алтая – Барбургазы I, кург. 20 (справа); Юстыд XXIV, кург. 13 (слева).

Примечательно, что на изваяниях, где показана одежда с отворотами-лацканами, очень часто отсутствуют головные уборы и изображено пять – семь кос. На изваяниях же, представляющих второй вариант халата (без отворотов), часто запечатлены головные уборы, без кос. Является ли это этнодифференцирующим признаком внутри самого полиэтнического государственного объединения древних тюрков, сказать с уверенностью достаточно сложно.

Заключение

Таким образом, новые изобразительные данные позволяют достаточно полно охарактеризовать такую значимую категорию материальной культуры древних тюрков, как халат, а также делают возможной конкретную реконструкцию халата древних тюрков (рис. 4). Согласно этим материалам, собственно тюркскими вариантами халата следует считать халат с отворотами-лацканами и с простым разрезом на груди.

Ставшие известными в последнее время изображения и факты помогают, по нашему мнению, окончательно определиться в решении основного вопроса дискуссии о запахе – халат древних тюрков запаховался справа налево. Иные варианты верхней одежды с противоположным запахом изображаются значительно реже, чем два рассмотренных варианта халата, и представлены на скульптурах знатных тюрков. Эти типы верхней одежды, несомненно, были заимствованы у китайцев (изваяния в Центральной Монголии), населения среднеазиатских земледельческих государств (изваяния Семиречья). В результате культурных взаимодействий и взаимовлияний происходило заимствование типов одежды древними тюрками (преимущественно знатью) у китайцев, согдийцев и др. Однако, как свидетельствует широкий круг изобразительных материалов, древнетюркский халат также пользовался большой популярностью в соседних земледельческих государствах. Многие элементы древнетюркского костюма получили большое распространение у народов, населявших степи Евразии. Можно говорить о складывании синтезированных форм и определенной нивелировке костюма. Не последнюю роль в этом сыграло объединение древними тюрками огромной территории в рамках одного государства.

Список литературы

- Бичурин Н.Я. (Иакинф).** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 1. – 221 с.
- Вайнштейн С.И.** Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // ТТКАЭЭ. – М.; Л.: Наука, 1966. – Т. 2. – С. 292 – 348.
- Вайнштейн С.И., Крюков М.В.** Об облике древних тюрков // Тюркол. сб. – М.: Наука, 1966. – С. 177 – 187.
- Вайнштейн С.И.** Мир кочевников центра Азии. – М.: Наука, 1991. – 296 с.
- Гаврилова А.А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 144 с.
- Грач А.Д.** Древнетюркские изваяния Тувы. – М.: Наука, 1961. – 182 с.
- Гумилёв Л.Н.** Статуэтки воинов из Туюк-Мазара // МАЭ. – 1949. – Вып. 12. – С. 123 – 139.
- Гумилёв Л.Н.** Древние тюрки. – М.: Клышников – Комаров и К°, 1993. – 526 с.
- Евтюхова Л.А.** Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. – 1952. – Вып. 24, т. 1. – С. 72 – 121.
- Иерусалимская А.А.** Кавказ на шелковом пути. Каталог временной выставки. – СПб.: Наука, 1992. – 70 с.
- Йеттмар К.** Перекрестки путей и святилища в Западной Центральной Азии // Информ. бюл. Междунар. ассоц. по изучению культур Центральной Азии. – М.: Наука, 1985. – Вып. 9. – С. 46 – 58.
- Кубарев В.Д.** Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.
- Кызласов Л.Р.** История Тувы в средние века. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 212 с.
- Кюннер Н.В.** Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М.: Наука, 1961. – 392 с.
- Лобачева Н.П.** Средневековый костюм раннесредневековой эпохи // Костюм народов Средней Азии. – М.: Наука, 1979. – С. 18 – 48.
- Овчинникова Б.Б.** Тюркские древности Саяно-Алтая в VI – X вв. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 150 с.
- Потанин Г.Н.** Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб.: б.и., 1881. – Вып. 2. – 90 с.
- Потапов Л.П.** Одежда алтайцев // МАЭ. – 1951. – Т. 13. – С. 5 – 59.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И.** Очерки искусства Средней Азии. – М.: Искусство, 1982. – 288 с.
- Руденко С.И.** Культура хунну и Ноин-Улинские курганы. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 202 с.
- Стариков В.С., Сычёв В.Л.** К проблеме генезиса традиционной одежды южных китайцев // МАЭ. – 1977. – Вып. 32. – С. 198 – 229.
- Сычёв В.Л.** Из истории плечевой одежды народов Центральной и Восточной Азии (к проблеме классификации) // СЭ. – 1977. – № 3. – С. 32 – 46.
- Худяков Ю.С.** Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 268 с.
- Худяков Ю.С.** Мумифицированное захоронение из могильника Усть-Эдиган // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. ун-та, 1992. – С. 118 – 135.
- Шер Я.А.** Каменные изваяния Семиречья. – М.; Л.: Наука, 1966. – 140 с.
- Баяр Д.** Монголын тов нутаг дахь турэгийн хун чулуу (Тюркские каменные скульптуры Центральной Монголии). – Улаанбаатар: Изд-во АН МНР, 1997. – 148 с. (на монг. языке).
- Соосёку** кофун но сэкай: Дзуроку (Decorated tombs in Japan. Special Exhibition). – Токио: Асахи Симбун, 1993. – 264 р. (на яп. языке).
- Харада Ёсито.** Сина тодай-но фукусёку (Современный китайский костюм) // Тосё тэйкоку даигаку бунгаку киё. – 1921. – Vol. 4 (на яп. языке).
- Liu Mau-tsai.** Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (Tu-küe). – Wiesbaden, 1958. – Bd 1. – S. 528.

Материал поступил в редколлегию 01.04.1999 г.

ГУННЫ В СИБИРИ

УДК 902.2

В.И. Молодин, Кан Ин Ук

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: bronz@nus.nsc.ru*

ПАМЯТНИК ЯРХОТО В КОНТЕКСТЕ ГУННСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Введение

Синьцзянский Уйгурский автономный район находится в северо-западной части Китая. С древности эта территория была связующим звеном между Китаем и евразийской степью. К сожалению, археологические материалы из Синьцзяна известны меньше, чем из других районов Китая. По этой причине трудно представить в полном объеме общую схему развития древних культур Синьцзяна. Именно поэтому каждое сообщение о новых открытиях в данной зоне имеет очень большое значение.

В 1996 г. совместная экспедиция Института археологии Синьцзяна и Отряда по изучению Великого Шелкового пути университета Васэда (Япония) провела раскопки памятника гуннского времени в Турфанской котловине. Научный отчет об этих работах пока не опубликован. Имеется лишь статья в научно-популярном журнале “Newton”, издающемся в Корее и Японии [Найден золотой головной убор..., 1997], в которой представлен чрезвычайно интересный археологический материал, позволяющий высказать некоторые предварительные суждения о историко-культурных явлениях в Синьцзяне гуннского времени.

Характеристика памятника

До недавнего времени район Ярхото в Турфанской котловине Китая был известен памятниками каменного века и средневековья. В 1900, 1901 гг. здесь под руководством В.И. Роборовского работали первые экспедиции. Они исследовали стоянки каменного века. В 1908 – 1909 гг. российская экспедиция К.Г. Маннегея раскопала городище Коняшар (Старый город). В 1920-х гг. раскопками городища Ярхото занималась

Рис. 1. Карта Китая и сопредельных территорий.

японская экспедиция*. Таким образом, уже в первой четверти XX в. Ярхото был хорошо известен исследователям (историографию см. [Восточный Туркестан..., 1988, с. 23 – 61]). Важные научные результаты были получены в 1930 г. китайским археологом Хуан Вэнь Би. Он, раскопав 130 могил танского времени, сделал вывод о специфичности керамики из Ярхото и датировал весь комплекс Гаочанской эпохой (498 – 640 гг.) [Хуан Вэнь Би, 1983].

Памятник Ярхото расположен в оазисе Турфанской котловины (рис. 1). Эта зона представляет

* Материалы этой экспедиции в Ярхото находятся в Республике Корея и на Тайване. В Республике Корея находки, в частности “Отани Коллекция”, хранятся в Национальном музее. В 1990 г. они были опубликованы в специальном альбоме “Выставка цивилизации Великого Шелкового пути”.

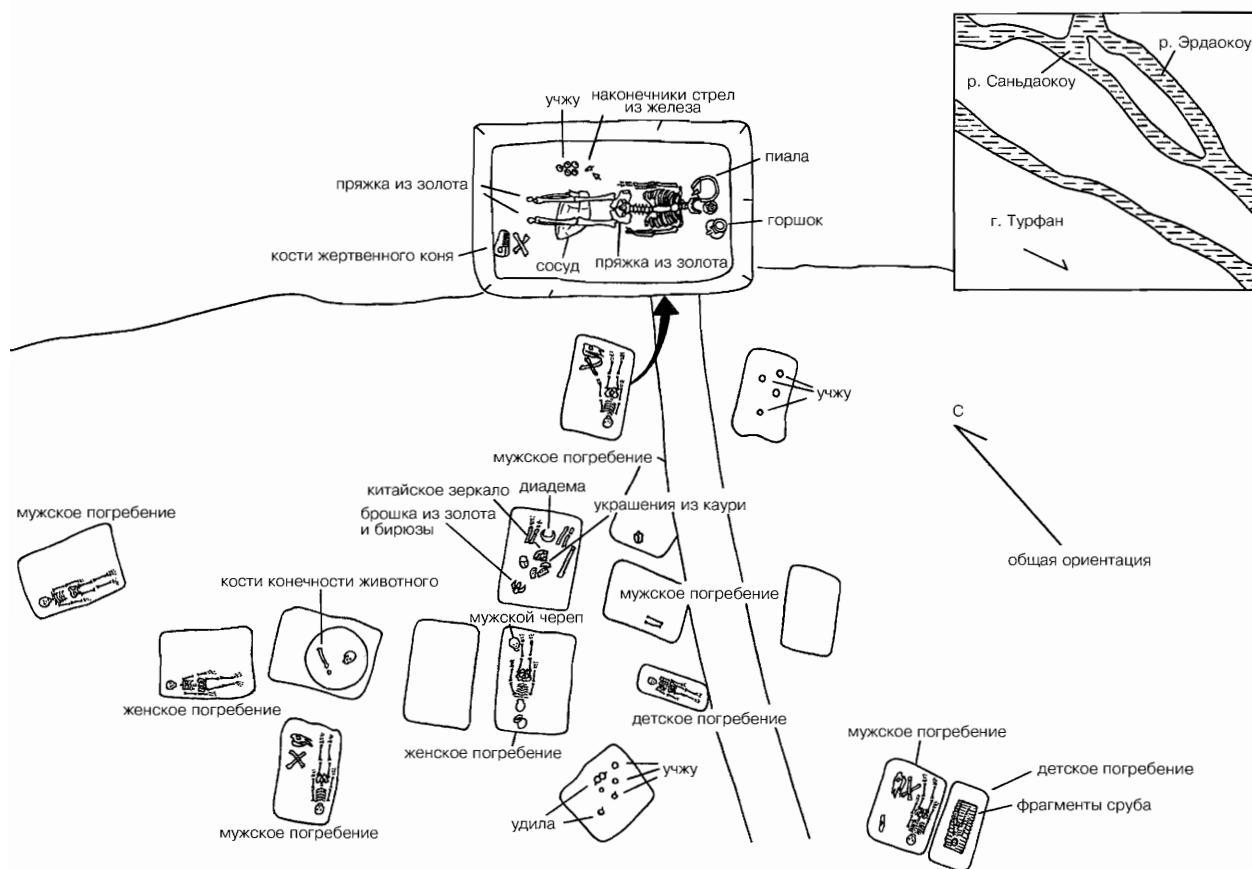

Рис. 2. Общий план могильника Ярхото.

собой благодатную среду для обитания человека. Поэтому не случайно, что именно здесь концентрируются местонахождения разных эпох. Могильник расположен в 10 км к западу от г. Турфан на берегу р. Сандяокоу. В нем выявлено около 200 погребений государства Чэши (конец III в. до н.э. – около 450 г. н.э.) и еще порядка 1,5 тыс. погребений танской эпохи.

На противоположном берегу реки находятся развалины древнего города Цзаохэ, который считается столицей государства Чэши. Совместная японско-китайская экспедиция работает здесь с 1994 г. Сначала ею проводились раскопки только погребений Танского времени. В сентябре 1996 г. впервые было вскрыто 17 захоронений времени существования государства Чэши, причем большая часть могил оказалась разграбленной. Верхний почвенный слой этой части памятника, где расположен могильник времени государства Чэши, был нарушен, поэтому составить представление о надмогильных сооружениях невозможно. Если же таковые и существовали, то, учитывая характер местности, они представляли собой, скорее всего, земляные конструкции. На дне некоторых могильных ям обнаружены фрагменты древесины – возможно, остатки прямоугольных конструкций.

Умершие были погребены на спине в вытянутом положении, головой на юго-запад и северо-запад (рис. 2). Одна женщина положена в могилу на животе, в ногах у нее находился мужской череп. Кроме того, зафиксировано парное захоронение мужчины и женщины с богатым инвентарем, включавшим изделия из золота и железа. Особенностью мужских погребений является наличие в них черепа и двух длинных костей ног лошади. Последние находились перпендикулярно друг другу. Обычай сопровождать умершего костями жертвенного животного был широко распространен во многих районах Азии, однако такой способ не был известен в предгуннское время. Останки жертвенных лошадей и предметы конской упряжи свидетельствуют в пользу, видимо, козового характера культуры населения, оставившего ранний погребальный комплекс некрополя Ярхото.

Погребальный инвентарь памятника богат и разнообразен. Жемчужиной коллекции является золотая диадема (рис. 3, 1). В верхней и нижней частях она украшена изображениями двух хищников семейства кошачьих, терзающих оленей. По мнению авторов статьи в журнале "Newton", диадемы этого типа получили распространение в Причерноморье. Однако следует отметить, что наиболее близкий аналог данного предмета, датируемый III – II вв. до н.э.,

обнаружен в Алучайдэне в Ордосе [Тян Гуан Цзинь, Гуо Шао Синь, 1980, с. 333 – 338]. Однако подобные диадемы, с точки зрения Тянь Гуан Цзинь, исследовавшего Алучайдэн, не принадлежат к собственно ордосским изделиям. Можно предположить, что богатые золотые вещи поздней ордосской культуры имели западное происхождение.

Ярхотская диадема найдена в области костей ног человека, т.е. не *in situ* (см. рис. 2). Необходимо отметить, что подобные предметы отдельными исследователями интерпретируются как шейные гривны*, поэтому находку из Ярхото мы называем диадемой условно. Такие украшения неоднократно встречались на Алтае и в Синьцзяне. Так, в курганах Уландрыка найдено девять таких предметов из дерева, покрытых золотой фольгой. На них изображены пары противоположащих животных: верблюдов, оленей, ланей и барсов [Кубарев, 1987, с. 270]. Подобные изделия обнаружены и в пазырыкских памятниках на Укоке [Molodin, 1995, р. 391 – 403, ill. 10; Idem, 1994, р. 117 – 125]. В настоящее время известно несколько обнаруженных в Синьцзяне украшений, выполненных в аналогичном стиле [Восточный Туркестан..., 1995, с. 261].

Еще одна запоминающаяся находка из Ярхото – золотой перстень с изображением головы животного, вероятно, льва (см. рис. 3, 2). В Ордосе украшения из бронзы с подобным оформлением найдены в могильнике Таохунбала, который датируется VI в. до н.э. [Тян Гуан Цзинь, 1976, с. 136, рис. 6, 6, 7]. Однако изображения животных из Таохунбала более схематичны и не могут быть однозначно отождествлены с каким-то конкретным видом. Более близкая аналогия – рельефное изображение головы хищника семейства кошачьих из золотой фольги в Алучайдэне [Тян Гуан Цзинь, Гуо Шао Синь, 1980, с. 333 – 337, рис. 2, 2].

Брошка из золота с инкрустацией из бирюзы по форме напоминает насекомое. Золотые украшения с бирюзой хорошо известны по находкам из памятников в Афганистане, например, из Сибарганского кургана (№ 2) Тилля тепе [Сарианиди, 1983, с. 128 – 129, рис. 4]. Брошки (или застёжки) из Тилля тепе, как и брошка из Ярхото, имеют крыловидный абрис. Это позволяет предположить западно-азиатские связи населения, оставившего могильник Ярхото.

Отдельную группу находок представляют золотые ажурные пряжки (см. рис. 3, 3), обнаруженные у костей ног погребенных и являющиеся частью поясных гарнитуров. Изделия подобной формы из бронзы, украшенные изображениями животных, повсеместно встречаются в комплексах гунно-сармат-

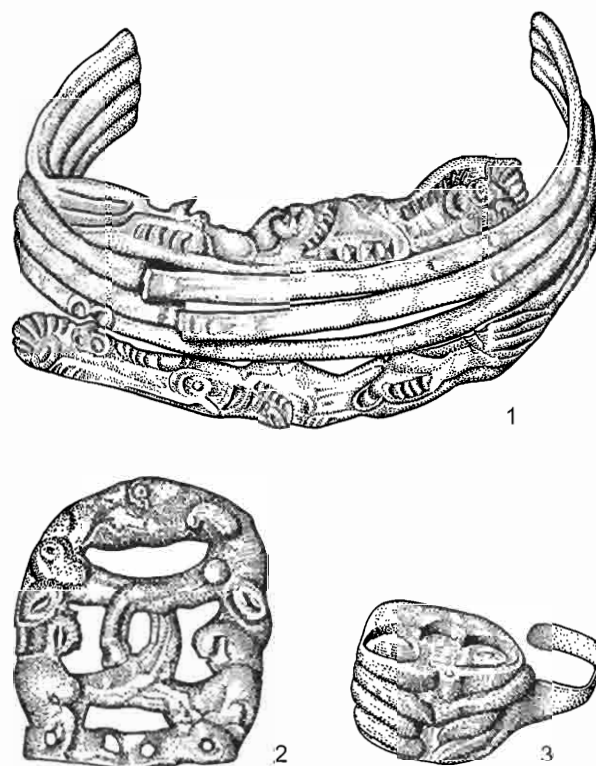

Рис. 3. Находки из могильника Ярхото.
1 – диадема, 2 – золотой перстень, 3 – золотая пряжка.

ского времени на территории Евразии [Дэвлет, 1980, табл. 19 – 27].

В кратком описании материалов могильника упоминаются раковины каури [Найден золотой головной убор..., 1997]. В трех погребениях найдены китайские бронзовые монеты *учжу*, которые имели хождение в Китае при династии Хань.

Важное значение для датировки рассматриваемых погребений в Ярхото имеет фрагмент ханьского зеркала с орнаментом типа *синюнь*. Зеркала этого типа бытовали с середины раннегуннского периода при императоре Уди (141 – 81 гг. до н.э.) до начала нашей эры. Зеркало и монеты позволяют датировать анализируемый комплекс Ярхото рубежом эр. Именно такую дату имеет могильник Пинди, в котором тоже найдены монета *учжу* и фрагмент ханьского зеркала с орнаментом типа *синюнь* [Обзор..., 1988, с. 23 – 38]. Учитывая типологию этих монет, приведенную в отчете по раскопкам гуннского памятника Даодуньцзы [У Энь, Чжун Кань, Ли Цзинь Цзэн, 1990, с. 97], образцы, о которых идет речь, принадлежат второму типу, по публикуемой классификации. Монеты *учжу* из памятников гуннского времени Синьцзяна (Пинди, Гутай и Ярхото) представлены одним типом, характерным для периода правления императора Уди [Обзор..., 1988, с. 26, 33 – 34], и это не случайно. Судя по письменным китайским источникам, при императоре

* Подобное изделие из кургана Иссык определено как шейная гривна (см. [Акишев, 1978, с. 35]).

Уди в результате влияния Хань на северо-западную часть Китая и Среднюю Азию в истории Великого Шелкового пути наступил расцвет, что подтверждают, по нашему мнению, и материалы могильника Ярхото.

На общем плане памятника (см. рис. 2) зафиксированы керамические изделия трех типов: горшок с рисованным орнаментом и заштрихованными треугольниками, направленными вершинами вверх; кубок с одной ручкой и пиала. Поверхность керамики покрыта красной пастой. Кроме того, в погребениях найдены удила, стрелы и ножи из железа, золотой пояс и кольцо из драгоценного камня, изображения которых, к сожалению, не опубликованы.

Интерпретировать памятник Ярхото помогают известные местонахождения гуннского времени в Синьцзяне. По данным письменных источников, здесь в эпоху раннего средневековья обитали племена усуней, юэчжэй, саков, лоулань и др. Б.А. Литвинский разделил могильники (с эпохи раннего железного века до средневековья) на несколько групп [Восточный Туркестан..., 1995, с. 255 – 284], однако эта классификация не учитывает некоторые недавно открытые памятники. Поэтому мы будем рассматривать местонахождения, не представленные в работе Б.А. Литвинского.

В настоящее время в Синьцзяне исследовано несколько курганных могильников – Алагоу, Чаоухугоу, Гуннайсы.

Могильник Алагоу находится в Турфанской котловине [Ван Бин Хуа, 1981, с. 18 – 22]. Надмогильное сооружение не сохранилось, осталась только прямоугольная ограда вокруг могильной ямы (рис. 4, 1). В могиле установлена деревянная камера из сосновых бревен диаметром 10 – 20 см (рис. 4, 2, 3). Размеры могильной ямы самого большого погребения (№ 30) с нишами в северной и западной частях $6,56 \times 4,22 \times 7,1$ м (рис. 4, 3). Комплекс находок включает золотые украшения в виде зверей, деревянный лакированный овальный и прямоугольный бронзовый подносы, железные наконечники стрел и керамические предметы.

Золотая накладка на пояс с двумя львами похожа на ярхотоскую диадему (рис. 4, 12). Украшения, выполненные в зверином стиле, представлены реалистичными и стилизованными изображениями хищного зверя (рис. 4, 5, 6, 7, 8, 11, 12). Стилистически похожие изображения хорошо известны по материалам из памятников эпохи раннего железного века в Южной Сибири, в частности пазырыкской культуры [Руденко, 1953, табл. LVI, 4 – 6]. Аналоги единственному найденному в Синьцзяне прямоугольному бронзовому подносу или алтарю, на котором изображены два стоящих животных, имеются в Казахстане [Заднепровский, 1992, с. 101 – 107, табл. 27 – 31]. На этом осно-

вании Ван Бин Хуа относит памятник к сакской культуре. Керамика лепная, изготовлена без гончарного круга, поверхность ее покрыта красной пастой. Имеются сосуды с крышками и ручками, а также пиалы. Вещи из дерева представлены лакированным подносом и фрагментами повозки, уменьшенная копия которой изготовлена специально для погребального обряда. Для могильника Алагоу характерны большая деревянная конструкция внутри могилы, китайские лакированные вещи и богатые золотые украшения. По радиоуглероду могильник датируется в пределах от 2345 ± 75 до 2040 ± 95 лет назад. С учетом относительной хронологии памятник может быть датирован в пределах от середины V в. до н.э. до рубежа эр. Российские исследователи отмечают сходство между материалами из Алагоу и образцами культуры саков из Семиречья, с одной стороны, и пазырыкскими древностями – с другой [Восточный Туркестан..., 1988, с. 182 – 189]. Лаковый поднос имеет аналоги среди вещей, которые встречаются на рубеже эпох Чжаньго – Западной династии Хань, т.е. около III – II вв. до н.э. Кроме того, такой же поднос найден в ханьском памятнике Мавантуй [Ван Бин Хуа, 1981]. Поэтому правильнее будет датировать Алагоу II в. до н.э., по крайней мере, не раньше III в. до н.э. Этот памятник имеет большое значение для понимания процессов взаимоотношений с нарождающимися культурами гуннского времени в Центральной Азии.

Могильник Гуннайсы [Погребения..., 1985, с. 21 – 26] находится в Илийском Казахском округе в северо-восточной части Синьцзяна и состоит примерно из 30 курганов и поминальных сооружений. Самый большой курган имеет насыпь диаметром 300 м и высотой 10 м, насыпь остальных в диаметре 7 – 24 м и в высоту 0,5 – 2 м. Раскопаны 17 погребений, из них 15 – в каменных ящиках и 2 – грунтовые. В каждой могиле у западной боковой стены сохранились кости жертвенных баранов (рис. 5, 1). Поминальное сооружение (найденно впервые в Илийском крае) имеет прямоугольную каменную ограду размерами $2,6 \times 2,6$ м и 6×6 м. Поскольку его детальный план отсутствует, то мы можем только предположить сходство конструкции с хорошо известными в Центральной Азии культовыми святилищами гуннского и древнетюркского времени.

Комплекс предметов, найденных на памятнике, представлен обломком железного ножа, неорнаментированным зеркалом (рис. 5, 5), фрагментами золотых вещей, костяными наконечниками стрел и керамическими предметами. Найденны два сосуда, относящиеся к типу круглодонных горшков: один с ручкой на плечике (рис. 5, 2), другой представляет собой чашку (рис. 5, 3). Все сосуды не орнаментированы. Такая керамика и наконечники стрел из кости хорошо известны в регионе по материалам

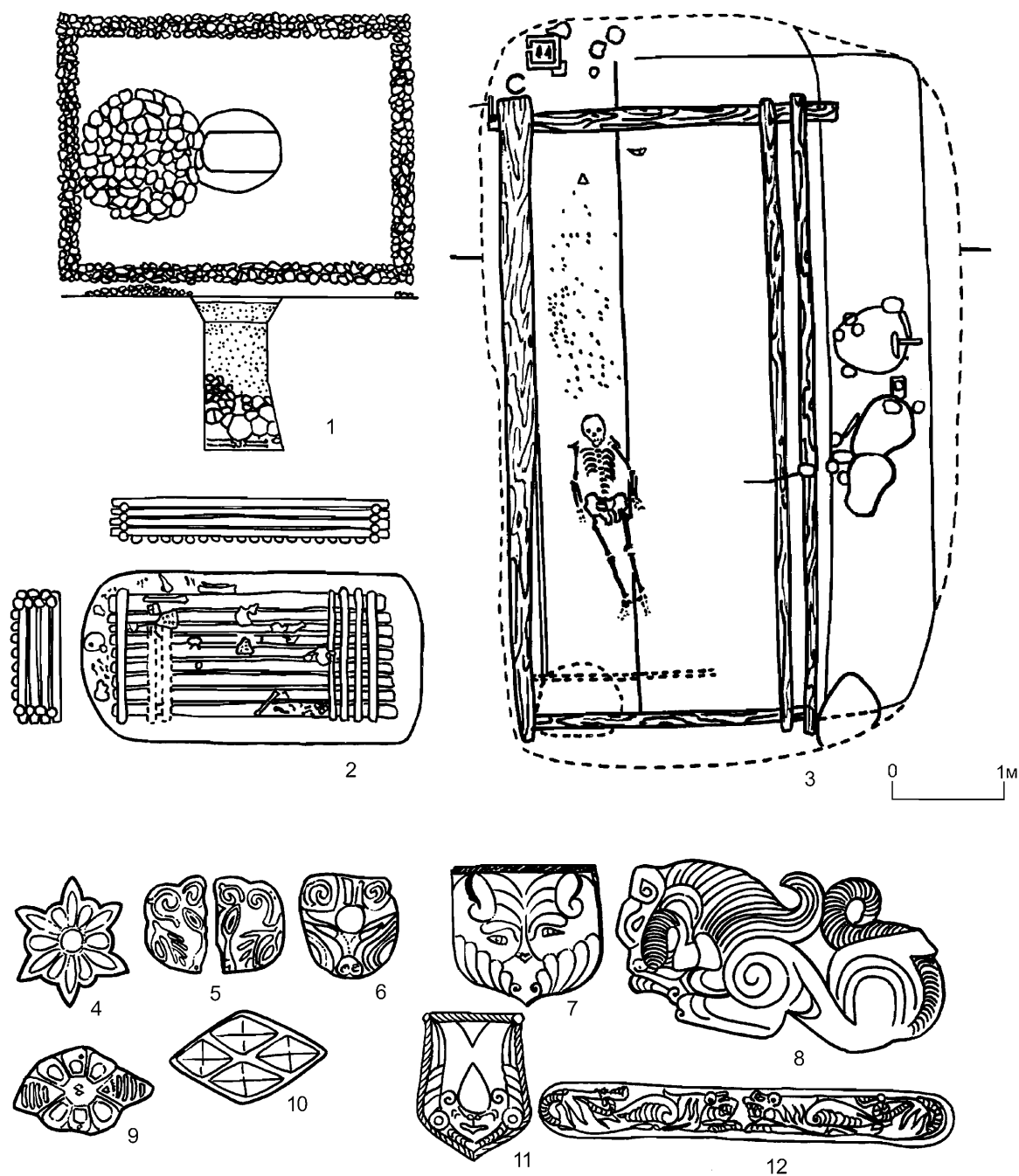

Рис. 4. Планы погребальных сооружений (1 – 3) и золотые предметы (4 – 12) из курганного могильника Алагоу.
1, 2 – сооружение № 18; 3 – сооружение № 30.

памятников ханьского времени [Там же]. Бронзовое зеркало относится к типу медалевидных и имеет аналоги в памятниках эпохи раннего железа Центральной Азии, которые датируются широким хронологическим диапазоном – эпоха Воюющих царств (поздний этап Чжаньго) и эпоха Хань. Поэтому памятник Гуннайсы датируется нами рубежом II – I вв. до н.э. Он отличается от других местонахождений гуннско-

го времени Синьцзяна бедностью инвентаря, использованием камней при сооружении могильной конструкции, а также отсутствием атрибутов конской упряжи и следов жертвоприношений животных. Все это может свидетельствовать о том, что в данном памятнике погребены люди, отличавшиеся по социальному статусу от захороненных в других местонахождениях гуннской эпохи. Погребения в каменных

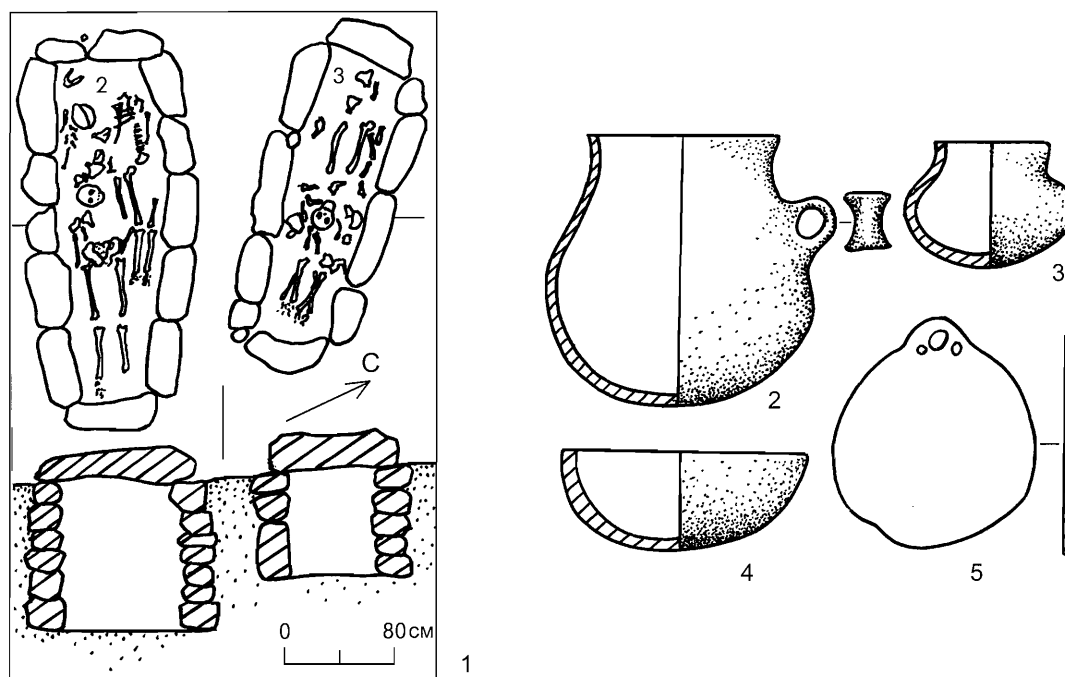

Рис. 5. Планы погребальных сооружений (1) и находки из могильника Гуннайсы (2 – 5).
2 – 4 – сосуды, 5 – зеркало.

ящиках широко распространены в памятниках гуннского времени в Сычуане, Юньнани и Тибете, расположенных в Юго-Западном Китае. Район распространения каменных ящиков совпадает с горными территориями, населенными кочевниками. Эти народы считаются своего рода посредниками между представителями скифо-сарматского и ордоского мира, с одной стороны, и населением Южного Китая – с другой [Дун Энь Чжун, 1987, с. 152 – 278].

Местонахождение Чаоухугоу [Краткий отчет..., 1990б, с. 882 – 889] является разновременным памятником: Чаоухугоу-1 и Чаоухугоу-2 датированы бронзовым веком [Краткий отчет..., 1988, с. 75 – 99; Краткий отчет..., 1990б, с. 882 – 889], а Чаоухугоу-3 – ханьским временем. К тому же Чаоухугоу-3 представлен двумя пунктами – восточным и западным. В каждом из пунктов обнаружено соответственно 246 и 92 погребения. На поверхности земли расположены земляные и каменные сооружения, поэтому все памятники хорошо видны. Умершие были погребены на спине, головой на восток или северо-восток.

Авторы статьи о раскопках погребений Чаоухугоу [Там же] выделяют следующие погребальные конструкции:

а) гробовина, деревянная рама (рис. 6, 2). В яме обнаружен сруб в виде деревянной рамы. Перекрытие составляют пять тонких бревен. На краю рамы находились череп и две кости ног лошади. По обряду жертвоприношения и местоположению животного

могила очень похожа на погребение, зафиксированное на памятнике Ярхото;

б) катакомбы (рис. 6, 1). Могильные ямы с подбоем. Конструкция включает прямоугольный коридор и камеру, которая забутована кладкой из глиняных необожженных кирпичей, что имело место на Кенкольском могильнике и на других памятниках в Казахстане, однако подобные конструктивные особенности не были известны в рассматриваемых районах Китая. В таких погребениях также имеется костяк жертвенного коня;

в) узкая прямоугольная колода (рис. 6, 4). За пределами колоды находились жертвенные кости (череп и позвоночник) барана;

г) могила, выложенная по периметру глиняным необожженным кирпичом (рис. 6, 3). Раскопана только одна такая могила. Стены ее сооружены из десяти, потолок – из пяти кирпичей. Ниша, в которой найдены железный нож, череп и позвоночник барана, находилась в северной стене погребальной камеры.

Железные предметы, обнаруженные на могильнике, представлены клинком кинжала (рис. 7, 1, 7), трехлопастными наконечниками стрел (рис. 7, 6, 10), ножом (рис. 7, 9), пластиной с отверстиями (от доспеха?) (рис. 7, 8), пряжкой (рис. 7, 11). Китайское зеркало (тип TLV, *guijuqinshouwenqing*) и пряжки (рис. 7, 3, 13) выполнены из бронзы. Золотые предметы – брошь с бирюзовой инкрустацией (рис. 7, 15), а также пластинки, украшенные изображениями в зверином стиле (рис. 7, 22, 24). Комплекс

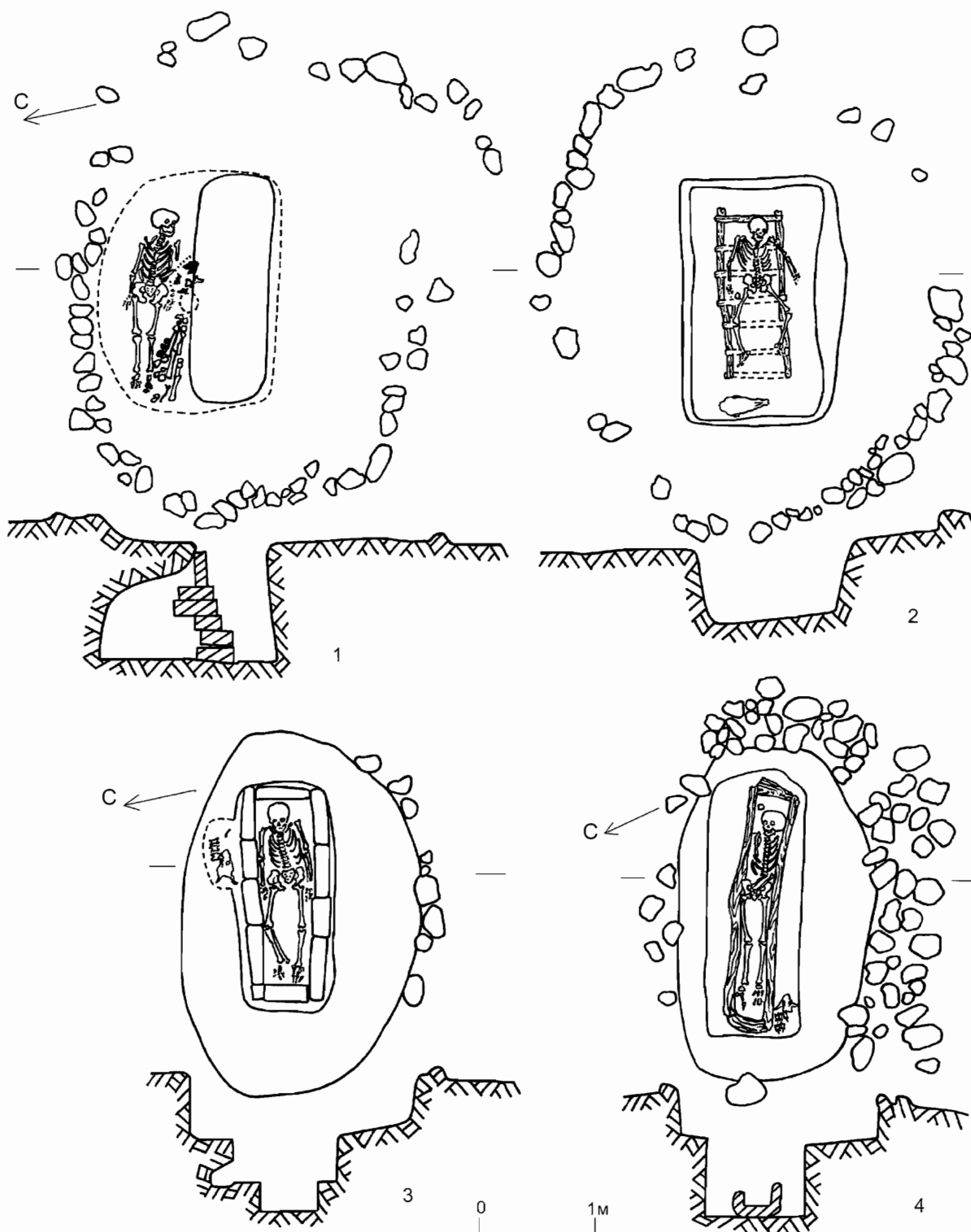

Рис. 6. Планы погребальных сооружений № 4 (2), 8 (1), 18 (3), 20 (4) курганного могильника Чаоухугоу.

дополняют концевая и средняя накладки на лук из кости (рис. 7, 4, 5) и сосуды (рис. 7, 26 – 28), изготовленные без применения гончарного круга. Характерен горшок, украшенный по плечикам волнистым узором. Эти керамические предметы очень напоми-

нают сосуды из Даодуньцзы, Баодунгоу, Иволги и Ноин-улы, которые специалисты считают гуннскими [У Энь, Чжун Кань, Ли Цзинь Цзэн, 1990, с. 93; У Энь, 1990, рис. 7]. Очевидно, что по общим характеристикам погребального обряда и комплекса

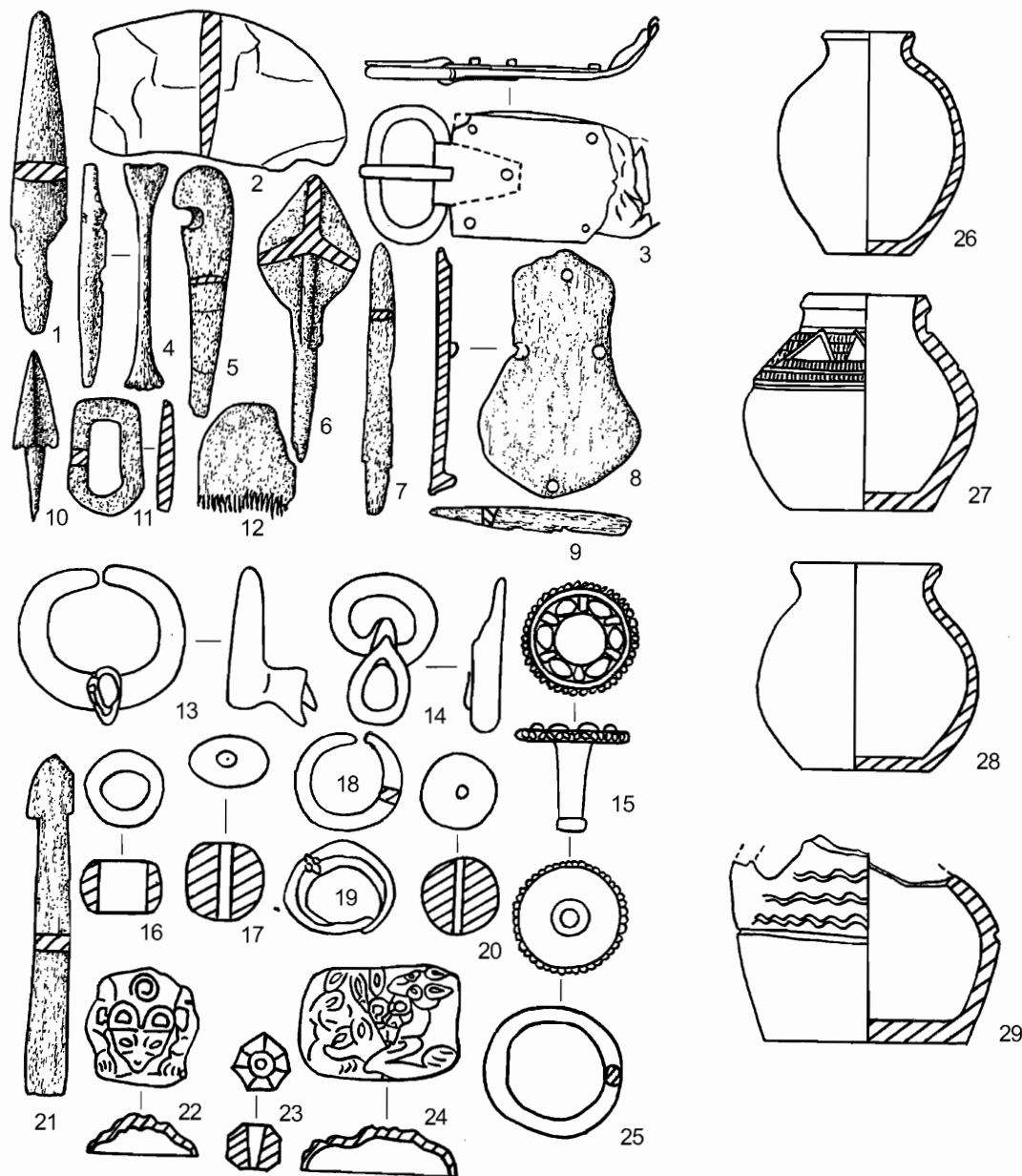

Рис. 7. Находки из курганного могильника Чаоухугоу.
1, 6 – 11 – железо; 2, 20, 23 – камень; 3, 8, 13, 25 – бронза; 4, 12 – дерево; 5, 16, 17, 21 – кость;
14, 15, 19, 22, 24 – золото и серебро; 26 – 29 – керамика.

инвентаря памятник Чаоухугоу следует связывать непосредственно с гуннским.

Несомненное сходство рассматриваемый комплекс демонстрирует с гуннскими памятниками на территории Забайкалья. Так, кинжал имеет аналоги среди материалов Иволгинского могильника [Давыдова, 1996, табл. 9, 5]. Железные накладки и трехлопастные наконечники стрел были обнаружены в Ильмовой Пади [Коновалов, 1976, табл. XIII, 6, 7, 10], железные накладки на пояс также известны в комплексах в этом регионе [Давыдова, 1996, табл. II – V, X –

XI]. Прослеживаются параллели и при сравнении керамических находок [Заднепровский, 1995, с. 97 – 103].

Немало черт подобия можно увидеть и в элементах погребальной обрядности гуннских могильников в сопоставляемых регионах. Например, узкий прямоугольный сруб с гробовиной были найдены в Черемуховой Пади [Давыдова, 1996, с. 59, табл. 3, 59; Коновалов, 1976, рис. 40], на Иволгинском могильнике обнаружено погребение в колоде [Давыдова, 1996, с. 12, табл. 41 (М 149)]. Ю.А. Заднепровский

предположил, что рассматриваемый комплекс Чаоухугоу-3 имеет немало параллелей с материалами синхронных культур в Семиречье и Фергане, а также в Приаралье, Поволжье и других, еще более западных, степных районах Европы. По его мнению, могильник Чаоухугоу-3 мог быть оставлен юэчжами [1995, с. 97 – 103]. Соглашаясь в принципе с приводимыми исследователями параллелями, мы считаем необходимым подчеркнуть, что многие черты сходства с культурами западных районов Евразии, о которых говорит Ю.А. Заднепровский, были обусловлены эпохальным сходством, поскольку такие же параллели демонстрируют и многие другие культуры гуннского времени Евразии. Сходство керамики из Чаоухугоу и Забайкалья, как, впрочем, и присутствие гончарных печей для обжига подобной посуды на р. Юстыд [Кубарев, Журавлева, 1986, с. 101 – 109] на Южном Алтае, вероятно, свидетельствует об этнокультурном единстве этих памятников.

В контексте рассматриваемой проблемы важно, что могильник Чаоухугоу-3 имеет сходство с ярхотским погребальным комплексом. Оно проявляется в наличии признаков обряда принесения в жертву лошадей, а также золотых изделий с характерной инкрустацией. Памятник Чаоухугоу-3 следует датировать I – II вв. н.э., поскольку китайские зеркала (тип TLV, *guijuqinshouwenqing*) использовались со времени Восточного Хань. Учитывая радиоуглеродные даты, временем существования памятника можно считать 105 г. до н.э. – 145 г. н.э. [Краткий отчет..., 1988, с. 882 – 889].

Заключение

На территории Синьцзяна находится ряд могильников гуннского времени. Эти памятники могут быть разделены на несколько типов.

Лоуланьский тип – могильники Пинтай и Гутай, а также Пинти на территории древнего города Лоулань. Они исследовались сначала Стейном [Stein, 1928], затем китайскими археологами. Выделен на основе данных антропологии. Антропологический анализ черепов из могильника Гутай показал, что останки одной особи принадлежали монголоиду южно-сибирского типа, четырех – средиземноморским европеоидам индо-афганского типа и еще один – промежуточным между средиземноморским и памиро-ферганским типом [Обзор раскопок..., 1989, с. 38]. Эти данные демонстрируют своеобразие памятника.

Гуннайсытский тип – могильник Гуннайсы, подробно охарактеризованный выше. Материал выявлен также в памятнике Улабайшэгу у г. Урумчи и датируется в пределах IV – I вв. до н.э. [Отчет..., 1988, с. 41 – 42]. Данные о нем очень скудны, однако памятник

Гуннайсы дает исследователю уникальные, несомненно специфичные материалы.

Чаоухугоуский тип ярко демонстрирует сильное влияние со стороны гуннской культуры Забайкалья. Материалы письменных источников также свидетельствуют о завоевании гуннами Турфана. По данным китайского исследователя Лин Ганя, это событие произошло при И Ли Ване [Лин Гань, 1984, с. 44 – 45]. Как сообщает китайский письменный источник “Шицзи”, Мао Тун Сян У завоевал юэчжей. Авторы считают, что таким образом гуннская культура смогла проникнуть в Синьцзян.

У Энъ связывает гунскую культуру Забайкалья с северными гуннами [У Энъ, 1990, с. 422 – 428]. Если это положение верно, то и памятник Чаоухугоу следует отнести именно к северным гуннам. Б.А. Литвинский отмечает, что ареал захоронений с подбоями совпадает с территорией обитания юэчжэй [Восточный Туркестан..., 1995, с. 259], однако следует помнить, что такие погребения встречаются и у северных гуннов. В этой связи напомним точку зрения японского археолога Цынода Буней, согласно которой появление Кенкольского могильника связано с походом Канцзю Вана, пытавшегося воспрепятствовать продвижению южных гуннов на запад [1971, с. 257 – 277].

Алагоу-ярхотоский тип характеризуется присутствием сакских и пазырыкских элементов в предметах материальной (например, диадема – гривна) и духовной культуры, а также отсутствием захоронений с подбоем. В Алагоу, а также в могильнике Субаши найдены бляхи [Лю Хун Лян, 1984, fig. 2], выполненные в зверином стиле, и имитации кинжалов, хорошо известные по раскопкам курганов пазырыкской культуры [Кубарев, 1987, с. 102 – 110]. Данный тип, несомненно, связан с культурой Ордоса. В Синьцзяне известны памятники этого типа – некрополи Идин [Отчет..., 1982, с. 365 – 372] и Гуланьшарыкэ. Китайскими археологами определяется несколько памятников, находящихся около Турфана, как свидетельство влияния государства Чэши. Отсутствие полной информации не позволяет судить о возможном выделении локальных групп алагоу-ярхотоского типа.

Эпоха Воюющих царств до ханьского времени представлена в Ордосе золотыми предметами. Н.В. Полосьмак отмечает параллели в инвентаре и погребальном обряде между материалами из могильника Маочингоу в районе Ордоса и культуры раннего железного века предгорного Алтая [Полосьмак, 1990, с. 101 – 107], представленной могильником Сибирка. Выделенный алагоу-ярхотоский тип демонстрирует возможную линию контактов между культурами Алтая и Ордоса через Синьцзян.

Ф. Бергман [Bergman, 1939] и Стейн [Stein, 1928] исследовали в Синьцзяне довольно большое количе-

ство археологических памятников, среди которых могли быть и местонахождения гуннского времени. Они, вероятно, есть среди памятников, исследованных китайскими археологами (например, могильники Тэмуликэ [Курган..., 1988, с. 59 – 66] и Чжаосу [Предварительные раскопки..., 1962, с. 98 – 102]). Такие памятники соотносят с усуньской культурой. Однако их материалы, не говоря уже об этнокультурной идентификации, нуждаются в серьезном осмыслении.

Как указывалось, археологическая культура гуннского времени в Синьцзяне развивалась многопланово. Уже сейчас можно выделить несколько этнокультурных групп. Будущие археологические исследования охарактеризуют данные культуры подробнее и конкретнее. Уже приходилось отмечать, что на соседней с Синьцзяном территории Алтая можно выделить несколько археологических культур гуннского времени [Молодин, Черемисин, 1996, с. 47 – 49]. Продвижение гуннов на запад вызвало появление ряда археологических культур на территории Центральной Азии. Для прояснения этого вопроса важно уточнить выделение археологических культур (или типов), их хронологию и этническую принадлежность.

Таким образом, могильник Ярхото, содержащий очень ценные и оригинальные материалы, позволяет дополнить общую схему развития культур гуннского времени в Синьцзяне и в соседних регионах Азии. К сожалению, статья, на которую мы опираемся [Найден золотой головной убор..., 1997, с. 74 – 81], посвящена в основном уникальным предметам искусства из золота и не содержит необходимых для детального научного изучения характеристик всех материалов, а также памятника в целом. Впрочем, совместная китайско-японская археологическая экспедиция планирует продолжить здесь свою работу. Когда же весь Ярхотский могильник будет исследован и его материалы опубликованы, ученые получат в свое распоряжение блестящий источник о культуре гуннского времени в Синьцзяне и ее отношениях с синхронными культурами азиатского и европейского регионов.

Список литературы

- Акишев К.А.** Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. – М.: Наука, 1978. – 298 с.
- Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье.** – М.: Издат. фирма “Восточная литература”, 1988. – 453 с.
- Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье – хозяйство, материальная культура.** – М.: Издат. фирма “Восточная литература”, 1995. – 523 с.
- Давыдова А.В.** Иволгинский археологический комплекс. – СПб.: Издат. центр “Петербургское востоковедение”, 1996. – Т. 2: Иволгинский могильник. – 176 с. – (Археологические памятники Сюнну; вып. 2).
- Древние культуры Бертекской долины.** – Новосибирск: ВО “Наука”, 1994. – 224 с.
- Дэвлет М.А.** Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. – М.: Наука, 1980. – 66 с.
- Заднепровский Ю.А.** Ранние кочевники Семиречья и Тянь-Шаня // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 101 – 107. – (Археология СССР).
- Заднепровский Ю.А.** Могильник номадов Синьцзяна эпохи Хань // Южная Сибирь в древности. – СПб., 1995. – С. 97 – 103. – (Археологическое изыскание; № 23).
- Коновалов П.Б.** Хунну в Забайкалье. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 220 с.
- Кубарев В.Д., Журавлева А.Д.** Керамическое производство в Горном Алтае // Палеоэкономика Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 101 – 109.
- Кубарев В.Д.** Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 301 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Сайлюгема. – Новосибирск: Наука, 1992. – 219 с.
- Молодин В.И., Черемисин Д.В.** Культуры гуннского времени на плоскогорье Укок (Южный Алтай) // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. – Улан-Удэ: ТОО “Олзон”, 1996. – С. 47 – 49.
- Полосьмак Н.В.** Некоторые аналоги погребениям в могильнике у деревни Даодунцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 101 – 107.
- Руденко С.И.** Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.: ИИМК АН СССР, 1953. – 387 с.
- Сарианиди В.И.** Афганистан: Сокровища безымянных царей. – М.: Наука, 1983. – 159 с.
- Ван Бин Хуа.** Краткий отчет о раскопках погребений со срубам в Алагоу в Синьцзяне // Вэньу. – 1981. – № 1. – С. 18 – 22 (на кит. яз.).
- Дун Энь Чжун.** Зона взаимопроникновения культур с северо-восточной до юго-западной частей Китая // Сборник по археологии юго-западных племен в Китае (Чжунго Синань Миньчжу Каогу Луньвэньчжи). – Пекин: Вэньу, 1987. – С. 152 – 278 (на кит. яз.).
- Краткий отчет о раскопках погребений Чаоухугоу-1 в уезде Хэцзин, Синьцзянь // Каогусюэбао.** – 1988. – № 1. – С. 75 – 99 (на кит. яз.).
- Краткий отчет о раскопках погребений Чаоухугоу-2 в уезде Хэцзин, Синьцзянь // Каогу.** – 1990а. – № 6. – С. 511 – 518 (на кит. яз.).
- Краткий отчет о раскопках погребений Чаоухугоу-3 в уезде Хэцзин, Синьцзянь // Каогу.** – 1990б. – № 10. – С. 882 – 889 (на кит. яз.).
- Курган Тэмуликэ у. Синьюань, Синьцзян // Вэньу.** – 1988. – № 8. – С. 59 – 66.
- Лин Гань.** Общая история сюнну (Сюнну Тунши). – Пекин: Чжуанхуа шуцзюй, 1984. – 326 с. (на кит. яз.).
- Лю Хун Лян.** Новые находки в древнем могильнике Субаши в уезде Шаньшань, Синьцзян // Каогу. – 1984. – № 1. – С. 41 – 50 (на кит. яз.).
- Найден золотой головной убор на Великом Шелковом пути // Newton.** – 1997. – № 3. – С. 74 – 81 (на кор. яз.).
- Обзор раскопок могильников в окрестностях древнего городища Лоулань // Вэньу.** – 1988. – № 7. – С. 23 – 38 (на кит. яз.).

Отчет о раскопках некрополя Идин, г. Турфан // Каогу. – 1982. – № 4. – С. 365 – 372 (на кит. яз.).

Отчет о раскопках плиточных могил в Улабайшэгу, Урумчи // Каогу ю Вэньу. – 1989. – № 2. – С. 41 – 42 (на кит. яз.).

Погребения в каменных ящиках в Гуннайсы уезда Синьюан, Синьцзян // Каогу ю Вэньу. – 1985. – № 2. – С. 21 – 26 (на кит. яз.).

Предварительные раскопки древнего кургана в у. Чжаосу // Вэньу. – 1962. – № 7/8. – С. 98 – 102.

Тян Гуан Цзинь. Сюннуский памятник Таохунбала // Каогусюэбао. – 1976. – № 1. – С. 131 – 144 (на кит. яз.).

Тян Гуан Цзинь, Гуо Шао Синь. Находки сюнну в Алучайдэне, Внутренняя Монголия // Каогу. – 1980. – № 4. – С. 333 – 338 (на кит. яз.).

У Энь. Некоторые вопросы для изучения сюннуской археологии // Каогусюэбао. – 1990. – № 4. – С. 409 – 437 (на кит. яз.).

У Энь, Чжун Кань, Ли Цзинь Цзэн. Могильник сюнну в деревне Даодуньцзы уезда Тунсинь в Нинся // Китай в

эпоху древности. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 88 – 101.

Хуан Вэнь Би. Доклады об археологических раскопках в Синьцзяне в 1957 – 1958 гг. (Синьцзян каогу фацзюэ баогао). – Пекин: Кэсюэ, 1983. – 122 с. (на кит. яз.).

Цынода Буней. Исследование Кенкольского могильника // Изучение древних северных культур (Годай хобано генку). – Токио: б.и., 1971. – С. 257 – 277 (на яп. яз.).

Bergman F. Archaeological researches in Sinkiang // Reports from the scientific expedition to the North-Western province of China. – 1939. – N 7.

Molodin V.I. The Hunnu period in Altai // The exhibition of the Altai Culture. – Сеул: Госон, 1994. – С. 117 – 125 (на кор. яз.).

Molodin V.I. The second mummy from the Ukok plateau // The journal of the Korean Ancient historical society. – 1995. – N 21. – С. 391 – 403 (на кор. яз.).

Stein. Innermost Asia. – L.: Oxford, 1928. – Vol. 1/3.

Материал поступил в редколлегию 13.10.1999 г.

УДК 903.2

И.В. Филиппова

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: bronz@us.nsc.ru*

КИТАЙСКИЕ ЗЕРКАЛА ИЗ ПАМЯТНИКОВ ХУННУ*

Введение

В последнее время интерес к кочевым обществам древности и средневековья возрастает в связи с попыткой рассмотреть протекавшие в них исторические процессы с точки зрения цивилизационного подхода. Особый интерес у исследователей вызывают хунну (сюнну), центральноазиатские кочевые племена, история которых нашла широкое отражение в письменных, в основном ханьских, источниках. Достаточно многочисленны и археологические памятники хунну, хотя степень их изученности по многим параметрам оставляет желать лучшего.

Несмотря на то, что в настоящее время количество исследованных памятников хунну в целом еще недостаточно для детальной классификации всех элементов материальной культуры и выделения ее хронологических этапов, тем не менее существуют отдельные категории предметов, которые могут служить индикаторами хронологических отличий отдельных комплексов, а их анализ может способствовать определению относительного времени появления памятников. К таким вещевым комплексам относятся хорошо изученные и надежно датированные привозные китайские предметы, которые с поправкой на время доставки являются своего рода хронологическими ориентирами.

В числе остатков самобытной материальной культуры древних кочевников привозные, в основном китайские, предметы не редкость. Среди обнаруженных в памятниках хунну предметов китайского происхождения, таких как монеты, шелковые ткани, лаковые изделия и пр., бронзовые зеркала занимают одно из

наиболее значимых мест. Хотя зеркала находят не так уж часто, тем не менее они представляют собой важный источник информации при воссоздании облика культуры хунну.

С одной стороны, анализ бронзовых китайских зеркал, как уже было сказано выше, дает возможность определить нижнюю хронологическую границу существования археологического комплекса, тем самым способствуя решению проблемы периодизации памятников хунну; с другой стороны, при рассмотрении значения бронзовых зеркал в духовной жизни древних кочевников, как части погребального обряда, с заключенной в ней определенной смысловой нагрузкой, мы имеем дело с полноценным археологическим источником, представляющим интерес не только в качестве доказательства хунно-китайских отношений, но и как материал, необходимый для исчерпывающей характеристики материальной и духовной культуры хунну.

Данная работа представляет собой попытку анализа бронзовых китайских зеркал, происходящих с территории Южной Бурятии и Монголии. Нам бы также хотелось обратить внимание на некоторые вопросы, связанные с ролью зеркал в духовной жизни, отражающей верования и представления различных народов Евразии, в частности хунну.

Несмотря на длительную историю изучения памятников хунну, как уже было сказано выше, проблема выделения хронологических этапов культуры хунну по археологическим материалам до сих пор не решена окончательно.

Первая попытка выделить этапы в развитии общества хунну по остаткам материальной культуры была предпринята Г.П. Сосновским. В своей работе “Дэрестуйский могильник” [Сосновский, 1935, с. 172 – 173] он выделяет более ранний “дэрестуйский” и следующий за ним “суджинский” этапы. Основанием для

* Работа выполнена при поддержке программы “Интеграция СО РАН” на 2000 г., проект № 39.

такого разделения послужило наличие большого количества бронзовых предметов при раскопках погребений Дэреустуйского Култука. Названия данных этапов вошли в научную литературу, хотя лежащие в основе такого деления представления о более раннем возрасте дэреустуйских погребений не были впоследствии достаточно подкреплены археологическими материалами. В последующем схема, предложенная Г.П. Сосновским, была доработана и детализирована Л.Р. Кызласовым [1979, с. 83].

П.Б. Коновалов также отнес к более раннему, дэреустуйскому этапу Иволгинский комплекс хунну и Дэреустуйский могильник, а к более позднему, суджинскому этапу – могильники в Ильмовой и Черемуховой падах [1976, с. 170 – 171].

Впоследствии данному вопросу пристальное внимание уделил С.С. Миняев, сделавший вывод о невозможности разделения хуннских памятников на этапы по хронологическому признаку [1988, с. 43 – 45; 1998, с. 71 – 75].

Таким образом, нам предстоит решить, насколько ханьские зеркала могут привлекаться в качестве датирующего материала и в какой степени их собственная периодизация отражает хронологические различия хуннских памятников.

Китайские зеркала, происходящие из хуннских памятников, исследуются в трудах Ю.Д. Талько-Грынцевича [1899], Ц. Доржсурэна [1962], С.И. Руденко [1962], А.В. Давыдовой [1995], П.Б. Коновалова [1976] и др., рассматривавших их именно как одну из категорий материальной культуры хунну.

Всего на территории Южной Бурятии и Северной Монголии найдено 24 зеркала, из них 16 экз. – в погребениях и 8 экз. – на поселениях (из которых 7 экз. – на Иволгинском городище). Зеркало, найденное С.В. Даниловым на городище Баян-Ундэр, было почти целым, за исключением двух утерянных фрагментов. Все остальные зеркала – в обломках и единичны, только однажды Ю.Д. Талько-Грынцевичем в погребении № 3 могильника Ильмовая Падь было найдено два обломка двух разных зеркал одновременно.

В данной статье анализу подвергнутся 12 экз. зеркал из могильников Ильмовая Падь (4 экз.), Черемуховая Падь (3 экз.), Енхор (3 экз.), Ноин-Ула (1 экз.), Хуни-Гол (1 экз.), а также 1 экз. с городища Баян-Ундэр. Зеркала с Иволгинского городища были подробно рассмотрены А.В. Давыдовой [1995, с. 36], поэтому данные по ним будут привлечены лишь для сравнительного анализа. В могильнике Тэбш-уул в Увэрхангайском аймаке в Монголии в погребениях № 7 и 8 было найдено два обломка зеркала, но качество их изображения в публикации [Цэвэндорж, 1985, с. 56, рис. 3, 17, 18] не позволяет точно определить их типовую принадлежность, можно только констатировать, что это зеркала ханьского времени. Ю.Д. Таль-

ко-Грынцевичем было найдено два фрагмента зеркал, первое – в местности Эдуй (хранится в Кяхтинском музее, инв. № 3216/1-7), относится к концу I в. до н.э. (по определению Е.И. Лубо-Лесниченко), второе – в могиле № 2 могильника хунну Бурдун, датируется I в. н.э. [Миняев, 1998, с. 74].

При характеристике зеркал мы опирались на типологию, разработанную китайскими археологами, а также нами были использованы работы Б. Карлгрена [Karlgrén, 1934, 1941], М. Рупперта и О. Тодда [Ruppert, Todd, 1966]. Названия типов зеркал даны по китайской литературе.

Описание зеркал

I. Тип *жи гуан*

I.1. Фрагмент круглого зеркала с гладким нешироким бортиком, между лентами из параллельных полос орнаментальное поле с шестью сохранившимися знаками, из которых три являются иероглифами и три выполняют разделительную функцию, иероглифы: *цзянь* (значение “видеть”) *жи* (“солнце”) *чжи* (служебное слово). В центре видны остатки арочного узора. Диаметр зеркала около 8 см (рис. 1, 1). Найден Ю.Д. Талько-Грынцевичем в погребении № 3 могильника Ильмовая Падь Кяхтинского района Республики Бурятии одновременно с зеркалом IV.2. Хранится в Кяхтинском музее им. академика В.А. Обручева. Публикации: [Талько-Грынцевич, 1899, табл. XII, рис. 36; Руденко, 1962, с. 92, рис. 65, в].

I.2. Почти целое зеркало, с шишкой-петлей в центре (немного сточенной, поэтому плоской сверху). Шишка окружена ободком, кольцом, внутренняя сторона которого образует 12 арок. На орнаментальном поле между двумя лентами из параллельных полосок расположена иероглифическая надпись. Бортик зеркала шириной 0,8 см, со значительным скосом внутрь (рис. 1, 3). Найдено С.В. Даниловым в северо-восточном углу наземного жилища на городище Баян-Ундэр. Зеркало, по-видимому, было пробито железным ножом, лежавшим в обломках зеркала [Данилов, 1998, с. 114]. Хранится в музее БНЦ СО РАН, г. Улан-Удэ. Публикация: [Филиппова, Амоглонов, 1997, с. 90 – 91].

Сохранившийся орнамент состоит из 14 знаков, семь из которых иероглифы, а остальные семь – разделительные. Последние двух типов: 1) спиральные (три сохранившихся знака), 2) ромбовидные (четыре знака). Судя по композиции надписи, утеряно два знака: один спиральный, другой – иероглиф, несущий смысл. По результатам анализа мы предполагаем, что не сохранился иероглиф *жи* (“солнце”), так как фрагмент зеркала из Суджи содержит его в составе надписи, а также многие исследованные фразы с зеркал имеют стандартное начало: *цзянь жи чжи гуан...* Надпись с зеркала из Баян-Ундэр *цзянь жи чжи гуан тянь ся да*

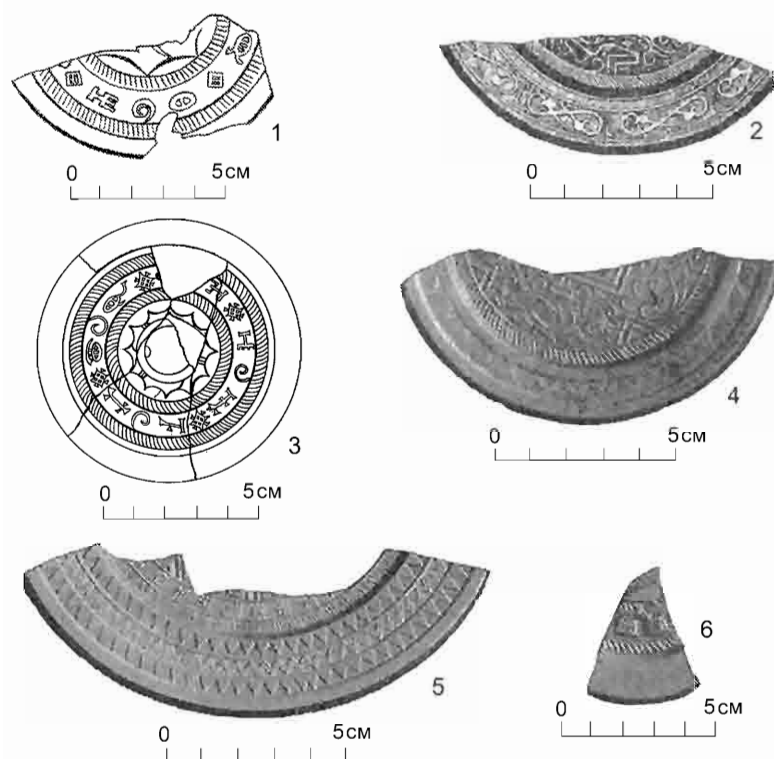

Рис. 1. Китайские зеркала типа жи гуан (1, 3), гуй цзю (2, 4, 5) и чжао мин (6).

мин означает: “[Когда] видишь солнечный свет, мир очень светел” [Karlgrén, 1934, № 59].

Вопрос о датировке этого зеркала довольно сложен для разрешения на данном этапе исследования. Ханьские зеркала нередко копировались в средневековом Китае, чаще всего в танское и сунское время. Существуют определенные признаки, по которым можно отличить более поздние копии от подлинно ханьских зеркал. На зеркалах ханьского времени центральная шишка-петля обычно большого размера и имеет округлую форму. На более поздних копиях, как правило, шишка-петля меньше и ее верхушка срезана. На ханьских зеркалах надписи сделаны очень тщательно, с четкими контурами, а на подделках – грубо, расплывчато и неясно. Из-за того что в танское и сунское время для отливки копий использовалась латунь с довольно большой долей цинка, зеркала покрыты слоем ржавчины, и металл, из которого они изготовлены, более низкого качества, по сравнению с металлом, использовавшимся для зеркал в ханьское время. Ханьские зеркала отливались из “белой бронзы”, поэтому они отличаются хрупкостью [Ма Цзиньхун, 1998, с. 26]. На данном зеркале шишка-петля среднего размера, но она плоская сверху. Этот признак говорит о том, что зеркало может быть и более поздней копией. Но с другой стороны, чистота исполнения надписей, качество металла и хрупкость данного

зеркала свидетельствуют о возможном изготовлении его в ханьское время. На зеркале совершенно нет следов ржавчины, оно лишь слегка покрыто патиной в некоторых местах, а это вполне допустимо для ханьских зеркал [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 11]. О хрупкости свидетельствует то, что в обломках зеркала лежал нож, которым, возможно, его пробили. Поэтому до получения данных спектрального анализа мы будем считать зеркало с городища Баян-Ундэр относящимся к эпохе Хань.

Соответственно классификации, предложенной М. Руппертом и О. Тоддом, данные зеркала относятся к центрально-арочному типу, который характеризуется следующими признаками: центральная петля окружена восемью или двенадцатью арками, бортик обычно возвышается над поверхностью зеркала; орнамент очень прост и зачастую ограничивается спиралями, лентами иероглифов и другими знаками. Подлинники зеркала этого типа обычно определяются по высоте бортика и высокому качеству металла. Распространение зеркал такого вида связывают с периодом Хань [Ruppert, Todd, 1966, с. 40].

По китайской классификации данные зеркала относятся к типу жи гуан. Критерием для его выделения являются надписи, начинающиеся с фразы цзянь жи чжи гуан... – “[Когда] видишь солнечный свет...”. Такие зеркала были встречены во многих местах и большей частью датируются серединой периода Западной Хань, вплоть до времени поздней Западной Хань и начала периода Синь (9 – 25 гг. н.э.). У ранних зеркал этой группы бортик более узкий, с довольно сильным скосом внутрь. У поздних бортик немного ниже и не так сильно скошен [Сунь Шудao, 1995, с. 84]. Судя по стилистике надписи, а также по ширине и скосу бортика, зеркало из Баян-Ундэр, по-видимому, относится к более ранним зеркалам жи гуан, т.е. к началу среднего этапа Западной Хань. Е.И. Лубо-Лесниченко датирует подобные зеркала I в. до н.э. [1975, с. 121]. Спиральный разделительный знак, представленный на данном зеркале, – это упрощенное изображение облачного узора [Лаврова, 1927, с. 9; Сунь Шудao, 1995, с. 83].

Аналоги: в коллекции ханьских зеркал Русского музея [Лаврова, 1927, с. 9, рис. 7], из могилы поздней Западной Хань в Синтонцяо, Чжэнчжоу (КНР) [Тан Синхуан, 1972, рис. 4, 1], два зеркала из могильника Сичагоу, отнесенные к периоду от конца правления императора У-ди до начала правления Сюань-ди [Сунь Шудao, 1995, с. 84; Ма Цзиньхун, 1998, с. 21].

II. Тип *гуй цзю* (TLV)

II.1. Фрагмент зеркала, на бортике которого узор в виде S-образных фигур. Лента из параллельных полосок отделяет орнаментальное поле, на котором сохранились L-образная фигура и узор, аналогичный узору на зеркале II.3 (рис. 1, 2). Найден Р.Ф. Тугутовым в могиле № 2 могильника Черемуховая Падь. Хранится в Кяхтинском музее им. академика В.А. Обручева. Публикация: [Коновалов, 1976, с. 204, табл. XXII, рис. 3].

II.2. Половина зеркала, на бортике которого четыре ленты: узкая гладкая, с зигзагообразной полосой, из треугольников и из параллельных полосок. На разделенном на секторы V- и L-образными фигурами поле по кругу располагаются пять сохранившихся выпуклых шишечек. В центре – круглая шишка-петля, заключенная в квадрат, от которого отходят T-образные фигуры. Обнаружена Ц. Доржсурэном в могиле № 25 в местности Гол-мод в бассейне р. Хуни-Гол. Публикация: [Доржсурэн, 1962, с. 37, рис. 7, 7]. Аналог: зеркало № 8 из Минусинской котловины, I в. н.э. [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 39, рис. 6].

II.3. Большой фрагмент зеркала. По китайской типологии это *сы шэнь гуй цзю* (“зеркало *гуй цзю* с четырьмя духами-божествами”). Бортик декорирован лентой из треугольников. На орнаментальном поле, отделенном от бортика лентой из параллельных полосок, V-образные знаки, фигура тигра и неполное изображение феникса. Также сохранился угол квадрата, от которого отходит T-образный знак (рис. 1, 4). Обнаружен П.Б. Коноваловым в могиле № 15 могильника Черемуховая Падь. Хранится в музее БНЦ СО РАН (г. Улан-Удэ), инв. № 392. Публикация: [Коновалов, 1976, с. 204, табл. XXII, рис. 4]. Аналог: зеркало *сы шэнь гуй цзю*, найденное в восточноханьской могиле в местности Гуйцзясы, г. Тяньшуй, пров. Ганьсу. Датируется в интервале от времени правления Ван Ман до середины периода Восточной Хань [Чжан Хуйин, 1991, с. 86, рис. 2, 2].

II.4. Большой фрагмент зеркала с бортиком, декорированным тремя лентами: две из треугольников и одна с зигзагообразной полосой. На орнаментальном поле, отделенном лентой из параллельных полосок, сохранилась часть надписи из семи иероглифов, а также знак V (рис. 1, 5). Найден П.Б. Коноваловым и Н.В. Именохоевым в могиле № 1 могильника Енхор в Джидинском районе Республики Бурятии. Хранится в музее БНЦ СО РАН (г. Улан-Удэ), инв. № 395.

Наличие знака в виде буквы V позволило отнести данное зеркало к типу TLV. Чтение иероглифов: *бу* (“не”) *чжи* (“знать, знание”) *лао* (“старый, старость”) *кэ* (“испытывать жажду, страстно желать”) *инь* (“пить, напиток; поить”) *ю* (“яшма, нефрит”) *цюань* (“источник, родник”) – “...не знает старости, испытывая жажду, напьется из яшмового источника (= источника бессмертия)”. Аналог: зеркало из могилы в д. Шицзя, уезд

Гун, пров. Хэнань, могила относится к середине периода Восточной Хань [Чжао Гоби, 1963, с. 76, рис. 11, 1].

Подобные зеркала выделены Б. Карлгреном в категорию L, куда он включает различные по своему орнаменту зеркала типа TLV, которые также характеризуются большой насыщенностью рисунка и массивной круглой шишкой. Зеркала данной группы датируются им в интервале 100 г. до н.э. – 100 г. н.э. [Karlgrén, 1941, с. 113].

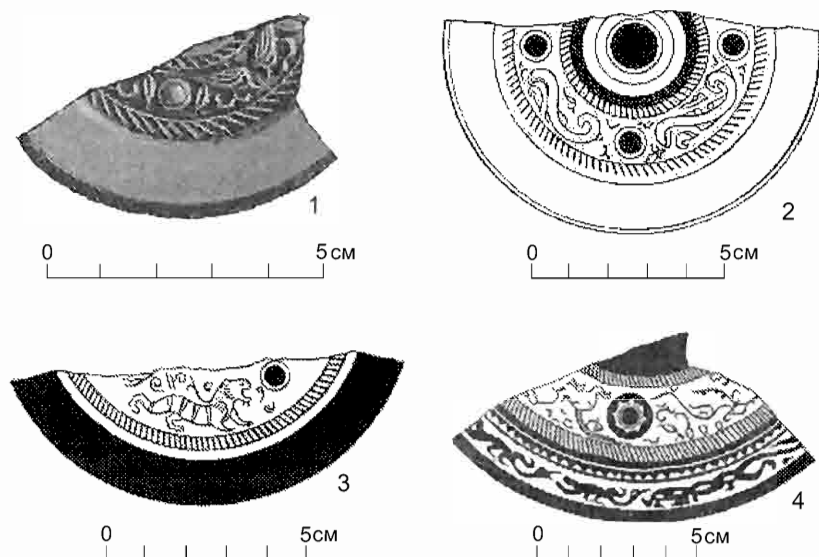
Судя по китайской классификации, зеркала, выделенные Карлгреном в категорию L, принадлежат типу *гуй цзю* (“упорядоченный”), который был распространен в ханьское время. О времени появления зеркал данного типа у исследователей нет единого мнения. В основном существует две точки зрения. Первая – орнамент, помещенный на зеркалах, отражает космогонические представления древних китайцев о разделении Вселенной [Лаврова, 1927, с. 5; Karlgrén, 1941, с. 15; Лубо-Лесниченко, 1975, с. 12; Ли Цайпин, 1995, с. 36; Ма Цзиньхун, 1998, с. 9 и др.]; считается, что первые зеркала со знаками TLV на орнаментальном поле появились в середине периода Западной Хань [Ма Цзиньхун, 1998, с. 9]. Вторая – орнамент зеркал типа TLV является отображением доски для игры в Лубо, появившейся в конце периода Чунь Цю и очень популярной в ханьское время. Такая доска была найдена дважды, один раз в западноханьской могиле в Мавандуй [Сюнь Чуаньсинь, 1979, с. 37 – 39; Ма Цзиньхун, 1998, с. 9]. В основном распространение зеркал этого типа связывают с хронологическим интервалом от времени правления Ван Мана до середины периода Восточной Хань [Цю Шицзин, 1997, с. 69].

III. Тип *чжао мин*

III.1. Фрагмент зеркала с широким гладким бортиком. Между лентами из параллельных полосок на орнаментальном поле сохранилось два иероглифа, один из которых *мин*, что означает “свет, блеск”, а второй *эр* (в данном случае без значения) (рис. 1, 6). Найден П.Б. Коноваловым в могиле № 51 могильника Ильмовая Падь. Хранится в музее БНЦ СО РАН (г. Улан-Удэ), инв. № 396. Публикация: [Коновалов, 1976, с. 203, табл. XXII, рис. 1].

III.2. Краевой обломок зеркала из двух половинок. Гладкий бортик, лента из параллельных полосок, далее четыре не полностью сохранившихся иероглифа. Найден Н.В. Именохоевым в могиле № 19 могильника Енхор в Джидинском районе Республики Бурятии. Хранится в музее БНЦ СО РАН (г. Улан-Удэ), инв. № 393.

По стилистике надписей данный тип зеркала выделяется как *чжао мин* (“ясный, светлый”). Согласно принятой в Китае классификации, подобные зеркала появляются в период поздней Западной Хань. Е.И. Лубо-Лесниченко также относит подобные

Рис. 2. Китайские зеркала типа *сы жу*.

зеркала к концу периода Западной Хань (I в. до н.э.), а надписи такого типа – к стилю *сяо чжуань* [1975, с. 111, № 315]. Отмечено, что зеркала типа *чжао мин* часто встречаются в могилах поздней Западной Хань [Ли Цзинхуа, 1973, с. 50]. Аналогов “хуннского” зеркала очень много, так как этот тип отличается стабильностью орнамента. Сведения о них имеются во многих источниках: [Су Тяньцзюнь, 1963, с. 133, рис. 5; Чэн Хуй, 1965, с. 557, рис. 12; Ли Цзинхуа, 1973, с. 49, рис. 3; Лоян..., 1977, рис. 27, 1; Чжао Гоби, 1963, с. 76, рис. 11, 6]. В собрании Русского музея есть аналогичное зеркало [Лаврова, 1927, с. 9, рис. 8].

IV. Тип *сы жу*

IV.1. Краевой обломок с гладким бортиком. Между двумя лентами из параллельных полосок – орнаментальное поле, на котором находятся шишечка и орнамент в виде стилизованных птиц (рис. 2, 1). Найден Н.В. Именохоевым в погребении № 51 могильника Енхор в Джидинском районе Республики Бурятия. Хранится в музее БНЦ СО РАН (г. Улан-Удэ), инв. № 397.

Данное зеркало относится к типу *сы жу* (“четыре основных соска”), включающему различные по орнаментации зеркала, классифицирующим признаком которых является наличие четырех сосков. Этот тип связан у китайцев с астрологическими представлениями [Ruppert, Todd, 1966, p. 37]. Зеркала с изображением птиц китайские исследователи относят к подтипу *сы жу ба няо цинь дай* (“лента из восьми пернатых птиц и четырех сосков”). Аналоги: [Пэй Минсян, Цао Гуйцзнь, У Чжиюнь, 1964, с. 398, рис. 8, 2; Чжоу Шижун, 1995, с. 67].

IV.2. Половина зеркала с выступающим гладким бортиком. Между лентами из параллельных полосок на орнаментальном поле сохранились три шишечки,

разделяющие зеркало на секторы, внутри которых узор из стилизованных драконов. В центре круглая шишка-петля, окаймленная по кругу валиком (рис. 2, 2). Найдена Ю.Д. Талько-Грынцевичем в погребении № 3 могильника Ильмовая Падь одновременно с зеркалом I.1. Хранится в Кяхтинском музее им. академика В.А. Обручева. Публикации: [Талько-Грынцевич, 1899, табл. XII, рис. 3, с; Руденко, 1962, с. 92, рис. 65, а].

Данное зеркало также относится к типу *сы жу*, но подтип различными исследователями называется по-разному: *сы жу сы пань чи* (“четыре основных соска – четыре свернувшихся безрогих дракона”) [Лоян..., 1977, рис. 27, 2; Цю Шицзин, 1997, с. 7, 8, 13], *сы цинь сы чи* (“четыре птицы – четыре дракона”) [Сунь Шудао, 1995, с. 84], *сы жу сы хуй* (“четыре соска – четыре змеи”) [Ли Цайпин, 1995, с. 32, рис. 1, 3] и др. Наиболее верным представляется определение данного сильно стилизованного мотива как свернувшегося дракона, так как в более раннее время (начало Западной Хань и до периода правления императора У-ди) существовали зеркала с этим мотивом в орнаменте. Зеркала *сы жу* считаются одновременными с зеркалами *жи гуан* и *чжао мин*. Их появление датируется серединой периода Западной Хань [Сунь Шудао, 1995, с. 84 – 85].

IV.3. Фрагмент зеркала с выступающим гладким бортиком. Орнаментальное поле обрамляет лента из параллельных полосок. Сохранились фигура тигра и шишечка (рис. 2, 3). Найден Г.П. Сосновским в могиле № 123 могильника Ильмовая Падь. Публикации: [Сосновский, 1946, с. 62, рис. 12; Руденко, 1962, с. 92, рис. 65, б].

Данное зеркало принадлежит к подтипу *сы жу цинь шоу* (“четыре соска с животным узором”). В орнаменте этого подтипа между четырьмя сосками встречаются различные животные: драконы, птицы,

звери, а также духи-небожители (*сы шэнь*) и др. Данные зеркала были распространены с середины периода Западной Хань вплоть до начала периода Восточной Хань [Цю Шицзин, 1997, с. 68].

V. Фрагмент зеркала, на бортике которого узкая гладкая лента, лента с орнаментом зооморфного вида и лента из треугольников. Между лентами из параллельных полосок орнаментальное поле с растительным орнаментом и маленькой шишечкой, окруженной арочным узором (рис. 2, 4). Найден П.К. Кондратьевым в кургане № 25 в Ноин-Уле. Хранится в Государственном Эрмитаже. Публикация: [Руденко, 1962, с. 92, рис. 65, з].

Орнаментация бортика данного зеркала является характерной для времени Восточной Хань [Чжоу Шижун, 1995, с. 165, 169].

VI. Краевой обломок бортика, на котором пять лент: узкая гладкая, с зигзагообразной полосой, из треугольников, еще одна гладкая и из параллельных полосок. Найден П.Б. Коноваловым в погребении № 2 могильника Черемуховая Падь. Хранится в музее БНЦ СО РАН (г. Улан-Удэ), инв. № 394. Публикация: [Коновалов, 1976, с. 204, табл. XXII, рис. 2].

Ввиду незначительности сохранившегося фрагмента его трудно отнести к какому-либо типу, но характер орнаментации бортика приближается к зеркалам типа TLV.

Таким образом, зеркала из погребений хунну в Ильмовой и Черемуховой падах, из Ноин-Улы и экземпляр из городища Баян-Ундэр могут быть разделены на четыре основных типа. Наиболее ранней датой для них является середина периода Западной Хань, т.е. I в. до н.э. (исключая зеркала V, VI, аналогов которых пока найти не удалось).

Зеркала с Иволгинского городища

Типологические отличия зеркал с Иволгинского городища позволяют рассматривать их отдельно от зеркал, описанных выше. Всего на Иволгинском городище было найдено семь фрагментов зеркал, которые описаны А.В. Давыдовой [1995, с. 35 – 36]. Из них, из-за незначительности сохранившихся частей, можно уверенно отнести к какому-либо типу только три фрагмента: с изображением птицы [Там же, табл. 130, 2], с оформлением в виде звезды [Там же, табл. 103, 7] и с мотивом “лепестка-щетки” [Там же, табл. 81, 10]. Что касается остальных, то по сохранившимся фрагментам довольно трудно четко определить их принадлежность к какому-то типу. Остаток бортика зеркала с рельефными арочками [Там же, табл. 123, 1], по нашему мнению, нельзя уверенно относить к периоду Западной Хань, опираясь только на этот признак. Дело в том, что подобное оформление бортика встречается и у зеркал более ранних типов, к примеру, вклю-

ченных Б. Карлгреном в категории D и E (доханьское время) [Karlgrén, 1941, p. 62 – 80, 96], и без каких-либо других данных сложно говорить о точном отношении этого зеркала ко времени Западной Хань.

В связи с этим можно отметить, что зеркала из Иволгинского городища, тип которых определен, относятся к доханьскому времени (III в. до н.э.) или к периоду ранней Западной Хань (II в. до н.э.), тогда как зеркала из погребений и из городища Баян-Ундэр датируются временем существования поздней Западной Хань (I в. до н.э.) или Восточной Хань (наиболее поздняя дата – конец I – начало II в. н.э.). В будущем, возможно, появятся новые данные, которые помогут уточнить или опровергнуть данное распределение.

Таким образом, проведенное исследование китайских зеркал показало, что такого рода материалы могут быть дополнительным элементом при выделении хронологических этапов материальной культуры хунну. Однако необходимо отметить, что использовать предметы китайского производства в качестве датирующих следует с большой долей осторожности, лишь в сочетании с анализом всего вещевого комплекса хунну.

Роль зеркал в духовной культуре древних народов

Исследуя вопрос о роли зеркал в жизни хуннского общества, необходимо обратить внимание на тот факт, что у разных народов Евразии, как у кочевников, так и у земледельцев, бронзовые зеркала были одними из наиболее сакрально значимых предметов, в которых нашли отражение существовавшие в древности верования и представления.

Типологии, семантике и производству зеркал посвящено большое число работ как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Из публикаций последних лет отметим исследования календарно-астрономического содержания орнамента бронзовых зеркал [Ларичев, 1998а,б; Алкин, 1999; и др.].

Не вдаваясь подробно в обсуждение сложной проблемы места зарождения традиции изготовления бронзовых зеркал, отметим лишь, что как в Сибири, так и на территории Китая зеркала появились сравнительно давно. В Китае появление первых зеркал относится к культуре Цицзя, некоторое количество шаньинских зеркал было найдено в основном в погребальных памятниках [Чжоу Шижун, 1995, с. 1; Цю Шицзин, 1997, с. 7 – 8]. В Сибири местное производство зеркал появилось в середине II тыс. до н.э., а затем активно продолжалось в течение карасукского и тагарского периодов [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 8]. На протяжении всей древней и средневековой истории народов Сибири зеркала играли важную роль в погребальном

обряде, что свидетельствует об определенной смысловой нагрузке, возлагавшейся на эти предметы. Бронзовые зеркала часто встречаются в погребальных памятниках кочевников на обширной территории Центральной и Средней Азии [Цзэвдорж, 1978, с. 112, рис. 3, 32 – 37, с. 113, рис. 4, 2; Грач, 1980, с. 191, рис. 53; Оэрдосы..., 1986, с. 143; Новгородова, 1989, с. 242, рис. 23, 24, с. 266, рис. 1 – 17; Неверов, Степанова, 1990, с. 264, рис. 16, 1, с. 265, рис. 17, 1; Кубарев, 1991, с. 99, рис. 25; Цыбиктаров, 1998, с. 237, рис. 50; и др.].

В культурах древних народов как Евразии, так и Великой Китайской равнины зеркала зачастую наделялись различными магическими свойствами, что обуславливало их использование в ритуальных и обрядовых действиях. Их круглая форма отождествлялась с солнцем, а способность отражать свет придавала этим предметам дополнительную силу.

Орнамент и надписи на зеркалах также были наполнены глубоким смыслом. На сибирских зеркалах часто изображались сцены терзания, в которых участвуют различные животные: копытные, хищники, фантастические существа, мифические птицы и др. Считается, что в данных мотивах отображены фрагменты общеазиатского мифа о космической погоне [Кубарев, 1991, с. 162 – 163].

На китайских зеркалах, начиная с времени Западной Хань, часто можно наблюдать различного рода надписи, в том числе и указывающие на свойства зеркал отражать злых духов: "...пусть [зеркало] отгоняет злые влияния, пусть [Вы] будете таким же безграничным, как небо..." – надпись на зеркале конца периода Западной Хань (I в. н.э.) [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 38 – 39, № 7].

Древние китайцы считали, что злые духи, населяющие землю, могут отразиться в зеркале и стать видимыми, поэтому защита людей от них и стала одной из главных функций зеркала в мире живых. (До сих пор можно видеть небольшие стеклянные зеркальца, висающие перед входом в дома.) Эти представления, по-видимому, были экстраполированы и на потусторонний мир. Есть сведения, что в некоторых случаях зеркала помещались отражающей стороной вверх в области грудной клетки покойного. В этом положении оно должно было защитить умершего от злых духов и привнести свет в темноту могилы [Ruppert, Todd, 1966, p. 13].

На зеркалах типа *гуй цзю* (или TLV), распространенных со времени правления Ван Мана до середины периода Восточной Хань, были отражены представления древних китайцев о разделении Вселенной. Все композиционные элементы: знаки T, L, V, орнамент, помещавшийся между ними, а также надписи – составляют одно целое и символизируют карту неба. Круглая петелька на зеркале представляет собой Сре-

динное государство, квадратная рамка вокруг нее обозначает землю (*инь*), а сама круглая форма зеркала – небо (*ян*). Вокруг квадратной рамки находятся восемь шишечек, которые символизируют поддерживающие небесную крышу столбы. Знаки T, отходящие от квадратной рамки, означают четыре стороны света, знаки V – четыре моря, а знаки L представляют собой большие земные ворота, предотвращающие вхождение злых сил [Ли Цайпин, 1995, с. 36]. Изображаемые между этими знаками узоры также имеют глубокий смысл. Например, на зеркалах *сы шэнь гуй цзю* выгравированы четыре духа-божества: *бай ху* – Белый Тигр – дух-покровитель запада, *сюань у* – Черное Воинство, изображавшееся в виде змеи с черепахой, – символ севера, *цан лун* – Синий Дракон – восток, *чжун цюэ* – Красный Воробей – юг. Таким образом, в древнем Китае зеркала служили своего рода материальным отображением идей об устройстве мира, а рисунки на них – иллюстрациями к бытовавшим в то время мифам и легендам.

Вера в сверхъестественную силу зеркал сохранялась у народов долгое время. В Китае зеркала использовались в различных функциях: для предсказания будущего, в даосских ритуалах получения "священного огня" и "чистой воды", а также в медицинских целях. Вера в излечение от болезней с помощью древних зеркал была основана на представлениях об их защитных свойствах. Осколки древних зеркал растерли и принимали внутрь как лекарство [Ruppert, Todd, 1966, p. 15 – 16]. В обрядовой практике тувинского шаманства зеркала не только излечивали и ограждали шамана от злых сил, но и осуществляли его связь с небом [Кубарев, 1991, с. 161]. В XVIII в., по свидетельству путешественника И.Г. Гмелина, китайские зеркала были одним из элементов бурятского шаманского костюма: «оно <одеяние> было увешано многочисленными медными пластинками, похожими на т.н. "зеркала", которые находят при раскопках старинных могил. Одна сторона этих пластинок была гладкая, а на другой было по несколько накладных китайских знаков» (из книги Гмелина "Путешествие по Сибири", цит. по: [Гирченко, 1939, с. 87, прил. 2]).

Бронзовые китайские зеркала очень высоко ценились как в самом Китае, так и среди кочевников во все эпохи. В могиле чиновника Бу Цюаньцю и его жены в г. Лоян, относящейся к 86 – 49 гг. до н.э., возле каждого погребенного в области левого плеча было найдено по одному целому зеркалу разного типа (*чжао мин* и *сы жу сы пань чи*), которые лежали в лаковых шкатулках. В шкатулке возле Бу Цюаньцю кроме зеркала также находилась его личная печать [Лоян..., 1977, с. 4]. Видимо, зеркало и печать были наиболее ценными личными вещами. По материалам могильника Кокэль (II в. до н.э. – V в. н.э.) в Туве известны фрагменты зеркал, использовавшихся, возможно,

в качестве амулетов, так как на некоторых из них имеются отверстия, через которые продеты ремешки, кроме того, обломки сильно заношены. Зеркала помещались возле головы погребенного, иногда в деревянном пенале [Дьяконова, 1970, с. 107, 111, 122, 143, 195]. Зеркала со следами длительного использования и ремонта встречаются и в курганах Юстыда [Кубарев, 1991, с. 105]. Это свидетельствует о высокой ценности зеркал и о длительном и бережном их хранении.

К сожалению, из-за того что большинство хуннских могил были разграблены, мы не можем точно сказать о расположении зеркал в погребениях. Ни один экземпляр из нашей коллекции не был найден в первоначальном состоянии. Обращает на себя внимание тот факт, что все они во фрагментах. Наличие железного ножа в обломках зеркала на городище Баян-Ундэр наводит нас на мысль о намеренной поломке зеркал в ритуальных целях. Среди фрагментов данного зеркала не оказалось обломка с иероглифом *жи* – “солнце”. Мы не можем с уверенностью сказать, случайность это или нет.

Преднамеренно разбитые зеркала были встречены в курганах Юстыда и Уландрыка [Кубарев, 1991, с. 160], в сарматских погребениях [Хазанов, 1964] и в Средней Азии [Литвинский, 1964]. Существует мнение, что в Китае разбитое зеркало символизирует расставание родственников или супругов [Руденко, 1962, с. 91]. В китайском языке есть специальный термин *хэцзин* (*хэ* – “соединяться, встречаться”, *цзин* – “зеркало”), который переводится как “встреча супругов после разлуки” (по преданию о потерявших друг друга супругах, которые перед разлукой разломали зеркало и каждый взял обломок, по этим обломкам они впоследствии отыскиали друг друга) [Большой китайско-русский словарь, 1983, с. 452, ст. 1925]. С другой стороны, намеренная поломка инвентаря в процессе погребального ритуала широко известна у многих народов и связана с представлением о том, что перед переходом в загробный мир вещи тоже должны “умереть” вместе с хозяином. Зеркало, считавшееся вместилищем души, также обязательно должно было быть разбито, так как это предохраняло от появления души мертвого среди живых [Хазанов, 1964, с. 94; Литвинский, 1964, с. 100 – 101].

Среди остатков погребального инвентаря хунну также известны случаи специальной порчи, в могильнике Дэрестуйский Култук в погребении № 120 концевые накладки лука были разломаны на несколько частей и лежали на черепе погребенного: одна из них закрывала глазницы, две части другой лежали параллельно друг другу. По мнению С.С. Миняева, такие действия могут быть объяснены “обычным для древних обществ представлением о мире мертвых и страхом перед возможным возвращением и местью убитых” [Миняев, 1998,

с. 70]. На существование определенного страха перед мертвыми указывает состояние скелетов: у некоторых отсутствуют кости стопы и часть берцовой кости, у других кости стоп лежат отдельно либо в керамических сосудах, иногда пяточные кости разрублены вдоль, также встречаются и другие повреждения, скорее всего, связанные с ритуальными действиями.

Опираясь на данные, полученные при раскопках Дэрестуйского могильника, можно с уверенностью сказать, что среди хунну практиковалась порча инвентаря и повреждение тел умерших, как подтверждение их перехода в иной мир.

Выводы

Таким образом, принимая во внимание изложенные выше данные о магической роли зеркал у различных народов, мы считаем, что и хунну имели подобные представления и зеркала занимали важное место в их ритуальной практике. Несомненно, что тщательный анализ привозных китайских предметов, в частности бронзовых зеркал, не только способствует более глубокой разработке проблем, связанных с характеристикой отношений между хунну и Китаем в данном случае, но и раскрывает новые особенности духовной культуры кочевников.

Список литературы

- Алкин С.В. Небесные змеи на зеркале из Ганьсу // Гуманитарные науки в Сибири. – 1999. – № 3. – С. 79 – 83.
- Большой китайско-русский словарь / Под ред. проф. И.М. Ошанина. – М.: Наука, 1983. – Т. 2. – 1100 с.
- Гирченко В.П. Русские и иностранные путешественники XVII – XVIII и первой половины XIX в. о бурят-монголах. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1939. – 92 с.
- Давыдова А.В. Иволгинское городище. – СПб.: Фонд АзиатИКА, 1995. – 180 с.
- Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 255 с.
- Данилов С.В. Раскопки здания на хуннском городище Баян-Ундэр в Джидинском районе Республики Бурятия // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток: Наука, 1998. – С. 111 – 114.
- Доржсүрэн Ц. Раскопки могил хунну в горах Ноин-Ула на реке Хуни-Гол (1954 – 1957 гг.) // Монгольский археологический сборник. – М.: Наука, 1962. – С. 36 – 44.
- Дьяконова В.П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокзель (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Тр. Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. – Л., 1970. – Вып. 3. – С. 80 – 209.
- Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 221 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 187 с.
- Кызласов Л.Р. Древняя Тува. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 206 с.

- Лаврова М.П.** Китайские зеркала Ханьского времени (из собрания Русского музея) // Материалы по этнографии. – Л., 1927. – Т. 4, вып. 1. – С. 1 – 14.
- Ларичев В.Е.** Календари “страны стерегущих золото скифов” // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998а. – Т. 1. – С. 319 – 330.
- Ларичев В.Е.** Великое зеркало // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VI годовой сессии ИАЭТ СО РАН, декабрь 1998 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998б. – Т. 4. – С. 270 – 275.
- Литвинский Б.А.** Зеркало в верованиях древних ферганцев // Сов. этнография. – 1964. – № 3. – С. 97 – 104.
- Лубо-Лесниченко Е.И.** Привозные зеркала Минусинской котловины: К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. – М.: Наука, 1975. – 167 с.
- Миняев С.С.** К проблеме “ранних” и “поздних” памятников хунну // Древние памятники Северной Азии и их охраняемые раскопки. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1988. – С. 40 – 53.
- Миняев С.С.** Дэрестуйский могильник. – СПб.: Фонд АзиатИКА, 1998. – 233 с.
- Неверов С.В., Степанова Н.Ф.** Могильник скифского времени Кайнду в Горном Алтае // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 242 – 270.
- Новгородова Э.А.** Древняя Монголия. – М.: Наука, 1989. – 383 с.
- Руденко С.И.** Культура хуннов и ноинулинские курганы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 280 с.
- Сосновский Г.П.** Дэрестуйский могильник // Проблемы истории докапиталистических обществ. – 1935. – № 1/2. – С. 172 – 173.
- Сосновский Г.П.** Раскопки в Ильмовой пади // СА. – 1946. – № 8. – С. 51 – 61.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** Суджинское доисторическое кладбище // Тр. Троицкосавско-Кяхтинского отд-ния Приамурского отд. Русского Географического об-ва. – М., 1899. – Т. 1, вып. 2. – С. 1 – 77.
- Филиппова И.В., Амоголонов А.А.** Китайское зеркало из городища Баян-Ундэр // 250 лет сибирской археологии: Материалы XXXVII РАЭСК. – Красноярск: КГПУ, 1997. – С. 90 – 91.
- Хазанов А.М.** Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов // Сов. этнография. – 1964. – № 3. – С. 89 – 96.
- Цыбиктаров А.Д.** Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1998. – 192 с.
- Цэвэндорж Д.** Чандманьская культура // Археология и этнография Монголии. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 108 – 117.
- Цэвэндорж Д.** Новые данные по археологии хунну (по материалам раскопок 1971 – 1977 гг.) // Древние культуры Монголии. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 51 – 86.
- Ли Цайпин.** Хухэаотэ боугуань гуань цан тун цзин цян лунь (Немного о бронзовых зеркалах, хранящихся в музее г. Хух-хото) // Нэймэнгу вэньу каогу. – 1995. – № 1/2. – С. 32 – 36 (на кит. яз.).
- Ли Цзинхуа.** Цзюань сыцзяньгоу сань цзо хань мудэ фацзюэ (Раскопки трех ханьских могил в Сыцзяньгоу, Цзи-юань) // Вэньу. – 1973. – № 2. – С. 46 – 53 (на кит. яз.).
- Лоан си хань буцзоань му бихуа му фацзюэ цзяньбао** (Краткое сообщение о раскопках могилы Бу Цюаньцзю с росписью времени Западной Хань в Лоане) // Вэньу. – 1977. – № 6. – С. 1 – 11 (на кит. яз.).
- Ма Цзиньхун.** Хань цзин (Ханьские зеркала). – Шанхай: Шанхай кэсюэ, 1998. – 75 с. (на кит. яз.).
- Оэрдосы ши цинтунци** (Ордосские бронзы). – Бэйцзин: Вэньу, 1986. – 402 с. (на кит. яз.).
- Пэй Минсян, Цао Гуйцэнь, У Чжиюнь.** Хэнань тунбо ваньган хань му дэ фацзюэ (Раскопки ханьских могил в с. Ваньган в уезде Тунбо пров. Хэнань) // Каогу. – 1964. – № 8. – С. 385 – 392 (на кит. яз.).
- Сунь Шудао.** Сичаогу гу му цюнь си хань тун цзин дуаньдай яньцзю (Исследование по периодизации скопления западноханьских зеркал из могильника Сычаогу) // Ляохай вэньу сюэ кань. – 1995. – № 1. – С. 79 – 85 (на кит. яз.).
- Су Тяньцзюнь.** Бэйцзин чанпин байфу цунь хань, тан, юань муцзан фацзюэ (Раскопки ханьских, танских, юаньских могил в деревне Чанпин Байфу близ Пекина) // Каогу. – 1963. – № 3. – С. 130 – 135, 144 (на кит. яз.).
- Сюнь Чуаньсинь.** Тань Мавандуй сань хао си хань му чутудэ лубо (Дискуссия об игре Лубо, найденной в западноханьской могиле № 3 в Мавандуй) // Вэньу. – 1979. – № 4. – С. 35 – 39 (на кит. яз.).
- Тан Синхуан.** Чжэньчжоу, синьтунцяо хань дай хуасян кун синь чжуан му (Могила ханьского времени из пустотелого разрисованного кирпича в Синьтунцяо, Чжэньчжоу) // Вэньу. – 1972. – № 10. – С. 41 – 48 (на кит. яз.).
- Цю Шицзин.** Тун цзин (Бронзовые зеркала). – Хэфэй: Хуан шань, 1997. – 122 с. (на кит. яз.).
- Чжан Хуйин.** Ганьсеу тяньшуй ши гуцзясы фасянь дун хань муцзан (Исследования восточноханьских могил в Гуцзясы, г. Тяньшуй, пров. Ганьсеу) // Каогу. – 1991. – № 1. – С. 85 – 86, 42 (на кит. яз.).
- Чжао Гоби.** Хэнань гун сянь шицзя чжуан гу муцзан фацзюэ цзяньбао (Краткое сообщение о раскопках древних могил в деревне Шицзя в уезде Гун, пров. Хэнань) // Каогу. – 1963. – № 2. – С. 71 – 79 (на кит. яз.).
- Чжоу Шицзун.** Чжунго тунцзин туань цзи (Сборник орнаментов китайских бронзовых зеркал). – Шанхай: Шанхай шудянь чубань, 1995. – 302 с. (на кит. яз.).
- Чэн Хуй.** 1964 – 1965 нянь янь ся ду муцзан фацзюэ баогоа (Сообщение о раскопках могил Сяду (нижняя столица) княжества Янь в 1964 – 1965 гг.) // Каогу. – 1965. – № 11. – С. 548 – 561, 598 (на кит. яз.).
- Karlgren B.** Early Chinese Mirror Inscriptions // The Bulletin of the Far Eastern Museum Antiquities. – Stockholm, 1934. – N 6. – P. 4 – 60.
- Karlgren B.** Huai and Han // The Bulletin of the Far Eastern Museum Antiquities. – Stockholm, 1941. – N 13. – P. 3 – 130.
- Ruppert M., Todd O.** Chinese Bronze Mirrors (A Study based on the Todd collection of 1000 bronze mirrors found in the five northern provinces of China). – N.Y.: ACP Press, 1966. – 99 p.

УДК 903.5

Ю.С. Худяков¹, В.А. Кочеев²¹*Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: hol@archaeology.nsc.ru*²*Институт гуманитарных исследований Республики Алтай,
ул. Социалистическая, 6, Горно-Алтайск, 659700, Россия*

ЧАТЫРСКАЯ МУМИЯ*

Введение

Важное значение для изучения и реконструкции материальной и духовной культуры древних и средневековых кочевников на территории Горного Алтая имеют раскопки мумифицированных захоронений. В этих памятниках, благодаря особым условиям залегания, специфике конструкции сооружений могил и курганов или пещер, а также применению различных методов бальзамирования хорошо сохранились органические остатки, в том числе мумифицированные тела умерших, предметы из дерева, кожи, материи и других материалов, которые, как правило, в погребениях полностью истлевают.

В Горном Алтае захоронения с мумифицированными остатками исследованы в могильниках, относящихся к разным историческим эпохам и кочевым культурам. Подобные погребения, принадлежавшие носителям пазырыкской культуры скифского времени, раскапывались в нескольких районах Алтая. Еще в середине XIX в. большие курганы скифского времени с сопроводительным инвентарем из органических материалов изучались В.В. Радловым на памятниках Катанда и Берель [1989, с. 446 – 451]. В 1920-е гг. раскопки больших курганов пазырыкской культуры были проведены М.П. Грязновым на памятниках Пазырык и Шибэ [1950, с. 69 – 70]. В 1940 – 1950-х гг. С.И. Руденко исследовал подобные курганы на могильниках Пазырык, Башадар и Туэкта [1960, с. 324 – 334]. В результате этих раскопок в линзах подкурганной мерзлоты в больших курганах пазырыкской культуры

были обнаружены предметы сопроводительного инвентаря, мумифицированные тела людей и сопроводительные захоронения лошадей. В раскопанных могилах находились головные уборы, различные виды одежды, обувь, предметы вооружения и воинского снаряжения, украшения, предметы конской сбруи, ковры, транспортные средства, бытовая утварь, разнообразные предметы прикладного искусства, выполненные в скифском зверином стиле. В пазырыкских курганах были обнаружены мумифицированные тела людей со следами татуировки, бальзамирования и искусственной мумификации. Эти находки позволили реконструировать особенности погребальной обрядности, материальной и духовной культуры, социального и этнического развития населения Горного Алтая в скифское время. Благодаря им можно точно воссоздать пазырыкский костюм, этнографический облик носителей пазырыкской культуры, проследить их торговые, культурные и этнические связи с кочевыми и оседлыми народами Центральной и Восточной Азии, Переднего Востока, составить представление о мифологии и религии кочевников скифского времени в Горном Алтае. Предметы из органических материалов были найдены в процессе раскопок рядовых курганов кочевников Горного Алтая скифского времени, которые проводились в 1970 – 1980-х гг. Д.Г. Савиновым [1978, с. 48 – 55], В.Д. Кубаревым [1987, с. 23 – 30], А.С. Суразаковым [1989, с. 118 – 124], В.А. Кочеевым и другими исследователями. Они дали информацию об основных элементах культуры рядовых кочевников.

Новые возможности для изучения “замерзших” курганов знати и рядовых кочевников продемонстрировали проводившиеся на Укоке в 1990-х гг. раскопки

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 98-01-00338.

ки В.И. Молодина [Древние культуры..., 1994, с. 60 – 94] и Н.В. Полосьмак [1994а, с. 16 – 90]. Здесь в линзах подкурганной мерзлоты сохранились разные предметы сопроводительного инвентаря, внутримогильные конструкции и мумифицированные тела погребенных. В ходе раскопок удалось выявить головные уборы, одежду, обувь, украшения, предметы вооружения, воинского убранства, конской сбруи и бытовой утвари. Многие вещи были оформлены в скифском зверином стиле. На телах погребенных в курганах пазырыкской культуры на плато Укок имелись следы искусственной мумификации, бальзамирования, а также татуировка [Полосьмак, 1994б, с. 29 – 31]. Впервые в истории изучения алтайских мумий их ткани исследовались методами генетики [Воевода и др., 1998]. Это открыло качественно новые возможности для проведения сравнительно-исторического анализа и решения вопросов происхождения древних кочевых культур в Горном Алтае. Раскопки на Укоке продемонстрировали важность изучения мумифицированных захоронений для реконструкции этнокультурогенеза кочевого населения этого района в раннем железном веке.

В Горном Алтае известны мумифицированные погребения не только скифского времени. Несколько подобных захоронений, относящихся к булан-кобинской культуре хунно-сарматского времени, исследовано нами на могильнике Усть-Эдиган в среднем течении р. Катунь. В 1989 г. был раскопан курган, в каменном ящике которого оказалось женское захоронение с признаками естественной мумификации. Частично сохранились мягкие ткани тела умершей, остатки оригинального головного убора, одежды, бытовой утвари, изготовленной из органических материалов [Худяков, 1991а, с. 61 – 66; 1998, с. 34 – 38]. В 1990-х гг. остатки мумифицированных тел и предметы из органических материалов были найдены при раскопках еще четырех погребений на могильнике Усть-Эдиган. В этих могилах отсутствовала подкурганная мерзлота. Вещи из органических материалов хорошо сохранились в могилах с каменными ящиками благодаря конструкции перекрытия: под несколькими слоями плотно уложенных каменных плит внутри ящика были полые камеры, не заполненные землей. В этих камерах до наших дней дошли деревянные и кожаные сосуды, войлочные, деревянные и матерчатые детали головного убора, шелковая и шерстяная одежда. Не исключено, что в хунно-сарматское время кочевники Горного Алтая владели некоторыми приемами искусственного сохранения тел умерших. В пользу этого свидетельствуют следы трепанации черепов у отдельных погребенных в могильнике Усть-Эдиган.

Мумифицированные останки человека и разные предметы из органических материалов в скальном гроте на р. Кам-Тытугем нашли школьники из с. Кокоря (Гор-

ный Алтай). Местонахождение было осмотрено В.А. Кочеевым. Находки из погребения, хранящиеся сегодня в школьном музее в с. Кокоря, неоднократно исследовались А.И. Семеновым [Савин, Семенов, 1997, с. 34 – 40], Ю.С. Худяковым, А.В. Эбелем и другими специалистами [Худяков, Эбель, Кочеев, 1998, с. 279 – 284]. В музейной экспозиции представлены мумифицированная голова и рука умершего со следами искусственной мумификации и соединения швов красной шерстяной ниткой; детали деревянной кибиты лука с костяными и роговыми накладками; кожаные колчан и налuchье, сшитые из шкуры мехом наружу и отороченные красной выделанной замшей; деревянные древки стрел, выкрашенные красной краской и обклеенные поясами из цветной коры. По хорошо сохранившимся находкам захоронение на р. Кам-Тытугем датируется III – V вв. н.э. [Там же, с. 284]. Вероятно, в погребальной обрядности кочевников Горного Алтая традиция искусственного сохранения тел умерших существовала в течение всей первой половины I тыс. н.э.

Характеристика древнетюркского погребения в местности Чатыр

Для проведения сравнительного и историко-генетического анализа и сопоставления с результатами исследованных мумифицированных захоронений скифского и хунно-сарматского времени несомненный интерес представляет находка из аналогичного погребения, относящегося к древнетюркской эпохе. Это погребение было обнаружено после расчистки бульдозером площадки для гравийного карьера в местности Чатыр у с. Жана-Аул в Кош-Агачском р-не Республики Алтай в 1991 г. [Худяков, Кочеев, 1997, с. 10 – 18]. На месте работы бульдозера детьми из с. Жана-Аул были найдены череп коня и хорошо сохранившиеся фрагменты кожаных ремней от узды с бронзовыми бляшками. Череп лошади вывалился из поврежденного бульдозером погребения, которое находилось на глубине около 90 см от уровня современной поверхности. К сожалению, к моменту осмотра чатырского погребения сотрудником Института гуманитарных исследований Республики Алтай В.А. Кочеевым оно было основательно нарушено.

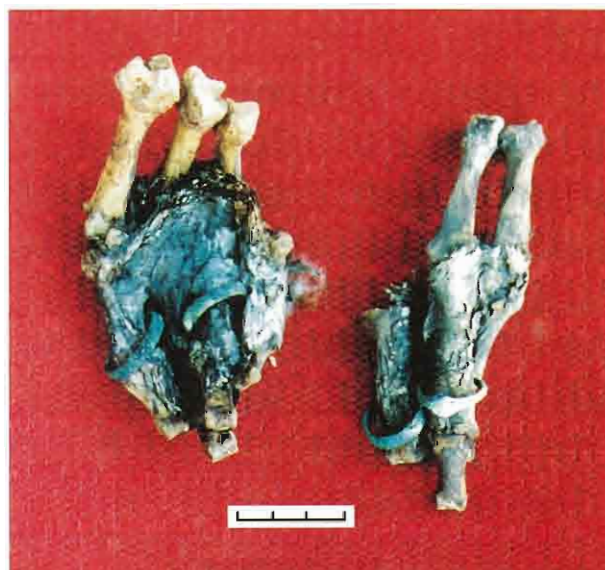
По наблюдениям В.А. Кочеева, могильную яму перекрывала каменная насыпь, которая была полностью снесена бульдозером. В карьере прослежены остатки насыпи и заполнения могильной ямы, сдвинутые ножом бульдозера. В западной части могилы находился частично нарушенный скелет коня. Судя по расположению костей, сохранивших анатомическое положение, животное было ориентировано головой на север. Коня поместили в могилу взнузданным. От узды сохранилось несколько фрагментов ремней с бронзовыми бляшками.

1

2

3

4

Рис. 1. Голова чатырской мумии: в анфас (1) и профиль (2), фаланги пальцев обеих рук с кольцами (3, 4).

В восточной части могильной ямы находился каменный ящик трапециевидной формы из вертикальных каменных плит. Длина ящика 185 см; ширина в северной части 62 см, в южной – 25 см; глубина в северной части – 5 см, в южной – 40 см. Дно ящика было покатым, с углублением к северу. На дне могильной ямы находилось тело погребенной женщины. Она была похоронена на спине в вытянутом положении, головой на север. У погребенной хорошо сохранились мягкие ткани лица, тела, рук. Это, вероятно, результат естественной мумификации, поскольку следов бальзамирования, трепанации или других действий с целью консервации трупа не обнаружено.

Судя по сохранившимся мягким тканям лицо погребенной было монголоидного типа, с узким разрезом глаз, выступающими скулами и маленьким приплюснутым носом (рис. 1, 1, 2). Изучение этих материалов методами генетики позволит сопоставить полученные результаты с данными анализа мумий скифского и гуннского времени и судить о генетических контактах населения, обитавшего на территории Горного Алтая в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.

В ушах у погребенной сохранились “серьги”, изготовленные из витой толстой нити. Они были продеты в мочки ушей и имели петли для подвешивания украшений. Возможно, это были заменители настоящих

1

2

Рис. 2. Деревянная кружка (1) и блюдо (2).

металлических серег или только крепления для подвесных украшений (см. рис. 1, 2). В погребении найдено 16 бусин, входивших в состав одного ожерелья. Самая крупная бусина, дисковидной формы, изготовлена из темного, непрозрачного камня с зеленоватым отливом. Девять бусин шаровидной формы были сделаны из полупрозрачного розоватого камня. Сырьем еще для четырех бусин эллипсоидной, шаровидной и цилиндрической форм послужил белый с прожилками камень. Две цилиндрические бусины диаметром 0,8 – 3 см изготовлены из зеленоватого камня. Одна из них с одной стороны уплощена.

Крупные бусины из чатырского захоронения по форме, размерам и цветам поделочного камня похожи на крупные бусины джетыясарской культуры [Левина, 1996, с. 224]. Сложнее судить о происхождении бусин иных форм. Считается, что большинство каменных бусин в средние века привозилось из Индии и Средней Азии [Кызласов, 1977, с. 141 – 143].

Погребенная была одета в шелковую наплечную одежду, которая сохранилась фрагментарно. Вероятно, это был халат, сшитый из кусков шелка разной расцветки, красноватого и коричневатого цвета. На некоторых фрагментах просматриваются тканые узоры. До завершения реставрационных работ покроя одежды точно восстановить нельзя. Скорее всего, одежда была изготовлена из китайского шелка. Его анализ должен помочь в определении хронологии памятника.

На пальцах обеих рук погребенной женщины были надеты бронзовые кольца и перстень из узких (ширина около 4 мм) пластин. Перстень по конструкции аналогичен кольцам, но на внешней стороне у него имеется округлый щиток. Кольца и перстень не украшены и представляют собой пластину, свернутую в кольцо. Перстень был надет на средний палец правой руки погребенной, а кольца – на указательный и безы-

мянный пальцы левой руки и на безымянный палец правой руки (см. рис. 1, 3, 4).

Перстни и кольца встречаются в древнетюркских памятниках Алтая сравнительно редко. Несколько таких находок зафиксировано в мужских и женских захоронениях могильника Кудыргэ [Гаврилова, 1965, с. 41]. В одном погребении, как правило, находилось по одному-два таких украшений, и лишь в единственной могиле найдено пять разных колец. Кольца были надеты на указательный палец правой руки (одно-два на одном пальце) или на палец левой руки [Там же, с. 41]. На фалангах пальцев одного погребенного оказались пять колец: три бронзовых, одно серебряное и одно рифленое трехчастное [Там же, табл. XX, 3 – 6].

Кольца и перстни встречаются (но редко) и в древнетюркских памятниках на Тянь-Шане [Табалдиев, 1996, с. 36]. Ввиду малочисленности этих предметов среди сопроводительного инвентаря они не могут считаться универсальным хронологическим показателем, хотя известно, что украшения были характерны для памятников Первого тюркского каганата.

В головах у погребенной находились деревянные сосуды с заупокойной пищей и питьем. Хорошо сохранилось деревянное блюдо удлиненно-овальной формы с вогнутыми сторонами на четырех конических низких ножках (рис. 2, 2). Подобная посуда для мясной пищи бытовала в культурах кочевников Горного Алтая со скифского времени [Кубарев, 1987, с. 50 – 51]. Аналогичные по форме блюда найдены в памятниках древних тюрков в Тыве [Вайнштейн, 1966, с. 325].

Рядом с блюдом находилась деревянная кружка с шаровидным туловом, широкой горловиной, отогнутым венчиком и петлевидной ручкой (рис. 2, 1). Близкие по форме деревянные сосуды (некоторые с петлевидными ручками) имеются среди материалов раскопок древнетюркских памятников в Тыве и на

Тянь-Шане [Там же, с. 325; Табалдиев, 1996, с. 57]. Более широко известны подобные металлические сосуды, серебряные кружки с ручками на низких поддонах [Кубарев, 1984, с. 31; Древние культуры..., 1994, с. 118]. Они бытовали в культуре древних тюрков вплоть до конца I тыс. н.э. Довольно часто аналогичные сосуды изображались на древнетюркских каменных изваяниях [Кубарев, 1984, с. 57]. Подобные сосуды использовались для жидкости. Они встречаются и в мужских, и в женских захоронениях.

В погребении была найдена роговая, односторонне выпуклая пластина с загнутыми краями трапециевидных очертаний. На ее расширенном конце имеется два отверстия для крепления. Эта находка напоминает роговые горловины бурдюков, известные в культурах средневековых кочевников Восточной Европы [Плетнева, 1967, с. 154].

При сопроводительном захоронении коня были обнаружены фрагменты кожаных ремней узды с бронзовыми бляшками. К сожалению, скелет коня подвергся частичному разрушению бульдозером, поэтому фрагменты узды были найдены не в могиле, а собраны на поверхности карьера. По сохранившимся крупным фрагментам можно достаточно полно представить конструкцию чатырского конского оголовья. Узда включала несколько основных ремней и дополнительных ремешков, выполнявших декоративную функцию. Уздечные ремни были изготовлены из сложенной вдвое по всей длине полосы выделанной сыромятной кожи. Ремни прошиты кожаными ремешками и скреплены бляшками со шпеньками, а также обоймами. В составе уздечного набора сохранилось 60 разных по форме бляшек, в том числе 7 крестовидных с тремя округлыми и одним треугольным выступом, 25 прямоугольных с полукруглыми вырезами с двух сторон и приостренным концом, 4 наконечника с прямыми или приостренным концом, 1 обломанная пряжка с рамкой, щитком и железным язычком. Все бляшки бронзовые, односторонне выпуклые, с кладкой, неорнаментированной поверхностью, декоративно оформлены фигурными выступами или вырезами (рис. 3).

В реконструированном виде узда состоит из двух нащечных ремней, соединенных с наносным, налобным, затылочным, подчелюстным и подгубным ремнями. Налобный и наносный ремни скреплялись дополнительным вертикальным ремнем, от которого вверх и вниз отходило по два декоративных ремешка,

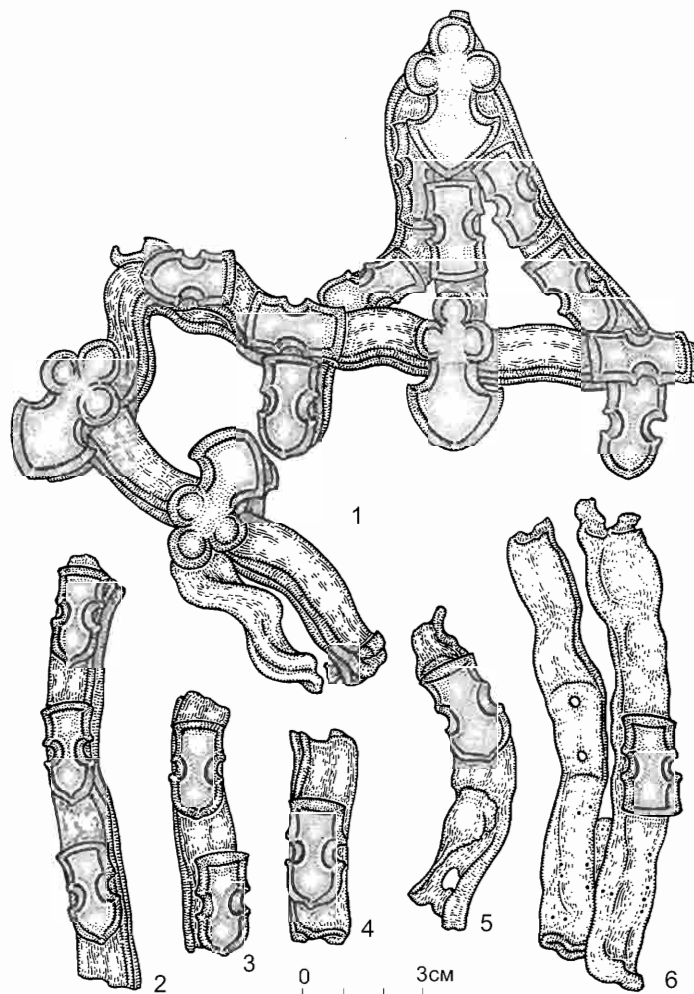

Рис. 3. Фрагменты кожаной узды с бляшками.

пришитых под углом к налобному и наносному ремням. Такие же дополнительные ремешки соединяли между собой налобный и нащечные ремни. Нащечные, налобный, наносный и дополнительные ремни оголовья очень плотно украшены бляшками, местами они прикреплены на расстоянии в 1–2 см, местами почти вплотную. Крестовидные бляшки на узде расположены треугольным приостренным выступом вниз преимущественно в местах соединения ремней. Прямоугольные бляшки с приостренным концом симметрично размещены на налобном, наносном и дополнительных ремнях выступом вниз, а на нащечных – выступом вверх. Прямоугольные бляшки расположены вертикально и горизонтально на всех ремешках симметрично [Худяков, Кочеев, 1997, с. 15–16] (рис. 4).

Не вполне выяснено место крепления на узде узких наконечников ремней. Ими могли оканчиваться узкие декоративные ремешки. Трудно судить о месте обойм и узлов на двойных ремнях и узких

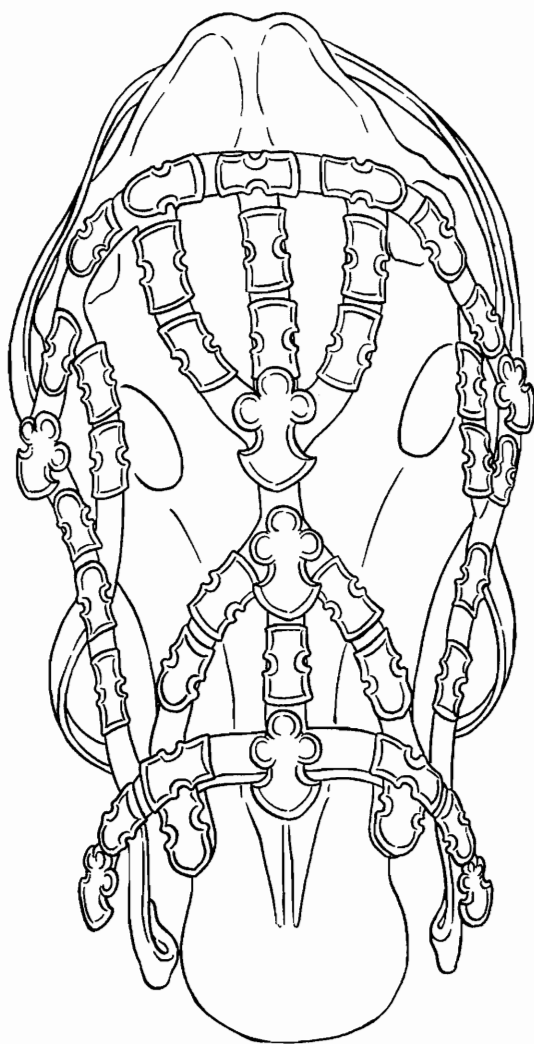

Рис. 4. Реконструкция узды из чатырского погребения.

одинарных ремешков. Приходится лишь сожалеть о том, что при хорошей сохранности ремней именно узда оказалась в отвале и сильно пострадала, ввиду чего усложняется решение задачи реконструкции.

Состав сопроводительного инвентаря и некоторые особенности погребальной обрядности сближают чатырское захоронение с группой погребений древнетюркского времени из могильника Кудыргэ в Восточном Алтае [Гаврилова, 1965, с. 32]. С кудыргэнским комплексом чатырское погребение имеет сходство в меридиональном расположении умершего и коня, а также в оформлении сбруйных украшений и колец на пальцах обеих рук у женщины. Правда, чатырское захоронение в отличие от кудыргэнских могил имеет северную ориентировку. Отличительной особенностью чатырской могилы является каменный ящик трапецевидной формы из вертикально установленных плит. Подобная

конструкция надмогильного сооружения восходит в Горном Алтае к традициям погребальной обрядности носителей булан-кобинской культуры [Мамадаков, 1985, 173 – 178].

Заключение

По характерным особенностям заупокойной обрядности чатырская могила с мумифицированным женским захоронением у с. Жана-Аул может быть отнесена к памятникам кудыргэнского типа. Высказываются разные точки зрения на его хронологию и этнокультурную принадлежность. Так, С.В. Киселев датировал могильник Кудыргэ V – VI вв. н.э. Памятник, как считал исследователь, появился ранее VI в. н.э., до образования Первого тюркского каганата [1949, с. 277]. К подобной датировке склоняется и Д.Г. Савинов [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 98]. А.А. Гаврилова отнесла памятники кудыргэнского типа к VI – VII вв., периоду существования Первого тюркского каганата [1965, с. 61]. А.К. Амброз предлагал датировать Кудыргэ VII – VIII вв., временем Второго восточнотюркского каганата [1973, с. 94]. По поводу этнической принадлежности носителей культуры кудыргэнского облика высказывались разные мнения. Их связывали с тюрками, теле, жужанями или аварами [Гаврилова, 1965, с. 61; Кляшторный, Савинов, 1994, с. 98]. На наш взгляд, больше всего оснований соотносить кудыргэнский комплекс со временем Первого тюркского каганата и датировать VI – VII вв., поскольку сходные формы сбруйных украшений известны в памятниках не только Саяно-Алтая, но и Тянь-Шаня. Следовательно, они могли получить распространение в период существования единого тюркского государства, до его разделения на Западнотюркский и Восточнотюркский каганаты. После этого раздела процессы этно- и культурогенеза, как и направленность внешних культурных контактов, в каждом из этих государств приобрели самостоятельный характер.

После обнаружения чатырского захоронения стало очевидно, что кудыргэнский предметный комплекс и тип памятников были характерны не только для территории Горного Алтая, они получили достаточно широкое распространение в VI – VII вв. [Худяков, Кочеев, 1997, с. 16]. В создании памятников кудыргэнского типа приняли участие разные по происхождению этнокультурные компоненты, что обусловило различия в погребальной обрядности чатырского захоронения и кудыргэнских могил. Учитывая некоторые элементы заупокойной обрядности чатырского захоронения, можно сделать вывод, что в сложении древнетюркского этноса приняли участие носители булан-кобинской культуры Горного Алтая.

Список литературы

- Амброз А.К.** Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (VI – VIII вв.) // СА. – 1973. – № 4. – С. 81 – 99.
- Вайнштейн С.И.** Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // ТТКАЭЭ. – М.; Л.: Наука, 1966. – Т. 2. – С. 292 – 334.
- Воевода М.И., Ситникова В.В., Чикишева Т.А., Ромашенко А.Т., Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Деревянко А.П., Шумный В.К.** Молекулярно-генетический анализ митохондриальной ДНК представителей пазырыкской культуры Горного Алтая (IV – II вв. до н.э.) // Докл. Академии наук. – 1998. – Т. 358(4). – С. 564 – 566.
- Гаврилова А.А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 110 с.
- Грязнов М.П.** Первый Пазырыкский курган. – Л.: Эрмитаж, 1950. – 89 с.
- Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Д.Г. Савинов и др.** – Новосибирск: ВО “Наука”. Сиб. издат. фирма, 1994. – 224 с.
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 362 с. – (МИА; № 9).
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.** Степные империи Евразии. – СПб.: Фарм, 1994. – 165 с.
- Кубарев В.Д.** Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 229 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 299 с.
- Кызласов И.Л.** Бусы средневековой Хакасии // Вопросы истории Хакасии. – Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1977. – С. 136 – 145.
- Левина Л.М.** Этнокультурная история Восточного Приаралья. – М.: Вост. лит., 1996. – 396 с.
- Мамадаков Ю.Т.** Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1985. – С. 173 – 191.
- Плетнева С.А.** От кочевий к городам. – М.: Наука, 1967. – 196 с.
- Полосьмак Н.В.** “Стережущие золото грифы”. – Новосибирск: ВО “Наука”. Сиб. издат. фирма, 1994а. – 125 с.
- Полосьмак Н.В.** К вопросу о древней татуировке // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. археология и этнография. – 1994б. – № 3. – С. 29 – 33.
- Радлов В.В.** Из Сибири: Страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 747 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 350 с.
- Савинов Д.Г.** О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // КСИА. – 1978. – Вып. 154. – С. 48 – 55.
- Савин А.М., Семенов А.И.** Материалы гуннского облика из пещеры Камтыттукем в Горном Алтае: Ксилотомический анализ // Культура народов Сибири. Материалы третьих Сибирских чтений. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1997. – С. 34 – 44.
- Суразаков А.С.** Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. – Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1989. – 214 с.
- Худяков Ю.С.** Мумифицированное погребение хуннского времени из Горного Алтая // Изв. СО АН СССР. Сер. история, филология и философия. – 1991а. – Вып. 2. – С. 60 – 66.
- Худяков Ю.С.** Охранные раскопки в зоне затопления Катунской ГЭС в 1990 году // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1991б. – С. 154.
- Худяков Ю.С.** Эдиганская мумия // Природа. – 1998. – № 10. – С. 34 – 38.
- Худяков Ю.С., Кочеев В.А.** Древнетюркское мумифицированное захоронение в местности Чатыр у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. археология и этнография. – 1997. – № 3. – С. 10 – 18.
- Худяков Ю.С., Эбель А.В., Кочеев В.А.** Лук и стрелы из погребения на реке Кам-Тытугем в Горном Алтае // Актуальные вопросы истории Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. – С. 279 – 284.

Материал поступил в редколлегию 01.04.1999 г.

УДК 903.5(571.15)

Т.А. Чикишева, Д.В. Поздняков*Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия**E-mail: bronz@us.nsc.ru*

АНТРОПОЛОГИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ В ГУННО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

Введение

Этапы истории государства гуннов и динамика этнического состава входящих в него племен изучены в основном по восточным летописям и археологическим источникам. Предваряя итоги нашего исследования мы лишь упомянем о начальных веках политической экспансии гуннов, чтобы обозначить хронологический рубеж, с которого теоретически можно было бы ожидать изменений антропологического состава населения на территориях, подвластных им. Этот рубеж совпадает с периодом усиления племенного объединения, известного по восточным летописным источникам как хунну или сюнну. По словам Н.Я. Бичурина, Дом “Хунну... царствовал в западной половине Монголии, орда его стояла под Хангаем (близ Орхона); владения его простирались от Калгана к северу за Байкал, к западу до Тарбагатайских гор” [Бичурин, 1950, с. 32]. Благодаря чрезвычайно активной военной деятельности шаньюя Модэ (Маодуня) (209 – 174 гг. до н.э.), покорившего целый ряд народов, было создано крупное государственное объединение. Его власть распространилась от Хингана на востоке до Монгольского Алтая и Тянь-Шаня на западе, от Забайкалья и Саян на севере до Ордоса на юге.

Начало политической истории гуннов совпадает с началом правления в Китае династии Хань. Это период завоевательных походов шаньюя Модэ, основными результатами которых стало покорение родственного хунну племенного объединения дунху, занимавшего, по свидетельству Н.Я. Бичурина, территории Восточной Монголии: “...орда его находилась в средоточии сей страны (в Карцинь); владения его простирались на запад до Калгана, на север до Хинганского хребта” [Там же]; победа над западными соседя-

ми – юечжами (племенами, занимавшими огромную территорию от Тянь-Шаня до Гобийского Алтая); достижение договора о мире с династией Хань. Дальнейшая история гуннов связана с новыми походами на юечжей, серией вторжений в Китай, подчинением ряда племен в Восточном Туркестане, Семиречье, на вершине Енисее и Алтае.

Большая часть II в. до н.э. считается временем расцвета государства хунну. Кризис политического господства хунну в Центральной Азии связан с циклом хунно-китайских войн, начатых по инициативе ханьцев при императоре У-ди (Вуди) в 140 г. до н.э. Почти непрерывные войны с китайцами, а также племенами и племенными объединениями, состоящими в союзе с Китаем, ослабили хунну. Одновременно они подвергались нападению со стороны кочевых племен, находившихся от них в прямой зависимости: ухуаньцев (части некогда покоренных ими племен дунху) с востока, енисейских динлинов с севера, усуней с запада. В результате в середине 50-х гг. до н.э. государство хунну распалось на два объединения – северных и южных хунну. История последних полностью определялась ханьской империей. Северные хунну, сохранив политическую независимость, вели постоянную борьбу со своими южными и восточными соседями. Часть этого племенного объединения в конце I в. н.э. двинулась на запад, вовлекая в свое движение находившиеся на их пути племена. В III – IV вв. они возглавляли мощный союз разнородных кочевых племен степей Евразии. Авторы летописей называли их гуннами. Империя гуннов перестала существовать в середине V в. Период “возвышения” династии Хунну (конец III – начало II в. до н.э.) считается хронологической границей между скифской и гунно-сарматской культурно-историческими эпохами.

Гунно-сарматское время является одним из наиболее сложных периодов в истории любого региона Евразии для идентификации расовых компонентов в антропологическом составе населения и интерпретации их этногенетического значения. В основном это связано со сложностью антропологического состава предшествующих племен и с многоплановым воздействием на субстратное население потенциала хунну, обусловившим как непосредственные миграции популяций и даже целых этносов, так и эпохальные изменения в культуре, связанные с перераспределением политического влияния в среде племенных союзов Евразии. Территория Горного Алтая не является в этом отношении исключением.

Памятники гунно-сарматского времени, первые из которых открыты в Горном Алтае лишь недавно (в 80-х гг. XX в.), представляют новую культуру, сменявшую пазырыкскую. Их подразделяют на несколько групп (булан-кобинскую, айрыдашскую, кок-пашскую, берельскую), и такое разнообразие может свидетельствовать как о сложном этническом составе проживающих на Алтае в конце I тыс. до н.э. групп населения, воспринявших культурные традиции хунну, так и о многофакторности самого процесса распространения этих традиций [Савинов, 1994].

На сегодняшний день установлено, что в рамках пазырыкского этапа культуры кочевников Горного Алтая, непосредственно предшествующего гунно-сарматской эпохе, выделяются две группы населения – оставившие погребения, соответствующие пазырыкскому стандарту (собственно пазырыкские), и захоронения в каменных ящиках (кара-кобинские). Вопрос о статусе последних как особого культурного образования – кара-кобинской культуре – является предметом дискуссии. Но независимо от его решения для нас имеет значение сам факт дифференциации культурных традиций у пазырыкского населения.

Антропологический анализ может дать весомые аргументы для выбора предпочтительных гипотез о формах распространения и особенностях восприятия инокультурных влияний в любой палеоэтнической среде. К сожалению, население гунно-сарматского времени на территории Горного Алтая практически не охарактеризовано в антропологическом отношении. Мы надеемся, что публикация исследованных нами палеоантропологических материалов и их интерпретация послужат пониманию каких-то аспектов генезиса сложного этнокультурного пласта населения этого региона. Ее задачей мы считаем предварительное знакомство с морфологическими особенностями представителей нескольких групп населения Горного Алтая гунно-сарматского времени на антропологическом фоне ранних кочевников Сибири и Центральной Азии.

Материал и методы

Публикуемый материал гунно-сарматского времени происходит из нескольких местонахождений в центральном и южном районах Горного Алтая. В Центральном Алтае (Еловская котловина бассейна р. Чуи): из могильников Белый Бом II (раскопки Ю.Т. Мамадакова 1987 – 1989 гг.), Кара-Бом-11 (раскопки Ю.А. Плотникова 1990 г.), датируемых I в. до н.э. – II – III в. н.э. [Мамадаков, 1990], Боочи (раскопки Ю.Т. Мамадакова), датируемого III – IV вв. н.э. [Там же]. В Южном Алтае (Бертекская долина плоскогорья Укок): из могильников Кальджин-6 и Ак-Кол-1 (раскопки В.И. Молодина 1994 г.), датируемых III в. до н.э. [Молодин, 1997].

Кроме этих материалов мы публикуем данные о женском скелете с остатками мягких тканей из кург. 2 могильника Верхний Кальджин II (Бертекская долина плоскогорья Укок, раскопки В.И. Молодина 1995 г.), относящегося к финальному этапу пазырыкской культуры, находящегося в цепочке пазырыкских курганов, но содержащего захоронение, выполненное не по пазырыкскому стандарту, а с элементами традиций погребального обряда хунну [Молодин, 1995].

В нашем распоряжении оказался также небольшой материал из погребений кара-кобинского типа, происходящий из центральных и южных районов Горного Алтая. Мы сочли необходимой его публикацию в контексте данной статьи, так как ряд исследователей предполагает, что именно кочевники кара-кобинской группы могли быть субстратом в генезисе носителей культуры гунно-сарматского времени (обзор проблемы см.: [Боковенко, Мошкова, Могильников, 1992]). В состав кара-кобинской серии вошли материалы из погребений могильников Торбедок (раскопки А.И. Мартынова 1968 г.), Курайская Степь и Джолин-1 (раскопки В.Д. Кубарева 1983 г.), Кызыл-Бом-1 (раскопки Ю.А. Плотникова 1988 г.), Кальджин-6 (раскопки В.И. Молодина 1993 г.).

Данные краниометрического анализа (средние характеристики суммарных серий гунно-сарматского времени и кара-кобинской группы пазырыкской культуры и индивидуальные данные измерений) представлены в табл. 1 – 4.

Суммарную серию черепов гунно-сарматского времени Горного Алтая мы сопоставили по комплексу из 19 основных краниометрических признаков с краниологическими сериями эпохи раннего железа Евразии. При проведении межгруппового анализа был использован метод главных компонент. Анализируемый морфологический комплекс включил следующий набор признаков: продольный, поперечный и высотный (от базиона) диаметры черепа, наименьшую ширину лба и угол его наклона (от назииона), скуловую ширину и верхнюю высоту лица, назомаллярный и

Таблица 1. Средние характеристики краниологической серии гуннского времени с территории Горного Алтая

Признаки	Мужчины			Женщины		
	n	x	s	n	x	s
1	2	3	4	5	6	7
1. Продольный диаметр	13	179,6	5,77	8	174,4	4,63
8. Поперечный диаметр	13	143,3	7,93	8	141	4,82
17. Высотный диаметр от ba	12	137,2	5,83	7	128,1	4,97
20. Высотный диаметр от ро	14	118,1	3,92	8	113,2	3,16
5. Длина основания черепа	13	100,8	4,26	7	95,6	2,87
9. Наименьшая ширина лба	15	92,4	4,32	8	93,9	1,64
10. Наибольшая ширина лба	13	123,4	6,49	7	119,6	5,83
11. Ширина основания черепа	13	132	5,71	8	125,9	4,89
12. Ширина затылка	10	112,3	4,94	7	109,7	3,01
29. Лобная хорда	17	112,9	5,4	8	108,8	2,94
30. Теменная хорда	12	110,3	5,71	8	109,6	4,83
31. Затылочная хорда	10	97,8	7,64	7	95,1	5,97
25. Сагиттальная дуга	13	370,4	13,04	7	374,6	14,05
26. Лобная дуга	17	129,6	8,41	8	128	5,89
27. Теменная дуга	15	122,9	8,5	8	125,6	10,56
28. Затылочная дуга	13	119,1	7,37	8	116,8	4,97
Sub.NB. Высота продольного изгиба лба	16	25,5	2,53	8	26,6	1,97
8:1. Черепной указатель	12	80,02	6,67	8	80,96	4,4
17:1. Высотно-продольный указатель от ba	9	76,2	3,39	7	73,5	4,65
17:8. Высотно-поперечный указатель от ba	10	96,2	6,65	7	91,03	3,49
20:1. Высотно-продольный указатель от ро	11	65,8	3,28	8	65	3,22
20:8. Высотно-поперечный указатель от ро	12	82,7	3,82	8	80,3	2,66
9:8. Лобно-поперечный указатель	11	64,6	4,32	8	66,7	1,8
9:10. Лобный указатель	13	74,9	3,31	7	78,8	2,99
29:26. Указатель изгиба лба	17	87,3	4,45	8	85,1	3,04
26:25. Лобно-сагиттальный указатель	13	34,6	1,63	7	34,5	1,12
27:25. Теменно-сагиттальный указатель	13	33,2	2,01	7	34,3	0,97
28:25. Затылочно-сагиттальный указатель	13	32,2	1,85	7	31,2	1,04
28:27. Затылочно-теменной указатель	13	97,5	10,86	7	91,1	4,67
Sub.NB.:29. Указатель выпуклости лба	16	22,6	2,14	8	24,4	1,58
Угол поперечного изгиба лба	13	141,2	4,29	7	135,5	3,9
32. Угол профиля лба от назиона	13	81,5	4,73	8	85,4	4,18
GM/FH. Угол профиля лба от глабеллы	13	73,6	5,91	8	80	5,38
45. Скуловой диаметр	10	137,7	3,41	7	129,8	5,74
40. Длина основания лица	13	94,9	3,74	7	92,8	4,48
48. Верхняя высота лица	16	73,9	4,43	8	71,3	2,9
47. Полная высота лица	13	122,7	6,84	7	116,1	5,6
43. Верхняя ширина лица	16	107,6	3,01	8	104,2	2,11
46. Средняя ширина лица	16	98,5	4,02	7	92,8	3,07
60. Длина альвеолярной дуги	15	52,7	2,52	8	51,8	3,2
61. Ширина альвеолярной дуги	16	63,4	2,7	7	63,8	1,24
62. Длина нёба	15	45,6	1,79	8	44,6	3,07
63. Ширина нёба	16	37,3	2,8	7	36,4	2,76
55. Высота носа	15	53,1	3,8	8	51,9	1,78
54. Ширина носа	15	25,2	1,44	8	24,9	1,68
51. Ширина орбиты от mf	16	43	1,89	8	42,7	1,48
51a. Ширина орбиты от d	15	40,8	1,64	3	39,6	0,65
52. Высота орбиты	17	34,3	1,9	8	34,9	0,31
SS. Симотическая высота	16	4,22	1,13	9	3,35	0,93
SC. Симотическая ширина	16	7,64	1,46	9	7,9	1,03
DS. Дакриальная высота	16	11,31	1,86	8	10,64	1,42

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7
DC. Дакриальная ширина	16	20,3	1,66	8	20,7	1,69
MS. Максиллофронтальная высота	16	6,77	1,48	9	6,44	0,75
MC. Максиллофронтальная ширина	16	18,09	2,91	9	17,92	1,2
SS:SC. Симотический указатель	16	55,6	12,2	9	42	8,98
DS:DC. Дакриальный указатель	16	56,1	10,18	8	52,1	9,8
MS:MC. Максиллофронтальный указатель	16	38	8,17	9	36,26	5,53
40:5. Указатель выступания лица	12	93,9	3,27	7	97,2	3,83
48:17. Вертикальный кранио-фациальный указ.	11	53,6	2,11	7	55,4	3,44
45:8. Горизонтальный кранио-фациальный указ.	8	97	5,04	7	91,7	3,76
9:45. Лобно-скуловой указатель	10	66,1	3,61	7	72,6	3,28
61:60. Челюстно-альвеолярный указатель	15	121,7	7,11	7	121,1	4,83
63:62. Нёбный указатель	15	81,9	6,7	7	79,9	6,48
54:55. Носовой указатель	15	47,5	2,7	8	48,1	4,43
52:51. Орбитный указатель от mf	16	79,7	5,43	8	81,7	2,5
52:51a. Орбитный указатель от d	15	85,8	6,53	3	87,4	1,35
Высота изгиба скуловой кости (по Ву)	12	11,3	1,85	8	10	0,71
Ширина скуловой кости (по Ву)	12	55,6	3,68	8	52,2	3,27
Указатель изгиба скуловой кости	12	20,38	3,31	8	19,2	0,84
FC. Глубина клыковой ямки (мм)	12	3,03	0,8	8	2,83	1,92
72. Общий угол профиля лица	12	89,2	3,34	8	87,7	2,99
73. Угол профиля средней части лица	12	91,7	4,03	8	91,1	1,76
74. Угол профиля альвеолярной части лица	12	80,6	5,3	7	79,1	6,06
75. Угол наклона носовых костей	11	61,9	6,46	8	64	3,67
75(1). Угол выступания носа	12	27,1	3,77	8	23,7	3,42
77. Назомалярный угол	16	145	5,59	8	144,3	5,68
zm'. Зигомаксиллярный угол	16	132,1	4,55	7	132,3	3,95
Форма черепа в вертикальной норме (%):						
ovoid	1	7,14	—	—	—	—
sphaenoid	2	14,29	—	5	62,5	—
sphaeroid	1	7,14	—	—	—	—
pentagonoid	10	71,4	—	3	37,5	—
romboid	—	—	—	—	—	—
Надпереносье (по Мартину 1 – 6)	17	3,94	0,87	9	2,22	0,41
Надбровные дуги (1 – 3)	17	1,82	0,38	9	1	0
Наружный затылочный бугор (по Брока 0 – 5)	5	2,2	0,75	4	0,25	0,43
Сосцевидный отросток (1 – 3)	17	1,65	0,59	9	1,33	0,47
Передне-носовая ось (по Брока 1 – 5)	14	3,43	0,9	8	2,25	0,83
Форма нижнего края грушевидного отверстия (%):						
anthropina	2	12,5	—	2	25	—
fossa praenosalis	7	43,7	—	3	37,5	—
infantilis	7	43,7	—	3	37,5	—
Нижняя челюсть:						
68(1). Длина от мышечков	15	106,8	6,98	9	100,9	6,58
68. Длина от углов	15	71,1	18,31	9	70,89	7,22
79. Угол ветви	15	123,2	8,34	9	128,6	6,93
70. Высота ветви	14	64,9	5,88	8	53,2	7,61
71a. Наименьшая ширина ветви	16	34,6	2,99	9	32,3	1,84
65. Мыщелковая ширина	13	120,8	6,52	8	116,4	4,63
66. Угловая ширина	13	105,3	6,11	9	99	2,21
67. Передняя ширина	16	47,5	2,15	9	46,3	1,94
69. Высота симфиза	5	33,4	2,15	4	31,2	2,77
69(1). Высота тела	15	33	5,54	9	29,4	4,24
69(3). Толщина тела	15	13,2	1,28	9	11,4	1,59
C'. Угол выступания подбородка	15	66	7,23	7	67	2,88

Таблица 2. Индивидуальные данные измерений мужской краниологической серии гуннского времени с территории Горного Алтая

Признаки	Бассейн р. Чуи										Плоскогорье Укок						
	Кальджин-6		Ак-Кол	Белый Бом II								Кара-Бом-11		Боочи			
	кур. 5, кург. 35, Adultus (30 – 35)	кур. 35, Adultus (30 – 35)	объект III, Maturus (40 – 50)	погр. 4, Maturus (50 – 60)	погр. 7, Adultus (30 – 35)	погр. 9, Adultus (25 – 30)	погр. 11, Maturus (50 – 55)	погр. 18, Maturus (45 – 50)	погр. 19, Maturus (35 – 40)	погр. 20, Adultus (30 – 35)	погр. 23, Adultus (30 – 35)	погр. 24, Maturus (45 – 50)	погр. 2, Adultus (30 – 35)	погр. 4, Maturus (40 – 45)	кур. 15, кург. 1, Adultus (30 – 35)	кур. 18, кург. 4, кур. 46, Adultus (50 – 60)	кур. 18, кург. 46, Adultus (30 – 35)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
1. Продольный диаметр	170	179	–	188	185	183	175	–	–	171	184	182	171	180	182	185	–
8. Поперечный диаметр	166	139	–	139	142	151	145	–	–	144	136	–	143	144	137	133	144
17. Высотный диаметр от ба	143	134	–	142	138	–	124	140	132	–	–	–	131	135	143	140	144
20. Высотный диаметр от ро	128	114	–	124	117	–	113	121	118	115	120	–	115	117	116	117	118
5. Длина основания черепа	103	97	–	108,5	105,5	–	95	103	97	–	–	105	100	98	105	98,5	95
9. Наименьшая ширина лба	92,4	87	93	101	90,5	–	90	90	94	–	85	98	88,5	95,8	94	89	98
10. Наибольшая ширина лба	129	113	136	128	117	–	117	121	132	–	121	–	–	125	125	116	124
11. Ширина основания черепа	146	134	–	135	130	–	134	–	128	136	120	–	127	131	130	132	133
12. Ширина затылка	–	106	–	109	119	122	112	–	–	115	119	113	104,2	115	107	116,5	107
29. Лобная хорда	117,1	110,6	112,8	118	116,5	108	112	119	116	115	119	113	104,2	115	107	116,5	99
30. Теменная хорда	–	107	–	117	103	121	107	–	–	110	108,5	105	111	111	104	119,5	–
31. Затылочная хорда	–	98,7	–	96,5	105,5	109	88	–	–	–	–	104	89,3	87,4	106	94	–
26. Лобная дуга	144	128	139	133	133	123	128	130	130	135	119,5	127	126	143	120	135	110
27. Теменная дуга	–	117	–	127	110	129	120	130	105	125	118,5	120	132	134	114	132	130
28. Затылочная дуга	–	127	–	119	130	128	107	115	115	–	–	110	118	118	131	118	113
25. Сагитальная дуга	–	372	–	379	373	380	355	375	350	–	–	357	376	395	365	385	353
h. Высота поперечного изгиба лба	14,4	16,5	12,20	21	11	–	16	–	17	–	15	18	15,1	16,1	20	16	15
Угол поперечного изгиба лба	145,4	138,4	150,6	134,8	152,6	–	140,8	–	140,2	–	141	139,6	142,3	142,8	133,9	140,4	146
Sub.NB. Высота продольного изгиба лба	28,5	27,5	25,3	25,5	27	25	25	23	27	–	25	27	21,1	28,2	19	28	26
Высота изгиба затылка	–	28,2	–	29	32	26,5	28	–	–	–	–	28	21,6	19,7	24	27	–
45. Скуловой диаметр	144	140	–	–	139	–	138	–	136	–	135	131	135	139	–	140	–
48. Верхняя высота лица	80	71	80	74,5	75,5	66	–	74	73	72	81	67,5	69	76	69	76	77,5
47. Полная высота лица	131	119	–	120	122	112	–	122	122	–	132,5	–	115	125	113	130,5	132
43. Верхняя ширина лица	107	102	111	114	103	111	108	109	108,5	–	104,5	107	106	108	107	105	110
46. Средняя ширина лица	98	100	97	102	100,5	96	–	103	95	107	96,5	91,5	91	100	97	102	99
60. Длина альвеолярной дуги	53	45	55	52	55	50	–	53	53	54	52	–	53	54	55	55	51
61. Ширина альвеолярной дуги	65	65	62	63,5	66	62	–	61	67	63	65	55	63	64	66	64	62,5
62. Длина нёба	48	42	46	45,5	46	44	–	45	45,5	44,5	47	–	47	48	44	48	43
63. Ширина нёба	34,5	37,7	34	36	42	35	–	36	41	38	37,5	38	37,9	38,2	41,5	39	31
55. Высота носа	60,2	53,3	53,8	55,5	56	43	–	53	53	–	56,5	51	48,2	53,7	51,5	55,5	52
54. Ширина носа	27,6	26,4	26,2	25	26	23	–	25	25	–	24	24	24,2	26,2	25	27,5	22,5
51. Ширина орбиты от mf	42	40,7	44	47	40	43	46 (пр.)	45,5	42	39,5	44	43	44,3	44	42	43	44
51a. Ширина орбиты от d	39,1	39,3	43	–	–	–	–	–	–	–	–	–	40	42,5	–	–	–
52. Высота орбиты	38,3	34,3	34,7	34	33	30	35	35	32,5	34	36	37	32,3	35	32	34,5	35

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
Бималлярная ширина	96,2	94,5	103,7	112	96	103	101,5	101,5	103	—	97	101	97,1	99,3	101	97,5	102
Высота назиона над бималлярной шириной	15	12,2	14,7	21	16	11	16	17	11,5	—	15	17	19,2	20,4	18	15	14,5
Зигомаксиллярная ширина	96,1	98	95,8	107	96	96	—	104,5	98	109	97	92	93	98,7	103	103	100
Высота субспинале над зигомаксиллярной шириной	20,4	18,4	17	25	23,5	23	—	24	20	28	19,5	17	22,6	22,4	24	25	23
Назомаллярный угол	145,3	151	148,3	138,9	143,1	155,9	145	143	154,7	—	145,6	142,8	136,8	135,3	140,8	145,8	148,2
Зигомаксиллярный угол	134	138,8	140,9	129,9	127,8	128,8	—	130,6	135,6	125,6	136,2	139,4	128,1	131,2	130	128,2	129,4
SC. Симметрическая ширина	7,2	6,6	10	8	9,9	5	8	7	7	—	7	7,5	7	6,5	10	9,6	6
SS. Симметрическая высота	5,4	3,6	6,6	4	6	2	4	4	4	—	5	3	3,5	4	5	3	4,5
MC. Максиллофронтальная ширина	22,2	20,8	22,2	19	16	19	16	17	17	—	9,7	19,5	18,1	20	19	16	18
MS. Максиллофронтальная высота	7,8	5,2	8,6	7,5	7,5	6	7	8	5	—	5	7	7,6	9,2	8	5	4
DC. Дакриальная ширина	21,4	21,5	23	22	17,5	21	18	19	19,5	—	17	21	20,9	20,9	22	20	20
DS. Дакриальная высота	11	9	11,7	12,5	13	12	11	12	10,5	—	11	10,5	15,2	13,5	12	8,5	7,5
FC. Глубина клыковой ямки (мм)	2,9	3,8	3,8	3	3	5 (пр.)	—	3	2,5	13	3	—	5,2	3	2	2	3
Высота изгиба скуловой кости (по Бу)	—	11,9	(пр.)	12	11	10 (пр.)	—	7,5	15,2	53	11	12,5	11	9,2	—	11,5	10
Ширина скуловой кости (по Бу)	—	61,8	—	60,5	56,5	55 (пр.)	—	53,5	57,5	—	54,5	57	51,8	60	—	50,5	51
32. Угол профиля лба от назиона	88	87	—	77	81	—	72	79	90	—	82	—	82	83	78	78	83
GMMH. Угол профиля лба от габеллы	85	79	—	68	74	—	63	73,5	80	—	68	—	78	76	69	68	75
72. Общий угол профиля лица	94	88	—	88	91	—	—	92	92	—	94	—	86	89	88	84	84
73. Угол профиля средней части лица	97	88	—	95	95	—	—	93	95	—	98	—	88	89	87	87	88
74. Угол профиля альвеолярной части лица	85	88	—	77	75	—	—	87	75	—	77	—	80	89	83	77	74
75. Угол наклона носовых костей	74	62	—	66	57	—	—	65	—	—	71	—	57	59	63	55	52
75(1). Угол выступания носа	20	26	—	22	32	30	—	27	—	107,5	23	—	29	30	25	29	32
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	100	101	—	105	117	104	109,5	115	106	127	106	—	90	103	114,5	117	106
79. Угол ветви нижней челюсти	140	106	—	116	130	115	125	122	126	76	120	—	137	126	117	123	118
68. Длина нижней челюсти от углов	62	86	—	82	82	76	78	77	76	61	77	—	56	73	8,5	82,5	75
70. Высота ветви	56	69	—	65 (пр.)	61	69	59	73	59	30	72	—	57	66	64	73	70
71a. Наименьшая ширина ветви	38	35	—	38	33	35	35	29,5	33	111,5	34,5	—	33	35	42	33,5	33
65. Мыщелковая ширина	120	127	37	—	108	121	134	125	108	102,5	—	—	119	119	116	127	122,5
66. Угловая ширина	—	93	—	108	108	106	103	—	100	47	103,5	—	116	106	114,5	110	98
67. Передняя ширина	50	50	—	47	47	47	44	47	46	—	45,5	—	46	50	50	52	47
69. Высота симфиза	36	32	45	—	—	31	—	—	—	28	—	—	32	36	—	—	—
69(1). Высота тела	33 (пр.)	29	—	32	32	29	31	41,5	32	12	33,5	—	31	35	34	33	35,5
69(3). Толщина тела	16 (пр.)	14	39	14	13	12	13	11	14	56	13	—	14	14	16	13,5	11
C. Угол выступания подбородка	74	80	14	65	55	68	54	69	57	3	71	—	77	69	62	65	68
Надбровные (по Мартину 1 – 6)	3	3	—	5	4	4	3	4	3	2	4	3	4	4	6	5	5
Надбровные дуги (1 – 3)	2	2	4	2	2	1	2	2	2	—	1	1	2	2	2	2	2
Наружний затылочный бугор (по Броя 0–5)	—	3	2	—	—	2	—	—	2	2	—	—	1	3	—	—	—
Сосцевидный отросток (1 – 3)	2	2	—	1	2	1	1	1	1	f. pr.	1	1	2	3	2	2	2
Нижний край грушевидного отверстия	infant.	3	anthr.	f. pr.	f. pr.	infant.	—	infant.	infant.	—	infant.	infant.	anthr.	f. pr.	f. pr.	f. pr.	infant.
Передне-носовая ось (по Броя 1 – 5)	3	3	f. pr.	2	4	4	—	4	2	—	3	—	—	5	3	3	4

Таблица 3. Индивидуальные данные измерений женской краниологической серии гуннского времени с территории Горного Алтая

Признаки	Плато Укок		Бассейн р. Чуи						Кара-Бом-11			
	Верхний Кальджин-2		Кальджин-6		Белый Бом II						погр. 1, Maturus (45 – 50)	
	курт. 2, Adultus (25 – 30)	3	курт. 32, Maturus (35 – 40)	4	погр. 5, Maturus (40 – 50)	погр. 12, Adultus (20 – 25)	погр. 14, Maturus (40 – 45)	погр. 16, Senilis (60)	погр. 17, Adultus (20 – 25)	погр. 1, Maturus (45 – 50)	погр. 5, Juvenis (18 – 20)	погр. 6, Juvenis (18 – 20)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11		
1. Продольный диаметр	177	175	180	169	183	–	172	169	174	173		
8. Поперечный диаметр	145	144	134	137	136	–	142	150	142	143		
17. Высотный диаметр от ba	125	123	125	132	120	–	–	133	133	131		
20. Высотный диаметр от ro	111	114	112	117	109	–	108,5	118	113	114		
5. Длина основания черепа	96	90	98	93	99	–	–	96	97	96		
9. Наименьшая ширина лба	99	95,2	91	95	93	–	92	95,5	95,7	94		
10. Наибольшая ширина лба	121	122	114	117	–	–	114	132	117	121		
11. Ширина основания черепа	–	128	122	123	125	–	130,5	136	122	121		
12. Ширина затылка	115	106	107	107	114	–	–	113	109	112		
29. Лобная хорда	109,4	109,2	115	106,5	106	–	107	108,7	111,7	106,4		
30. Теменная хорда	112	109	113	112	111	–	98,5	116	108	109		
31. Затылочная хорда	90,4	92,3	88,5	102	106	–	–	90,5	91,9	94,9		
26. Лобная дуга	135	129	133	120	122	–	120	134	134	132		
27. Теменная дуга	133	118	125	125	125	–	105	144	120	132		
28. Затылочная дуга	121	116	106	116	117	–	–	121	121	122		
25. Сагитальная дуга	389	363	364	361	364	–	–	399	385	386		
h. Высота поперечного изгиба лба	–	17,7	19	18	21	–	19	16,5	19	22		
Угол поперечного изгиба лба	–	139,2	134,6	138,6	131,4	–	135	141,9	136,7	129,8		
Sub.NB. Высота продольного изгиба лба	26,8	28	30,5	26,5	27,5	–	24	26,4	24,2	25,8		
Высота изгиба затылка	28,3	23,4	27	22	32	–	–	22,5	22,6	24,2		
45. Скуловой диаметр	138	130	129	129	–	–	132	141	128	120		
40. Длина основания лица	94	89	93	93	103	–	–	89	90	93		
48. Верхняя высота лица	66	69	71,5	67	74	–	74	70	76	69		
47. Полная высота лица	114	113	111,5	109	122	–	121	–	124	112		
43. Верхняя ширина лица	–	107	102	105	104	–	105	106	105	100		
46. Средняя ширина лица	–	99	91,5	92	–	–	93	94	88	92		
60. Длина альвеолярной дуги	–	50	50,5	53	56	–	55	45	53	52		
61. Ширина альвеолярной дуги	–	64	62	64	65	–	62	–	65	65		
62. Длина нёба	–	43	45	45,5	47,5	–	49	38	44	45		
63. Ширина нёба	–	39,3	37,5	38	37,5	–	38	–	33	31,3		
55. Высота носа	49,5	49,5	51,5	52	55	–	50	54,1	52,1	50,8		
54. Ширина носа	24	28,5	24,5	24	24	–	24	24,5	23	26,7		
51. Ширина орбиты от mf	38,8 (пр.)	43,2	42,5	42	45,5	–	42	42,5	43,8	40		
51a. Ширина орбиты от d	–	–	–	–	–	–	–	39,6	40,4	38,8		

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
52. Высота орбиты	29,8 (пр.)	34,6	35	35	35,5	—	35	34,7	34,6	34,5
Бималлярная ширина	95	100,5	96,5	97	99	—	97	96,4	97,4	92,6
Высота назиона над бималлярной шириной	11	13,4	11,5	14,5	19,5	—	16,5	14,2	19,6	16,1
Зигомаксиллярная ширина	100,2	96,8	93	88	—	—	96	90,5	89	91,1
Высота субслинале над зигомаксиллярной шириной	14,5	18,4	18,5	19,5	—	—	22	20,7	23	20,2
Назомаллярный угол	153,9	150,1	153,2	146,7	137	—	142,4	147,2	136,1	141,6
Зигомаксиллярный угол	147,7	138,4	136,6	132,2	—	—	130,7	130,8	125,3	132,2
SC. Симметрическая ширина	4,8	6,8	9,7	9	7	7	7	7,8	9,1	7,7
SS. Симметрическая высота	11,1	1,4	4	5	3	3,5	3	3	4	3,3
MC. Максиллофронтальная ширина	—	21,1	17	18	17,5	17	17	17,6	17,9	18,2
MS. Максиллофронтальная высота	—	5	7	7,5	6,5	7	6,5	5,6	5,9	7
DC. Дакриальная ширина	—	24	20	19,5	18	—	20	22	21,5	20,5
DS. Дакриальная высота	—	8,5	10,5	13,5	11	—	11	9,6	11,5	9,5
FC. Глубина клыковой ямки (мм)	3,3 (пр.)	0,7	1,5	6	2,5	—	2	6	2,7	1,3
Высота изгиба скуловой кости (по Ву)	12,3	10,8	10,5	9	9	—	11	10	10,1	9,7
Ширина скуловой кости (по Ву)	60	53,6	52,5	47	48	—	55	57,5	53	50,7
32. Угол профиля лба от назиона	90	88	83	90	82	—	78	90	83	89
GM/FH. Угол профиля лба от глабеллы	85	85	78	85	77	—	70	87	76	82
72. Общий угол профиля лица	—	87	88	88	84	—	83	93	90	89
73. Угол профиля средней части лица	—	91	92	92	88	—	89	94	92	91
74. Угол профиля альвеолярной части лица	—	80	76	—	72	—	71	88	86	81
75. Угол наклона носовых костей	—	65	63	59	62	—	60	64	69	70
75(1). Угол выступания носа	22	22	25	29	22	—	23	29	21	19
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	—	104	101,5	103	104,5	112	104	94	97	88
79. Угол ветви нижней челюсти	—	125	127	121	122	129,5	121	139	133	140
68. Длина нижней челюсти от углов	—	77	72,5	73,5	76	77	78	60	66	58
70. Высота ветви	—	45	55,5	57	60,5	60 (пр.)	64	51	54	39
71a. Наименьшая ширина ветви	—	32	31	31	34	29,5	35	31	35	32
65. Мыщелковая ширина	—	122	122,5	112,5	121	—	117	110	114	112
66. Угловая ширина	97	97	97	96	99	102	97	102	101	100
67. Передняя ширина	—	47	47	44	46	49	49	45	43	47
69. Высота симфиза	—	30	—	—	—	—	—	29	36	30
69(1). Высота тела	—	28	28	30,5	32,5	21	32	30	37	26
69(3). Толщина тела	—	12	11,5	8	12,5	11	10	14	12	12
C'. Угол выступания подбородка	—	73	65	66	65	—	69	—	64	67
Надпереносье (по Мартину 1 – 6)	3	2	2	2	2	2	2	2	3	3
Надбровные дуги (1 – 3)	2	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Наружный затылочный бугор (по Брока 0 – 5)	—	1	—	—	—	—	—	0	0	0
Сосцевидный отросток (1 – 3)	2	2	1	1	1	1	2	2	1	1
Нижний край грушевидного отверстия	anthr.	f, pr	infant.	f, pr	infant.	—	f, pr	anthr.	anthr.	infant.
Передне-носовая ось (по Брока 1 – 5)	3	2	1	3	2	—	2	2	4	2

Таблица 4. Данные измерений кара-кобинской краниологической серии

Признаки	Мужчины					Женщины				
	Тарбедок, кург. 2, погр. 1, Maturus	Курайская Степь, кург. 4, Maturus	Курайская Степь, кург. 9, Maturus	Бертек-12, Adultus	X	Кальджин-6, кург. 24, погр. 1, Maturus	Курайская Степь, кург. 8, Adultus	Джолин-1, кург. 8, Maturus	Кызыл-Бом-1, кург. 2, Adultus	X
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Продольный диаметр	184	178	176	182	180,0	174	166	180	172	173,0
8. Поперечный диаметр	146	137	137	149	142,3	148	135	136	139	139,5
17. Высотный диаметр от ба	135	135	141	139	137,5	—	126	129	139	131,3
20. Высотный диаметр от ро	119	119	122	121	120,3	124	108	110	114	114,0
5. Длина основания черепа	103	97	103	100	100,8	—	95	98	107	100,0
9. Наименьшая ширина лба	99	96,1	98,4	90,7	96,1	93	91,9	96,1	88	92,3
10. Наибольшая ширина лба	122	119	118	119	119,5	121	117	121	115	118,5
11. Ширина основания черепа	133	132	128	137	132,5	134	127	129	127	129,3
12. Ширина затылка	107	108	112	110	109,3	109	102	106	104	105,3
29. Лобная хорда	111,2	113,2	102,8	112,3	109,9	108,8	100,6	108,2	108,8	106,6
30. Теменная хорда	117	113	111	110	112,8	109	100	109	102	105,0
31. Затылочная хорда	97,6	103	98,5	99	99,5	97,7	91,1	91,2	89,1	92,3
26. Лобная дуга	127	139	137	125	132,0	123	132	133	134	130,5
27. Теменная дуга	130	133	130	121	128,5	118	120	130	126	123,5
28. Затылочная дуга	120	133	127	128	127,0	117	128	122	113	120,0
25. Сагитальная дуга	377	405	394	374	387,5	358	380	385	373	374,0
h. Высота поперечного изгиба лба	21,8	17,1	21,3	11,3	17,9	17	16,3	17,7	18,1	17,3
Угол поперечного изгиба лба	132,5	140,8	133,2	152	139,6	139,8	140,9	139,5	135,3	138,9
Sub. NB. Высота продольного изгиба лба	25,3	24,7	25	23,9	24,7	23,5	27,2	24,6	24,3	24,9
Высота изгиба затылка	26,8	19,9	23	—	23,2	22,5	23	24,8	18,8	22,3
45. Скуловой диаметр	145	139	134	146	141,0	138	131	141	137	136,8
40. Длина основания лица	103	95	96	97	97,8	—	94	93	97	94,7
48. Верхняя высота лица	71	68	69	72	70,0	—	67	69	69	68,3
47. Полная высота лица	—	112	—	127	119,5	—	111	—	116	113,5
43. Верхняя ширина лица	112	110	108	105	108,8	—	103	106	102	103,7
46. Средняя ширина лица	107	100	99	100	101,5	—	95	97	92	94,7
60. Длина альвеолярной дуги	57	53	51	54	53,8	—	52	53	50	51,7
61. Ширина альвеолярной дуги	68	67	—	68	67,7	—	60	60	63	61,0
62. Длина нёба	51	46	47	49	48,3	—	46	45	44	45,0
63. Ширина нёба	39,4	40,1	—	42	40,5	—	35,5	34,2	34,1	34,6
55. Высота носа	53,2	47,4	52	53,5	51,5	—	47,6	51,2	52,3	50,4
54. Ширина носа	26,1	25	29,4	25,5	26,5	—	21,6	24,5	25	23,7
51. Ширина орбиты от mf	43,4	43,6	42,9	39,8	42,4	—	40,8	46	42	42,9
51a. Ширина орбиты от d	41,3	41,7	41,7	35,6	40,1	—	39,2	43,4	39,8	40,8

Окончание табл. 4

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
52. Высота орбиты	31,3	33,1	34,5	32,4	32,8	—	32,4	35	33	33,5
Бималлярная ширина	102,3	101,6	100,2	93,2	99,3	95,5	94,8	99,5	93	95,7
Высота назиона над бималлярной шириной	17,5	15	20,5	11	16,0	12,5	15,5	15,8	18,3	15,5
Зигомаксиллярная ширина	105	99,7	97,6	99,3	100,4	—	92,7	95,8	88,6	92,4
Высота субназале над зигомаксиллярной шириной	20,7	19,4	20,6	24,6	21,3	—	19,5	20	18,1	19,2
Назомаллярный угол	142,2	147,1	135,5	153,4	144,6	150,7	143,8	144,8	137	144,1
Зигомаксиллярный угол	137	137,5	134,2	127,3	134,0	—	134,4	134,7	135,5	134,9
SC. Симотическая ширина	10,4	4,3	11	7,6	8,3	—	5	7,6	8	6,9
SS. Симотическая высота	4,3	1,2	4,3	3,5	3,3	—	2,1	5	4,8	4,0
MC. Максиллофронтальная ширина	23,9	19,4	20,3	20,3	21,0	—	19	17,6	17	17,9
MS. Максиллофронтальная высота	8,5	5,8	7,8	7,7	7,5	—	5,7	7,8	7	6,8
DC. Дакриальная ширина	27	21,2	21,5	21,6	22,8	—	20,2	19,1	18,6	19,3
DS. Дакриальная высота	14,5	9,7	12,7	9,5	11,6	—	7,7	13,2	13,3	11,4
FC. Глубина клыковой ямки (мм)	6,1	6	4,1	4,2	5,1	—	4,2	5	3	4,1
Высота изгиба скуловой кости (по Бу)	—	12,3	10,2	10,2	10,9	—	10,5	8,4	10,8	9,9
Ширина скуловой кости (по Бу)	—	56,7	51,5	56	54,7	—	51,8	51,2	57,4	53,5
32. Угол профиля лба от назиона	85	86	86	78	83,8	—	90	77	87	84,7
GM/FH. Угол профиля лба от глабеллы	80	78	80	72	77,5	—	85	71	82	79,3
72. Общий угол профиля лица	86	86	90	84	86,5	—	83	89	91	87,7
73. Угол профиля средней части лица	88	87	91	84	87,5	—	85	91	96	90,7
74. Угол профиля альвеолярной части лица	74	84	87	84	82,3	—	79	82	78	79,7
75(1). Угол выступания носа	21	16	22	24	20,8	—	24	28	25	25,7
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	—	—	—	111	111,0	—	97	94	98	96,3
79. Угол ветви нижней челюсти	—	—	—	115	115,0	123	133	133	132	130,3
68. Длина нижней челюсти от углов	—	—	—	88	88,0	76	70	66	71	70,8
70. Высота ветви	—	57	—	59	58,0	—	53	51	52	52,0
71a. Наименьшая ширина ветви	—	35	—	37	36,0	29	36	35	36	34,0
65. Мыщелковая ширина	—	—	—	134	134,0	—	115	125	117	119,0
66. Угловая ширина	—	—	—	107	107,0	93	103	105	103	101,0
67. Передняя ширина	—	46	—	48	47,0	46	46	47	48	46,8
69. Высота симфиза	—	34	—	36	35,0	—	33	37	35	35,0
69(1). Высота тела	—	33	—	33	33,0	—	31	35	29	31,7
69(3). Толщина тела	—	12	—	12	12,0	—	10	12	14	12,0
C'. Угол выступания подбородка	—	70	—	68	69,0	—	68	73	74	71,7
Надпереносье (по Мартину 1 – 6)	4	4	4	4	4,0	3	1	3	3	2,5
Надбровные дуги (1 – 3)	2	2	2	3	2,3	2	1	2	2	1,8
Наружный затылочный бугор (по Брока 0 – 5)	3	2	1	1	1,8	2	2	0	2	1,5
Сосцевидный отросток (1 – 3)	2	2	3	3	2,5	1	2	2	3	2,0
Нижний край грушевидного отверстия	inf.	inf.	anthr.	f. pr.	—	f. pr.	anthr.	inf.	f. pr.	—
Передне-носовая ось (по Брока 1 – 5)	2	3	2	2	2,3	—	3	3	3	3,0

зигмаксиллярный углы горизонтального профиля лица, общий угол вертикального профиля лица, высоту и ширину носа, высоту и ширину орбит, дакриальные и симотические хорды и высоты, угол выступания носовых косточек.

К статистическому анализу был привлечен следующий материал:

1) с территории Горного Алтая сборная серия из нескольких могильников пазырыкской культуры (V – III вв. до н.э.) [Чикишева, 2000] и серия из кара-кобинской группы погребений;

2) из предгорных степных районов Алтая серия каменной культуры (III – II – начало I в. до н.э.) из могильников Масляха-1, 2 [Рыкун, 1999] и серия гунно-сарматского времени (последние века до нашей эры – первые века нашей эры) из могильников Гилево и Карболиха [Алексеев, Мамонова, 1988];

3) небольшая серия бийского этапа большебереченской культуры (V – III вв. до н.э.) из могильников Ордынское и Новый Шарап в Верхнем Приобье [Дремов, 1970];

4) суммарные серии черепов таштыкской [Алексеев, 1961] и тагарской [Козинцев, 1977] культур Минусинской котловины Алтае-Саянской орографической системы;

5) с территории Саян (современная Тыва) две краниологические серии из могильников гунно-сарматского времени Кокэль [Алексеев, Гохман, 1986] и Аймырлыг XXXI [Богданова, Радзюн, 1991], суммарная серия скифского времени по состоянию на 1959 г. [Алексеев, 1962] и суммарная серия из нескольких могильников предскифского или раннескифского времени (так называемые безвещевые погребения) [Алексеев, 1974];

6) с территории Монголии суммарная краниологическая серия хунну [Алексеев, Гохман, Тумен, 1987], серия скифского времени из могильника Улангом [Мамонова, 1980], суммированные по центральным и восточным районам (только мужские черепа) серии предскифского или скифского времени из так называемых плиточных могил [Алексеев, Гохман, Тумен, 1987], небольшая серия предскифского или скифского времени из безвещевых погребений в западных районах (только мужские черепа) [Алексеев, 1974];

7) суммарная краниологическая серия из гуннских могильников [Мамонова, 1974] и суммарная серия из погребений предскифского или скифского времени (плиточных могил) [Гохман, 1980] в Забайкалье;

8) с территории Казахстана две суммарные серии усуней: из Восточных (Среднее Прииртышье) (составлена В.В. Гинзбургом и Т.А. Трофимовой по собственным материалам и данным О. Исмагулова [Гинзбург, Трофимова, 1972]) и Центральных (Семиречье) [Исмагулов, 1962] районов;

9) объединенная серия саков и ранних усуней из нескольких могильников центральных районов Тянь-Шаня и Алайской долины (VII – III вв. до н.э.) и суммарная серия усуней (II в. до н.э. – II в. н.э.) из тех же районов (составлены по опубликованным и неопубликованным данным В.В. Гинзбурга, Н.Н. Миклашевской, И.В. Перевозчикова на основании антропологического сходства материала [Гинзбург, Трофимова, 1972]); суммарная серия из могильников “кенкольского типа” гуннского времени [Там же]; две серии из могильников сакского (Алагоу) и сако-усуньского (Чжаосу) времени (V – I вв. до н.э.) в восточных районах Тянь-Шаня (Синьцзян) [Хань Кансинь, 1995; Хань Кансинь, Пань Цифен, 1987];

10) с территории поволжско-уральских степей краниологическая серия из могильника Старые Кишки (западные предгорья Урала, бассейн р. Белой) (III – II в. до н.э.) [Акимов, 1968]; суммарные серии всех этапов развития культуры сарматов (IV в. до н.э. – IV в. н.э.) из разных могильников Западного Казахстана (Южное Приуралье) (уральская группа по Т.А. Тот и Б.В. Фирштейн [1970], Нижнего Заволжья (саратовская группа) [Там же] и Нижнего Поволжья (волгоградско-астраханская группа [Там же])). Кроме того, мы включили в анализ суммарную серию савроматов Нижнего Поволжья и Приуралья (VII – IV в. до н.э.) [Там же].

Морфологические особенности населения Горного Алтая в гунно-сарматское время

Средние краниологические характеристики мужской части суммарной серии гунно-сарматского времени представляют ее как брахикранную со средним продольным и большими поперечным и высотным диаметрами черепной коробки. Большая ширина лобной кости на уровне венечного шва сочетается с малой величиной ее ширины на уровне максимального сближения височных линий лобно-скулового отростка. Изгиб лба средний в медиально-сагиттальном и поперечном сечениях, углы его наклона на границе малых и средних значений признаков. Лицо широкое и высокое, со среднеуплощенным горизонтальным профилем и ортогнатным вертикальным. Орбиты имеют большие размеры, характеризуются мезоконхным высотно-широтным указателем. Ширина и высота носового отверстия имеет средние размеры, их соотношение дает мезоринный указатель. Переносье высокое, средней ширины. Носовые косточки средней ширины. Угол их выступания над общей линией профиля лица также средний.

Женская часть гунно-сарматской серии отличается от мужской менее высокой черепной коробкой, меньшим контрастом между поперечными лобными диаметрами за счет увеличения ширины лба на

уровне лобно-скуловых отростков, более вертикальным профилем лба, меньшим углом его поперечного изгиба и большей выпуклостью. Различия в строении лицевого отдела не выходят за пределы полового диморфизма. Из компонентов сагиттальной дуги наибольшую протяженность в обеих группах имеют теменные отрезки, наименьшую – затылочные.

Рассмотрим краниологический материал по отдельным могильникам. В серии из могильника Белый Бом II наблюдается его определенная морфологическая дифференциация. Обособляются мужские черепа с большими высотным и продольным диаметрами, средним поперечным, долихо-мезокранным черепным указателем, высоким и остро профилированным лицевым отделом. Другая совокупность мужских черепов характеризуется брахикрацией при малых высотном и продольном и большом поперечном диаметрах, средней высотой лица и большой вариабельностью углов его горизонтальной профилировки: остро профилированные, средние и сильно уплощенные варианты. Наклон лба в обеих совокупностях средний и сильный. Лобно-поперечный указатель малый, затылочно-теменной варьирует от больших до малых значений признака. Лицо равномерно широкое, с прямым вертикальным профилем. Переносье и спинка носа высокие, угол выступления носовых костей средний и выше среднего.

В женской группе серии присутствуют брахикранные и долихокранные варианты с малой высотой черепной коробки. Ширина лба средняя, но уменьшение значений признака связано с долихократией. Наклон лба у долихократных вариантов средний, а у брахикратных и малый, и сильный. Лобно-поперечный указатель большой. Поперечные диаметры лицевого отдела характеризуются величинами выше средних значений, верхняя высота лица большая. Вертикальный профиль лицевого отдела у всех без исключения субъектов прямой, характеристики же горизонтального профиля очень сильно варьируют на верхнем уровне – от клиноплых до гиперплатиопных вариантов, тогда как на среднем уровне наблюдаются только мезогнатные. Переносье и спинка носа высокие, углы выступления носовых костей выше среднего и большие.

В серии из Белого Бома II, безусловно, фиксируется смешанность нескольких вариантов как европеоидного, так и монголоидного типа. Заметного усиления монголоидности (априори предполагаемого для групп гунно-сарматского времени) по сравнению с предшествующими группами пазырыкского населения Алтая не наблюдается. А вот внедрение европеоидного компонента, близкого к вариантам палеоевропейского расового типа, но с более высоким лицом, заметить можно.

В небольшой серии из могильника Кара-Бом-11 представлены только брахикранные морфологические формы, которые вполне сопоставимы с брахикранны-

ми вариантами в серии из Белого Бома II. На женских черепах из Кара-Бома-11 наблюдается большая вариабельность признаков лицевого отдела, заключающаяся в самом разнообразном сочетании основных диаметров лица, признаков его горизонтальной профилированности и структурных элементов носового отдела. Мужские же черепа умеренно широколицы и высоколицы, ортогнатны, остро профилированы в горизонтальной плоскости, с сильным выступанием переносья и большим углом выступления носовых костей. В целом серия представляется европеоидной с небольшой монголоидной примесью в женской группе. Проявления каких-либо иных расовых компонентов, помимо зафиксированных в Горном Алтае в предшествующее скифское время [Чикишева, 1996, 1997], не наблюдается.

В небольшой серии с плато Укок оба мужских черепа из Кальджина-6 и череп из Ак-Кола имеют идентичное строение. Они брахикранные, с характерным строением лобного отдела, сочетающим очень большую протяженность по медиально-сагиттальной линии, сильную выпуклость чешуи и резкое выступание бугров, очень плоское поперечное сечение, а также малую ширину на уровне наибольшего сближения височных линий при резком расширении поперечника чешуи. Лицевой отдел очень широкий и очень высокий, ортогнатный, плоский. Выступление переносья и особенно спинки носа резкое, но в то же время угол носовых костей с общей линией профиля лица малый. Аналогичные характеристики имеют женские черепа из Кальджина-6 и Верхнего Кальджина II, за исключением гипертрофированно высокого вертикального диаметра лицевого отдела. Налицо преобладание морфологического комплекса высоколицых монголоидов, ареалы локализации которых связаны с восточными районами Сибири и Центральной Азии. Исходя из морфологических особенностей женских черепов, допустимо также предположить и присутствие монголоидного компонента со средневысоким лицом.

Фрагментарная серия мужских черепов из могильника Боочи может быть охарактеризована следующим образом. Черепа крупные, долихокранные и долихо-мезокранные, очень высокие, с индивидуальным варьированием компонентов сагиттальной дуги. Лобная кость средней и малой ширины, однако лобно-поперечный указатель монотонно средний. Наклон лба сильный или средний. Рельеф надбровья сильный. Лицевой отдел широкий и высокий, ортогнатный, с легкой или средней уплощенностью верхнего уровня и острой профилировкой среднего. Выступление переносья и спинки носа среднее и выше среднего. Угол носовых костей с линией общего профиля лица средний и больше среднего. Нам представляется, что описанный морфологический комплекс имеет сходство с комплексом, характеризующим европеоидный

компонент, выделенный в серии I в. до н.э. из Белого Бома II. Ближайшую аналогию им мы находим в тагарских сериях Южной Сибири.

И наконец, дадим характеристику небольшой краниологической серии, происходящей из погребений кара-кобинского типа. Прежде всего отметим, что исследованная нами серия отличается от опубликованной В.А. Дремовым [Дремов, 1990] большей выраженностью монголоидного компонента. Это проявляется в сильной степени горизонтальной уплощенности лицевого скелета на мужских и женских черепках и существенно меньшем угле выступления носа на мужских. Судя по исследованным нами черепам, кара-кобинцы высокоголовые, с очень широким средневысоким ортогнатным и довольно плоским на фоне других алтайских материалов эпохи раннего железа лицом, крупными низкими орбитами. Вместе с тем мужские и женские черепа серии не вполне идентичны. Мужские – мезокранные, с широким лбом, широким носовым отверстием, малым углом выступления носа; женские – брахикранные (встретившийся в серии единственный долихокранный экземпляр принадлежит женскому полу и отличается от прочих максимальной выраженностью для серии европеоидных черт), с узким или средней ширины лбом, очень узким носовым отверстием и большим углом выступления носа. Показатели профилированности (выступления) переносятся на женских черепках выше.

Обобщая наши данные с результатами, полученными В.А. Дремовым, можно предположить сложность антропологического состава людей, погребенных по кара-кобинскому типу. Выявляются два базовых компонента. Европеоидный, с широким средней высоты лицом, проявляющий тенденцию к его уплощенности в верхнем отделе, морфологически ближе всего к антропологическим вариантам протоевропейской расы, известным у носителей степных культур эпохи бронзы Евразии. Монголоидный компонент, с брахикранным и относительно высокой черепной коробкой, средневысоким лицом и выступающим переносом имеет, по видимому, автохтонное происхождение и генетически связан с носителями каракольской культуры (существовавшей на территории Горного Алтая в конце II тыс. до н.э.) и местными неолитическими племенами [Чикишева, 2000]. Мы уже неоднократно писали о том, что этот компонент лежит в основе антропологического состава носителей пазырыкской культуры [Чикишева, 1996, 1997, 1998]. В исследованном нами палеоантропологическом материале из погребений кара-кобинского типа он обнаружен в наиболее “чистом” виде.

Суммируя итоги анализа краниологических серий гунно-сарматского времени Горного Алтая и сопоставляя их с результатами антропологического исследования материалов пазырыкской культуры, мы приходим к заключению, что чрезвычайное усиление по-

литической и военной активности племенного объединения хунну не повлекло за собой смены расового состава населения на территории Горного Алтая. В погребениях рубежа нашей эры (I в. до н.э. – I в. н.э.) здесь доминирует брахикранный антропологический пласт, который мы считаем автохтонным для обширного региона, включающего Алтай, Тыву и Западную Монголию [Чикишева, 2000]. На его основе формировалось в регионе население скифского времени. Один из вариантов этого пласта вошел в состав козльской популяции гунно-сарматского времени Тывы [Алексеев, Гохман, 1986]. Исследователи палеоантропологического материала из могильника Кокэль относят данный компонент к вариантам европеоидных расовых типов, объясняя уплощенность горизонтального профиля лицевого скелета, которая, присутствует в краниологическом облике носителей целого ряда культур сакского типа, монголоидной примесью [Там же, с. 103]. Однако та его модификация, которая обнаруживается в могильниках ранних кочевников Горного Алтая, демонстрирует преобладание монголоидных значений признаков расоводиагностического комплекса при отсутствии в регионе какого-либо иного монголоидного компонента.

Преобладающая в кара-кобинской серии комбинация признаков свидетельствует о доминирующей роли автохтонного компонента в формировании физического типа представленной ею группы ранних кочевников Горного Алтая. Следовательно, кара-кобинская группа могла принимать участие в генезисе гунно-сарматского населения. Однако наши данные по кара-кобинцам малочисленны, поэтому мы не можем на их основании решать, могла или не могла именно эта группа населения эпохи раннего железа стать субстратом новой культуры гунно-сарматского типа. Контраргументом является эпизодичность кара-кобинских погребений и не обнаруженный до сих пор ареал их повышенной концентрации в отрыве от могильников с типично пазырыкскими захоронениями [Полосмак, 1994].

Заметное увеличение доли монголоидного компонента, по сравнению с предшествующим пазырыкским населением, отмечается только на юге Горного Алтая на плато Укок. Именно там обнаружен высоколикий монголоидный компонент, который можно связать с хунну Забайкалья и Монголии. О проникновении хуннского населения или близких ему по культуре и физическому типу групп в южные районы Горного Алтая свидетельствуют и археологические данные. По мнению В.И. Молодина и Д.В. Черемисина, плато Укок могло быть северной периферией транзита из Северо-Западной Монголии и Китая на территорию Восточного Казахстана, в бассейн Иртыша и в Центральный Алтай [1996].

Уже на рубеже нашей эры в антропологическом составе населения центральных районов Горного Алтая фиксируется вариант европеоидного расового

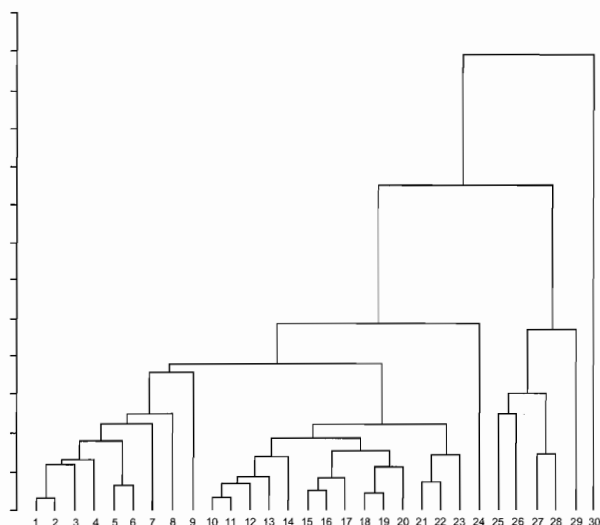

Рис. 1. Дендрограмма кластеризации четырех главных компонент, выделенных по комплексу признаков в совокупной мужской краниологической серии.

1 – гунно-сарматское население Горного Алтая, 2 – гунно-сарматское население Тывы (могильник Аймырлыг), 3 – гунно-сарматское население Киргизии (могильник Кенкол), 4 – носители пазырыкской культуры, 5 – усуньское население Восточного Казахстана, 6 – усуньское население Семиречья, 7 – носители кара-кобинской культуры, 8 – усуньское население Синьцзяна (могильник Чжаосу), 9 – гунно-сарматское население Тывы (могильник Кокэль), 10 – скифское население Северного Алтая (могильник Мосляха), 11 – скифское население Тывы, 12 – сако-усуньское население Тянь-Шаня, 13 – носители культуры безвещевых погребений Тывы, 14 – скифское население Синьцзяна (могильник Алагоу), 15 – скифское население Северо-Западного Алтая (могильник Гилево), 16 – носители таштыкской культуры, 17 – усуньское население Тянь-Шаня, 18 – скифы Западной Монголии (могильник Улагом), 19 – сарматское население Нижнего Поволжья, 20 – сарматское население Приуралья, 21 – сарматское население Западного Казахстана, 22 – сарматское население Заволжья, 23 – носители тагарской культуры, 24 – носители большереченской культуры, 25 – хуннское население Монголии, 26 – хуннское население Забайкалья, 27 – носители культуры плиточных могил Центральной Монголии, 28 – носители культуры плиточных могил Забайкалья, 29 – носители культуры плиточных могил Восточной Монголии, 30 – носители культуры безвещевых погребений Монголии.

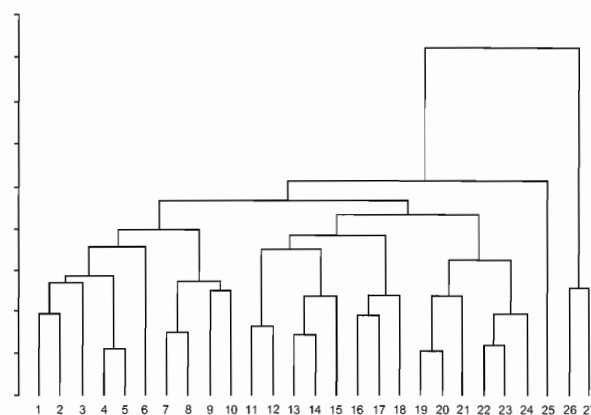

Рис. 2. Дендрограмма кластеризации четырех главных компонент, выделенных по комплексу признаков в совокупной женской краниологической серии.

1 – гунно-сарматское население Горного Алтая, 2 – гунно-сарматское население Тывы (могильник Кокэль), 3 – носители таштыкской культуры, 4 – носители пазырыкской культуры, 5 – усуньское население Семиречья, 6 – усуньское население Синьцзяна (могильник Чжаосу), 7 – гунно-сарматское население Тывы (могильник Аймырлыг), 8 – хуннское население Монголии, 9 – скифское население Тывы, 10 – усуньское население Тянь-Шаня, 11 – скифское население Северного Алтая (могильник Мосляха), 12 – носители культуры безвещевых погребений Тывы, 13 – усуньское население Восточного Казахстана, 14 – савроматское население Нижнего Поволжья и Приуралья, 15 – носители большереченской культуры, 16 – скифы Западной Монголии (могильник Улагом), 17 – сако-усуньское население Тянь-Шаня, 18 – скифское население Синьцзяна (могильник Алагоу), 19 – сарматское население Заволжья, 20 – сарматское население Нижнего Поволжья, 21 – носители тагарской культуры, 22 – сарматское население Западного Казахстана, 23 – носители кара-кобинской культуры, 24 – сарматское население Приуралья, 25 – гунно-сарматское население Киргизии (могильник Кенкол), 26 – хуннское население Забайкалья, 27 – носители культуры плиточных могил Забайкалья.

типа, сходный с основным расовым компонентом представителей тагарской культуры (могильник Белый Бом II). У погребенных III в. н.э. из могильника Боочи этот тип преобладает. Теоретически возможно идентифицировать его с основным антропологическим пластом тагарской культуры и предполагать миграции каких-то групп тагарцев на Алтай, где они вошли в состав части племен гунно-сарматского времени. Однако окончательное решение этого вопроса требует более репрезентативных материалов.

Заключение

Заканчивая обзор антропологических материалов гунно-сарматского времени Горного Алтая, мы предла-

гаем читателям результаты сопоставления составленной из них суммарной серии с широким спектром краниологических материалов культур ранних кочевников Евразии.

Дендрограммы кластеризации первых четырех главных компонент (рис. 1, 2) наглядно демонстрируют полученные нами итоги типологического анализа групп погребенных в гунно-сарматских могильниках центральных и южных районов Горного Алтая. Кроме того, они выявляют несколько тенденций в расовой дифференциации этнокультурных групп кочевников Евразии на рубеже эпох.

Во-первых, сопряженность ареалов формирования базовых антропологических комплексов и локальных этнокультурных объединений характерна для мужского

населения. Женское население более смешанное в этом отношении, что свидетельствует об открытости системы брачных связей в большинстве групп кочевников.

Во-вторых, представители племенного объединения хунну фактически обособились от остальных групп, связанный с ними антропологический субстрат не мог оказать какое-либо существенное влияние на кочевое население степей Евразии. Исключением является женская группа суммарной серии хунну Монголии, что можно объяснить спецификой формирования состава мужского и женского слоев обществ, определяемой, как указывалось выше, не только особенностями исторических событий в регионе, но и характером социальных и брачных связей тех коллективов, антропологический состав которых отражают анализируемые материалы.

В-третьих, кочевое население Евразии разделилось на две совокупности с разным соотношением базовых антропологических компонентов. Интересно, что граница между ареалами их локализации в какой-то степени совпадает с условной демаркационной линией, разделяющей регион на две географические провинции. Та совокупность, в которую вошло мужское население гунно-сарматского времени из Горного Алтая, объединяет также представителей Тывы, Синьцзяна и Киргизии, усуней Семиречья и Восточного Казахстана, пазырыкцев и каракобинцев. Ареалы этих групп сопредельны и фактически представляют единую территорию на юге кочевого мира Евразии, совпадающую с орографическими системами Алтая, Восточного Тянь-Шаня и Восточного Саяна. Другая совокупность объединила в основном группы кочевников, географически связанные с северной провинцией региона – предгорьями Алтая, лесостепными котловинами Западного Саяна и поволжско-приуральскими степями.

И наконец, структура дендрограмм отражает большую роль в генезисе антропологического состава гунно-сарматского населения Горного Алтая носителей классической пазырыкской культуры, а не ее каракобинского варианта.

Список литературы

- Акимов М.С.** Антропология древнего населения Приуралья. – М.: Наука, 1968. – 119 с.
- Алексеев В.П.** Палеоантропология Хакасии эпохи железа // Сб. МАЭ. – 1961. – Т. 20. – С. 238 – 327.
- Алексеев В.П.** Основные этапы истории антропологических типов Тувы // СЭ. – № 3. – 1962. – С. 49 – 58.
- Алексеев В.П.** Новые данные о европеоидной расе в Центральной Азии // Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 370 – 390.
- Алексеев В.П., Гохман И.И.** Антропологический состав и происхождение населения, оставившего могильник

Кокзель // Проблемы антропологии древнего и современного населения Советской Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 87 – 107.

Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумен Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 208 – 241.

Алексеев В.П., Мамонова Н.Н. Палеоантропологические материалы последних веков до нашей эры и тюркского времени с территории Северо-Западного Алтая // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 3 – 21.

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1. – 380 с.

Богданова В.И., Радзюн А.Б. Палеоантропологические материалы гунно-сарматского времени из Центральной Тувы // Сб. МАЭ. – СПб., 1991. – Т. 44: Новые коллекции и исследования по антропологии и археологии. – С. 55 – 100.

Бокоренко Н.А., Мошкова М.Г., Могильников В.А. Основные проблемы в изучении памятников древних скотоводов Западной и Южной Сибири и Забайкалья // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 151 – 160.

Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. – М.: Наука, 1972. – 371 с.

Гохман И.И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Сб. МАЭ. – Л., 1980. – Т. 36: Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. – С. 5 – 34.

Дремов В.А. Материалы к антропологии большереченской культуры // Известия лаборатории археологических исследований. – Кемерово: Кемер. гос. пед. ин-т, 1970. – С. 99 – 108.

Дремов В.А. Центральназиатские связи населения Горного Алтая в эпоху раннего железа по данным антропологии // Археология и этнография южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 1990. – С. 132 – 142.

Исмагулов О. Антропологическая характеристика усуней Семиречья // Тр. Ин-та истории, археологии, этнографии АН КазССР. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1962. – Т. 16. – С. 168 – 191.

Козинцев А.Г. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. – Л.: Наука, 1977. – 144 с.

Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1990. – 19 с.

Мамонова Н.Н. К антропологии гуннов Забайкалья // Расогенетические процессы в этнической истории. – М.: Наука, 1974. – С. 201 – 228.

Мамонова Н.Н. Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии // Сб. МАЭ. – Л., 1980. – Т. 36: Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. – С. 60 – 74.

Молодин В.И. Укок-1995 – новые находки и открытия // III Годовая итоговая сессия Института археологии и этнографии СО РАН. Ноябрь 1995 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1995. – С. 87 – 89.

Молодин В.И. Могильники Кальджин-6 и Ак-Кол-1 на плоскогорье Укок и их культурно-хронологическая

интерпретация // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы V Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, посвященной 40-летию Сибирского отделения РАН и 30-летию Института истории, филологии и философии. Декабрь 1997 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – С. 230 – 232.

Молодин В.И., Черемисин Д.В. Культуры гуннского времени на плоскогорье Укок (Южный Алтай) // 100 лет гуннской археологии: Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен: Тез. докл. Междунар. конф. – Улан-Удэ: б.и., 1996. – Ч. 1. – С. 47 – 49.

Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура // Древние культуры Бертекской долины. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 137 – 144.

Рыкун М.П. Материалы по краниологии населения Северного Алтая раннего железного века (каменская культура) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: Изд. отд. Ин-та проблем освоения Севера СО РАН, 1999. – Вып. 2. – С. 78 – 86.

Савинов Д.Г. Гунно-сарматское время // Древние культуры Бертекской долины. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 144 – 146.

Тот Т.А., Фишгейн Б.В. Антропологические данные к вопросу о Великом переселении народов: Авары и сарматы. – Л.: Наука, 1970. – 202 с.

Чикишева Т.А. К вопросу о формировании антропологического состава населения пазырыкской культуры Горного Алтая // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Материалы IV Годовой итоговой сес-

сии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1996 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 249 – 252.

Чикишева Т.А. К вопросу об антропологическом сходстве населения пазырыкской культуры и сакской этнокультурной общности // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Материалы V Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, посвященной 40-летию Сибирского отделения РАН и 30-летию Института истории, филологии и философии СО РАН. Декабрь 1997 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – С. 314 – 320.

Чикишева Т.А. Особенности динамики антропологического состава населения Горного Алтая в древности // Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы международного симпозиума. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 631 – 643.

Чикишева Т.А. Новые данные об антропологическом составе населения Алтая в эпохи неолита – бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2000. – № 1. – С. 139 – 148.

Хань Каньсинь. Изучение древних погребений в Алагоу // Сычоу чжилу гудай цзюйминь чжунцзу хэньлэйсюэ яньцзю (Изучение расовой антропологии населения Шелкового пути). – Урумчи: Синьцзян жэнминь, 1995. – С. 71 – 175 (на кит. яз.).

Хань Каньсинь, Пань Цифен. Изучение антропологических материалов из могильника Чжаосу (Синьцзян) // Каогу Сюэбао. – 1987. – № 4. – С. 503 – 523 (на кит. яз.).

Материал поступил в редколлегию 04.05.2000 г.

НЕБЕСНЫЙ ВСАДНИК (жертвенные покрывала северных хантов)

Введение

Группа березовских хантов получила свое (условное) название по имени поселка Березово, в районе которого по берегам рек Большая Обь, Малая Обь и Вогулка находятся места их проживания (Березовский и Белоярский районы Тюменской обл.).

Группа формировалась в значительной степени при участии северных манси. Об этом свидетельствуют записи метрических книг и ревизских переписей, результаты анализа брачных связей, лингвистические, антропологические, фольклорные и другие данные.

В XVIII – XIX вв. селения, находившиеся в бассейне Большой и Малой Оби около Березова, относились к Подгородной вол. В XVIII в. ее население в этническом отношении, по мнению З.П. Соколовой, вероятно, было однородным – хантыйским по происхождению [1983, с. 33]. Оно имело постоянные брачные контакты с жителями Сосьвинской и Ляпинской волостей (манси) [Миненко, 1975, с. 144; Бабаков, 1976, с. 110; Соколова, 1990]. К концу века население Подгородной вол. более чем удвоилось, при этом численность проживающих на Северной Сосьве уменьшилась на 34%. С этого времени на Оби манси стали расселяться по соседству с хантами [Соколова, 1982, с. 31].

В XIX в. интенсивные процессы смешения хантыйского и пришлого мансийского населения продолжились, следствием чего являются сходство черт в их культуре и языке и обилие общих для ляпинско-сосьвинских манси и нижнеобских хантов имен и фамилий [Абрамов, 1857, с. 332; Соколова, 1990, с. 36 – 37, 40, 70].

Активная миграция вогулов с Северной Сосьвы на Обь для рыбного промысла* продолжалась и на

рубеже XIX – XX вв. [Якобий, 1898; Руденко, 1913], поэтому этническая принадлежность жителей ряда обских селений определялась известными исследователями по-разному. Так, С.К. Патканов отнес большую часть жителей Сурейских юрт к манси (1897 г.), а А. Каннисто – к хантам (1901 г.) [Соколова, 1983, с. 33]. По мнению выдающегося исследователя Севера В.Н. Чернецова, работавшего в 1920 – 1930-х гг. в данном регионе, Тугияны были промежуточным селением между манси и хантами, а селение Пастыр уже чисто хантыйским. *Пастыр ех* и *Пастыр махум* он отнес к одному роду, который в равных долях представляли манси и ханты [Источники..., 1987, с. 213, 215].

Лингвистические данные также свидетельствуют об активных контактах хантов и манси на территории Подгородной вол. Г.Ф. Миллер, находившийся здесь в начале XVIII в., полагал, что коренными жителями Оби вверх и вниз по течению относительно устья Северной Сосьвы являлись в основном остяки, в меньшей степени – вогулы [1937, с. 284]. Жители нескольких расположенных ниже Нарикарских юрт деревень на Малой Оби понимали остяцкий, но говорили на вогульском, употребительном на Северной Сосьве [Сибирь..., 1996, с. 231 – 232]. Работавший в истоках Вогулки в конце XIX в. Й. Папай отмечал, что проживавшие здесь вогулы и остяки понимали оба языка. Его информатор из Вош-Пиртым-корт ясно не представлял себе – вогул он или остяк, т.к. с детства одинаково хорошо говорил на обоих языках [1995, с. 198]. Большую долю вогульского элемента на Малой Оби и даже преобладание здесь вогульского языка отмечал С.И. Руденко. Провести резкую границу между остяками и вогулами в этом районе было для него затруднительно [1913, с. 30]. В 1937 г. В.Н. Чернецов считал, что обские манси в языковом отношении

* Вогулы, отправляясь на рыбную ловлю на Обь, брали с собой и небольшую часть жертвенных одежд [Kannisto, 1958, S. 316].

находились в значительной степени под хантыйским влиянием. Его информатор (вогул), говоря по-мансийски, называл себя манси, говоря же по-хантыйски, отнесил себя к хантам [Источники..., 1987, с. 239].

Сопоставлением антропологических материалов по обским уграм занималась Г.М. Давыдова. Выявленные различия между северными манси и северными хантами оказались столь малы, что ею был сделан вывод о смешанном составе этих двух групп: в составе манси представлен хантыйский компонент, а в составе березовских хантов – мансийский. Таким образом, по своему физическому типу северные манси и северные ханты едины [1989, с. 166 – 167].

Переселению вогулов на Обь посвящен ряд сказаний. Обрушившаяся на землю огненная вода разнесла людей по разным уголкам земли. Людей из селения Мункес на р. Ляпин, близ которого находилось святилище “семи богатырей крылатых Пастэр”, унесло на Обь, где впоследствии появились Пашторские юрты. Манси на Ляпине и ассимилированные хантами на Оби манси в Пашторских юртах считаются кровными родственниками и называют друг друга “брат” и “сестра” [Чернецов, 1939 с. 27; Ромбандеева, 1993, с. 36, 44]. Другое сказание повествует о переселении мансийских семей на Обь с Северной Сосьвы и о почитаемых ими духах. Когда сын *Полум-торума* “Пельмского бога” поселился на мысу близ Сури, в этом месте образовалось мансийское селение. В Горно-Сурейских юртах стали жить манси – выходцы из селения Хангласам на Северной Сосьве; они относились к *Нярас-махум* “Народу Лягушки” [Мифы..., 1990, с. 433].

Таким образом, согласно приведенным выше данным, в группе березовских хантов велика доля мансийской составляющей. Публикуемый в статье материал о ритуальном одеянии и снаряжении, приносимом в дар Небесному всаднику, подтверждает этот вывод на материалах культовой атрибутики.

Характеристика жертвенных покрывал

В представлениях обских угров многие духи-покровители являлись богатырями. Любимым и наиболее почитаемым из них был Небесный всадник – младший сын *Нуми-Торума* – *Мир-сусне-хум* (у манси), *Мир-вантты-хэ* “Мир осматривающий мужина”, *Астый-ики* “Верховьев Оби мужина” или *Урт-ики*, *Вэрт* (у хантов). По мнению ряда исследователей, этот персонаж пантеона был заимствован предками манси и хантов из иранской мифологии. Стабильные многовековые контакты угров (во время их проживания в степях Южной Сибири) с Ираном не прошли бесследно. Угры восприняли не только образ Митры, но и соответствующую идеологию, которая после определенной трансформации в их среде, стала доминировать в ре-

лигиозном сознании манси и хантов [Топоров, 1975; Гемуев, 1990].

В дар Небесному всаднику приносили, прежде всего, ритуальные предметы богатырского одеяния и снаряжения. Большая их часть была выполнена из сукна и украшена фигурой скачущего всадника. Поскольку этими предметами покрывали спину жертвенного коня или оленя, их называют жертвенными покрывалами. Считалось, что стабильное существование семьи, дома, равно как и здоровье его обитателей, напрямую связано с наличием в доме покрывала, украшенного изображением божества *Мир-сусне-хума* / *Мир-вантты-хэ* – покровителя семьи [Гемуев, 1990]. Покрывала представляли собой, как правило, полотнища прямоугольной формы с четырьмя, шестью или семью фигурами всадников; они символизировали “седло бога”. Богатырю шили пояс и украшали его изображениями четырех-пяти всадников. В комплект входили также шлем со вшитыми фигурами четырех или семи всадников и суконный колчан, на лицевой стороне которого находились семь изображений медведей, ящериц или выдр. Когда в жертву *Вэрту* приносили лошадь, то ожидали прибытия на церемонию самого Небесного всадника. Чтобы конь бога не касался грешной земли, для его копыт заранее ставили четыре серебряных блюдца, а на спину укладывали ритуальные “седло”, пояс, халат, колчан и шлем: в богатырском одеянии на жертвенном коне *Вэрт* был готов вознестись на небо.

Обычай изготавливать ритуальную одежду и снаряжение соответствовал традиции обских угров использовать повторно в обрядовой практике не только боевое оружие (сабли, панцири, наконечники копий и т.д.), но и элементы военной формы, например, для обозначения фигур богатырей-предков. По информации К. Карьялайнена, в одном из культовых амбаров на Иртыше среди одежд, принесенных духу, был длинный солдатский сюртук с блестящими пуговицами и галунами [1995, с. 61]. “Святые” вещи П.С. Таратова (манси) из Верхне-Нильдино включали серебряные эполеты первой трети XIX в. Сердцевинной изображения духа-покровителя в Тугиянах являлся киверный герб русского пехотинца 1833 – 1843 гг.

Жертвенные покрывала обских угров попали в поле зрения исследователей лишь в начале XX в. (А. Каннисто, С.И. Руденко). Это не удивительно: покрывала являлись атрибутом церемонии жертвоприношения, на которую ученому-этнографу попасть было нелегко. Православная церковь преследовала подобные обряды, и они обычно проводились без посторонних. Кроме того, изображение небесного всадника мог видеть только хозяин покрывала, в противном случае его семью ждали неисчислимые бедствия. Поэтому лицевую сторону покрывала нередко зашивали головным платком или же изделие при-

Элементы оформления жертвенных покрывал березовских хантов, экз.

Ритуальный предмет	Четыре всадника	Пять всадников	Шесть всадников	Семь всадников	Всадник/ медведь	Медведь	Ящерица	Выдра	Всего
“Седло”	2	—	1	20	—	—	—	—	23
Пояс	13	2	—	1	1	—	—	—	17
Шлем	3	—	—	16	—	—	—	—	19
Колчан	—	—	—	—	—	5	6	2	13

жертвоприношении клали на спину коня “лицом” вниз.

Первая статья, специально посвященная жертвенным покрывалам, была опубликована в 1949 г. Н.Ф. Прытковой. Материал о них в той или иной степени рассматривался в работах С.И. Руденко [1929], В.Н. Чернецова [1939], Т. Вахтер [Vahter, 1953], С.В. Иванова [1954], А. Каннисто [Kannisto, 1958], В.Ю. Лещенко [1981], Э. Саара [1985]. На сегодняшний день наиболее полно описаны ритуальные атрибуты богатырского одеяния и снаряжения у северных манси [Гемуев, 1990; Гемуев, Бауло, 1999] и казымских хантов [Бауло, 1997].

Составленная мной за последние годы картотека содержит материалы о 220 жертвенных покрывалах обских угров*: 125 экз. принадлежали манси и 95 экз. — хантам. Последняя цифра суммирует 23 атрибута казымских хантов (почти все они опубликованы) и 72 атрибута, зафиксированных мной в 1997 — 1999 гг. у березовских хантов (см. таблицу). Все они вводятся в научный оборот впервые.

Материал был собран в селениях Тугияны (31 экз.) и Ванзеват (11 экз.) (р. Большая Обь), Теги (р. Малая Обь) (4 экз.), Пашторы (междуречье Большой и Малой Оби) (7 экз.), Тутлейм (17 экз.) и Пугоры (2 экз.) (р. Вогулка) в семьях Гришкиных, Молдановых, Новыховых, Лельховых и Туевых. Атрибуты выполнены из сукна двух (59 экз.) и трех (13 экз.) цветов. Преобладают следующие пары цветов: красный — черный (25 экз.), красный — синий (16 экз.), красный — зеленый (13 экз.), красный — черный — зеленый (7 экз.). Красный цвет сукна присутствует на 68 изделиях, черный — на 34, зеленый — на 26, синий — на 21.

Березовские ханты большую часть “святых вещей” хранят на специальной полке в углу комнаты и на чердаке. У задней стены чердачного помещения в правом или левом углу на бревнах обычно устроен помост из досок, на котором стоят сундуки и чемоданы с жертвенной атрибутикой, относящейся к разным поколениям семьи. У входа на чердак нередко кладут нож (оберег), на пол — оленьи рога и кости, лапку козла, на перекладинах вешают лошадиные и овечьи шкуры, мешочки с гусиным пухом, платки, куски материи, крылья петухов.

* Сюда не включены островерхие шапки с изображением глухарки, поскольку они в данном случае не играют самостоятельной роли: их шили в Тутлейме одновременно с “седлом”.

В домашних святилищах манси в одном сундуке сложены жертвенные дары сразу нескольким богам, у березовских хантов в каждом сундуке или чемодане нередко хранятся подарки одному духу-покровителю: *Калтась-ими*, *Ем-вож-ики*, *Вэрту*, Лягушке и т.д. Преобладающая часть жертвенных шлемов и поясов в сундуках лежит на шкуре лисы или накрыты ею.

Покрывала березовских хантов (“седло”, пояс, шлем, колчан) называют *ханши* “узор, рисунок”. Кроме этого, часть информаторов употребляет термины *емынг* (хант.) и *ялпынг* (манс.) “святой”.

Комплект ритуального одеяния и снаряжения Небесного всадника варьируется в разных поселках. В Тутлейме одновременно шили “седло” и островерхую шапку; в Пугорах — сначала пояс, затем “седло” и островерхую шапку; в Тегах преобладали “седла” и шлемы; в Ванзевате, Пашторах и Тугиянах пояс и шлем изготавливали с перерывом в несколько лет, в последнем селении атрибутика всадника дополнялась колчаном; в Соматнеле, расположенном рядом с Ванзеватом, пояс и шлем делали одновременно из одного сукна. По одной информации, шлем шили молодому мужчине вскоре после женитьбы, по другой — поводом для шитья могла быть первая после свадьбы болезнь хозяина дома, его жены или детей. “Шаманы гадают: бабушка-шаманка сидит и все тебе скажет. С духами поговорит, потом встает: вот так и так тебе делать надо”. Пояс шили позже шлема, не менее чем через 5 — 7 лет.

Остановлюсь подробнее на характеристике отдельных элементов богатырского одеяния и снаряжения у березовских хантов.

“Седло”. Божьи “седла” у северных хантов обнаружены в нескольких вариантах:

1. Квадратное покрывало с четырьмя фигурами всадников (рис. 1); подобная форма более всего характерна для мансийских изделий.

2. Прямоугольное покрывало с шестью фигурами всадников (рис. 2). Замечу, что у хантов оно фиксируется лишь во второй раз, ранее схематичное изображение подобного покрывала было опубликовано А.М. Сязи [1995, с. 282].

3. Покрывала с семью фигурами всадников. Известны трех видов: а) полотнище прямоугольной формы с расположением всадников в три ряда (2 — 3 — 2) (рис. 3, 1); б) полотнище прямоугольной формы с расположением шести всадников в три ряда, седьмая

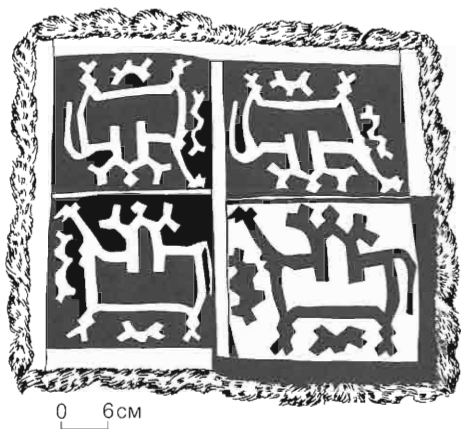

Рис. 1. Жертвенное покрывало (Тугияны).

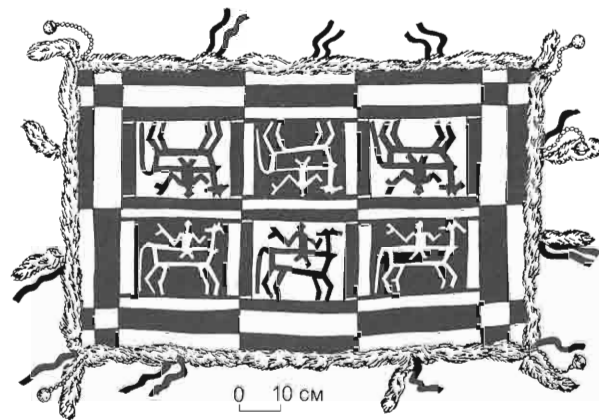
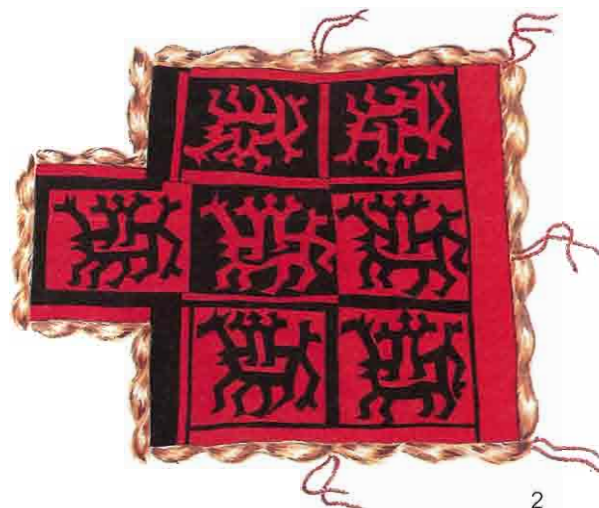

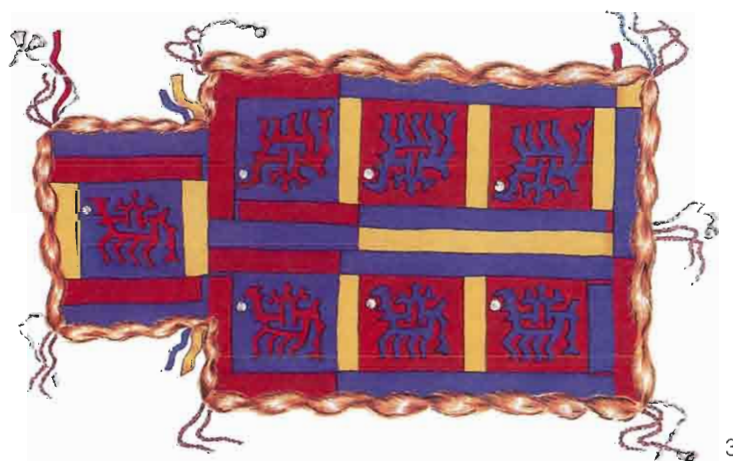
Рис. 2. Жертвенное покрывало (Теги).

1

2

3

Рис. 3. Жертвенные покрывала “седла” (Тутлейм).
1 – 86 × 70 см, 2 – 92 × 76 см, 3 – 116 × 76 см.

фигура всадника на отдельном квадрате вынесена за пределы основного поля (рис. 3, 2), покрывала такой формы преобладают у манси, проживающих в верховьях Северной Сосьвы [Гемуев, Бауло, 1999, с. 26 – 52]; в) вариант отличается от предыдущего лишь тем, что шесть фигур расположены в два ряда (рис. 3, 3), одно из подобных покрывал встречено у манси в с. Кимкъясуи [Там же, с. 152].

Пояса. Пояс с фигурами всадников выполнялся из четырех (рис. 4, 1), реже пяти (рис. 5, 1) квадратов сукна двух-трех расцветок. Квадраты по периметру оторочены лисьим мехом. К числу уникальных можно отнести пояс с семью фигурами всадников, лицевая сторона которого была зашита куском красной ткани (рис. 5, 2). К одной из сторон пояса нередко пришивали шкурку с лисьей головы, к другой – лисий хвост. На фигуры всадников нашивали серебряные монеты. По информации В.Н. Чернецова, подобные пояса назывались *урт тоу сас ланкуп* “богатыря лошади спины покрывало”. Их делали, в частности, и для подношения в Троицкие юрты – место почитания *Мир-сусне-хума* [Источники..., 1987, с. 240].

Необычный жертвенный пояс из сукна красного и зеленого цвета, отороченный лисьим мехом, встречен в Ванзевате в доме И.К. Молданова (род. в 1934 г.). Пояс был сшит в 1960 г. после рождения сына хозяина дома. В первый, третий и пятый квадраты вшиты фигуры медведей, во второй и четвертый – всадников (рис. 6). Различий по составу и количеству фигур в квадратах хозяин дома объяснить не смог. Можно предположить два варианта ответа на данный вопрос. Во-первых, *Мир-сусне-хум* (всадник) и *Ем-вож-ойка* (медведь) выступали в фольклоре как братья [Чернецов, 1939, с. 36], поэтому их присутствие вместе на одном поясе имеет под собой основу. Во-вторых, преобладание фигур медведей можно объяснить тем, что пояс шила женщина из Мозямских юрт (р. Мозямы – правый приток Казыма), а в верованиях казымских хантов медведь всегда занимал одно из центральных мест. В Ханты-Мансийском краеведческом музее хранятся три пояса с Казыма, на которых изображены медведи [Бауло, 1997, с. 95 – 96]. Медведь почитался и в самом Ванзевате: по одной из версий, на дочери местного духа-покровителя Ванзеватского Старика был женат *Ялтус-ойка* (медведь) [Schmidt, 1989, p. 216].

Священность пояса, как и шлема, Небесного всадника неоднократно подчеркивалась в угорской мифологии: “...(он) по совету матери, послал в одно место свою шапку, в другое – рукавицы, в третье – опояску, чтобы эти вещи постоянно напоминали людям о его существовании” [Гондатти, 1888, с. 33]. В “Песне-приглашении *Мир-сусне-хуму*” говорится: “Опояшься своим поясом... надетым на тебя твоей матушкой-прародительницей семи богов...” [Vogul folklore, 1995, p. 38 – 41].

Жертвенные покрывала в виде вытянутых полотнищ прямоугольной формы с расположением фигур в один ряд чаще встречаются у хантов, нежели у манси. Существуют две точки зрения на их происхождение. Так, Н.В. Лукина истоки покрывал видела в хантыйских оленьих поясах. На Югане они нередко представляют собой орнаментированную полосу, сшитую из кожи в технике мозаики либо из сукна с аппликацией. На Пиме и Тромьюгане орнаментированный пояс накладывают поверх основного кожного и закрепляют под животом оленя [Лукина, 1985, с. 32, 133]. У северных хантов три-четыре длинные прямоугольные орнаментированные полосы для оленьей упряжи делают в качестве приданого; часто мать передает по наследству украшения упряжи для оленей [Сязи, 1995, с. 99]. Как и жертвенные покрывала, эти пояса считаются залогом благополучия создаваемой семьи. С учетом клеточного принципа композиции орнамента, а также материала (сукно), формы и способа исполнения жертвенные пояса типологически можно связать с национальными подушками и покрывалами на нарту у северных хантов. Покрывала на нарту меньше по размерам, их делают по принципам кроя и орнаментации подушек. Такие покрывала обычно готовят невес-там [Там же].

С точки зрения Н.Ф. Прытковой, покрывало казымских хантов представляет собой как бы распластанную шкуру лисы [1949, с. 377]. Возможно, это отголосок древней традиции придавать жертвенным покрывалам форму лисьей шкуры, которая могла зародиться в таежных районах Западной Сибири. На спину оленя, приносимого в жертву местному боже-ству, укладывали шкурки пушных зверьков (в том числе лис) – чтобы жертва выглядела дорогой и красивой. Шкуру лисы, которую укладывали вдоль спины животного, позже будут символизировать покрывала вытянутой прямоугольной формы, украшенные лисьим мехом, лапами, головой и хвостом.

Шлемы. Шлемы, сшитые для Небесного всадника, встречены в нескольких вариантах. Самый простой представляет собой головной убор конусообразной формы, выполненный из сукна двух цветов и обшитый по краю лисьим мехом. Его высота и диаметр составляют около 25 см. К нижнему краю шапки подшиты семь медных бубенчиков на низках бисера, а к верхней части – семь серебряных монет. В суконные клинья вшиты четыре фигурки глухарок (рис. 7, 1). Все описанные шлемы были изготовлены в Тутлейме одновременно с “седлом”. В Тутлейме была обнаружена и шапка сферической формы, украшенная четырьмя фигурами всадников (см. рис. 4, 4). Два шлема с четырьмя фигурами всадников в верхней части зафиксированы в Тугиянах (см. рис. 7, 3) и Тегах (см. рис. 7, 4). В нижней части одного головного убора – узкие полосы сукна двух расцветок, другого – две широкие

Рис. 4. Жертвенные покрывала: пояс (1), “седло” (2), колчан (3), шлем (4).

1 – 137 × 30 см (Тугияны), 2 – 70 × 65 см (МАЭ, № 7013-52, сборы З.П. Соколовой), 3 – 75 × 30 см (Тугияны), 4 – высота 25 см (Тутлейм).

орнаментированные полосы сукна. Подобные шлемы часто встречались в составе культовой атрибутики манси; более того, всадник на шлеме из Тугиян выполнен по выкройке, которая использовалась для изготовления жертвенных покрывал у манси с верховьев Северной Сосьвы (Яны-пауль, Халпауль, Няксимволь) [Гемуев, Бауло, 1999].

В одном из “святых” сундуков в Тегах хранился шлем сферической формы, отороченный лисьим мехом, с семью стилизованными изображениями всадников из сукна двух цветов (см. рис. 7, 2). Высота шлема 25 см, диаметр – 50 см. К его нижнему краю

пришиты лисий хвост, длинные полоски лисьей шкуры, розовая тесьма, медные бубенчики на низках белого бисера.

Большая же часть шлемов у березовских хантов выполнена из семи квадратов сукна двух-трех цветов, в каждый из которых вшита конная фигура *Вэрта*; все квадраты по периметру оторочены лисьим мехом (находки из Тугиян, Пашторов, Ванзевата). Высота шлемов 50 – 65 см. Шкурка с головы лисы выполняет роль козырька, с задней стороны шлема пришит лисий хвост, а к углам “ушей” – две узкие полоски лисьей шкуры, суконные ленты, колокольчики

1

2

3

4

5

6

7

Рис. 5. Пояса (1, 2); шлем (3, 4); колчаны с фигурами медведей (5), ящериц (6), выдр (7).
1 – 165 × 30 см (Тугияны), 2 – 220 × 25 см (Пашторы), 3 – вид спереди, 4 – вид сзади (Тугияны),
5 – 74 × 26 см, 6 – 80 × 21 см, 7 – 70 × 18 см.

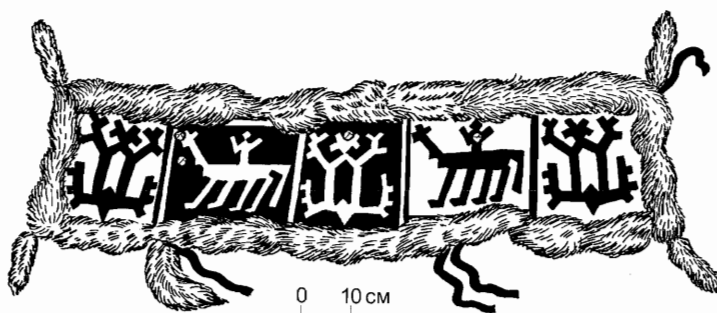

Рис. 6. Ритуальный пояс (Ванзеват).

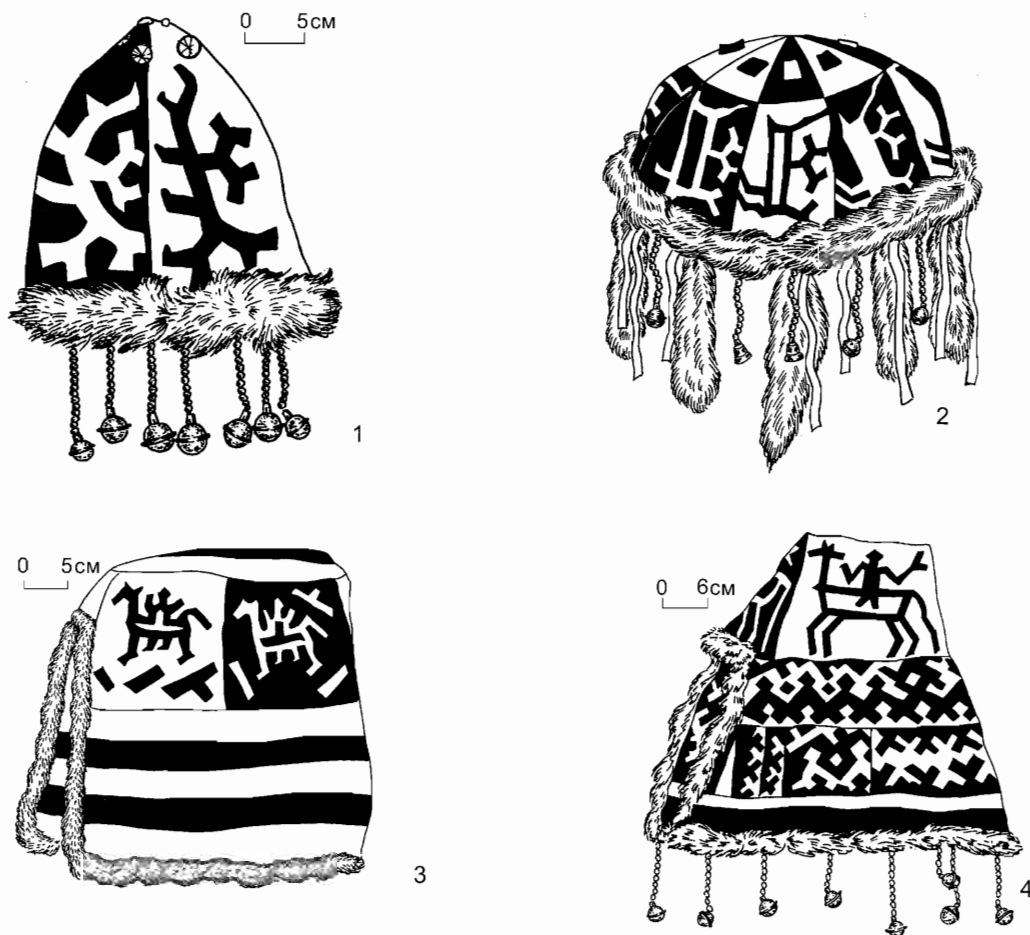

Рис. 7. Шапка с изображениями глухарок (1), шлем со стилизованными изображениями всадников (2), “богатырские” шлемы (3, 4).
1 – Тутлейм; 2, 4 – Теги, 3 – Тугияны.

(см. рис. 5, 3, 4). Некоторые шлемы имеют подклад из белой ткани. К фигурам всадников всегда пришиты монеты.

Похожие шлемы в середине 1960-х гг. были встречены в Мулигорте [Лещенко 1981, с. 118] и Новинских юртах, причем при изготовлении некоторых из них использовались одни выкройки всадников. В Ханты-Мансийском краеведческом музее хранятся три шле-

ма казымских хантов, у которых лисьим мехом оторочены лишь внешние края (рис. 8, 1), а также громадных размеров накидка для покрытия спины жертвенного коня (рис. 8, 2). На всех изделиях по семь фигур всадников.

Колчаны (энтап-кель “пояс-повязка”) изготовлены по одной схеме: два вытянутых прямоугольных куска сукна сшиты по длинным и одной короткой

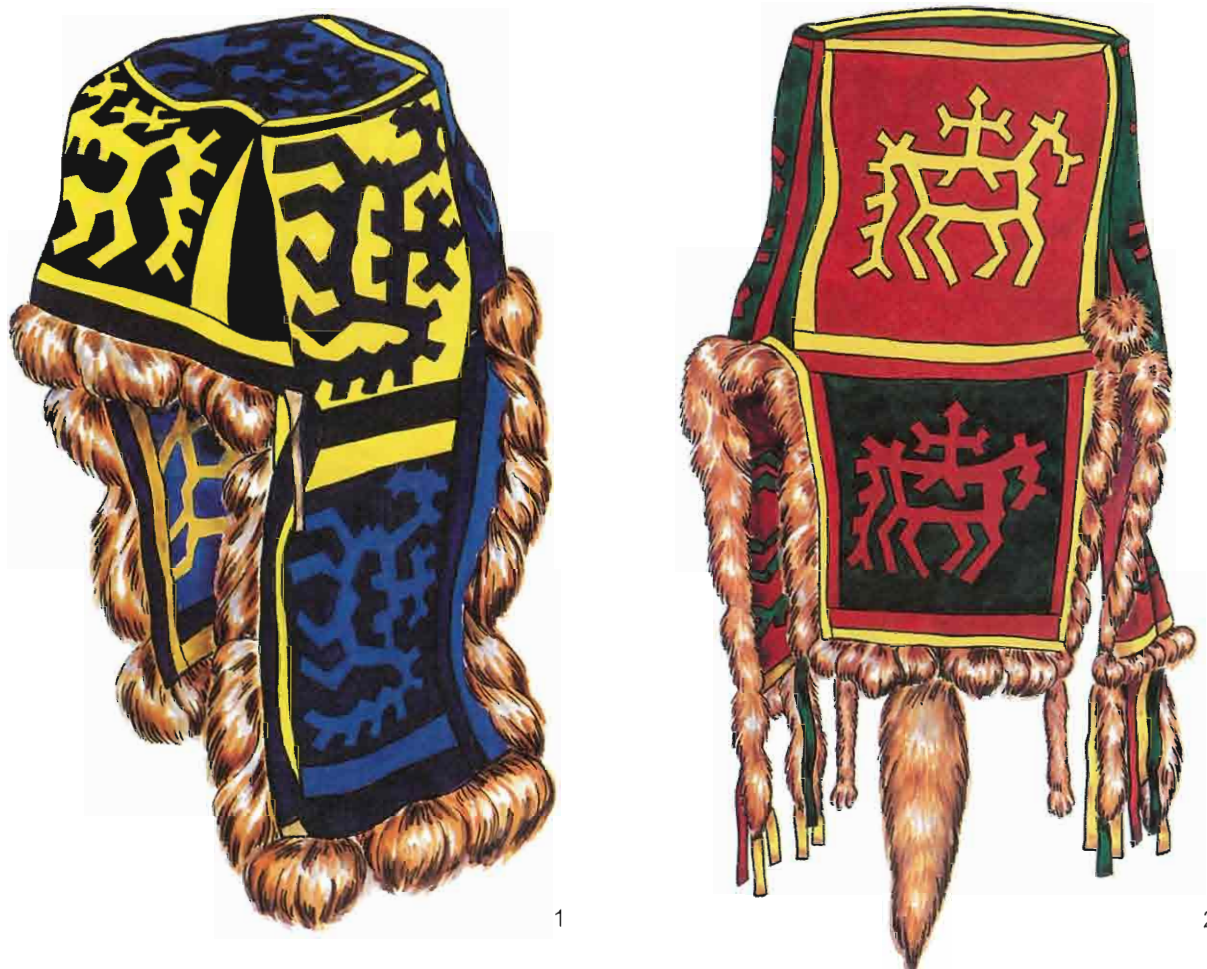

Рис. 8. Шлем (1) и накидка (2).

1 – размеры одного квадрата 33 × 24 см (ОХМКМ, № 382), 2 – размеры одного квадрата 33 × 24 см (ОХМКМ, № 380/105).

сторонам. С четвертой стороны полотнища не соединены, это отверстие для стрел. У некоторых изделий его края обшиты лисьим мехом; подобный способ оформления известен по средневековым миниатюрам киданей, которые окаймляли горловину колчана хвостом пушного зверя [Худяков, 1991, с. 77]. На лицевой стороне колчана методом инкрустации из сукна двух цветов выполнены изображения семи зверей – медведей, ящериц и выдр: шесть фигур размещены парами, седьмая – отдельно. Кроме того, одна фигура сохраняется в составе лент, пришитых к углам (см. рис. 4, 3; 5, 5 – 7). Рядом с фигурами или на них нашиты монеты, их кладут и в колчан. В комплекте с колчанами в “священных” сундуках хранятся votивные стрелы или их наконечники [Бауло, 19996].

По сведениям А. Каннисто, пелымские манси жертвовали своим духам-покровителям стрелы, которые хранили в специально изготовленном из бересты колчане [Kannisto, 1958, S. 307]. У восточных хантов зафиксированы деревянные колчаны для стрел, укра-

шенные трехгранно-выемчатой резьбой [Рындина, 1995, с. 98].

Несколько слов следует сказать о зооморфных фигурах на лицевой стороне колчанов. Если фигура медведя была вырезана на внешней стороне костяных щитков, предохранявших большой палец руки от удара тетивы при стрельбе из лука [Иванов, 1954, с. 48 – 49], то таким образом она освящала сразу два элемента снаряжения охотника-лучника (воина) – ритуальный колчан и щиток. В этом случае изображение медведя могло выполнять защитную функцию: “От ударов злых сил заслоняющий дух” – один из эпитетов медведя у казымских хантов. С другой стороны медведь на колчане и щитке, возможно, был воплощением эпитета “изобилие зверей дающий дух” [Молданов, 1999, с. 23] и изображался с магической целью – обеспечить удачу охотника. Ханты полагали, что медведь в значительной мере определял успех промысла вообще. Он, как считали на Вахе, “посылает” охотнику остальных зверей [Кулемзин, 1984, с. 85].

Ящерицы и выдры нередко выступали помощниками духов-покровителей. Кроме того, ящерицы относились к кругу ближайшей родни медведя [Головнев, 1995, с. 266], что позволяет с некоторой натяжкой свести их изображения на колчанах к единому смысловому сюжету. Ваховские ханты хранили грудину, лапы и хвост выдры с целью обеспечения удачи в охоте [Кулемзин, 1984]. Изображение выдры было вырезано на стволе ели на культовом месте недалеко от селения Вытвозгорт, где на праздники собирались ханты большинства селений по р. Сыня [Соколова, 1983, с. 108].

Изготовление жертвенных покрывал

Важное место отводилось процессу изготовления жертвенного покрывала. Мастерница, по словам информаторов, за всю жизнь могла сшить не более семи покрывал. Если таковой в селении не оказывалось, то старики на эту роль выбирали одну из женщин. Ей привозили необходимые выкройки, которые нередко хранились в “святых” сундуках.

Одна из подобных выкроек (берестяная фигурка всадника) находилась между двумя прямоугольными (с закругленными углами) фанерными дощечками размерами 24 × 18 см (рис. 9). В середине торцевых сторон дощечек были просверлены отверстия, через которые пропущены завязанные в узел черные тесемки. На лицевой поверхности верхней дощечки хорошо видны следы ножа, с помощью которого вырезали фигурку всадника. Связанные между собой дощечки хранились в пестром сатиновом мешке.

Шлем, пояс или “седло” шили в доме заказчика только в дневное время в течение семи дней. Другими делами в этот период женщина не занималась. Ей отгораживали занавеской угол комнаты и здесь на левый край стола ставили чемодан, в котором хранилось шитье, а на правый – еду и чай. Мастерницу, которая шила *ханши*, называли *пасанан ски нэ* “стол строящая женщина”. В “комнатку” могли заходить только хозяйка или хозяин дома (приносили ужин, зажигали лампу), при этом им не разрешалось смотреть на мастерицу. Хозяйка дома заранее готовила для швеи халат, платок, чулки и тапочки. Перед работой и после нее женщина обязательно переодевалась и оставляла рабочую одежду на ночь в “комнатке”. После изготовления покрывала одежду отдавали мастерице в подарок вместе с частью жертвенного мяса.

Материал на *ханши* (сукно двух-трех цветов) покупал хозяин, он же готовил лисью шкуру, ленты, бисер, нитки, инструменты. Каждый день полагалось шить по одному квадрату. Первый и третий день работы отмечались жертвоприношением теленка или овечки, которое традиционно происходило у задней стороны дома. Для этого устанавливали специальный

Рис. 9. Берестяная выкройка всадника (Ванзеват).

столб, но в последнее время животное чаще привязывают веревкой, продетой сквозь отверстие, просверленное в бревне углового венца. Таким образом специально подчеркивается, что животное приносят в жертву ради благополучия живущих в этом доме людей. Жертву приносили в присутствии мастерицы, в этот день она начинала работу раньше и должна была успеть сшить очередной квадрат с фигурой всадника до начала церемонии.

Основное жертвоприношение совершалось в последний, седьмой, день работы. Мастерница приглашала хозяина в “комнатку” посмотреть выполненную работу, после чего он относил *ханши* на улицу и клал его на спину лошади. К месту забоя в любое время года через окно выносили и “святые” чемоданы. Присутствующие обращались к *Вэрту* с просьбой о покровительстве для всех членов семьи. После жертвоприношения *ханши* вместе с остатками сукна, меха и ниток, которые также считались святыми, убирали в сундук. После смерти мужчины жертвенные покрывала продолжали храниться на чердаке дома.

Ханты после совершения обряда жертвоприношения покрывало вторично не использовали. Для следующего обряда изготавливалось новое полотнище.

По информации, записанной в Ванзевате, материал для пошива *ханши* полагалось собирать сразу после свадьбы в течение семи лет. В первую очередь приобретали сундук, в который постепенно складывали купленное сукно, колокольчики, нитки, иголки. Необходимо было добыть лису, а также купить коня. На седьмой год приглашали мастерицу.

Все хантыйские покрывала оторачивали мехом красной лисы, к краям нередко пришивали шкурки с лисьих голов, узкие полоски шкуры, хвосты и лапы. В Тегах в качестве опушки *ханши* использовали

также мех куницы и соболя [Лапина, 1995, с. 120]. Отмечу, что лисий мех – один из маркеров Небесного всадника. Этим мехом оформлена “голова” его изображения на жертвенном березовом шесте [Kannisto, 1958, S. 289], “с коготками одеяние” (т.е. шитое из лисьих шкур) и “из красной лисы огромная шапка” [Молданов, 1999, с. 117] и др. В рыжую лису мог преобразоваться *Тэк-ойка*, самый младший из шести богатырей-предков мансийского народа [Ромбандеева, 1993, с. 52, 57].

Истоки изобразительного сюжета

В литературе высказывалось мнение о том, что истоки изобразительного сюжета, который до сих пор частично воспроизводится на жертвенных покрывалах обских угров, следует искать в древности. Речь идет об изготовленных в Волжской Булгарии в XII – XIII вв. серебряных бляхах с охотничьими сценами, которые были обнаружены в Прикамье и на Урале, а также в Западной Сибири. Сюжет соколиной охоты и принцип размещения сцены в круге заимствованы с изделий Переднего и Среднего Востока [Лещенко, 1981, с. 117 – 126].

На бляхах показана сцена охоты: всадник на коне в поднятой вверх левой руке держит рог, на его правом локте сидит птица, слева расположен полумесяц, справа – солнце, вокруг всадника изображены медведь, лось, лиса и гусь. Тот же сюжет встречается и на некоторых мансийских покрывалах. Имеются покрывала, на которых остались лишь следы сюжета о соколиной охоте – фигурки, отдаленно напоминающие пушных зверей. Воспользовавшись когда-то бляхами в виде некоего образца, манси на протяжении столетий “приспосабливали” сюжет к собственным мифологическим представлениям, в данном случае, упрощая его, убирая “лишние”, с их точки зрения, знаковые символы [Бауло, 1999а].

На хантыйских покрывалах изображается преимущественно один всадник, “следы” сюжета с сокольным единичны. Тем не менее в рамках приводимого материала можно указать на “седла” в форме квадрата: на одном перед фигурой коня и под его животом показаны пушные зверьки (см. рис. 1), на двух – представлены фигурки гусей, на всех квадратах над рукой всадника – солнце (см. рис. 4, 2). Изображение птицы (сокола) вшито над рукой всадника на шлеме из Тугиян (см. рис. 7, 3). Напомню, что шлемы и “седла” подобной формы типичны для мансийской, а не хантыйской атрибутики. Покрывала с фигурой всадника в окружении зверей и птиц характерны для мансийской культуры, формировавшейся, в частности, во время проживания предков современных манси в южной части Западного Урала и их контактов с Волжской Булгарией. По мере удаления от Урала в сторону Оби

сюжет начинает упрощаться, всадник постепенно “теряет” малосущественные для хантыйской мифологии символы; птичья фигура с руки сокольного перемещается на круп коня (см. рис. 3, 1).

Необходимо сказать и о сложении самой формы атрибутов. Еще информаторы А. Каннисто называли жертвенное покрывало “седлом человека, осматривающего мир” [Kannisto, 1958, S. 315]. Благодаря уникальному климату высокогорного Алтая в пазырыкских курганах сохранились войлочные покрытия скифских седел. Сегодня с большой долей осторожности лишь они могут рассматриваться в качестве условной параллели жертвенным “седлам” обских угров. И те, и другие – седла, имеющие ритуальные функции и оформленные преимущественно в красных тонах; толстое шерстяное (шинельное) сукно покрывало начала XIX в. отдаленно напоминает войлок. Войлочное покрытие седла второго коня из кург. 1 могильника Ак-Алаха-3 украшено двумя симметрично расположенными парами фантастических “крылатых” хищников [Полосьмак, 2000, с. 95, рис. 2] (ср. с “крылатым” конем Небесного всадника). Пары всадников на жертвенных покрывалах повторяют данную симметрию.

Известны и другие примеры возможного копирования скифских изделий. Среди них – глиняные сосуды второй половины I тыс. до н.э., повторяющие по форме “скифские” котлы, а также украшенные скульптурной резьбой гребни скифского типа из Усть-Полуя. Б. Мункачи находил корни мадьярского коневодства в скифской культуре, с которой угры соприкоснулись на много веков раньше, чем с тюрками. По мнению В.Н. Чернецова, пришедшие на север угры во время своего пребывания в степи сначала входили в состав скифо-сарматского мира, насыщенного иранскими элементами [1947, с. 114 – 115]. Таким образом, форма жертвенных покрывал (“седло”) определилась под влиянием южных степных культур, в то время как иконография формировалась позднее с участием искусства Волжской Булгарии, основанного в значительной степени на иранских образцах. Примечательным символом сочетания этих двух волн влияния может считаться найденный близ Тары в кургане XIII – XIV вв. кусок кожи. Он был украшен двумя серебряными фигурами всадников с охотничьими соколами и находившейся справа от них фигурой гуся. Как считает Т. Вахтер, подобная находка могла быть “седлом бога” или попоной жертвенного животного [Vahter, 1953, S. 104]. О возможности изготовления жертвенных покрывал из кожи в середине II тыс. писал В.Ю. Лещенко [1981, с. 119].

Свидетельством формирования культовых атрибутов Небесного всадника под воздействием средневековых кочевых культур являются в равной мере и ритуальные колчаны. Н.В. Малиновская

проанализировала сведения о 84 колчанах с орнаментированными обкладками, найденных на огромной территории евразийских степей. Колчаны чаще всего делали из бересты и окрашивали в черный и красный цвет. Обкладки – резные костяные пластины – украшались фигурками оленей, собак, зайцев, хищников семейства кошачьих, лошадей и птиц. Орнамент скрепленных обкладок на лицевой стороне колчана образовывал несколько поперечных зон. Наиболее широко применяемыми приемами резьбы была техника выемчатых треугольников и ромбов, в ней оформлена полоса орнамента на одном из хантыйских колчанов (см. рис. 5, 5).

Говоря о датировке и принадлежности, Н.В. Малиновская отметила, что колчаны с орнаментированными обкладками представляют четко выделяемый тип вещей, стилистически, орнаментально и технически единый на огромной территории от Днестра до Южного Приуралья и Казахстана [1974, с. 132 – 175]. Сцена, воспроизведенная на обкладках колчана из станицы Вороной (Поднепровье), повторяет известный сюжет охоты сокольника: человек скачет верхом на коне, а на его правой руке сидит сокол [Там же, с. 137]. Напомню, что изображение соколиной охоты есть и на жертвенных покрывалах обских угров.

Таким образом, в ритуальных колчанах хантов нашли отражение особенности средневековых изделий: оторочка горловины мехом; украшение лицевой стороны фигурками животных, орнаментом из ромбов и треугольников; зональное расположение фигур; использование сукна красного и черного цвета. Кроме того, по размерам культовые изделия сопоставимы с реальными колчанами. Заимствование традиции изготовления таких колчанов произошло, вероятно, в XIII – XIV вв., когда предки современных манси населяли территорию Западного Урала и активно контактировали со своими южными соседями.

Заключение

Продвижение манси в XVIII – XIX вв. на Обь сопровождалось привнесением сюда атрибутики, связанной с культом *Мир-сусне-хума*. Представляется, что на данном этапе произошло упрощение правил, регулировавших изготовление покрывал. Атрибуты стали более яркими и менее каноничными: их нередко делали из сукна трех, а не двух основных (красного и черного) цветов, броский лисий мех заменил беличий, исчезла традиция зашивать “лицо” покрывала платком, слабее стали проявляться следы сюжета “всадник в окружении зверей и птиц”.

Жертвенные покрывала березовских хантов и сосвинско-ляпинских манси входят в единый комплекс атрибутики, приносимой в дар Небесному всаднику. Традиция их изготовления на протяжении XX в.

в нижнеобских селениях достаточно убедительно свидетельствует о важной роли мансийского населения в формировании березовской группы обских угров.

Благодарность

Автор благодарит художника С.А. Шендрик за выполненные иллюстрации к статье.

Список литературы

- Абрамов Н.А.** Описание Березовского края // Зап. ИРГО. – СПб., 1857. – Кн. 12. – С. 327 – 448.
- Бабаков В.Г.** К этноисторическому изучению приобских хантов (на материалах переписей населения XVIII в.) // СЭ. – 1976. – № 6. – С. 99 – 110.
- Бауло А.В.** Жертвенные покрывала обских угров из Ханты-Мансийского музея // Народы Сибири: история и культура. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1997. – С. 90 – 101.
- Бауло А.В.** К вопросу о влиянии древних культур Востока на религиозно-мифологические представления обских угров // Народы Российского Севера и Сибири. Сибирский этнографический сборник. – М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1999а. – Вып. 9. – С. 300 – 315.
- Бауло А.В.** Ритуальные колчаны обских угров // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 1999б. – № 3 – С. 36 – 39.
- Гемуев И.Н.** Мировоззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск: Наука, 1990. – 232 с.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В.** Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1999. – 240 с.
- Головнев А.В.** Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1995. – 606 с.
- Гондатти Н.Л.** Следы языческих верований у инородцев Северо-Западной Сибири. – М., 1888. – 91 с.
- Давыдова Г.М.** Взаимоотношения северных манси и северных хантов (по антропологическим данным и фамильному составу) // Материалы VI Междунар. конгресса финно-угроведов. – М.: Наука, 1989. – Т. 1. – С. 165 – 167.
- Иванов С.В.** Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – нач. XX вв. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 839 с. – (ТИЭ. Нов. сер.; Т. 22).
- Источники** по этнографии Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1987. – 280 с.
- Карьялайнен К.Ф.** Религия югорских народов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1995. – Т. 2. – 282 с.
- Кулемзин В.М.** Человек и природа в верованиях хантов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1984. – 192 с.
- Лапина М.А.** Хантыйская этика, связанная с пищей // Народы Северо-Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1995. – Вып. 2. – С. 118 – 124.
- Лешенко В.Ю.** Прикладное искусство и мифология в эпоху разложения патриархально-родового строя (булгарский художественный металл в культе финно-угров) // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. – Л.: Наука, 1981. – С. 105 – 126.
- Лукина Н.В.** Формирование материальной культуры хантов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1985. – 364 с.

- Малиновская Н.В.** Колчаны XIII – XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. – М.: Наука, 1974. – С. 132 – 175.
- Миллер Г.Ф.** История Сибири. – М., Л., 1937. – Т. 1. – 607 с.
- Миненко Н.А.** Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. – Новосибирск: Наука, 1975. – 308 с.
- Мифы**, предания, сказки хантов и манси. – М.: Наука, 1990. – 568 с.
- Молданов Т.А.** Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных хантов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1999. – 141 с.
- Папай Й.** Обработка наследий Регули // Зарубежные экономические и культурные связи Сибири (XVIII – XX вв.). – Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 1995. – С. 184 – 199.
- Полосьмак Н.В.** Пазырыкские войлоки: укокская коллекция // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 94 – 100.
- Прыткова Н.Ф.** Жертвенное покрывало казымских хантов // Сб. МАЭ. – 1949. – Т. 11. – С. 376 – 379.
- Ромбандеева Е.И.** История народа манси (вогулов) и его духовная культура. – Сургут: Северный дом, 1993. – 208 с.
- Руденко С.И.** Иногородцы Нижней Оби // Тр. О-ва землеведения при Санкт-Петербург. ун-те. – СПб., 1913. – Т. 3.
- Руденко С.И.** Графическое искусство остяков и вогулов // Материалы по этнографии России. – Л., 1929. – Т. 4, вып. 2. – С. 13 – 49.
- Рындина О.М.** Орнамент // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1995. – Т. 3. – 640 с.
- Саар Э.А.** Материалы по верованиям северных хантов в Гос. этнографическом музее ЭССР // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. – Томск: Изд-во ТГУ, 1985. – С. 126.
- Сибирь XVIII века** в путевых описаниях Г.Ф. Миллера // История Сибири. Первоисточники. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. – Вып. VI. – 310 с.
- Соколова З.П.** Обские угры (ханты и манси) // Этническая история народов Севера. – М.: Наука, 1982. – С. 8 – 47.
- Соколова З.П.** Социальная организация хантов и манси. Проблемы фратрии и рода. – М.: Наука, 1983. – 328 с.
- Соколова З.П.** Эндогамный ареал и этническая группа (ханты и манси). – М.: Наука, 1990. – 207 с.
- Сязи А.М.** Современное декоративно-прикладное искусство хантов Ямало-Ненецкого автономного округа: Дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1995. – 220 с.
- Топоров В.Н.** К иранскому влиянию в финно-угорской мифологии // Финно-угорские народы и Восток. – Тарту: Наука, 1975. – С. 72 – 76.
- Худяков Ю.С.** Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – Новосибирск: Наука, 1991. – 189 с.
- Чернецов В.Н.** Фратриальное устройство обско-югорского общества // СЭ. – 1939. – № 2. – С. 20 – 42.
- Чернецов В.Н.** К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // ТИЭ. Нов. сер. – 1947. – Т. 1. – С. 113 – 134.
- Якобий А.И.** Остяки северной части Тобольской губернии // ЕТГМ. – Тобольск: б.и., 1898. – Вып. 9. – С. 1 – 25.
- Kannisto A.** Materialien zur Mythologie der Wogulen // MSFOu. – Helsinki, 1958. – Vol. 113. – 444 S.
- Schmidt E.** Bear cult and Mythology of the Northern Ob-Ugrians // Uralic Mythology and folklore. – Budapest: Ethnographic Institute of the Hungarian Academy of Sciences, 1989. – P. 187 – 232.
- Vahter T.** Ornamentic der Ob-ugrier. – Helsinki: Societe Finno-Ougrienne, 1953. – 216 S.
- Vogul folklore** (collected by B.Munkacsi). Istor books 4. – Budapest: Ethnographic Institute of the Hungarian Academy of Sciences, 1995.

Материал поступил в редколлегию 16.03.2000 г.

ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ И ПРОИСХОЖДЕНИИ ПРИЧЕРНОМОРСКИХ СКИФОВ

Введение

Вопрос об антропологических особенностях скифов, обитавших в Северном Причерноморье в VII – начале III в. до н.э., в последнее время приобрел особую актуальность. Это вызвано тем, что благодаря работам М.П. Грязнова и его школы в археологии усилилась тенденция связывать происхождение скифов с Центральной Азией, в частности, с Тывой и Монголией.

Преобладающая часть антропологических материалов, имеющих отношение к данной теме, давно известна и многократно описана. Почти все специалисты писали о большом сходстве скифов с носителями срубной культуры и соответственно о высокой вероятности их местного происхождения [Дебец, 1948, 1971; Зиневич, 1967; Кондукторова, 1972; Круц, 1976; Мартынов, Алексеев, 1986]. Кавказские и среднеазиатские параллели обнаружить почти не удавалось. Аналогии находили лишь с памирскими саками. Однако Г.Ф. Дебецом [1971] эта связь была отвергнута сразу, а Т.С. Кондукторова [1972] сделала это после некоторых оговорок. Что касается территорий к востоку от Средней Азии, то обитавшие здесь тагарцы, как отмечал В.П. Алексеев [1961], имели близкое сходство со скифами. Однако исследователь писал об этом только в связи с гипотезой о миграции из Европы в Сибирь, и предположение о непосредственном родстве обеих групп было им отвергнуто.

Идею о полной автохтонности скифов в Северном Причерноморье недавно вновь попытался обосновать Л.Т. Яблонский [1999], подвергший критике тезисы моего доклада, в котором была показана несовместимость этой идеи с нынешним состоянием науки [1998]. Возможно, знакомство с самим докладом, основной текст которого приводится ниже, избавило бы Л.Т. Яблонско-

го от необходимости повторять явно устаревшие взгляды.

Вновь обратиться к антропологическому аспекту скифской проблемы побуждают два обстоятельства. Во-первых, появился новый палеоантропологический материал с Ближнего Востока, а также из Средней и Центральной Азии. Во-вторых, большинство предшествующих исследований было выполнено до широкого внедрения в антропологическую практику компьютеров (и соответственно современных статистических методов), и выводы их, как правило, базировались не на измерении степени общего сходства и различия между группами, а на интуитивной оценке таксономического значения отдельных признаков. Исключением является работа И. Швидецкой, в которой благодаря использованию упрощенного метода оценки общего сходства к большому числу краниологических серий I тыс. до н.э. скифы были объединены с группами из Европы, с Ближнего Востока и Кавказа [Schwidetzky, 1972]. Поскольку в ходе анализа привлекались только серии эпохи раннего железа, а группы эпохи бронзы рассматривались в другой работе, вопрос о происхождении автором не ставился. В недавнее время многомерное сопоставление евразийских групп скифского и доскифского времени предприняли Л.Т. Яблонский [1991б] и М.А. Балабанова [1998], диссертации которых содержат много важных выводов.

Материал и методика

Для выявления возможных родственных связей скифов я привлек краниометрические данные о 48 сериях скифской и предшествующих эпох (III – I тыс. до н.э.) с территории Восточной Европы, Кавказа, Ближнего Востока, Средней Азии, Казахстана, Южной Сибири и Центральной Азии (рис. 1):

1. Скифы лесостепные – в основном Среднее Приднепровье [Кондукторова, 1972]; суммированы данные разных авторов. Большинство погребений, где обнаружены черепа, датируются VI или V в. до н.э.
2. Скифы степные – в основном Нижнее Приднепровье [Там же]; суммированы данные разных авторов. Большинство черепов относится к IV и III вв. до н.э.
3. Савроматы Нижнего Поволжья и Южного Приуралья [Балабанова, 1998]; суммированы данные разных авторов.
4. Саки 1 – Присарыкамьшье, западная группа – Тумек-Кичиджик и Тарым-Кая [Трофимова, 1979; Яблонский 1991а].
5. Саки 2 – Приаралье – Тагискен и Уйгарак [Гинзбург, Трофимова, 1972].
6. Саки 3 – Северный и Центральный Казахстан [Там же].
7. Саки 4 – Восточный Казахстан [Там же].
8. Саки 5 – Киргизия – Тянь-Шань и Алтай [Там же]; суммированы данные разных авторов.
9. Саки 6 – Памир [Там же]; суммированы данные разных авторов.
10. Носители тагарской культуры Минусинской котловины, ранний этап [Козинцев, 1977]; суммированы данные разных авторов.
11. Ранние “скифы” Алтая (Алтай 1) [Тур, 1997].
12. “Скифы” предгорного Алтая (Алтай 2) [Алексеев, Гохман, Тумэн, 1987].
13. “Скифы” Горного Алтая (Алтай 3) – Туекта, Пазырык и Шибе [Там же]; суммированы данные разных авторов.
14. “Скифы” Горного Алтая (Алтай 4) – Курай и Уландрык [Там же].
15. Представители раннескифской эпохи Западной Тывы – безвещевые погребения [Там же].
16. Представители скифской эпохи Западной Тывы [Алексеев, 1984б].
17. Представители скифской эпохи Центральной Тывы – Аймырлыг [Алексеев, Гохман, Тумэн, 1987]; суммированы данные разных авторов.
18. Представители скифской эпохи Центральной Тывы; суммированы данные по всем другим могильникам [Алексеев, 1984б].
19. Представители скифской эпохи Западной Монголии – Улангом [Мамонова, 1980].
20. Представители скифской эпохи Центральной и Восточной Монголии – плиточные могилы [Алексеев, Гохман, Тумэн, 1987].
21. Представители скифской эпохи Забайкалья – плиточные могилы [Там же].
22. Носители срубной культуры Украины [Шевченко, 1986]; суммированы данные разных авторов.
23. Носители срубной культуры Поволжья [Там же]; суммированы данные разных авторов.
24. Носители срубной культуры Башкирии [Там же; Юсупов, 1991]; суммированы данные разных авторов.
25. Представители эпохи развитой бронзы на территории Дагестана – Гинчи [Гаджиев, 1975].
26. Представители VII – V вв. до н.э. на территории Азербайджана – Мингечаур [Касимова, 1960].
27. Представители XI – VI вв. до н.э. на территории Грузии – Самтавро [Абдушелишвили, 1966; Алексеев, Гохман, 1984].
28. Представители начала I тыс. до н.э. на территории Армении (Армения 1) – юго-западное побережье оз. Севан [Алексеев, 1974].
29. Представители начала I тыс. до н.э. на территории Армении (Армения 2) – юго-восточное побережье оз. Севан [Алексеев, Гохман, 1974].
30. Представители XIV – IX вв. до н.э. на территории Армении (Армения 3) – Артик [Там же].
31. Представители начала I тыс. до н.э. на территории Армении (Армения 4) – Акунк [Там же].
32. Представители эпохи бронзы на территории Северного Ирана – Тепе-Гиссар III (см. данные Г.Ф. Дебеца в ст. [Алексеев, 1980]).
33. Представители XIII – V вв. до н.э. на территории Северо-Западного Ирана – Хасанлу [Алексеев, 1984а].
34. Представители эпохи бронзы на территории Южного Туркменистана – Алтын-депе [Кияткина, 1987].
35. Представители эпохи поздней бронзы на территории Южного Таджикистана – Тигровая Балка, Макони-Мор [Там же].
36. Представители эпохи бронзы на территории Южного Узбекистана – Сапаллитепе [Ходжайов, 1997].
37. Представители эпохи бронзы на территории Южного Узбекистана – Джаркутан [Алексеев, Халилов, Ходжайов, 1983].
38. Представители эпохи поздней бронзы на территории Приаралья – Кокча III [Гинзбург, Трофимова, 1972].
39. Носители афанасьевской культуры Минусинской котловины [Алексеев, Гохман, 1984].
40. Носители афанасьевской культуры Алтая [Там же].
41. Носители окуневской культуры Минусинской котловины [Громов, 1997]; суммированы данные разных авторов.
42. Носители окуневской культуры Центральной Тывы – Аймырлыг XIII и XXVII [Гохман, 1980; Алексеев, Гохман, Тумэн, 1987].
43. Носители андроновской культуры Западного Казахстана [Алексеев, 1967]; суммированы данные разных авторов.
44. Носители андроновской культуры Северного, Центрального и Восточного Казахстана [Алексеев, Гохман, 1984]; суммированы данные разных авторов.
45. Носители андроновской культуры Верхнего Приобья [Дремов, 1997].
46. Носители андроновской культуры Минусинской котловины [Там же]; суммированы данные разных авторов.
47. Носители карасукской культуры Минусинской

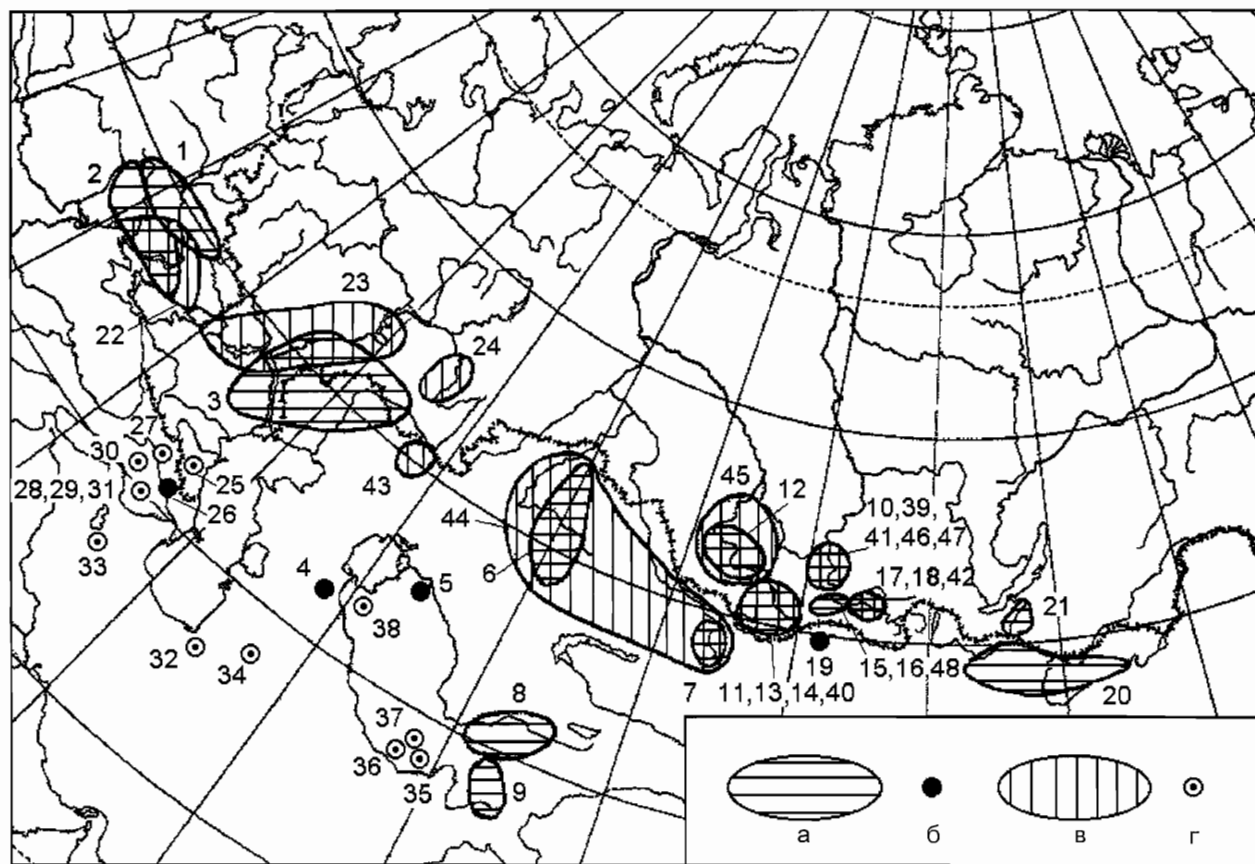

Рис. 1. Схема локализации изученных групп (номера групп соответствуют их номерам в тексте).
а, б – сборные и локальные группы скифского времени; в, г – сборные и локальные группы предшествующих эпох.

котловины (данные разных авторов, суммированные А.В. Громовым).

48. Носители карасукской культуры Тывы – Байдаг III [Гохман, 1980].

Почти во всех случаях использовались данные только о мужских черепах. Исключение составляют две маленькие серии, представляющие раннескифскую эпоху Алтая и карасукское время Тывы. Чтобы включить их в сравнительный анализ, мне пришлось использовать и данные о женских черепах, преобразованные с помощью коэффициентов полового диморфизма [Алексеев, Дебец, 1964].

Значения 14 измерительных признаков – трех основных диаметров мозгового черепа, ширины лба, ширины и высоты лица, носа и глазницы, назомялярного и зиго-максиллярного углов, симотического указателя и угла выступания носа – были подвергнуты каноническому (множественному дискриминантному) и кластерному анализам [Дерябин, 1983].

Канонический анализ позволяет заменить 14 взаимозависимых признаков столькими же независимыми линейными комбинациями признаков – каноническими векторами (КВ). Преимущество такой замены, помимо полной взаимной независимости этих комбинаций, в том, что вся существенная информация концентрируется в первых КВ.

Результаты и обсуждение

На долю КВ 1 приходится почти 60% всей изменчивости, а на долю КВ 2 – 10% (табл. 1, 2). Таким образом, оба эти КВ в сумме отражают около 70% изменчивости, причем, как будет показано, именно они оказываются антропологически значимыми. Остальные 12 КВ, отражающие в сумме всего 30% изменчивости, в основном являются “статистическим шумом” и почти не поддаются содержательной интерпретации.

Кластерный анализ матрицы коэффициентов обобщенного различия (расстояния Махаланобиса), полученных при попарном сопоставлении всех серий, позволяет выделить скопления сходных между собой групп (кластеры) и таким образом вскрыть иерархическую структуру всей совокупности.

Построенный по первым двум КВ график (рис. 2) представляет собой плоскостную (т.е. двумерную) проекцию взаимоположения групп в 14-мерном пространстве с минимальными возможными искажениями. Тут же отражены главные результаты кластерного анализа.

Горизонтальная ось (КВ 1) – интегральный показатель соотношения европеоидности и монголоидности, что видно по корреляциям данного вектора с

Таблица 1. Значения первых двух канонических векторов

№ п/п	Группа	КВ 1	КВ 2
1	Скифы лесостепные	-2,41	-0,64
2	Скифы степные	-0,53	-0,22
3	Савроматы	1,20	0,73
4	Саки Присарыкамышья	-1,17	1,24
5	Саки Приаралья	2,31	0,50
6	Саки Северного и Центрального Казахстана	1,31	0,45
7	Саки Восточного Казахстана	1,95	0,18
8	Саки Киргизии	0,86	-0,26
9	Саки Памира	1,62	-1,77
10	Тагарцы	-0,15	0,56
11	Ранние "скифы" Алтая (Алтай 1)	2,55	-0,15
12	"Скифы" предгорного Алтая (Алтай 2)	1,29	0,82
13	"Скифы" Горного Алтая (Алтай 3)	3,14	-0,24
14	"Скифы" Горного Алтая (Алтай 4)	1,55	-0,56
15	Погребенные в безвещевых могилах Тывы	1,50	0,27
16	"Скифы" Западной Тывы	0,71	-0,44
17	"Скифы" Центральной Тывы (Аймырлыг)	1,13	0,30
18	"Скифы" Центральной Тывы (сборная)	1,49	-0,44
19	Погребенные в могильнике Улангом	0,68	0,57
20	Плиточники Монголии	5,71	-2,08
21	Плиточники Забайкалья	6,42	-0,95
22	Срубники Украины	-2,41	-0,78
23	Срубники Поволжья	-1,73	0,50
24	Срубники Башкирии	-1,29	1,02
25	Погребенные в могильнике Гинчи	-2,56	-0,17
26	Погребенные в могильнике Мингечаур	-0,64	-0,70
27	Погребенные в могильнике Самтавро	-2,72	-0,80
28	Представители начала I тыс. до н.э. на территории Армении (Армения 1)	-1,90	0,45
29	Представители начала I тыс. до н.э. на территории Армении (Армения 2)	-1,77	-1,24
30	Представители XIV – IX вв. до н.э. на территории Армении (Армения 3)	-1,38	-0,11
31	Представители начала I тыс. до н.э. на территории Армении (Армения 4)	-1,00	0,16
32	Погребенные в могильнике Тепе-Гиссар III	-2,42	-1,05
33	Погребенные в могильнике Хасанлу	-2,59	-1,75
34	Погребенные в могильнике Алтын-депе	1,56	0,02
35	Погребенные в могильниках Тигровая Балка, Макони-Мор	-2,09	0,34
36	Погребенные в могильнике Сапаллитепе	-1,81	-0,69
37	Погребенные в могильнике Джаркутан	-1,54	-0,70
38	Погребенные в могильнике Кокча III	1,14	1,19
39	Афанасьевцы Минусинской котловины	-0,19	0,54
40	Афанасьевцы Алтая	-1,00	1,17
41	Окуневцы Минусинской котловины	2,47	0,85
42	Окуневцы Тывы	-0,90	-0,77
43	Андроновцы Западного Казахстана	-2,02	0,24
44	Андроновцы Казахстана (кроме Западного)	0,29	1,20
45	Андроновцы Верхнего Приобья	0,51	0,94
46	Андроновцы Минусинской котловины	-0,45	1,84
47	Карасукцы Минусинской котловины	1,64	0,55
48	Карасукцы Тывы	2,28	-0,14

отдельными признаками (см. табл. 2). Наивысшие связи (около 0,9 по абсолютной величине) обнаруживаются со всеми тремя угловыми размерами, особенно значимыми для дифференциации европеоидной и монголоидной рас. Очень высока также корреляция с шириной черепа и лица (положительная) и длиной черепа (отрицательная), что отражает, с одной стороны, долихокранность и узколицесть большинства представленных в нашем материале европеоидных вариантов, с другой – сочетание центрально-азиатской монголоидности с брахикранией и большой шириной лица.

На графике слева направо выраженность в группах европеоидного компонента убывает, а монголо-

идного – возрастает. Разумеется, это верно лишь в общем. Не следует считать, что любой сдвиг по данной оси отражает реальное изменение пропорции двух расовых компонентов.

В левой части графика (в области отрицательных значений КВ 1) сосредоточены европеоидные группы, речь о которых пойдет ниже. Они образуют большой суперкластер, включающий два кластера – протоевропейский, или северно-европейский, и средиземноморский, а также одну изолированную пару.

Справа от кластера европеоидных групп – кластер, объединяющий метисные группы Центральной и Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири

пропорциях глазницы (см. табл. 2). В верхний кластер входят девять групп, имеющих черты протоевропейского, или северно-европейского, типа: обе группы афанасьевцев, три группы андроновцев (все, кроме западно-казахстанских), тагарцы, срубники Башкирии, носители тазабагыбской культуры Приаралья (Кокча III) и крайне западная группа саков из того же района (оз. Сарыкамыш). Точки, обозначающие андроновцев Северного, Центрального и Восточного Казахстана и Верхнего Приобья, заметно уклоняются вправо, что свидетельствует о монголоидной примеси в этих группах. Ниже находится кластер, в который входят 18 групп, характеризующихся признаками средиземноморского типа: все семь серий бронзового и раннего железного веков с Кавказа, серия из Тепе-Гиссара III, четыре из пяти серий бронзового века из Средней Азии (все, кроме Кокчи III), окуневцы Тывы, андроновцы Западного Казахстана, срубники Украины и Поволжья и обе группы скифов. Обособленное положение занимают две группы с максимальной выраженностью средиземноморских черт – серия из Хасанлу и саки Памира.

Итак, скифы входят в средиземноморский (антропологически “южный”) кластер. Это явно не согласуется с идеей Л.Т. Яблонского [1999] о том, что движение населения в рассматриваемую эпоху происходило исключительно с севера, из степей, на юг. Присутствие в этом же кластере тывинских окуневцев, географически весьма удаленных от основного средиземноморского массива, – яркое свидетельство того, что южные европеиды широко расселялись по Северной Евразии. О том же, как известно, свидетельствуют и антропологические особенности андроновцев Западного Казахстана (см. рис. 2).

Вообще, считать степное население эпохи бронзы единым, как это делает Л.Т. Яблонский [1999], нельзя. Давно уже известно, что представители срубно-андроновской историко-культурной общности были антропологически разнородными. У носителей срубной культуры выявляется, например, сильный градиент ослабления средиземноморских и соответственно усиления протоевропейских черт в направлении Украина – Поволжье – Башкирия (см. рис. 2).

Не были антропологически едиными и причерноморские скифы. Различия между обеими скифскими сериями достаточно заметны. Степные скифы статистически достоверно отличались от лесостепных меньшей длиной и большей шириной черепа (соответственно черепной указатель у них был на 4,5 ед. выше), более крупными глазницами и более развернутым зигма-максиллярным углом. Обе группы не проявляют в пределах своего кластера тяготения друг к другу (расстояние Махаланобиса, D^2 с поправкой на численность выборок, равно 4,41). Если у лесостепных скифов средиземноморские особенности выра-

жены очень отчетливо, то у степных обнаруживается ощутимый “восточный” сдвиг (значение КВ 1 у них почти на две единицы выше), они занимают в средиземноморском кластере крайне “восточное” положение. Этого не замечает Л.Т. Яблонский [Там же], использующий менее чувствительные методы статистического анализа и утверждающий, что “восточный импульс” теряется западнее Приаралья.

Направления связей обеих групп не совпадают. Лесостепные скифы близки только к средиземноморцам, причем связи их не уходят особенно далеко на восток. В частности, они более всего похожи на срубников Украины ($D^2 = 1,18$; сходство с последней группой отмечалось неоднократно, но ошибочно распространялось на всех скифов). Похожи лесостепные скифы также на андроновцев Западного Казахстана (1,44) и людей бронзового века из Джаркутана в Южном Узбекистане (1,41), в несколько меньшей степени – на группу из Тепе-Гиссара III (1,58) (последняя, кстати, к лесостепным скифам ближе, чем к какой-либо иной из прочих 46 групп).

Связи степных скифов территориально шире, причем некоторые из них выходят за пределы не только средиземноморского круга, но и европеоидного суперкластера. Из средиземноморцев к степным скифам близки люди бронзового века из Сапаллитепе в Южном Узбекистане (1,47) и тывинские окуневцы из Аймырлыга (–1,43), а из несредиземноморских групп – тагарцы (1,49) и представители скифской эпохи Западной Тывы (1,44). Таким образом, одна из четырех ближайших антропологических параллелей степным скифам ведет на юг Средней Азии, а три – в Южную Сибирь и Центральную Азию. Особенно отчетливо проявляется сходство с окуневцами Тывы. Значение расстояния Махаланобиса в данном случае настолько мало, что при внесении поправки на численность оно становится отрицательным. Следовательно, обе группы различаются не сильнее, чем различались бы случайные выборки из какой-нибудь одной серии. Столь сильное сходство может свидетельствовать лишь о ближайшем родстве.

Этот неоспоримый биологический факт не могут поколебать ни хронологические доводы, приводимые Л.Т. Яблонским [Там же], ни его ссылка на мнение В.П. Алексеева о происхождении скифов и тагарцев от “единого протоморфного ствола” (подразумевается, видимо протоевропейская раса). Поскольку Л.Т. Яблонский игнорирует как средиземноморскую принадлежность скифов в целом, так и максимальную близость степных скифов к средиземноморцам Тывы (Г.Ф. Дебецу, В.П. Алексееву и Б.Н. Гракову эти факты еще не были известны), последний аргумент лишается всякого смысла. На нынешнем этапе гораздо естественнее предположить, что, проникнув в эпоху бронзы далеко на восток, вплоть до Центральной Азии,

средиземноморцы впитали там небольшую примесь – как монголоидную, так и протоевропейскую. Впоследствии, уже в раннем железном веке, мигрируя в обратном направлении, они принесли эту примесь в Европу, о чем, судя по всему, и свидетельствуют антропологические связи степных скифов. Способны ли археология, палеоэкология или “История” Геродота уже сегодня помочь нам интерпретировать очевидное родство между популяциями Северного Причерноморья и Центральной Азии, – вопрос другой, и касаться его в данной статье я считаю излишним. Однако нет сомнения, что имеющиеся хронологические лакуны будут заполнены новыми археологическими и антропологическими материалами.

Отмечу, что ни к одной из трех территориальных групп носителей срубной культуры степные скифы особой близости не проявляют, причем от срубников Украины, с которыми, если следовать логике сторонников гипотезы об автохтонном происхождении обеих групп скифов, сходство должно было бы быть максимальным, они дальше всего (4,56). Таким образом, игнорировать антропологическое различие между обеими скифскими популяциями невозможно. Их история могла быть очень несходной.

На различия между двумя скифскими группами недавно обратила внимание С.Г. Ефимова [1999], Однако, ограничившись в своих сопоставлениях материалами из Восточной Европы, она не смогла в достаточной мере оценить значение этих различий, а потому вновь повторила традиционный вывод об антропологическом единстве и автохтонности причерноморских скифов.

Следует напомнить, что степная скифская группа относится к более позднему времени, чем лесостепная. Поэтому несходство может объясняться и тем, что обе группы изначально, с момента появления скифов на исторической арене, имели разное происхождение (в частности, лесостепные племена могли включать значительный нескифский компонент), и тем, что позже, в V или IV в. до н.э., произошла какая-то миграция населения в степные районы Северного Причерноморья с востока.

Нельзя наконец исключить, что различия между обеими скифскими группами вызваны не историческими причинами, а случайными обстоятельствами, например, концентрацией близкородственных индивидумов в пределах каждой из групп. Если это так, то усредненные цифры дадут более надежную информацию. Объединенная скифская серия, в которой степной и лесостепной группам придан одинаковый вес, опять же максимально близка к окуневцам Тывы (–0,28; показатель обобщенного различия и в этом случае имеет отрицательный знак, т.е. находится в пределах ошибки), а также к обеим группам населения Южного Узбекистана – Сапаллитепе и Джаркутану

(1,30 в обоих случаях). От срубной серии из Украины она заметно дальше (1,87).

Итак, тезис о наиболее вероятном автохтонном происхождении скифов, сформулированный в работах, которые создавались без использования методов многомерной статистики и без учета новых материалов из Центральной Азии, применим лишь к лесостепной группе. Распространять его на всех скифов, как это делалось прежде, нельзя, поскольку степная скифская группа не имеет близких антропологических аналогов на смежных территориях, как не имеет их и объединенная скифская серия.

Таким образом, если допустить, что скифы (по крайней мере степные), пришли в Северное Причерноморье из Азии, то по имеющимся в нашем распоряжении антропологическим данным, две их теоретически возможные прародинны – юг Средней Азии и Центральная Азия – представляются равновероятными.

Носители окуневской культуры Тывы, совершенно непохожие на окуневцев Минусинской котловины, могли быть, как справедливо считает И.И. Гохман [1980], родственны населению Средней или даже Передней Азии. Ту же гипотезу можно было бы высказать и по отношению к причерноморским скифам, независимо от того, идет ли речь об объединенной группе или же только о степной. Необходимо, однако, учесть, что максимальное сходство у них обнаруживается именно с окуневцами Тывы. Последние, таким образом, могли быть связаны со скифами и опосредованно (благодаря общему среднеазиатскому происхождению), и непосредственно.

Благодарности

Приношу сердечную благодарность Н.Л. Членовой и И.В. Яценко, датировавшим по моей просьбе скифские погребения, в которых найден краниологический материал, а также В.Г. Моисееву, оказавшему существенную помощь в работе над картой, и А.В. Грозову, предоставившему мне свои неопубликованные материалы.

Список литературы

- Абдушелишвили М.Г. К краниологии древнего и современного населения Кавказа. – Тбилиси: Мецниереба, 1966. – 13 с.
- Алексеев В.П. Палеоантропология Хакасии эпохи железа // Сб. МАЭ. – 1961. – Т. 20. – С. 238 – 327.
- Алексеев В.П. Антропология андроновской культуры // СА. – 1967. – № 1. – С. 22 – 26.
- Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. – М.: Наука, 1974. – 317 с.
- Алексеев В.П. Новые данные к морфологической характеристике населения Месопотамии // СЭ. – 1980. – № 4. – С. 70 – 79.

- Алексеев В.П.** К краниологической характеристике древнего населения, оставившего Хасанлу (Иран) // *Вопр. антропологии*. – 1984а. – Вып. 74. – С. 24 – 34.
- Алексеев В.П.** Краткое изложение палеоантропологии Тувы в связи с историческими вопросами // *Антропозоологические исследования в Туве*. – М.: Изд-во МГУ, 1984б. – С. 6 – 75.
- Алексеев В.П., Гохман И.И.** Антропология азиатской части СССР. – М.: Наука, 1984. – 208 с.
- Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумэн Д.** Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век – эпоха раннего железа) // *Археология, этнография и антропология Монголии*. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 208 – 241.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.** Краниометрия. (Методика антропологических исследований). – М.: Наука, 1964. – 128 с.
- Алексеев В.П., Халилов Х.Х., Ходжайов Т.К.** Антропология древнего населения южных районов Средней Азии. – Ташкент: ФАН, 1983. – 235 с.
- Балабанова М.А.** Антропологический состав и происхождение ранних кочевников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья VI в. до н.э. – первой половины II в. н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Волгоград, 1998. – 23 с.
- Виноградов А.А., Итина М.А., Яблонский Л.Т.** Древнейшее население низовий Амударьи // *Тр. Хорезм. археол.-этнограф. экспедиции*. – 1986. – Т. 15. – 200 с.
- Гаджиев А.Г.** Древнее население Дагестана по данным краниологии. – М.: Наука, 1975. – 128 с.
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А.** Палеоантропология Средней Азии. – М.: Наука, 1972. – 371 с.
- Гохман И.И.** Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // *Сб. МАЭ*. – 1980. – Т. 36. – С. 5 – 34.
- Громов А.В.** Происхождение и связи окуневского населения Минусинской котловины // *Окуневский сборник: Культура, искусство, антропология*. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 301 – 320.
- Дебец Г.Ф.** Палеоантропология СССР // *ТИЭ*. – 1948. – Т. 4. – 391 с.
- Дебец Г.Ф.** Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // *Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии*. – М.: Наука, 1968. – С. 13 – 22.
- Дебец Г.Ф.** О физических типах людей скифского времени // *Проблемы скифской археологии*. – 1971. – С. 8 – 10. – (МИА; № 177).
- Дерябин В.Е.** Многомерная биометрия для антропологов. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 227 с.
- Дремов В.А.** Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы. (Антропологический очерк). – Томск: Изд-во ТГУ, 1997. – 260 с.
- Ефимова С.Г.** Антропологическая дифференциация лесостепных и степных групп Европейской Скифии // *Скифы Северного Причерноморья в VII – IV вв. до н.э.: Тез. докл. Междунар. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Б.Н. Гракова*. – М.: ИА РАН, 1999. – С. 51 – 53.
- Зиневич Г.П.** Очерки палеоантропологии Украины. – Киев: Наук. думка, 1967. – 223 с.
- Касимова Р.М.** Антропологическое исследование черепов Мингечаура (в связи с изучением этногенеза азербайджанского народа). – Баку: Изд-во Азерб. ССР, 1960. – 208 с.
- Кияткина Т.П.** Палеоантропология западных районов Центральной Азии эпохи бронзы. – Душанбе: Дониш, 1987. – 123 с.
- Козинцев А.Г.** Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. – Л.: Наука, 1977. – 144 с.
- Козинцев А.Г.** Происхождение и родственные связи скифов по данным антропологии // *Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь: Междунар. конф., посвященная 100-летию со дня рождения М.И. Артамонова. Тез. докл.* – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1998. – С. 23 – 24.
- Кондукторова Т.С.** Антропология древнего населения Украины. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – 155 с.
- Круц С.И.** Антропологические особенности срубной культуры территории Украины // *Энеолит и бронзовый век Украины*. – Киев: Наук. думка, 1976. – С. 222 – 240.
- Мамонова Н.Н.** Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии // *Сб. МАЭ*. – 1980. – Т. 36. – С. 60 – 74.
- Мартьянов А.И., Алексеев В.П.** История и палеоантропология скифо-сибирского мира. – Кемерово: Изд-во Кемеров. ун-та, 1986. – 180 с.
- Трофимова Т.А.** Череп из погребений куюсайской культуры в могильниках Тумек-Кичиджик и Тарым-Кая // *Кочевники на границах Хорезма*. – М.: Наука, 1979. – С. 91 – 93. – (Тр. Хорезм. археол.-этнограф. экспедиции; Т. 11).
- Тур С.С.** Краниологические материалы из раннескифских могильников Алтая // *Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Скифская эпоха Горного Алтая*. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. – Ч. 1. – С. 136 – 147.
- Ходжайов Т.К.** Антропологический состав населения эпохи бронзы Сапаллитепе. – Ташкент: ФАН, 1977. – 250 с.
- Шевченко А.В.** Антропология населения южно-русских степей в эпоху бронзы // *Антропология современного и древнего населения европейской части СССР*. – Л.: Наука, 1986. – С. 121 – 215.
- Юсупов Р.М.** Расогенетические связи Южного Урала и Приаралья в эпоху раннего железа // *Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана*. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН. – 1991. – Вып. 4. – С. 23 – 33.
- Яблонский Л.Т.** Население раннесакского времени в Приаралье: Археологопалеоантропологический подход к проблеме этногенеза // *Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана*. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН. – 1991а. – Вып. 4. – С. 3 – 13.
- Яблонский Л.Т.** Население Южного Приаралья в раннем железном веке. (Археология и антропология могильников): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1991б. – 37 с.
- Яблонский Л.Т.** Еще раз о происхождении скифской культуры Причерноморья по данным антропологии // *Скифы Северного Причерноморья в VII – IV вв. до н.э.: Тез. докл. Междунар. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Б.Н. Гракова*. – М.: ИА РАН, 1999. – С. 141 – 143.
- Schwidetzky I.** Vergleichend-statistische Untersuchungen zur Anthropologie der Eisenzeit (letztes Jahrtausend v.d.Z.) // *Homo*. – 1972. – Bd 23, H. 3. – S. 245 – 272.
- Schwidetzky I., Roesing F.** Vergleichend-statistische Untersuchungen zur Anthropologie von Neolithikum und Bronzezeit // *Homo*. – 1990. – Bd 40, H. 1/2. – S. 4 – 45.

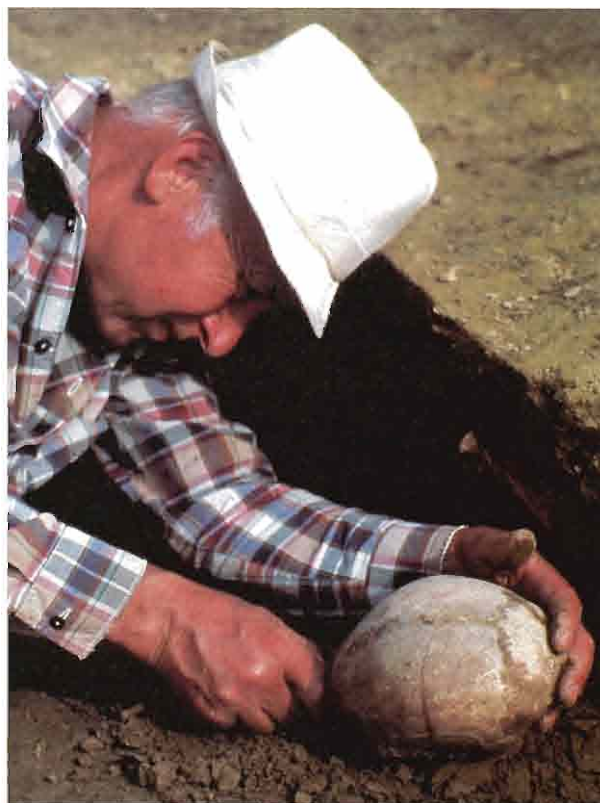
БОГУСЛАВ КЛИМА

Богуслав Клима, ведущий археолог Чехии и один из величайших археологов современности, умер в Брно (Республика Чехия) 6 февраля 2000 г. в возрасте 74 лет. Плодовитый ученый и неутомимый полевик, он был представителем той блистательной плеяды интеллектуалов, к которой принадлежали такие выдающиеся моравские ученые, как К. Абсолон и К. Маска. Б. Клима автор свыше 380 публикаций на чешском, английском, французском, немецком и русском языках. Его работы касались широкого круга проблем и охватывали период от раннего палеолита до неолита. Б. Клима хорошо известен американским и европейским ученым как первый исследователь павловской культуры, представляющей центральноевропейский вариант граветийского технокомплекса. Эта культура была выделена Б. Клима совместно с Х. Делпорте в 1959 г. Крупномасштабные полевые исследования, проведенные Б. Клима на таких всемирно известных стоянках, как Долни Вестонице I и II, Павлов I и II, а также Петржковицы и Пржедмости, не только позволили выявить ранее неизвестные технологии верхнего палеолита, но и привлекли внимание исследователей к этим древнейшим памятникам человеческой культуры.

Б. Клима внес огромный вклад в изучение истории культуры Центральной Европы. Уделяя равное внимание социальному, символическому и ритуальному аспектам, а также доисторическому искусству, он всегда стремился постичь образ жизни людей, объекты материальной культуры которых были обнаружены в процессе раскопок. Комплексный подход к исследованию прошлого, использование данных геологии, палеонтологии и педологии позволили Б. Клима реконструировать плейстоценовые ландшафты.

Б. Клима прожил богатую событиями жизнь. Он начал свою научную карьеру в Моравском музее, затем руководил работами по исследованию палеолита в секторе предистории Института археологии Академии наук Республики Чехия в Брно. Деятельность Б. Клима получила признание международного сообщества археологов. В конце жизни он являлся одним из ведущих исследователей палеолита в Европе и главным экспертом в области предистории Центральной и Восточной Европы. Как эксперт Б. Клима отличался спокойной уверенностью и тактом.

Б. Клима был прекрасным наставником молодежи и замечательным товарищем. Его гостеприимный дом в Долни Вестонице всегда был открыт для чешских и зарубежных ученых, которые не только черпали из кла-

дезя его эрудиции и мудрости, но и наслаждались плодами его винодельческого таланта. Лично мы имели возможность засвидетельствовать исключительные качества производимого им вина “Мамонтова кровь”. Будучи ученым мирового класса, Б. Клима щедро делился своими знаниями и всегда был открыт новым идеям.

Ушел из жизни интеллектуальный гигант и классический европейский ученый в лучшем смысле этого слова, но, к счастью, развитие созданной Богуславом Клима научной школы с блеском будет продолжено младшим поколением моравских исследователей, которых он обучал или вдохновлял своим примером.

О. Соффер¹, Дж.М. Адовазо²

¹Факультет антропологии, Иллинойский университет, США

Department of Anthropology, 607 s. Matthews 10a D,
University of Illinois, 109 Davenport Hall Urbana,
Ill 61801, U.S.A. E-mail: o-soffer@uiuc.edu

²Мерсхерстский археологический институт,

Мерсхерстский колледж, США
Mercyhurst Archaeology Institute, Mercyhurst College
Erie, Pennsylvania 16546, U.S.A.

**КОНФЕРЕНЦИЯ “ЛОКАЛЬНЫЕ
РАЗЛИЧИЯ В КАМЕННОМ ВЕКЕ”
(САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 1999)**

Память о С.Н. Замятнине, одном из ведущих отечественных исследователей первобытности, собрала в апреле 1999 г. под своды Кунсткамеры большую группу археологов из разных городов России и зарубежных стран (Украина, Германия, Бельгия, Франция, США, Израиль). В истории нашей науки имя С.Н. Замятнина неразрывно связано с проблемами культурных областей палеолита. Отсюда понятно название конференции и то особое место, которое занимали в ее программе сюжеты, касающиеся локальных культур. Тематика совещания охватывала многие аспекты истории первобытного прошлого, в исследование которых С.Н. Замятнин внес основополагающий вклад.

Представленные доклады можно подразделить на несколько тематических блоков. Первый непосредственно связан с именем С.Н. Замятнина. Открывая конференцию, директор МАЭ РАН Ч.М. Таксами отметил значение многолетней деятельности С.Н. Замятнина для формирования археологической части собрания музея. Н.Д. Праслов (ИИМК РАН) изложил основные вехи биографии археолога. Докладчик обратил особое внимание на роль изучения древностей Воронежской земли в процессе формирования ученого. Он говорил о значении трудов С.Н. Замятнина и его авторитете в мировой науке, не обходя стороной те трудности, с которыми приходилось сталкиваться исследователям в их попытках наладить международные научные контакты. Т.А. Попова (МАЭ РАН) дала краткое, но впечатляющее описание коллекций С.Н. Замятнина, хранящихся в музее. Эти собрания, составляющие примерно треть от общего числа “палеолитических сокровищ” Кунсткамеры, характеризуют такие опорные памятники мустье и верхнего палеолита, как Гагарино, Сухая Мечетка, Ильская, Яштух и др. К этим материалам постоянно обращаются отечественные и зарубежные ученые. А.Д. Столяр (Санкт-Петербургский университет) поделился с участниками конференции воспоминаниями о С.Н. Замятнине.

С.А. Васильев (ИИМК РАН) обрисовал исторический контекст появления работы С.Н. Замятнина “О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода” в отечественном палеолитоведении. Он отметил давнюю традицию сравнивать особенности развития верхнего палеолита на разных территориях нашей страны. Выход в свет труда С.Н. За-

мятнина дал новый импульс таким исследованиям А.П. Окладникова, М.М. Герасимова, Г.П. Григорьева. Глобальный сопоставительный анализ — одна из характерных черт российской школы изучения палеолита.

Г.П. Григорьев (ИИМК РАН) проанализировал развитие взглядов П.П. Ефименко и С.Н. Замятнина на роль женских изображений в палеолите. По мнению докладчика, в вопросе об интерпретации женских изображений, отражающих ритуально-магическую функцию, С.Н. Замятнин был близок к французским археологам. При этом он, считая статуэтки воплощением образов женщин-участниц обряда, поддерживал позицию немецких исследователей.

Вторая группа выступлений касалась проблем определения и интерпретации локальных различий в палеолите. В наиболее общем виде эту тему рассмотрел А.Е. Матюхин (ИИМК РАН). По его мнению, локальные различия индустрий раннего и среднего палеолита обусловлены сложным взаимодействием множества факторов. Было бы неправомерно априорно придавать ведущее значение тому или иному аспекту вариабельности. По широте взгляда с его выступлением перекликался доклад М. Отта (Льежский университет), посвященный проблеме выделения стилистической составляющей в облике орудий палеолита. Е.В. Беляева (ИИМК РАН) коснулась современных споров относительно значения изменчивости мустьерских индустрий. С точки зрения исследователи, тенденция объяснять вариабельность в мустье эколого-адаптивными, а не культурными факторами, связана с упрощенным подходом к классификации каменных индустрий. Детальный морфолого-типологический анализ может позволить в ряде случаев выявить единицы типа археологической культуры даже в среднем палеолите. М.В. Аникович (ИИМК РАН) дал определения понятий, используемых им для описания разнообразия памятников верхнего палеолита. Он разграничивает “археологическую культуру” (понимаемую как систему традиций без жесткой пространственной привязки), “технокомплекс” и “историко-культурную область”. Центральное место в этой систематике занимает археологическая культура, которая может быть использована для выявления миграций, культурных контактов и региональных различий. А.А. Сеницын (ИИМК РАН) предложил четырехчленную периодизацию верхнего палеолита европейского круга. На самом раннем этапе (“зачаточный верхний палеолит”) наблюдается единство пластинчатых индустрий в масштабе Евразии. Далее

следует ранний верхний палеолит, характеризующийся бинарной структурой с параллельным существованием культур в различных регионах Европы. Средний этап выделяется по широчайшему распространению граветтского технокомплекса, в то время как на поздней фазе верхнего палеолита в пределах Европы четко очерчивается ряд зон с внутренним культурным единством. Л.Б. Вишняцкий (ИИМК РАН), анализируя распространенное сейчас понятие “современное культурное поведение”, которое, по мнению некоторых европейских и американских специалистов, отделяет верхний палеолит от предшествовавших эпох, обратился к проблеме генезиса верхнего палеолита. Оратор указал на наличие признаков символической деятельности в средне- и нижнепалеолитическое время. Вместе с тем верхнепалеолитический “символизм”, выраженный в произведениях искусства, – явление, далеко не всеобщее. Л.Б. Вишняцкий приходит к выводу о неправомерности самого понятия “современное культурное поведение” как основанного на финалистической концепции антропогенеза.

В ряде сообщений затрагивалась проблема локальных различий в контексте региональной тематики.

Н.К. Анисюткин (ИИМК РАН) обрисовал вариацию среднепалеолитических индустрий Прикарпатского р-на. Новые материалы подтверждают правомерность выделения здесь в ранневиюрмское время молодовского и северомолдавского вариантов культуры типичного мустье и стинковского, относящегося к зубчатому варианту мустье, которым предшествовали микокские, протостинковские и постапельские индустрии, датируемые ресс-виюрмом. Докладчик связал указанные различия с существованием разных социальных групп.

Е.Ю. Гиря (ИИМК РАН) проанализировал технологические параметры индустрии наиболее древних комплексов Костенок (спицынская и стрелецкая культуры) и выявил, что несмотря на их возраст, никаких среднепалеолитических признаков в приемах обработки камня не фиксируется. Напротив, в стрелецкой индустрии присутствуют весьма совершенные по технике изготовления “тонкие бифасы”, а технология получения пластин в спицынской культуре мало отличается от “классической” костенковско-авдеевской.

Г.А. Хлопачев (МАН) доложил о результатах исследования технологических приемов обработки бивня на памятниках среднего и позднего этапов верхнего палеолита в центре Русской равнины. Автором выделены различные стратегии расщепления бивня, практиковавшиеся на памятниках костенковско-виллендорфского и деснинского круга.

А.В. Колесник (Донецкий краеведческий музей) поднял вызывающую немало споров “проблему восточного микокса”. Он отметил большую степень региональной вариативности памятников, относимых к

восточному микоксу. По мнению докладчика, большинство микокских комплексов на Русской равнине относятся к раннемустьерскому времени. При этом микокские стоянки на территории Крыма и Румынии относятся к более позднему времени. Таким образом, можно говорить о постепенном исчезновении микокской традиции на Русской равнине в ранневиюрмское время и сохранении ее в периферийных областях.

Л.В. Кузнецова (Самарский историко-краеведческий музей) провела сравнительный анализ индустрии трех мустьерских памятников Нижнего Поволжья – стоянок Челюскинец-2, Заикино Пепелище и Сухая Мечетка. Все они характеризуются сходной индустрией и относятся к восточному микоксу. Прослеживается эволюция в пределах этой группировки.

М.Ш. Галимова (Центр археологических исследований Татарстана) рассказала о новых данных по еще слабо изученному району слияния Волги и Камы. Здесь была выделена устькамская культура конца плейстоцена – начала голоцена. Новые материалы по стоянкам Лобач, Долгая Поляна и Камское Устье свидетельствуют о местных корнях культуры и возможности выделения в долине нижней и средней Камы историко-культурной общности финального палеолита – мезолита.

Особо следует отметить серию докладов о палеолитическом искусстве. З.А. Абрамова (ИИМК РАН) на серии карт показала ареалы типов искусства малых форм и сюжетов изображений в пределах Европы. В период распространения ориньяка, граветта, солютре и мадлена существовали разные центры художественного творчества и зоны, характеризующиеся стилистическим и сюжетным сходством статуэток и гравюр.

Г. Бозинский (Римско-Германский музей) провел сравнительный анализ знаковых изображений в наскальном искусстве Западной Европы и Урала. Докладчик предложил типологию таких знаков (“скобки”, “решетки”, “лестницы” и др.) и проследил их региональное и хронологическое распространение. Он пришел к выводу о соответствии определенных видов изображений конкретным регионам и возможности интерпретации их как знаков рода.

О. Соффер (Иллинойский университет) обратилась к вопросу о выделении элементов одежды и украшений на верхнепалеолитических женских изображениях. По мнению докладчицы, можно выделить несколько типов головных уборов, юбок и повязок, что свидетельствует о развитии плетения и ткачества в эту эпоху. Г.В. Григорьева (ИИМК РАН) дала описание серии бивней с геометрическим орнаментом со стоянки Юдиново.

Проблеме палеолитических жилищ был посвящен доклад Л.М. Тарасова (ИИМК РАН), в котором вслед за изложением результатов раскопок гагаринского жилища обсуждались вопросы реконструкции жилых

площадок типа Костенок 1. По мнению оратора, возникновение традиции сооружения долговременных жилищ можно связывать с процессом освоения палеолитическим человеком широких равнинных пространств.

Доклад В.А. Алекшина (ИИМК РАН) был единственным, где затрагивался вызывающий много споров вопрос о мустьерских погребениях. По среднепалеолитическим захоронениям прослеживается эволюция от захоронений с преобладанием расчлененных останков в раннемустьерское время к захоронениям с анатомически целым костяком. Мустьерские погребальные обряды принципиально отличаются от обрядов более поздних эпох, в структуру которых входили сопроводительный инвентарь и остатки заупокойной пищи.

Темы нескольких выступлений выходили за хронологические рамки палеолита, что соответствовало широте научных интересов С.Н. Замятина. В.И. Тимофеев (ИИМК РАН) рассмотрел проблему локальных культур в раннем голоцене на севере Европейского континента. По его мнению, в мезолите прослеживается широкое культурное единство, обусловленное распространением культурных комплексов с территории Прибалтики в глубь лесной зоны Восточной Европы. Тенденции развития культуры продолжают и в раннем неолите. Лишь с распространением раннего земледелия в Европе наблюдается территориально-культурное деление. Е.В. Цвек (Институт археологии НАН Украины), продемонстрировав

многообразие локальных вариантов трипольской культуры, представила широкую панораму энеолита Украины.

Организаторы конференции развернули небольшую экспозицию архивных материалов, посвященную жизни С.Н. Замятина. В опубликованном сборнике тезисов приведены полные сведения о коллекциях и архивных материалах, связанных с деятельностью исследователя, и библиография его трудов. В один из дней участники совещания посетили могилу ученого на Богословском кладбище.

Конференция наглядно продемонстрировала сложность проблемы установления локальных различий в палеолите и неоднозначность их интерпретации. В целом свойственная отечественной археологии палеолита в 1960 – 1970 гг. увлеченность проблематикой локальных культур, своего рода мода на искусственное дробление материала, постепенно отходит на второй план. Снова в центре исследовательского внимания находятся вопросы установления общих черт, устанавливаемых для древнейших культур в широком хронологическом и территориальном диапазоне. Такая постановка вопроса ближе позиции С.Н. Замятина, что демонстрирует актуальность положений, выдвинутых этим выдающимся исследователем.

С.А. Васильев

*Институт истории материальной культуры РАН,
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191181, Россия
E-mail: anna@neuro.pri.pu.ru*

40-Я РЕГИОНАЛЬНАЯ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “НАСЛЕДИЕ ДРЕВНИХ И ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУР СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ”

С 1 по 6 февраля 2000 г. в Новосибирском государственном университете (НГУ) проходила ежегодная Региональная археолого-этнографическая студенческая конференция (РАЭСК).

Новосибирский академгородок был выбран местом проведения юбилейной конференции не случайно. Именно здесь, в стенах университета, проходили первые конференции. По числу и географии участников 40-я РАЭСК стала самой представительной за все годы ее проведения. На конференцию приехали делегации практически из всех городов Сибири и Дальнего Востока, где осуществляется подготовка археологов и этнографов, а также из соседних регионов (Урал) и стран (Казахстан). В работе форума участвовало всего около 250 студентов, аспирантов, научных сотрудников, преподавателей из 25 городов. Самыми многочисленными были делегации Читы, Улан-Удэ, Красноярска и Новосибирска. Важно, что смогли приехать представители таких удаленных от Новосибирска городов, как Владивосток, Магадан, Благовещенск, Нерчинск, Сургут.

За десятилетия проведения РАЭСК сформировались определенные традиции, которые стремятся поддерживать все ее организаторы и участники. Во-первых, на конференции приезжают не только студенты и аспиранты, но и их научные руководители – кандидаты и доктора наук, которые активно проявляют себя в научных дискуссиях, руководят работой секций, выступают с докладами. Во-вторых, к открытию конференций организаторы стараются выпустить сборник тезисов докладов, что особенно важно для студентов, впервые публикующих результаты своих исследований. В-третьих, организуются выставки-продажи научной литературы, экскурсии в музеи, участникам предоставляется возможность работы с археологическими и этнографическими коллекциями.

Местом проведения РАЭСК становились разные города. В Красноярске, Иркутске, Чите, где уже сложились научные школы палеолитоведов, традиционно сильными и представительными были секции эпохи камня. На конференциях в Барнауле, Кемерове, Томске приоритетными были направления, связанные с изучением эпохи бронзы и железа, а в Улан-Удэ и Абакане – этнографии. В Новосибирске благодаря широкой географии и многочисленности участников,

а также тому, что к руководству секциями были привлечены преподаватели не только из НГУ, но и из других вузов Сибири и сотрудники ИАЭт СО РАН, работа всех секций проходила чрезвычайно интересно и плодотворно. На пленарном заседании и на каждой секции с научными лекциями-докладами выступили ведущие в своих областях специалисты: академики РАН А.П. Деревянко и В.И. Молодин, доктора исторических наук Н.А. Алексеев, В.В. Бобров, И.Н. Гемуев, М.В. Константинов, В.Е. Медведев, Ю.С. Худяков.

Работа конференции была организована в виде заседаний пяти секций: “Культуры каменного века Северной и Центральной Азии”, “Материальная и духовная культура населения Северной и Центральной Азии в эпоху бронзы”, “Материальная и духовная культура населения Северной и Центральной Азии в эпоху раннего железа”, “Средневековая археология и проблемы этно- и культурогенеза Азии”, “Этнографическое изучение традиционных культур Сибири и Дальнего Востока. Проблемы сохранения культуры русского населения Сибири и взаимодействия культур региона”. Заседаниями секций руководили доктора исторических наук Н.А. Алексеев (ИАЭт СО РАН), В.В. Бобров (КГУ), Ф.Ф. Болонев (ИАЭт СО РАН), В.Я. Бутанаев (Хакасский государственный университет), М.В. Константинов (Забайкальский государственный педагогический университет), Ю.С. Худяков (НГУ, ИАЭт СО РАН) и кандидаты исторических наук С.А. Комиссаров (НГУ, ИАЭт СО РАН), О.А. Митько, О.И. Новикова, С.Г. Скобелев (НГУ), Е.Ф. Фурсова, М.В. Шуньков (ИАЭт СО РАН). Тезисы докладов участников конференции опубликованы в двух томах. Третий том материалов конференции, вышедший уже по итогам ее работы, составлен из лучших докладов в виде научных статей, написанных как самостоятельно студентами и аспирантами, так и в соавторстве с научными руководителями.

Можно уверенно сказать, что РАЭСК – одна из эффективных форм подготовки специалистов, сыгравшая определяющую роль в профессиональном становлении современных сибирских археологов и этнографов. Практически все работающие сегодня в сибирских научно-исследовательских институтах и лабораториях, музеях, образовательных учреждениях, центрах по охране памятников специалисты в разные годы являлись ее участниками.

О.И. Новикова

*Новосибирский государственный университет,
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
Факс: (30-08-62) 39-73-82*

Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. – 150 с. + 159 ил. Пер. на англ. яз. – 20 246 знаков.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I – 50 руб., II – 70 руб., III – 105 руб.; наложенным платежом: I – 70 руб. (только для РФ).

ISBN 5-7803-0005-4

Монография впервые в сибирской этнографии раскрывает один из этапов истории важнейшего компонента материальной культуры, отличающего один этнос от другого и определяющего этнический облик народа. В основу работы положены материалы полевых исследований автора на Алтае и в Новосибирской обл. в 1978 – 1993 гг., а также хранящиеся в российских музеях и архивах России. Новационные методические подходы позволили обогатить известные типологии традиционной одежды, а также “расшифровать” некоторые неизвестные стадии развития русского народного костюма Древней и Московской Руси. Благодаря компонентному анализу выявлены территориальные, этнографические и конфессиональные особенности костюмов, тенденции их развития в различных этнокультурных группах. На основе обширного материала сделаны интересные ретроспективные построения: выдвинуты гипотезы относительно происхождения и

специфики развития этнографических групп старожильского населения – православных (“чалдоны”) и старообрядцев (“кержаки”, “поляки”). Книга включает прекрасные фотографии и рисунки, карты, чертежи.

Бадмаев А.А. Ремесла агинских бурят (к проблеме этнокультурных контактов). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. – 160 с. + 44 ил. Пер. на англ. яз. – 4 336 знаков.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I – 35 руб., II – 50 руб., III – 60 руб.; наложенным платежом: I – 50 руб. (только для РФ).

ISBN 5-7803-0015-1

Монография впервые представляет уникальные материалы по культуре агинских бурят конца XIX – начала XX в. В основу работы легли данные, собранные в ходе экспедиционных поездок по районам Агинского Бурятского автономного округа и Республики Бурятия, а также не публиковавшиеся ранее архивные и музейные источники. Всесторонне характеризуются традиции обработки металла, дерева и кожи. Приводятся оригинальные этнографические и фольклорные материалы, широко привлекаются сравнительные данные по этнографии монгольских и тюркских народов, а также сведения по археологии и сравнительной лингвистике. В ходе компонентного анализа и комплексного изучения данных выделяются важнейшие этапы генезиса ремесел у

агинских бурят. Прослежены связи ремесел с древними культурами Байкальского региона, с эстетическими воззрениями народа и его духовной культуры в целом.

Русские Сибири: культура, обычаи, обряды / Отв. ред. И.Н. Гемуев, Е.Ф. Фурсова. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. – 205 с. +28 ил.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I – 30 руб., II – 45 руб., III – 55 руб.; наложенным платежом: I – 50 руб. (только для РФ).

ISBN 5-7803-0022-4

Сборник посвящен различным аспектам традиционно-бытовой культуры русского народа Сибири – самого многочисленного, который сегодня воспринимается и расценивается, несомненно, как совершенно особая этнокультурная общность. Старожильское русское население с XVII – XVIII вв. прочно осело и укоренилось в Сибири, что нашло отражение в этнической самоидентификации сибиряков: они не помнят своих российских корней, но считают себя русским. Собранные новые архивные, экспедиционные материалы с привлечением неизвестных или малоизвестных музейных собраний позволили авторам поднять новые для русско-сибирской

этнографии проблемы национального сознания сибиряков и специфики этнического многообразия их традиционной культуры. В статьях рассматриваются мировоззренческие ценности русского этнического сознания на фоне восприятия иноэтничных культур аборигенов; обрядовая практика, связанная с женскими рукоделиями и строительством жилища; обряды крестьянского земледельческого календаря и песенно-танцевальный фольклор разных жанров и календарной направленности. Этнографическая специфика сибирской культуры показана на примере сельского и городского населения Красноярска, Иркутска. Книга включает ранее не публиковавшиеся фотографии, рисунки, чертежи, нотные записи песен и схемы хороводов, танцев.

Народы Сибири: права и возможности / Отв. ред. А.П. Дервянко, Н.А. Алексеев, И.Н. Гемуев, И.В. Октябрьская. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. – 168 с. + 20 ил. Пер. на англ. яз. – 74,5 тыс. знаков.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I – 35 руб., II – 50 руб., III – 60 руб.; наложенным платежом: I – 50 руб. (только для РФ).

ISBN 5-7803-0013-5

Идея создания предлагаемой книги возникла в период активизации в постсоветской России процессов образования новых национальных автономий и постановки проблемы соответствия политических прав и амбиций различных этносов социально-политической реальности. В рамках проекта “Адаптация традиционных культур коренных народов Сибири к современным условиям” (Фонд Джона и Кэтрин Мак’Артуров) объектом исследования стали народы Сибири: буряты, хакасы, сибирские татары, алтайцы, якуты, ненцы, манси, ханты, селькупы, эвенки, кеты. Авторский коллектив сборника объединил ведущих ученых-сибиреведов России. В их работах рассматриваются вопросы ликвидации скрытой дискриминации и соблюдения прав коренного населения современной Сибири. Материалы сборника дают исчерпывающее представление о культурном потенциале аборигенных народов, который позволяет им сохранять этническое своеобразие и вносить свой особый вклад в общемировую культуру. Авторы особо акцентируют элементы традиционных культур, адекватных современным условиям и устойчивым к модернизации. Предлагаемое издание отличается информативностью. В статьях, помимо оригинальных исторических и архивных материалов, впервые вводятся в научный оборот данные многолетнего этносоциального мониторинга, характеризующего кризисное положение многих малочисленных народов Сибири. Обобщаются обширные статистические данные; новейшая статистика позволяет оценить ситуацию в сфере демографии, экономики, образования и культуры в национальных районах Сибирского региона. Анализ этнокультурной и политической ситуации в различных районах края является основой для долгосрочных прогнозов и рекомендаций, которые определяют прикладную направленность сборника.

Гемуев И.Н., Бауло А.В. Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. – 239 с. + 106 ил.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I – 81 руб., II – 96 руб., III – 126 руб.; наложенным платежом: I – 96 руб. (только для РФ).

ISBN 5-7803-0047-X

И.Н. Гемуев А.В. Бауло

Святилища манси
верховьев
Северной Сосьвы

Монография, завершающая своеобразную трилогию духовной жизни манси (И.Н. Гемуев, А.М. Сагалаев. Религия народа манси. Культовые места (XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1986; И.Н. Гемуев. Мировоззрение манси. Дом и космос. – Новосибирск: Наука, 1990), посвящена вопросам религиозно-обрядовой практики этого народа. Основное внимание уделено ранее неизвестным (и, соответственно, неописанным в научной литературе) региональным, поселковым и домашним святилищам. Выявляются механизмы формирования святилищ и прослеживается их эволюция с учетом влияния на этот процесс русской колонизации, православия, внутренних миграций и межэтнических взаимодействий. В первой главе приведено описание мансийских святилищ, расположенных в бассейне Северной Сосьвы от ее истоков в предгорьях Урала и до места впадения в нее р. Ляпин. Рассматриваются поселковые или региональные культовые места и домашние святилища. Во второй главе основное внимание уделено возникновению, эволюции и классификации святилищ, их расположению и планировке, типологии жилищ духов-покровителей, иконографии пантеона, атрибутике, обрядам на культовых местах и т.п. Монография включает сведения о демографическом составе и изменениях численности жителей верхнесосьвинских селений за последние 200 лет. Публикуется несколько приложений: записанные авторами мансийские предания, былички, сказки; перечень имен известных в верховьях Северной Сосьвы на протяжении XX в. духов-покровителей; статистическая сводка по жертвенным покрывалам; карта населенных пунктов и культовых мест, а также список селений региона с указанием расстояния между ними.

АГУ – Алтайский государственный университет
АО – Археологические открытия
БНЦ – Бурятский научный центр СО РАН
ГИН – Геологический институт РАН
ДВНЦ – Дальневосточный научный центр АН СССР
ЕТГМ – Ежегодник Тобольского государственного музея
ЗИН – Зоологический институт РАН
ИА – Институт археологии АН СССР
ИАЭт – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИГ – Институт геологии РАН
ИИА – Институт истории и археологии УрО РАН
ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН
ИРГО – Императорское Русское географическое общество
КГУ – Кемеровский государственный университет
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры РАН
Л. – Ленинград
М. – Москва
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МАЭ – Музей антропологии и этнографии РАН
МГУ – Московский государственный университет
НАН – Национальная Академия наук Украины
ПИН – Палеонтологический институт РАН
РА – Российская археология
РАН – Российская Академия наук
СА – Советская археология
СВКНИИ ДВНЦ – Северо-восточный комплексный научно-исследовательский институт
Дальневосточного научного центра
СПб. – Санкт-Петербург
СЭ – Советская этнография
ТГУ – Томский государственный университет
ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР
ТТКАЭЭ – Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции
ХакНИИЯЛИ – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории
ЭО – Этнографическое обозрение